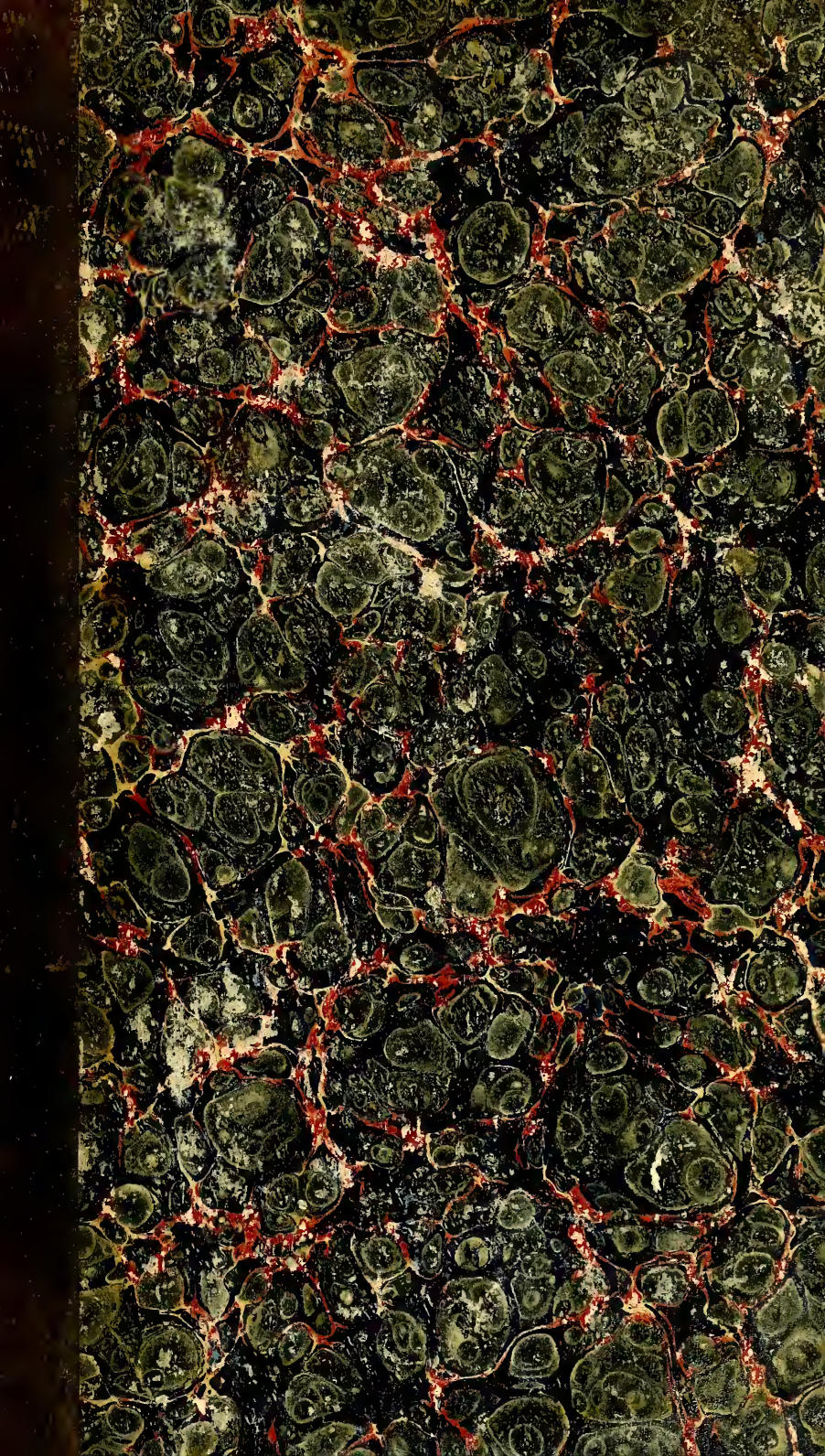

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

IV.

КЪ ЭММѢ.

Изъ Шиллера.

Туманъ далскій затмѣваетъ
 Былую радость навсегда;
 И только взоръ еще плѣняетъ
 Одна прекрасная звѣзда.
 Но звѣзды прелестью своей —
 Лишь блескъ одинъ во тмѣ почей.

Когда бъ ты въ гробъ охладѣла,
 Уснула непробуднымъ сномъ,
 Тобой тоска бъ моя владѣла,
 Жила бы въ сердцѣ ты моемъ.
 Но ахъ! собою свѣтъ плѣня,
 Ты въ нёмъ живешь не для меня!

Иль сладость нежности сердечной,
 О Эмма! можно позабыть?
 Тому, что гибнетъ, что не вѣчно,
 О Эмма! какъ любовью быть?
 Ужель огонь ея святой
 Исчезнетъ, будто жаръ земной!

И. КОЗЛОВЪ.

ДУБЪ.

(Въ Петергофѣ.)

Зеленые кудри намѣтомъ раскинулъ
 Таинственникъ древній заветныхъ дубровъ.
 О, дубъ! расскажи мнѣ: который вѣкъ минулъ,
 Когда ты родился, мой старецъ лѣсовъ?

Запомнишь ли время, когда предъ тобою
 Дымилися жертвы, молилися жрецы?
 И сколько сраженій имѣлъ ты съ грозою?
 Какіе тобою вѣнчались пѣвцы?

«Въ глуши недоступной на тундрѣ рожденный,
 Не зрѣлъ предъ собой я ни жертвъ, ни жрецовъ,
 И битвъ не считалъ я съ грозой разъяренной,
 Досель не вѣнчалъ я безсмертныхъ пѣвцовъ:

На дѣвственной вѣтви орелъ жилъ когда-то,
 И шелестомъ крыльевъ мой сонъ нарушалъ,
 А долу, подъ стѣною, гдѣ высохло блато —
 По тяжелой работѣ Царь Петръ отдыхалъ.

ВОДОПАДЪ.

Вонъ тамъ, гдѣ вѣчно по уступамъ
 Гремить и блещетъ водопадъ
 И гдѣ подобно мерзлымъ трупамъ,
 Граниты снѣгіе стоятъ:
 Оцѣпѣнѣвъ окрестность дремлетъ,
 Лишь звѣрь, припавши на скалѣ,
 Паденью водъ пагорныхъ внемлетъ,
 Глядясь въ ихъ зыбкомъ хрусталѣ.

Какъ водопадъ, кинитъ и рвется
 Могучій мыслію Поэтъ:
 Толпа на звукъ не отзовется,
 На чувства чувствъ у черни нѣтъ;
 Лишь другъ Природы просвѣщенный,
 Среди лѣсовъ своихъ, въ глуши,
 Вполнѣ оцѣнитъ трудъ священный,
 Огонь божественный души.

Л. ЯКУВОВИЧЪ.

ХЛОПОТЫ.

=

Хлопотъ различныхъ очень много,
 Мы всѣ хлопочемъ цѣлый вѣкъ,
 И счастливы только, въ смыслѣ строгомъ,
 Одинъ безпечный человѣкъ:
 Купецъ хлопочетъ о товарѣ,
 Отецъ — о картахъ и чинахъ,
 Дѣвицы — о четвертой парѣ,
 А матушки — о женихахъ;
 Зоиля — о темномъ выраженъ,
 Морякъ — о флагѣ коньяку,
 Чиновники — о награжденъ,
 Студентъ — о трубкѣ табаку!

.....

.....

Истецъ — устряпчого въ передней,
 Женихъ — отужинать скорѣй!
 Должникъ, чтобъ платежемъ отсрочить,
 Голодный на обѣдъ напасть;
 А Титулярные хлопочатъ
 Скорѣй въ Ассессоры попасть!
 Солдатъ хлопочетъ предъ парадомъ,
 Предъ экзаменомъ — кадетъ,
 Вдова — предъ каждымъ маскарадомъ,
 А всѣ — о томъ, что денегъ нѣтъ!...
 Тотъ отъ хлопотъ въ отставку хочетъ,
 Другой — не знаетъ, что пачать!...
 — А хлопотунъ о томъ хлопочетъ,
 Что не о чемъ похлопотать!!!

А. ВУЛГАКОВЪ.

СОНЕТЫ.

=

I.

П И Р Ъ П Р И Р О Д Ы.

Солнце скрылось въ лонѣ водъ;
Звѣздъ лампы загорѣли;
Пернель вскрикнетъ да заснетъ;
Соловей пускаетъ трели.

Тихо; листъ не шевельнетъ.
Тутъ собравшись подъ качели
Поселянки въ хороводъ,
Томно и протяжно пѣли:

Мѣсяцъ тамъ двурогій всталъ.
«Меркнуть отъ дрмоты очи,»
Сибарить, зѣвнувъ, сказалъ :

«Поспѣшить на балъ; нѣтъ мочи
Мнѣ отъ скуки.» Что вашъ балъ
Передъ пиромъ этой ночи?

=

II.

Г О Л О С Ъ Б Е З С М Е Р Т І Я.

Валится, будто хлопья, снѣгъ.
Средь бора тишина могилы.
Не мертвыхъ ли долины брегъ?
Иль порвались Природы жилы,

И міръ остановилъ свой бѣгъ?
Деревья, словно трупы, гнили
И мнѣ послѣдному изъ всехъ
Уничтоженіемъ грозили.

Послышался незнакомый звукъ —
Я вздрогнулъ — отъ столѣтней нвы
Засохшій оторвался сукъ,

И боръ отгрянулъ молчаливый.
Безсмертенъ я! то сердца стукъ
Вѣщаетъ мнѣ краенорѣчливый.

=

III-

ПРОМЕТЕЙ, *.

Что ты вѣщаешь намъ, сказанье,
Остатокъ древности сѣдой?
За богохульство наказанье
Иль съ рокомъ челоуѣка бой?

Какъ смертный, брешное созданье,
Прикованный къ землѣ скалой,
Олимпъ приводитъ въ содроганье!
Нѣтъ, не безбожникъ то, — герой.

То символъ непреклонной воли.
Кому жъ побѣда въ сѣй борьбѣ?
Нсвинной жертвѣ злой неволи

Иль сокрушительной судьбѣ?
Нсеущій креетъ жестокой доли!
Вънецъ изъ тернія — тебѣ.

=

* Эсхилова трагедія того же названія послужила поводомъ къ этому сонету. Гора, правда, родила мышь. Но и литературный вѣкъ-то нашъ мышинный. Греческій трагикъ — исполненная мысль, отчасти проявляющаяся въ Мазепѣ Байрона — изъ бездѣйствія героя, прикованнаго къ Кавказу и терзаемаго врагомъ, извлекаетъ богатое и занимательное дѣйствіе. Прометей знаетъ тайну, открытіе которой подвергаетъ опасности новое царство боговъ. Зевесъ посылаетъ Гермеса вывѣдать сію тайну, употребляетъ страшныя угрозы, но безъ успѣха. Являются Океаниды и сожалеютъ о несчастномъ; выходитъ самъ Океанъ и совѣтуетъ покориться, но тщетно. Все въ движеніи отъ недвижимаго Титана.

IV.

ПАНДОР А.

Зсвсь Пандору надѣлилъ
 Златомъ , прелестью , здоровьемъ ;
 Ларчикъ далъ , но положилъ
 Не вскрывать его условьемъ .

Грѣхъ кого не искусилъ ?
 И мнѣ кажется злословьемъ ,
 Что онъ дамамъ пуще милъ .
 Въ ночь ларецъ подъ изголовьемъ ,

Днемъ у сердца , нѣжить взглядъ ,
 Руки жжетъ... ужъ вскрытъ... о горе !
 Хлынулъ изъ ларца весь адъ ,

Бѣдствій разлилося море .
 Лишь надежду удержать
 Удалось въ ларецъ Пандоръ .

=

V.

ПОДСЛУШАННЫЙ У СОЛОВЬЯ ОТГЛОСОКЪ.

Изъ Петрарковой канцоны : *Chiare, fresche, e dolci aque.*

Студеный , серебряный ручей
 И голосистая дуброва ,
 Пріютъ владычицы моей !
 Къ вамъ грустный прихожу я снова .

Вотъ здѣсь , у этихъ тополей ,
 Гдѣ стелется трава шелкова ,
 Въ сіяньѣ будто бы лучей ,
 Она сидѣла безъ покрова !

Былъе снѣга съ дровъ цвѣты
 На кудри къ ней, на грудь слетали
 И погруженную въ мечты

Къ вѣнцу, казалось, убирали.
 Но гдѣ жъ она? Гдѣ, Лора, ты? —
 Дубрава и ручей молчали.

Н. БУТЫРСКИЙ.

ВОКЛЮЗСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

СОНЕТЪ.

=

На берегу, Воклюзою кропимомъ,
 Отъ бурь мірскихъ Петрарка отдыхалъ;
 Забывши Римъ и самъ забытый Римомъ,
 Онъ здѣсь одной любовью дышалъ.

Здѣсь въ тайномъ снѣ Лауры идеалъ
 Мелькнулъ предъ нимъ безмолвнымъ херувимомъ,
 И съ устъ пѣвца, въ размѣръ имъ любимомъ,
 Роскошный стихъ полился, зажурчалъ.

И сладость думъ и звуковъ сочетанье
 Воклюзскій токъ далече повторилъ,
 И навсегда съ своимъ журчаньемъ слилъ:

Пришелецъ, внявъ Воклюзы лепетанье,
 Досель еще, задумчивъ и унылъ,
 Въ немъ слышитъ грусть, любовь и упованье.

М. ДЕЛАРЮ.

ВСЕ ОБМАНЪ!

=

РАЗСКАЗЪ ВЪ ПЯТИ СОНЕТАХЪ.

=

I.

ПУСТЫННЫЙ ПАРЬ.

Рыцарь ѣдетъ по пустынь,
Чтобъ невѣрной отомстить,
Поклялся онъ въ Палестинѣ
Всѣхъ невѣрныхъ перебить.

Солнце неба на срединѣ,
Жажда мучить, зной палить.
Вдругъ онъ видитъ, по равнинѣ
Словно океанъ разлитъ.

Прыгъ съ коня! — и латъ не скинулъ —
Ужась торопился въ путь, —
Лишь забрало отодвинулъ

И къ землѣ припалъ на грудь.
Но разливъ какъ-будто сгинулъ,
Бѣдняку не давъ хлебнуть.

=

II.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ.

Рыцарь нашъ, тоской объятый,
Ѣдетъ далѣ, — одинокъ —
Ни куста нигдѣ, ни хаты;
Всѣ песокъ да и песокъ.

Утомился конь вожатый,
Приумаялся ѣздохъ.
Вотъ съ зарей блестятъ палаты!
Онъ поднесъ къ устамъ рожокъ.

«Не найду, такъ завоюю
Здѣсь пріютъ!» герой вскричалъ,
И ударилъ вызывную.

Замокъ будто не бывалъ.
Ахъ! надежду золотую
Вѣтръ повѣявшій умчалъ.

=

III.

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ.

Укротился пылъ стремленья
На враговъ грозой летѣть:
Конь и всадникъ — безъ движенья.
«Тутъ бы имъ въ глуши истѣть,

И не быть въ пиру сраженья!»
Но судебъ — иной завѣтъ.
Не вдали, у возвышенья,
Плещетъ свѣтлый водометъ,

Смоква пурпуромъ блистаетъ.
Ожилъ рыцарь, — и у ногъ
Изъ Корана стихъ читаетъ:

«Богъ для всѣхъ единый Богъ,
«Всѣмъ десницу простираетъ,
«Муравьиный слышитъ вздохъ.»

=

IV.

ТИФОНЪ.

Рыцарь въ думу погрузился.
Вдругъ онъ сдѣлаися не тотъ:
Лѣтомъ къ пристани пустился,
Сѣлъ въ корабль, домой плывётъ.

Долго по зыбямъ носился.
 У Алкидовыхъ воротъ,
 Мнилось, великанъ явился,
 Вставши изъ пучины водъ.

Туча съ океаномъ въ споръ,
 Поднимая стѣну волнъ,
 Стѣну волнъ бросала въ море.

Рыцарь нашъ отваги полнъ,
 Грянулъ въ рогъ, — и на просторъ
 Покатился легкій чолнъ.

=

V.

Р О Д И Н А .

Длинной лентой, Албіона
 Забѣлѣлъ волнистый брегъ.
 Тамъ, на краѣ небосклона,
 Горъ отчизны блещетъ снѣгъ.

Рыцарь не желалъ бы трона
 Взять съ потерей сихъ утѣхъ.
 Что жъ виной тоски и стона? —
 Кто была дороже всѣхъ,

Измѣнила! Нѣтъ, казалась
 Равнодушной къ молодцу:
 Заманить она пыталась

Слѣсью жениха къ вѣнцу.
 Быть худому бы концу:
 Чуть, чуть въ дѣвкахъ не осталась.

Н. БУТЫРСКИЙ.

=====

З А В Ъ Щ А Н І Е .

Близокъ, близокъ часъ желанный!
 Скоро, милые друзья,
 Факель грустный, погребальный,
 Загорится для меня.
 Съ вѣтвью масличной въ десницѣ
 Я увижу смерть свою
 И, подобно голубицѣ,
 Въ край отчизны воспарю.
 Въ край отчизны — гдѣ незнаемъ
 Пыль страстей, печалей, бѣдъ,
 Гдѣ ни чѣмъ непомрачаемъ
 Блещетъ правды вѣчный свѣтъ!
 Въ край отчизны — гдѣ сливаясь
 Тонуть въ безднѣ -- тмы вѣковъ,
 Гдѣ цвѣтутъ, не измѣняясь,
 Счастье, дружба и любовь,
 Гдѣ все дивно, богато;
 Гдѣ веселью нѣтъ конца;
 Гдѣ судьбою коловратной
 Не стѣсняются сердца!

Не печальтесь о разлукѣ,
 Други милые мои!
 Въ грозной опыта наукъ
 Протекли мои всѣ дни.
 За минутну радость міра
 Я платилъ годами бѣдъ,
 И — какъ гость уходитъ съ пира —
 Ухожу я отъ суеты.
 Подъ грозою, въ бурномъ морѣ
 Плылъ мой жизненный челнокъ,
 Якорь брошенъ — и ужъ болѣ
 Не страшусь тебя, злой рокъ!

Не боюсь твоихъ клевретовъ,
 Мнѣ вредившихъ на землѣ:
 Въ горній міръ — души полетовъ
 Не достигнуть ихъ стрѣлъ!

Други милые! я съ вами
 И за гробомъ буду жить.
 Что напрасными слезами
 Прахъ безжизненный кропить!
 Дайте мѣсто утѣшенью:
 Мы увидимся опять,
 «Смерть есть близкій другъ рожденью!»
 Мудрецы намъ говорятъ.

О! не ставьте надо мною
 Урны съ надписью своею!
 Пусть играетъ вѣтръ травною
 Надъ могилою моею;
 Пусть блистательнымъ приѣтомъ
 Солнце холмъ мой вселитъ
 И луна перловымъ свѣтомъ
 Въ тишинѣ его даритъ:
 Но до сладкаго свиданья
 Въ лучшей, милой сторонѣ,
 Сохраните воспоминанье
 Въ вашемъ сердцѣ обо мнѣ!
 Сохраните мысль святую,
 Что я дружбѣ вѣренъ былъ
 И, оставя міръ, тоскую
 Все о тѣхъ, кого любилъ! —
 Съ обновленіемъ Природы,
 Солнца вѣшняго въ лучахъ
 Проведите часъ свободы
 На кладбищѣ, гдѣ мой прахъ; —
 Прочитайте изъ Свирѣли *
 Стихъ сердечный, но простой,

* Подъ симъ названіемъ будутъ изданы сочиненія Автора.

Спойте пѣсню, что мы пѣли
 Въ цвѣтѣ юности златой!
 Тѣнь моя плывится ею,
 И невидимый очамъ
 Я вамъ ласкою повѣю
 Утѣшительной сердцамъ....
 Ощущая близость друга
 И въ груди скрывая вздохъ,
 Вы цвѣтовъ роднаго луга
 На могильный бросьте мохъ!
 Этотъ даръ любви и мира
 Будетъ сладокъ для меня,
 И — какъ гость, жилецъ ээира —
 Жертвой сей утѣшусь я.

А когда настанетъ время
 Вамъ чрезъ много, много лѣтъ,
 Сбросить грустной жизни бремя.
 Чтобъ увидѣть лучшій свѣтъ, —
 Я и тамъ васъ первый встрѣчу,
 Какъ ожидаемыхъ гостей,
 И съ улыбкою привѣчу
 Лаской нескрещенныхъ рѣчей;
 Провожу васъ по лазури
 Къ той обители небесъ,
 Гдѣ безвѣстны міра бури,
 Гдѣ безвѣстны токи слезъ;
 Гдѣ въ тиши, страстей не зная,
 Улетѣвшія съ земли
 Души пьютъ въ истокахъ рая
 Жизни вѣчныя струи.
 И, паря въ кругахъ ээирныхъ
 Въ средоточіи святомъ,
 Въ хорахъ гспіевъ счастливыхъ
 Забываютъ о земномъ.

П. СУСЛОВЪ.

ВСАДНИКЪ.

=

Вдоль по улицъ широкой,
 На гнѣдомъ конѣ, стрѣлой,
 Черпобровый, черноокой,
 Мчится всадникъ удалой.
 Борзый конь хранишь и пыщишь,
 И крутятся подъ сѣдокомъ,
 Подъ собою земли не слышишь,
 По крутымъ бедрамъ хвостомъ
 Бьетъ — и пыль клубить столбомъ!
 Съ крикомъ рѣзвые мальчишки,
 Бросивъ игры, бросивъ книжки,
 Къ воротамъ бѣгутъ стремглавъ;
 А красавицы дѣвицы
 Растеряли плы, спицы,
 Къ окнамъ съ мѣста поскакавъ....
 Но красавецъ мимо, мимо....
 Ихъ поклономъ не дарить —
 Словно вѣтеръ онъ летитъ
 На конѣ неукротимомъ —
 Только слышенъ стукъ копытъ,
 Только пыль вослѣдъ валить. —
 Гордый юноша, куда ты
 Вихремъ мчишься? — Ужъ не въ тѣ ль
 Бѣлокаменны палаты,
 Что виднѣются отсель?
 Въ тѣхъ палатахъ одиноко
 Теремъ пышный и высокой
 Въ роуцѣ окнами стоитъ: —
 Тамъ до полночи глубокой
 Огонекъ всегда горитъ,
 И на занавѣсѣ темной
 Какъ померкнетъ ясный день,

Отражается нескромно
 Съ тѣнью дѣвы чья-то тѣнь.
 То не дѣвы тѣнь : такъ сладко,
 Въ полуночной тишинѣ
 Не цѣлуются украдкой
 Дѣвы юныя однѣ!
 Нѣтъ, то стройный, то высокой
 Дѣвственникъ! — и мнится мнѣ :
 Онъ то улицей широкой
 Чернобровый, черноокой
 Вихремъ мчится на конѣ!....

А. КОМАРОВЪ.

УМИРАЮЩІЙ ГЕЙДУКЪ.

ИЛИРІЙСКАЯ БАЛЛАДА.

«Орѣль ты мой бѣлый! спустися на долъ,
 Слети съ поднебесья, мой бѣлый орѣль!
 Взгляни, — я Заремба въ крови предъ тобой,
 Бывало, ты помнишь, въ бояхъ удалой,
 Тѣлами Пандуровъ тебя я кормилъ,
 Прошу, чтобы службу ты мнѣ сослужилъ,
 Потомъ пусть добычей орлятамъ твоимъ,
 Съ кровавымъ, съ отважнымъ я сердцемъ моимъ.

Пустую лядунку мою ты схвати,
 И къ брату Рамѣйкѣ скорѣ лети;
 Двѣнадцать зарядовъ съ собой я носилъ,
 Двѣнадцать Пандуровъ я имъ убилъ;

Но съ ними тайлся Бенаки злодѣй,
 Бездушный, боялся онъ сабли моей,
 Булатъ неизмѣнный лишь выхватилъ я,
 Онъ сзади книжаломъ ударилъ меня.

Лети, и родимый за брата отметить,
 И вотъ еще перстень, въ нёмъ яхонтъ горить, —
 И шитый узорно платокъ мой цвѣтной,
 Отдай ихъ вѣрше Милснѣ молодой,
 И станетъ мой перстень она цѣловать,
 А слезы узорнымъ платкомъ отирать:»
 И мчитъ орелъ бѣлый въ безмолвѣ почномъ,
 Лядунку и перстень съ узорнымъ платкомъ.

И къ брату Рамѣйкѣ орелъ прилетѣлъ,
 Рамѣйко съ друзьями въ похмѣльѣ сидѣлъ,
 О братѣ убитомъ едва потужилъ,
 Пустую лядунку откинулъ и пилъ;
 Къ прелестной Милснѣ помчался орелъ,
 И дѣву младую онъ въ церкви нашёлъ,
 И къ ней онъ явился съ заветнымъ кольцомъ,
 Милсена съ Бенаки стоитъ подъ вѣнцомъ.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

СЕЛЬЦО ДЯТЛОВО.

=

УѢЗДНЫЯ СЦЕНЫ.

=

Много есть зданій великолѣпныхъ, пышныхъ загородныхъ дворцевъ и садовъ, пзумляющихъ своею красотою. Но едва ли Царское Село и Павловскъ, въ Россіи; Виндзоръ, въ Англіи; Версаль и Сенъ-Клу, во Франціи; Портичи, близъ Неаполя; Аранжуэсъ и Санъ-Ильдефонсо, въ Испаніи, и даже немовѣрно великолѣпная Алгамбра, пользовались такою заслуженною славою и благоговѣйнымъ удивленіемъ, какія воздавались, Новгородской губерніи, Устюжно — Желѣзнопольскаго уѣзда, селцу Дятлову, помѣщицы Охонной.

Много было описаній, гравированныхъ видовъ, чертежей и даже моделей знаменитѣйшихъ зданій; но не было еще до сихъ поръ описано несравненное селцо Дятлово, краса всего Устюжскаго уѣзда. Да и къ чему, да и кому было описывать! Жители благочестиваго града Устюжны-Желѣзнопольской, города стариннаго, знали, что нѣтъ ничего красивѣе селца Дятлова. Каждый изъ жителей Устюжны и ея уѣзда могъ сказать любопытному, что деревянный, одноэтажный господскій домъ въ селцѣ Дятловѣ выстроенъ на шестнадцати саженьяхъ въ длину, безъ каменнаго фундамента, на высокомъ бревенчатомъ срубѣ, такъ, что между поломъ въ комнатахъ и землею остается пространство двухъ аршинъ съ четвертью, и что въ этой подполнцѣ стоитъ катокъ, и водится множество крысъ и горностаевъ; каждая Устюжская барыня знала, что съ деревянной кровли знаменитаго дома высовывались

жестяные драконы, съ разверзтыми зубастыми пастьми, откуда, во время проливнаго дождя, истекали обильныя струи прямо на голову мимообъгущихъ дѣвокъ и слугъ. Нечего говорить о клеенчатыхъ полахъ въ парадныхъ покояхъ, о шптыхъ обояхъ, о лострахъ изъ разноцвѣтнаго хрусталя, и наконецъ о рѣдкости, привѣшенной къ окну въ кабинетъ, — о деревянной будочкѣ, расписанной разными узорами, изъ которой, на подвижномъ деревянномъ кружкѣ, выскакиваютъ то мальчикъ, то дѣвочка, судя по тому, ведро или ненастье. Чудеса! Стоитъ того, чтобъ посмотреть.

Но не одиѣ боярскія палаты представляли такія диковинки. Надобно было, изъ гостиной, выйти на длинный деревянный балконъ съ лѣсенками внизъ, который по-Устюжски назывался «гулянкою.» Съ этой гулянки, надлежало взглянуть на богатый цвѣтникъ, пестрѣющійся не только желтыми шапочками и бархатцами, которыхъ и не перечесть, четырьмя кустами розановъ, бѣлыхъ и красныхъ. А въ срединѣ этого великолѣпнаго царства Флоры, на красноватомъ пескѣ, выложено изъ дерна число 1788 года такъ чисто, что грамотнѣйшія барышни сѣйчасъ могли разобрать. А далѣе, по скату къ запруженной рѣчкѣ, садъ. И что за садъ! Стриженныя аллеи, расположенныя въ видѣ хѣровъ; по аллеямъ гуляютъ журавли, а въ куртинахъ растутъ и крыжовникъ и малина, и смородина и клубника. Даже есть оранжерея и теплица!

А на барскомъ-то дворѣ, что за строеніе! Длинная ткацкая, сарай, конюшня, житницы, сушильня для льну, въ которой, въ окнахъ, вставлены зеленые дощечки, прикрѣпленныя къ желѣзной полосѣ: подерни эту полосу, — дощечки поднимутся кверху, либо опустятся книзу, либо стануть прямо, такъ, что можно руку между ними просунуть. А надъ сушильней

банія, и на ней часы съ курантами: какъ любо слушать, когда маленькіе колокола забьютъ четверти — тямъ, тамъ, томъ, тумъ! — а за ними большой колоколъ, часы — бумъ! бумъ! Ночью версты за четыре слышно.

Это знаменитое сельцо, со всіми изыществами и со сто пятнадцатью ревизжскими душами, по смерти Харитона Ипатовича досталось родной сестрѣ его, прапорщицѣ Аграфенѣ Ипатовнѣ Охоиной, которая, въ 1798 году, и поселилась въ сельцѣ Дятловѣ, какъ законная владѣтельница несравненнаго помѣстья.

=

Родъ Охоиныхъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ цѣломъ уѣздѣ. Со времени составленія табели о рангахъ, въ этой знаменитой фамиліи не было ни одного члена чиномъ выше поручика; но тѣмъ не менѣе Охоины по-справедливости гордились своимъ происхожденіемъ: какъ изъ записей, такъ и изъ самаго прозванія ихъ, видно было, что родъ ихъ получилъ свое начало въ Охонской волости, извѣстной если не цѣлому міру, то по крайней мѣрѣ цѣлому Устюжскому уѣзду. Эта знаменитая волость нѣкогда принадлежала Охоинымъ. По какому случаю она отъ нихъ отпала, неизвѣстно. Вѣдомо только то, что теперь Охона — разнопомѣстное владѣніе. По увѣренію путешественниковъ, посѣщавшихъ Охону пѣшкомъ и въ телегахъ изъ Устюжны и изъ Сомины, въ Охонѣ считается однихъ помѣщиковъ, какъ въ Москвѣ церквей — сорокъ сороковъ, а за богатѣйшимъ изъ нихъ числится душъ мужеска и женска пола три съ половиною. Но дѣло не въ Охонѣ: обратимся къ сельцу Дятлову.

Аграфена Ипатовна, кромѣ доставшагося ей послѣ брата, имѣла собственнаго и мужинна имѣнія болѣе

двухъ сотъ душъ, а съ присовокупленіемъ сельца Дятлова, сдѣлалась богатѣйшею помѣщицею въ цѣлой округѣ. Она жила подлинно по-барски. Чай и кофе варились у нея четыре раза въ день. Круглый годъ были у нея гости, и, по кончинѣ ея, найдены въ Дятловѣ сорокъ пять перинъ, исключительно определенныхъ для пріѣзжающихъ. Аграфена Ипатовна никогда не продавала овса: весь собираемый съ ея полей овесъ шелъ на кормъ лошадямъ посѣтителей. Нерѣдко случалось, что небогатый Устюжскій помѣщикъ, желая откормить свою тройку для дальнейшей повѣздки, пріѣзжалъ на пять дней въ сельцо Дятлово, и выѣзжалъ оттуда уже на дородныхъ коняхъ, — да и самъ видимо потолстѣвши. Всѣ дивились богатству Аграфены Ипатовны. Посадскія дѣвушки, на посидѣлкахъ, говорили, что къ «Охоничихъ» пятаки возятся возами, и безъ счету сыплются въ лари. Устюжскія мѣщанки, какъ самовидицы, рассказывали, что въ каждую повѣздку Охоничихи въ Тихвинъ и Моденскій Монастырь, она давала тамъ на церковь по сту рублей. Словомъ, что въ Англіи Лордъ Бедфордъ, что въ Австріи Князь Эстергази, что въ Польшѣ Князь Радзивиллъ, а въ Россіи Графъ Шереметевъ, то самое въ Устюжскомъ уѣздѣ значила Аграфена Ипатовна Охонина, — а Охоничиха еще болѣе.

Какъ бы ни было, только домъ Аграфены Ипатовны, на всѣхъ языкахъ и по понятіямъ всѣхъ народовъ, древнихъ и настоящихъ, могъ назваться домомъ гостепріимства и благотворительности: когда добрая помѣщица въ 1811 году скончалась на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія, болѣе нежели сто постороннихъ особъ сопровождали ее въ могилу съ плачемъ и рыданіемъ.

Послѣдникомъ гостепріимной старушки былъ единственный сынъ ея, Илья Аванасьевичъ, котораго

Аграфена Ипатовна нѣжно любила, и для котораго все то сдѣлала, что могла. Это доказывается слѣдующимъ: въ концѣ прошлаго столѣтія прапорщица, вдова Аграфена Охонина, умѣла выпросить пожалованіе семилѣтняго ея сына въ пажы, для чего въ Петербургѣ прожила семь мѣсяцевъ; въ началѣ XIX вѣка, съ пролитіемъ обильныхъ слезъ, разсталась съ своимъ чадомъ, и отдала его бывшій пажескій пансіонъ, къ Биттерлингу; съ того времени, каждый годъ на мѣсяцъ или на два, пріѣзжала въ Петербургъ, нанимала квартиру въ Ямской или у Шести-Лавочекъ, закармливала сына вареньемъ и смородиновыми лепешками на меду, нанимала для него ложу въ театръ, и, прощаясь, дарила ему двадцать пять рублей. Въ 1808 году, когда Илья Аонасьевичъ увѣдомилъ ее, что онъ получилъ на «экзаментъ» семь сотъ пятнадцать баловъ, и представленъ въ подпоручики въ ***скій полкъ, она съ радости приказала отслужить молебень во всѣхъ церквяхъ города Устюжны-Жельзопольской, а нищей братьѣ, въ числѣ ста человѣкъ, роздала по холсту, по два пестрыхъ платка, по сайкѣ да по гривнѣ на брата; потомъ сыну послала три тысячи рублей. Больше этого для правственности своего наследника, ни какая мать сдѣлать не въ состояніи.

По кончинѣ доброй матери, Илья Аонасьевичъ пріѣхалъ въ отпускъ, и первымъ ознаменованіемъ его владычества было призваніе стараго прикащика, Василька, который при жизни покойницы записывалъ ея приходъ и расходъ, и заводилъ часы, какъ въ домѣ, такъ и на башнѣ.

— Отъ чего, старая собака, такъ мало получала доходовъ покойница матушка?

Этимъ грознымъ вопросомъ поручикъ Охонинъ хотѣлъ задать страху всѣмъ своимъ подданнымъ и ихъ старостамъ, въ особѣ своего прикащика. Передъ

отъездомъ изъ Петербурга, онъ пилъ нуишъ у одного посѣдлаго отставнаго капитана, промышлявшаго картежною игрою, и тотъ сказалъ новому помѣщику. «Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ: какъ скоро пріѣдешь въ свою вотчину — не говоря ни слова, задай порядочную острастку старостамъ и прикащикамъ. Увидишь, какъ исправно пойдутъ всѣ твои дѣла!» Надобно же было, хотя вполонину, воспользоваться такимъ мудрымъ совѣтомъ.

Чистый совѣстью Василекъ, выслушавши милостивое привѣтствіе, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣни, положилъ на сердце правую руку, возвелъ глаза къ небу, и сказалъ:

— Ваше благородіе, отецъ нашъ, Илья Аѳанасьевичъ! двадцать девять лѣтъ вѣрою и правдою служилъ я вашему покойному дядюшкѣ, и въ Божѣ почившей матушкѣ вашей. Отсохни моя рука, если она господскою копѣйкою попользовалась; да прильпнетъ языкъ мой къ гор....

— Не объ этомъ рѣчь, съдал крыса! крикнулъ поручикъ Охонинъ. Отъ чего мало доходовъ получалось?— вотъ о чемъ я спрашиваю.

— Отецъ милосердый! покойница барыня, — царство ей небесное! — сама изволила вѣсѣмъ завѣдывать. Я только записывалъ приходъ и расходъ. Вотъ, ваше превосходительство, извольте разсмотрѣть всѣ счета, и если я въ чемъ погрѣшилъ, то... власть ваша. Накажите меня какъ угодно. Наше дѣло рабское.

Грозный превосходительство — поручикъ нѣсколько смягчился, и велѣлъ встать Васильку. Онъ началъ разсматривать счетную книгу, и допрашивать прикащика. Оказалось, что всѣ вотчины давали дохода не болѣе пяти тысячъ деньгами, а половина его, въ продуктахъ, потреблялась на домъ, на угощеніе посѣти-

телей, на милостыни и на раздачу хлѣба, крупы, холста и прочаго бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, которыя почти тѣмъ и жили. Всѣ эти излишніе расходы были прекращены новымъ помѣщикомъ.

— Я самъ здѣсь не живу, сказалъ онъ: овесъ можно продавать, за исключеніемъ того, что нужно для дома и для отсылки ко мнѣ, въ Петербургъ. А всѣ эти милостыни и раздачи хлѣба какимъ-нибудь оборванницамъ вовсе не пужны. Могутъ прожить и сами. Въ Дятлово не пускать никого. Что за объѣдалы? Когда покойница матушка ѣзжала въ Петербургъ, и безъ нея здѣсь была постоянная гостиница. Десять тысячъ въ годъ, непременно! — вотъ что я долженъ получить. Слышите ли?

— Слушаю, отецъ нашъ! отвѣчалъ Василекъ.

Двѣ персзрѣлыя дѣвы дворянки, болѣе десяти лѣтъ жившія для компаніи у Аграфены Инатовны, были высланы изъ Дятлова, съ награжденіемъ по триста рублей, какъ значилось въ духовной покойницы. Отъ себя, благочестивый сынокъ не далъ ничего. Всѣ запасы хлѣба и холста были распроданы; сверхъ-того обшарены всѣ комоды и ларцы, и въ нихъ найдено, кромѣ старинныхъ золотыхъ вещей, сто имперіаловъ, которые, со времени замужества Аграфены Инатовны, лежали неприкосновенными. Поручикъ Охонинъ, по истеченіи двадцати-осмиднеснаго отпуска, возвратился въ Петербургъ, и привезъ съ собою болѣе десяти тысячъ наличнымъ.

Вотъ тутъ то были поминки о Аграфенѣ Инатовнѣ! тутъ то узнали, какой благотѣльницы лишились! Нѣкоторыя старушки умерли отъ горести. Гостепріимное сельцо Дятлово опустѣло. И когда Устюжскій помѣщикъ ѣхалъ мимо, и лошади издали узнавали щедрыя конюшни, гдѣ ихъ такъ кормили, и, ускоряя бѣгъ, сами поворачивали къ Дятлову, помѣщикъ

кричалъ кучеру: «Куда ты, безумный! Прямо! «Онъ отиралъ слезы; лошади плакали тоже.

Въ Сентябрѣ, 1814 года, усердный слуга Василекъ пріѣхалъ въ городъ Устюжну-Желѣзопольскую, для закупки многаго множества такихъ предметовъ, которыя уже три года не были въ употребленіи въ селѣ Дятловѣ, да и прежде, большею частию выписывались изъ Москвы и Петербурга. Добрый Василекъ, не слишкомъ надѣясь на свое умѣнье и на честность купцовъ, заблагоразсудилъ посоветоваться съ дворянами и чиновниками, живущими въ самомъ городѣ. Помня старинное правило, что съдѣла — мудрость, Василекъ, предпочтительно прибѣгнувъ, въ затрудненіи своемъ, къ стариннымъ и дѣйствительно съдѣлымъ знакамъ покойной барыни, и просилъ ихъ милостиваго вспоможенія въ дешевой покупкѣ добротнаго товара. Изумились Устюжскіе старожилы, увидѣвъ на запискѣ Василька — сахаръ, чай, кофе, восковыя свѣчи, уксусъ, лучший ямайскій ромъ и т. п. Но радость заступила мѣсто изумленія, когда Василекъ объявилъ, что Илья Афанасьевичъ Охонинъ подалъ въ отставку, и, по первому зимнему пути, пріѣдетъ въ Дятлово, гдѣ намѣренъ совсѣмъ поселиться. Дятлово, какъ запустѣлый Іерусалимъ, во время плѣненія Вавилонскаго, было предметомъ всеобщей скорби, въ теченіе трехъ лѣтъ. Самое вторженіе непріятеля, и ополченіе, и новыя побѣды, увѣковѣчившія славу оружія Россійскаго, не могли изгладить воспоминанія о цвѣтушихъ годахъ Дятлова. Опять мы будемъ ѣздить въ Дятлово! Дятлово оживетъ!... И эта мысль оживила весь городъ. Такъ, — si parva licet componere magnis, — такъ точно Московскіе старожилы, внезапно разгнанные тогда грозою войны, соби-

рался на священныя развалины древней столицы, со слезами умиленья глядяли на благословенныя главы Богомъ спасаемаго Кремля, и съ сердечною радостью говорили: «Мы опять въ Москвѣ! мы опять будемъ ѣздить въ Англійскій клубъ!»

— Боюсь я одного, говоритъ Семенъ Авдеевичъ: послѣ смерти матери, онъ уже оказалъ свою скупость и жадность къ деньгамъ. Какъ засядетъ у себя въ деревнѣ, да примется за хозяйство и начнетъ мучить крестьянъ, а съ сосѣдями и знаться не захочетъ.....

— И! петь! возразилъ Владиміръ Прохоровичъ, у военнаго, послѣднія копѣйка ребромъ. Я самъ служилъ во флотъ. Бывало, воротись изъ похода, вдругъ получишь все жалованье, и пошла потѣха. Охотникъ хочетъ повеселиться на свободѣ. Посмотрите-ка, сколько привезли въ Дятлово вина изъ Петербурга! Здѣсь столько не вышито съ тѣхъ поръ, какъ Устюжна существуетъ.

Наконецъ пріѣхалъ Илья Аѳанасьевичъ. Онъ получилъ отставку съ чиномъ майора, съ мушкетеромъ и полнымъ пенсіономъ, потому, что былъ два раза слегка раненъ. Имѣя рапы и десять тысячъ дохода, какая нужда служить! Петь, долой эполеты, прощай, служба царская: пора на покой, особливо когда уже скоро минетъ двадцать пять отъ роду.

Вся Устюжна ахнула отъ ужаса, когда Илья Аѳанасьевичъ, скоро по пріѣздѣ, сталъ брать свидѣтельство и писать къ своему пріятелю вѣрующее письмо, на залогъ всего имѣнія въ Петербургскій Опекунскій Советъ. Если такой богачъ закладываетъ свое имѣніе, то видно приходятъ трудные годы! Что же дѣлать бѣднымъ людямъ? Прійдется умирать съ голоду!... Не бойтесь, честные и скромные бѣдняки: ваши скудные участки охраняются самимъ Провидѣніемъ. Безъ собственной вашей вины, черныхъ годовъ не

будеть, а если богачъ Охонинъ занимаетъ деньги, то причиною тому, что онъ черезъ чуръ несчастливо игралъ въ банкъ, на возвратномъ пути изъ Франціи. Вѣдь что же дѣлать, во время похода, когда уже нѣтъ драки съ непріятелемъ?

Это признаніе самого Ильи Аонасьевича крѣпко поколебало надежду на старинное Дятловское гостепріимство. На комъ есть долгъ денежный, на томъ есть и другой, — жить съ расчетомъ, такъ судили всѣ Устюжскіе жители, не бывавшіе въ Парижѣ, и мало жившіе въ столицахъ. Иначе судить этотъ молодецъ, майоръ Охонинъ, разодѣтый въ щегольской фракъ, шитый въ Парижѣ, и съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, который достался ему послѣ Владиміра съ бантомъ, двухъ шпагъ и трехъ благоволеній. Оно такъ, — ничего-съ! мы несчастливо служили! да еще и въ Парижѣ были ровно три недѣли! Когда фортуна благопріятствуетъ, то какъ не повеселиться, какъ не пожить? Только не по-Устюжски, а по своему, сообразно съ духомъ времени и съ потребностями просвѣщеннаго поколѣнія.

— Старикъ мнѣ не компанія, гордо сказалъ богатый Дятловскій помѣщикъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ: «не пускать на дворъ старыхъ барынь и барышень, да старыхъ шарамыжниковъ, которые привыкли тѣдить въ Дятлово, сами отъѣзжаться, да откармливать лошадей.»

Но съ кѣмъ же будетъ знаться Дятловскій помѣщикъ? равныхъ ему нѣтъ въ цѣломъ уѣздѣ. Неужели онъ будетъ выписывать себѣ компанію, какъ вина, изъ Петербурга или изъ Франціи? А на что же умъ и образованность, какъ не на то, чтобъ уметь всякой бѣдѣ помочь! Илья Аонасьевичъ составилъ себѣ свой штатъ. Въ этотъ штатъ попали всѣ тѣ, которые умѣли шить, были веселаго характера и рады бы мотать,

да не изъ чего. Приближенные его раздѣлялись на три класса. Первый пилъ шампанское, вмѣстѣ съ Дятловскимъ владѣтелемъ; второму давали пуншъ и мадеру, а третій классъ, за ерофенчъ или за пѣвнижъ, игралъ роль шутовъ, на которыхъ иногда, въ веселыя минуты, Дятловскій владѣтель развѣзжалъ верхомъ по своимъ чертогамъ. Всѣ эти лица носили особенныя названія, по Наполеоновскому придворному календарю, который Илья Аванасьевичъ привезъ съ собою изъ Парижа. Одинъ былъ Ремюза; другой, чрезвычайно глупый, назывался маршалъ Ланшъ; третій — Фуше; четвертый бѣсился за то, что его прозвали Камбасересомъ; пятый, почти всегда прѣзжавшій верхомъ, былъ мамелюкъ Рустанъ, и наконецъ Васплекъ именовался Ранномъ, потому что, въ письмахъ и докладахъ къ своему господину, по незнанію орѳографіи, всегда подписывался — *вашъ нижайшій ранъ*. Прекрасный полъ не былъ изгнанъ изъ веселаго общества. Разумѣется, что ни одна порядочная дама, а того менѣе дѣвица, не присутствовала на Дятловскихъ пиршествахъ.

— Дятлово, это рай земной! говорили участвующіе въ его пирахъ.

— Бѣсовское гнѣздо! говорили, крестясь и отплевываясь старики и старушки, когда только слышали названіе Дятлова. Я чай, косточки покойницы ноютъ отъ такого неслыханнаго безпутства.

Тѣмъ не менѣе весь городъ съ подобострастіемъ смотрѣлъ на Илью Аванасьевича, потому, что онъ сорилъ деньгами, и развѣзжалъ въ такомъ экипажѣ, который былъ оцѣненъ ровно въ пол-устюжны! Исправникъ и городничій усердно молили Бога объ удаленіи отъ нихъ всякой расправы съ Дятловскимъ помѣшникомъ.

— Лучше жить въ ладу съ такимъ буяномъ, гово-

рили они. И богатъ, и задоренъ, и прибралъ на свою сторону всѣхъ бойкихъ!

Это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить.

— Вотъ, говорятъ, нынѣ все люди умнѣе, да умнѣе! толковали старички и старушки. Ужъ кажется, Харитонъ Ипатовичъ былъ человекъ ученый и чиновный; зналъ свое дѣло, и сама Государыня-матушка его жаловала. Вотъ, выстроилъ онъ домъ, ужъ, подлинно сказать, на диковину. Досталось безпутному сыну такое богатство, такъ все не нравится. Клеенку съ половъ велѣлъ снять, шитые обои оборвалъ, портреты велѣлъ вынести въ кладовую; даже цвѣты переменялъ въ саду, и велѣлъ содрать съ крыши жестяныхъ змѣй! Вишь ты, все дрянъ! Не бось, лучше самъ придумаешь. Нѣтъ, пропадетъ Дятлово! Не сдобровать Дятлову!

Маіоръ Охонинъ смѣялся надъ этими жалобами. Онъ украсилъ свои покои Петербургскою мебелью, обоями и бронзою, привезенною изъ Парижа; а вмѣсто закопѣлыхъ портретовъ фельдмаршаловъ и канцлеровъ, въ нѣкоторыхъ комнатахъ развѣшалъ онъ порядочную коллекцію Парижскихъ каррикатуръ. Дятлово сдѣлалось и помоложе и повеселѣе. По веснѣ, помещикъ велѣлъ подвести подъ домъ каменный фундаментъ, а кровлю покрыть желѣзомъ.

— Благочестіе и благотворительность прежнихъ владѣльцевъ, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Семенъ Авдеевичъ, поддерживали Дятловскій домъ лучше всякаго фундамента. Мотовство и буйство столкнуть его не только съ каменнаго, даже и съ чугушнаго основанія. Помяните мое слово!

=

Прекрасно было первое Мая 1815 года. Слухъ о возвращеніи Наполеона во Францію не произвелъ

ни каких потрясений въ Устюжскомъ уѣздѣ. Напротивъ! Это событіе было такъ занимательно, что въ цѣлой Россіи не со страхомъ, а съ любопытствомъ, ожидали окончанія такой дерзкой попытки. По крайней мѣрѣ, такъ судилъ отставной маіоръ Охотинъ, который, на этотъ разъ, сожалѣлъ о своей отставкѣ. Опять бы во Францію! Еще бы погулять по цвѣтущему вертограду Германіи! Еще бы попить шампанскаго въ самомъ Эперне!

Перваго Мая, весь штатъ собрался въ Дятловъ. Время подходило уже къ объеденному. Пять сортовъ настойки давно стояли въ гостиной, окруженные различною закускою.

— Кого мы дожидаемся! спросилъ Камбасересъ, который уже уплелъ нѣсколько десятковъ ломтиковъ сыру, ветчины и колбасы, для возбужденія аппетита.

— Вѣдь ты видишь, что не весь на-лице. Маршалъ Ланцъ и Графъ Сегюръ заняты въ городѣ, и къ обѣду будутъ непременно.

— Я, братъ, голоденъ....

— Лучше будешь вѣсть за столомъ, старый боровъ! Эка туша! пятьдесятъ лѣтъ жреть и не паѣтся.

Таково было обхожденіе Дятловскаго помѣщика, съ своими собесѣдниками: изъ нихъ не было почти ни одного, который бы не годился ему въ отцы. Но, *res sacra miser!* «бѣдность святое дѣло!» — гласитъ святая пословица, а одинъ Французъ перевелъ ее: *c'est une sacrée chose que la misère!* Увы! этотъ переводъ чуть-ли не справедливѣе. По крайней мѣрѣ, сами бѣдняки то подтверждаютъ. Но грѣшно сказать, чтобы бѣдность ни къ чему не годилась: хоть, напримѣръ, на забаву Дятловскаго помѣщика.

— Что вы такъ поздно пріѣхали, негодяи? Вѣдь мы замучились надъ настойкой, ожидая васъ. Отъ нетерпѣнія, рюмочку за рюмочкой.....

— Да, вот видишь ерцога великій, Наполіонъ....

— Э, скотина! Вотъ ужъ подлинно не Лапнѣ, а просто, *анѣ*. Не можетъ выучиться произносить такое имя, которое теперь у всѣхъ и на сердцѣ и на языкѣ.

— На что мнѣ! не дѣтей съ нимъ крестить. А хотѣлъ я тебѣ сказать, что жалости достойно..... Ей, ей! съ горя вышью травнику.

— Объ чемъ такъ разжалобился?

— Да! тебѣ хорошо! Все есть! Денегъ понадобилось, такъ слово сказалъ спаралу Рапу..... А тутъ, какъ посмотришь, сироты безирпотныя....

— Отъ этого дурака толку не добьешься! Говори ты, Сегюръ, въ чемъ дѣло?

— При матушкѣ-Екатеринѣ, я былъ вахмистромъ конной гвардіи, и былъ во дворцѣ, и тамъ не видалъ такой красавицы, какова эта сиротка, которую приводили къ городничему.

— Эге! дѣло идетъ объ красоткахъ! Разсказывай, разсказывай.

— Въ прошедшемъ году, еще до твоего пріѣзда, скончался Отецъ Петръ, и оставилъ вдову и двоихъ дѣтей. У матушки, Анны Сидоровны, и была надежда, что въ нынѣшнемъ году выдастъ дочь замужъ, а сына примутъ въ Петербургъ, въ Александро-невскую Академію. Тѣмъ временемъ священника въ ихъ приходъ назначили женатаго. Ну, да она объ этомъ не тужила! Послѣ Отца Петра остались кое-какія денежки. Да вотъ, Великимъ Постомъ захворала, и въ седьмой день, — Господу Богу твоему! — померла. Остались, мальчикъ тринадцати лѣтъ, собой какъ херувимчикъ, да дѣвочка пятнадцати лѣтъ..... Ну, признаюсь, картина!

— Зачѣмъ же ее приводили къ городничему?

— Просила какого-нибудь призрѣнія. После матери остались кое-какія деньги. Брата ея, крестный отецъ писалъ изъ Петербурга, возьметъ къ себѣ, по первому зимнему пути; сама, Богъ дастъ, найдетъ жениха, — а до того времени нельзя жить безъ присмотра. Бѣдняжка, такъ и обливалась слезами! камень тронулся бы, когда она просила....

Сегюръ утеръ слезы.

— Что же городничій?

— Разумѣется, обѣщалъ все, что въ силахъ.

— Не хочетъ ли взять къ себѣ, такъ сказать, на воспитаніе?

— Неужели же въ немъ души нѣтъ или онъ дьяволъ какой, чтобы соблазнить сироту!

— Хорошо! Завтра же поутру ѣду въ городъ, и самъ посмотрю эту красавицу.

— На что?

— Если поправится, возьму къ себѣ.

— Что ты, окаянный! сказали вдругъ и Ремюза, и Сегюръ, и Рустанъ, и даже Камбасересь.

— Что вы, дураки! возразилъ Дятловскій помѣщикъ. Можно ли оказать большее благодѣяніе сироткѣ?

=

Охонувъ остолбенѣлъ отъ изумленія. Столица, блестящее общество..... Куда! Самый Парижъ, гдѣ было такое стеченіе и уродовъ и красавицъ..... Мало! Идеальныя красоты Парижской и Дрезденской картинныхъ галерей ничего не представляли подобнаго этому ангелу, этой милой Парашѣ. Вотъ, въ полномъ смыслѣ, красота съверная, къ сожалѣнію такъ рѣдко и такъ не надолго являющаяся въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ этихъ пламенныхъ Италіянскихъ глазъ,

которые сверкаютъ необузданнымъ сластолюбіемъ; нѣтъ, въ чертахъ лица, этой Французской игривости, которая такъ выразительно говоритъ: «Я хочу нравиться и готова любить!» Нѣтъ той Польской, — какъ бы сказать? — того, что на лицахъ Полекъ, съ такою увѣренностью спрашиваетъ у каждаго мужчины: «Не правда ли, что я красавица?» — нѣтъ отвѣтъ всегда получаетъ: «да, во-истину красавица!»

Въ Парашѣ ничего такого не найдешь. Это Русская красота. Волосы свѣтлорусые, златовидные, какъ колосья нашихъ полей! Глаза свѣтлоглубые, какъ свѣрное небо въ ясный день. Плоть какъ глубокий снѣгъ, отражающій блѣдножелтые лучи зимняго солнца. Румянецъ какъ пурпуръ безпрерывной зари лѣтнихъ полуночныхъ ночей. А выразительность физиономіи, душа на ней начертанная: о, то же, какъ и у матери Русской Природы! Такою меня Богъ создалъ, простою, не игривою, мало заманчивою, но всѣхъ любить готовою. Параша кокетничала столько же, сколько прелестный младенецъ, который смотритъ на всѣхъ съ ангельскимъ равнодушіемъ, и никакъ не догадывается, что всѣ, глядящіе на него, любятъ его миломъ, восхитительнымъ личикомъ.

Братъ, едва ли не милѣе сестры. Что за прекрасный мальчикъ!

— Какъ тебя зовутъ?

Сначала мальчикъ потупилъ, глаза; потомъ поднявши ихъ, какъ-будто два солнца выказалъ изъ облаковъ.

— Александромъ! произнесъ онъ нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ.

— Чортъ возьми! эта милая дѣвушка, — это образецъ мадонны, который свелъ бы съ ума самого Рафаеля. Этотъ юноша, или отрокъ, прелестный какъ

недоростокъ — Фебъ, будущій Аполлонъ Бельведерскій.... Эти прескрасныя существа состарѣются, по-дурнѣютъ. И какъ состарѣются! Лѣтъ въ десятокъ, не болѣе. Мальчикъ сдѣлается, либо сухопарымъ, либо тюленеватымъ мужчиною. Черты лица его по-грубѣютъ. Нѣжная кожица отъ морозовъ превратится въ юфть. Отъ нихъ же, свѣтлые глаза сдѣлаются слезливыми, подернутся какою-то густою влагою; бѣлки ихъ будутъ почти желтые, а красивый зрачекъ съежится, во избѣжаніе сильнаго ударенія алмазныхъ искръ и лучей нашихъ Русскихъ снѣговъ. А сестрица красавица? О, и того хуже! Растолстѣетъ на печи лежа, огрубѣетъ въ полѣ ходючи, почернѣетъ отъ зноя, загрязнится отъ зимняго дыма, отъ лѣтней пыли. Тошно и подумать! Вотъ, сѣверная красота, какъ сѣверное лѣто: лови, лови, пользуйся! Такъ скоро пройдетъ, что и не замѣтишь. — Нѣтъ, чортъ возьми! увидѣлъ, мимоѣздомъ, цвѣточекъ въ степи; сорви его; вези съ собой, любуйся имъ, доколѣ не завянетъ.

— Если бы сиротство и бѣдность, сказалъ Охонинъ городничему, не говорили такъ краснорѣчиво въ пользу этихъ милыхъ дѣтей, то достаточно было бы одной ихъ красоты, чтобъ заставить принимать въ нихъ участіе. Этого молодца я не оставлю, продолжалъ онъ, положивши руки на голову мальчика. Крестный отецъ обѣщаетъ выписать его въ Петербургъ. До того времени, я буду заботиться о содержаніи и о воспитаніи его.

Мальчикъ, со слезами благодарности, поцѣловалъ ему руку. Охонинъ облобызалъ его, съ видомъ живѣйшаго участія.

— Что касается до этой малютки, то за нею нуженъ присмотръ женскій, а у меня въ домѣ его нѣтъ. Надо бы пріискать порядочную женщину, у которой она

могла бы жить, вмѣстѣ съ братомъ. Я обязуюсь давать ей содержаніе до самаго замужства.

— И за это Богъ васъ наградить! сказалъ растроганный городничій.

Параша, устремля на Охонина глаза, наполненные слезами, не говорила ни слова. Благодарность была начертана на ея лицѣ. А какъ сильно было это чувство въ ея душѣ! Она видѣла въ Дятловскомъ помещикѣ не человека, а посланника небеснаго, ангела-хранителя спроть и безпомощныхъ.

— Видно самъ Богъ его вразумилъ, говорили добрые жители города Устюжны-Жельзопольской. Царица небесная наградить его за доброе дѣло! Только то не слишкомъ хорошо, что онъ дѣточекъ-то помѣстилъ у мѣдничихи Ермолавы, которую, назадъ тому лѣтъ пятнадцать, исправникъ съѣлъ плетми за негодныя дѣла. Правда и то, что дѣвочка еще ребенокъ: да вѣдь скоро подрастетъ. Намѣкнулъ бы ему кто объ этомъ!

=

Пошло житіе привольное молодому Алексанѣ. Отцемъ своимъ былъ онъ порядочно обученъ Русской и Латинской грамотѣ. Теперь, онъ бралъ каждый день уроки у протоіерея соборной церкви. Учебныхъ книгъ было выписано множество. Мальчикъ прилежалъ, и Отецъ протоиерей не могъ надивиться его успѣхамъ въ Латини. За это, разумѣется, были похвалы и награжденія, а чѣмъ и счастливо дитя, какъ не ободреніемъ и заслуженными подарками! Въ праздничные дни, за нимъ посылалась щегольская коляска или карета Ильи Аванасьевича, и Алексаша, разсѣвшись въ ней какъ баринъ, съ быющимъ отъ радости сердцемъ, летѣлъ въ Дятлово, къ своему благодѣтелю. Чего стоитъ одна честь бывать въ Дятловѣ!

Не замѣтно было, чтобы Дятловскій герцогъ слишкомъ ласкалъ Парашу. Правда, онъ навѣщалъ ее довольно часто, всегда одинъ, и въ такое время, когда маленькій любимецъ бываетъ на ученьѣ; но мѣдничиха Ермолавна утверждаетъ, что хотя онъ довольно милостивъ съ дѣвушкою, а все-таки больше любитъ мальчика. Кому же это лучше знать какъ не мѣдничихъ Ермолавнѣ! А извѣстный проектъ, объявленный всему Дятловскому обществу?.... Все это была только шутка, желаніе одурачить этихъ олуховъ: такъ сказано было всей честной компаніи.

Однажды Алесаша, съ видимымъ замѣшательствомъ, вглядывался въ Дятловскаго помѣщика, и, наконецъ заплакавши, схватилъ его руку, поцѣловалъ и умоляющимъ голосомъ сталъ говорить:

— Миленькій! голубчикъ! красное солнышко! Илья Аонасьевичъ! будьте намъ вполне благодѣтель. Не дѣлайте впередъ.... этого.

— Чего этого? спросилъ изумленный Охонинъ.

Мальчикъ покраснѣлъ, потупилъ глаза, и подергивалъ губами, какъ-будто слясъ ихъ растворить. На довольно грозно: — «Ну, что же?» — онъ въ полголоса выговорилъ:

— Перестаньте цѣловать мою сестру!

— Что? Что такое??

— Ахъ, батюшка, отецъ родной, Илья Аонасьевичъ! я вчера самъ видѣлъ.... изъ за двери.... какъ вы ее цѣловали, и прижимали къ себѣ; и она васъ такъ цѣловала.

— Такъ что жъ за бѣда?

— Да вѣдь она моя сестра!

— Смотри, пожалуй! Я и тебя цѣлую: что же тутъ худого?

— Покойникъ тятенька и маменька тоже говори-

ли, что дѣвушка ни какого мужчины, кроме жениха, не должна цѣловать.

— Стало быть ни отца, ни брата?... А? э? голубчикъ, скоренько ты сдѣлался такъ смѣшленъ! Мнѣ самому не приходило въ голову, а этотъ мальчишка.... Ого, вѣдь тутъ не латынь! Можно пріостановить дальнѣйшіе успѣхи.... Ахъ, негодяй! чѣмъ бы радоваться тому, что я, точно какъ родной отецъ ласкаю его и сестру, онъ задумалъ дѣлать мнѣ нравоученія. Смотри, пожалуй!

— Виновать, Илья Аѳанасьевичъ! Какъ передъ Богомъ, скажу вамъ, у меня какъ-то, противъ воли, сердце защемило, когда я это увидѣлъ. И я никому же не сказалъ, какъ только вамъ самимъ.

— Ну то-то! И не смѣй никому говорить. Злыхъ людей не перечтешь.... А впередъ, и мнѣ не смѣй говорить. Да и не смѣй придумывать ничего дурнаго. Не чужой цѣлуетъ твою сестру, а я, который заступилъ мѣсто вашего отца. Попимаешь ли?

Алексаша тяжело вздохнулъ, и поцѣловалъ руку названнаго отца.

— Ого, бѣсенокъ: уменъ не по лѣтамъ. Прочь этого свидѣтеля....

Скоро послѣ именинъ Ильи Аѳанасьевича, Алексаша былъ отправленъ въ Петербургъ, съ рекомендательными письмами и съ порядочною суммою денегъ, тѣхъ-де ради причинъ, чтобы онъ не терялъ времени и поскорѣе могъ быть определенъ въ учебное заведеніе. Такъ было написано къ крестному его отцу, который подивился благотворительности Дятловскаго помѣщика.

По удаленіи всѣхъ препятствій, можно приступить къ разыгранію предположенной роли.

Когда все это происходило въ благословенномъ и

достопримѣчательномъ градѣ Устюжнѣ-Желѣзопольской, въ Германіи одна дѣвица впала въ естественный магнетизмъ. Домашніе, пзумленные этимъ непостижимымъ явленіемъ, начали испытывать ясно-видящую, и, между прочими вопросамъ, задавали ей нѣсколько о такихъ предметахъ, о которыхъ благо-воспитанная дѣвица и не должна, и не можетъ, имѣть понятія. Ясновидящая покраснѣла и съ недовольнымъ видомъ отвѣчала, что вопрошающіе обязаны имѣть уваженіе къ святому чувству стыдливости, врожденному въ каждой дѣвухѣ. Анекдотъ справедливый, и приводится здѣсь въ опроверженіе толковъ тѣхъ философовъ, которые силятся доказать, что въ человѣкѣ нѣтъ ничего врожденного, а все благопріобрѣтенное. Нѣтъ! есть чувства врожденные, и невинная Параша это доказала.

На сей разъ, бѣдную сиротку надобно оправдать передъ добрыми людьми: надобно рассказать имъ, какъ хитрая Ермолавна безпрестанно уговаривала ее полюбить барина, не объясняя ей, что это значить; какъ неопытная Параша, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ полюбила своего благодѣтеля, и не могла имѣть никакихъ подозрѣній, потому, что не имѣла ни о чемъ понятія; какъ, несмотря на все это, въ первыя минуты дерзости Дятловскаго помѣщика, она испугалась, будто встрѣтись съ разъяреннымъ медвѣдемъ; какъ она плакала, и въ полголоса умоляла пощадить ее, все-таки не зная, что ей предстоитъ; какъ наконецъ, оплакивая свое забвеніе, все-еще не имѣла полного понятія о важности преступленія.

— Не плачь, дурочка; а лучше люби меня хорошенько. За это я на тебѣ женюсь, со-временемъ.

Мѣдничиха Ермолавна подоспѣла съ утѣшеніями. Но бѣдная Параша не переставала платить дань врожденному чувству стыдливости, и проплакала цѣлыми

сутки. Дятловскій помѣщикъ прїѣзжалъ на третій и на пятый день, и къ концу седмицы, изъ покорной и благородной сироты, Параша сдѣлалась страстною любовницею своего обольстителя. Она предалась ему всею душою, всѣми помысленіями, всѣмъ существованіемъ своимъ.

Въ Октябрѣ, какъ-то зачесалась спина мѣдничихъ Ермолавы отъ пятнадцати-лѣтняго воспоминанія. Она весьма рѣшительно доложила благодѣтелю Ильѣ Аванасьевичу, что не намѣрена вторично подвергаться несправедливымъ несправленіямъ, и просить взять отъ нея поскорѣ Парашу, которой сомнительное состояніе.....

— Скоренько! сказали Дятловскій помѣщикъ.

И въ ту же ночь, блаженствующая дурочка была увезена въ Устюжскую Алгамбру. На другое утро, смѣтливая Ермолаевна, съ негодованіемъ и проклятіями, сама начала всѣмъ рассказывать о злодѣйствѣ беззаконнаго Охонина, который сманилъ отъ нея бѣдную сиротку и тайно увезъ ее, неизвѣстно куда.

— Какъ, неизвѣстно? отвѣчалъ всякой: ужъ вѣрно не въ другое мѣсто, какъ въ свое поганое гнѣздо, въ несчастное Дятлово! Чтобъ ему сквозь землю провалиться!

Городъ Устюжна-Жельзонольская, не будучи ни Гоморромъ, ни Вавилономъ, не болѣе другихъ знаменитыхъ городовъ вселенной, имѣетъ права хвастать чистотою своихъ правовъ, — потому что она городъ. Бываютъ въ Лондонѣ, въ Пекинѣ, бываютъ и въ Устюжнѣ снисходительны къ слабостямъ человѣческимъ. Но Дятловское дѣло не воспользовалось врожденною горожанамъ кротостію. — «Кто Богу не грѣшенъ! говорили въ городъ: только надобно и мѣру знать! Дѣвочку, сироту, взять подъ свое покровительство, за тѣмъ, чтобы послѣ лишить чести!..... Мерзко и бого-

противно!» И восклицая такимъ образомъ, жители города Устюжны восклицали такъ глубокомысленно, какъ только можетъ восклицать философъ Шеллингъ, хотя Философин съ роду не учились.

— Голубчикъ ты мой! говорила Параша, пѣжно-ла-ская своего друга.

— Любишь ты меня, Параша?

— Я не знаю какъ и сказать. У меня на свѣтѣ только и есть что вы, да еще братья..... И больше мнѣ не надо!

— Хорошо тебѣ у меня?

— Я и въ рай не хочу!

— Слышите ли вы, дураки, мои собесѣдники! Такъ ли бы она говорила, если бѣ держалась вашихъ правилъ? И это прелестное личико увядало бы въ ожиданіи жениха, какого-нибудь пьянаго кутейника!.... Вздоръ! Въ Дятловѣ недоставало драгоцѣннѣйшаго украшенія, и вотъ я его привезъ. Живите всѣ такъ, какъ я. Хорошее состояніе, миленькая красотка, доброе вино и друзья, глупые какъ ослы, — да столько же и послушные. Что можетъ быть лучше?

Развратъ, какъ разумъ человѣческій: при постоянныхъ успѣхахъ, его смѣлость превращается въ величайшую дерзость, и даже въ наглость. Дятловскому двору, мало-по-малу начало, надевать слишкомъ вольное обхожденіе Охонина, его грубые эпитеты и язвительныя насмѣшки. И Фуше, и Сегюръ, и даже смиренный маршалъ Ланнъ, начали изъявлять неудовольствіе. Дятловскій сибаритъ, цѣлуя свою красавицу, смѣялся надъ ихъ жалобами, и объявилъ однажды на-всегда, что онъ не будетъ сердиться, если друзья его станутъ говорить ему дружескія дерзости. Этою свободою они воспользовались. Насмѣшки Охонина, жившаго въ столицѣ, были нерѣдко остроумны. Насмѣшки его необразованныхъ собесѣдниковъ были, просто, наглы

и отвратительны. Служители стыдились, прислушиваясь къ Дятловскимъ господскимъ разговорамъ. Одинъ изъ сослуживцевъ Охонина, проѣзжая черезъ Устюжну, навѣстилъ стараго товарища, и, по возвращеніи въ Петербургъ, описалъ его совершенно перемѣнившимся, одичавшимъ, огрубѣвшимъ, опустившимся, какъ-будто погибшимъ. «Нельзя не пожалѣть, говорилъ онъ, о прелестной дѣвочкѣ, которая попалась въ такую отвратительную бесѣду. Да жаль и самого Охонина. Что это съ нимъ сдѣлалось, въ одинъ годъ послѣ отставки!» Сослуживецъ ѣхалъ съ попутчикомъ, Устюжскимъ жителемъ, который, возвратясь изъ Петербурга, привезъ въ уѣздъ извѣстіе о столь неблагопріятныхъ толкахъ. «Вотъ какъ объ немъ судятъ въ Петербургъ! говорили съ торжествомъ недовольные. Стало быть, не мы одни его осуждаемъ. Всѣ видятъ его безпутство; только онъ не видитъ!» — «Этимъ-то и знаменуется гнѣвъ Божій! сказалъ одинъ неученый, но умный человекъ. Погрязшему въ порокъ, Господь не только не дозволяетъ видѣть всю мерзость его положенія, но даже допускаетъ его находить въ немъ удовольствіе и ускорять свою гибель!»

На сей разъ добрый человекъ ошибся: Провидѣніе дозволило Дятловскому помѣщику увидѣть мерзость его положенія.

Всѣ эти толки дошли до его свѣдѣнія. Онъ сначала разсердился на бывшаго товарища, который такъ весело провелъ у него время, и, за дружеское гостепріимство, такъ дурно ему заплатилъ. Потомъ онъ одумался, и сознался въ душѣ, что товарищъ правъ, потому что въ Петербургъ и въ полку не такъ живутъ, какъ въ Устюжнѣ на мызѣ; что дѣйствительно Дятлово наполнено шушерею. Это Охонинъ зналъ и прежде: но что же дѣлать въ деревнѣ? гдѣ найти

лучшую бесѣду въ такомъ бѣдномъ утѣдѣ? неужели сидѣть одному какъ отшельнику, или оставаться-было въ столицѣ, послѣ отставки? Нельзя! хотъ два года надобно пожить въ своихъ помѣстьяхъ, и устроить имѣніе. Охъ, имѣніе! Какъ-то не оно, а долги начинаютъ устроиваться.... Нѣтъ, полно, въ самомъ дѣлѣ! Пора перестать, глупый штатъ распустить, расходы ограничить, а послѣ.... жениться. Да! Не иначе!.... Если будетъ выгодный случай.

Въ Маѣ 1816 года Параша уже была матерью мальчика. Это обстоятельство придало нѣсколько грусти Дятловскому помѣщику. Въ тотъ день у него не было никого. Романисты и поэты заставляютъ прелестныхъ женщинъ разрываться отъ бремени прелестными младенцами; но на дѣлѣ выходитъ, что всѣ новорожденные отъ прекрасныхъ и отъ дурныхъ обыкновенно бываютъ довольно безобразны, и хорошеютъ, спустя нѣкоторое время. Въ этомъ убѣдился и Охонинъ. Когда Параша съ улыбкою на него взглянула, онъ вспомнилъ Рубенсову картину Люксембургской галерей; вспомнилъ мастерское изображеніе болѣзненной радости Маріи Медичи, родившей сына, и нѣжно улыбающейся Генриху IV; вспомнилъ, и взглянулъ на свое рожденіе. «Экого уродца Богъ далъ! подумалъ онъ. И можно ли ему радоваться? Вѣдь это незаконнорожденный, котораго не буду знать, куда дѣвать!»

Отецъ протоіерей навѣстилъ несчастную дочь своего друга, и совершилъ священнодѣйствіе крещенія младенца Константина. Подздравляя Охонина, достойный пастырь сказалъ: «Желаю вамъ отъ души примиренія съ совѣстью. Вразуми васъ Господь! Дайте поскорѣе законнаго отца вашему рожденію и супруга его несчастной матери.» Дятловскій помѣщикъ задрожалъ отъ ужаса: въ малочинномъ родѣ Охонинныхъ никто не обезславилъ себя неравнымъ бракомъ, а

ему, маіору и кавалеру, жениться на поповнѣ... Страшно и подумать, хотя совѣсть подтверждаетъ слова протоіерея!

Черезъ мѣсяць, губернаторъ вмѣстѣ съ губерпскимъ предводителемъ пріѣхали осматривать уѣздъ. Последний довольно выразительно привѣтствовалъ представляющагося Охонина, сказавъ: «Что вы не женитесь, Илья Аѳанасьевичъ? Пора бы вамъ завестись домкомъ, если служить не хотите!» Хотя Охонинъ и отвѣчалъ, что еще не было случая, что-де дастъ Богъ впередъ, однако запросъ предводителя сильно огорчилъ Дятловскаго помѣщика; тутъ былъ упрекъ, а не простое привѣтствіе. Когда, по отъѣздѣ начальниковъ губерніи, кто-то изъ усердія, разсказалъ Охонину, какъ предводитель отзывался о немъ губернатору, какъ онъ говорилъ: — «Жаль очень, что этотъ молодой человекъ, съ хорошимъ воспитаніемъ и достаткомъ, безъ нужды оставилъ службу, и не только ничего не дѣлаетъ кромѣ долговъ, но уже успѣлъ обезславить себя въ цѣломъ уѣздѣ обольщеніемъ бѣдной спроты» — когда это дошло до свѣдѣнія Дятловскаго барина, онъ призадумался не на шутку.

— Нѣтъ, чортъ возьми! женюсь! И въ самомъ дѣлѣ, что за безпутная жизнь! И дорога и скучна! Сверхъ того, Парашка надѣла мнѣ своими пѣжностями.

По зимнему пути, Охонинъ отправился въ Москву.

Славный городъ Москва! Не даромъ многіе предпочитають ее Петербургу. И то правду сказать, у древней столицы есть свое, особенное, чего въ Питерѣ не найдешь. Изъ многого множества разницъ вотъ одна: молодой, деревенскій житель, изъ помѣстья своего отправляется въ которую-нибудь изъ двухъ сто-

лицъ: по дѣламъ, онъ говоритъ, а по какимъ,—не скажется. Тутъ обыкновенная догадка: разумется, заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ. А если имѣніе заложено или молодецъ не таковской, то какія же его дѣла? О, тутъ судя по тому, куда ѣдетъ: если въ Петербургъ, то искать мѣста; въ Москву, искать невѣсты. Право такъ!

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода —

И по этой причинѣ, женихи ѣздятъ въ древнюю столицу за невѣстами, какъ купцы ѣздятъ на ярмарку за товаромъ. У Охонина, сверхъ-того, была въ Москвѣ бабушка, родная тетка его матери. Бабушка была вдова, не молода, сама дочерей не имѣла, а сына давнымъ давно женила, и постоянно жила въ Москвѣ. У бабушки знакомыхъ много, и въ первый день пріѣзда внучка, Ильюши, она ему насчитала пятнадцать невѣстъ разныхъ достоинствъ и кондицій. Дятловскій помещикъ рѣшился подождать, да посмотреть, да съ толкомъ выбрать. Его кондиціи были, — приданое, хоть небольшое, лишь бы родители что-нибудь значили. Расчетъ вѣрный. Вотъ, скажутъ, каковъ Илья Охонинъ: знатные принимаютъ его въ родню!

Дятловскій баринъ выѣхалъ изъ Москвы женихомъ сенаторской дочери, дѣвицы, съ небольшимъ денежнымъ приданымъ, очень хорошо воспитанной и не слишкомъ красивой собою. Правда, лицомъ недурна, но такъ блѣдна! такъ худа!.... Даже не имѣетъ лучшаго украшенія женской фигуры! Это будетъ контрастъ съ Устюжскими красавицами. Но тѣмъ лучше: можно ихъ увѣрить, что въ Москвѣ мода на плоскія груди, и что теперь вездѣ такія носятъ.

Параша закричала отъ радости, когда возвратился ея возлюбленный. Она поднесла своего Костиньку, и съ восторгомъ сказала:

— Посмотрите, какой хорошенькій!

И точно онъ былъ хорошенькій; да батюшка косо на него посмотрѣлъ.

Разнесся слухъ о помолвкѣ Охонина. «Дай ему Богъ! говорили всѣ. Женится, оставить прежнія беззаконія!» Параша съ ужасомъ узнала объ этомъ. Самъ онъ ей не говорилъ ни слова. Дрожа всѣми членами, она рѣшилась вымолвить словечко.

— Вздоръ! Еще долга пѣсня.

Больше ни слова. Это ни успокоиваетъ, ни отчаяваетъ. Однако замѣтно, что обращеніе его сдѣлалось очень и очень холодно. Параша плакала украдкою, и не смѣла думать о своей будущности.

Послѣ Святой недѣли, нанятъ былъ въ Устюжнѣ домъ, отправлено туда порядочное количество запаса и корова, пріискана работница, и объявлено Парашѣ, что повоселѣе готово. Громко закричала несчастная, и упала на полъ, не отъ обморока, а просто, сраженная отчаяніемъ. Она кричала, била себя въ грудь и не могла плакать.

— Что за пустяки! грозно крикнулъ баринъ. Этимъ ничего не возьмешь!

Параша рыдала цѣлый день, и, по обыкновенію простолюдиновъ, облегчала скорбь свою, распѣвая сердечныя жалобы. Ес вѣрно было отвести въ дальніе покон. Жепщины, которыя за нею ухаживали, забыли, что она была только любовницею ихъ господина, и отъ чистаго сердца раздѣляли ея скорбь. Охонинъ цѣлый день бродилъ по полямъ.

На другой день, поутру, лошади уже были готовы. Доложено барину, что Параша уснула, вставши помолвилась Богу, и увязала небольшой узелокъ. Слава Богу! она согласна ѣхать... Дверь комнаты отворилась, и Параша вошла, держа на рукахъ сына.

— Ну, что тебѣ надобно?

— Мнѣ, сударь, приказано выѣхать отсюда. Пришла къ вамъ проститься.

— Прощай, душенька! Вѣдь не надолго. Я сегодня же къ тебѣ пріѣду.

— Покорно благодарю, сударь! только вы меня не найдете, потому, что я не поѣду на квартиру.

— Какъ не поѣдешь? Опять глупости!

— Мое мѣсто, сударь, здѣсь, у васъ, въ Дятловѣ. Такъ вы меня къ себѣ взяли. Сюда пріѣхала я поруганная, доброе имя потерявшая. Здѣсь родила я этого бѣднаго. Если отсюда меня гонять, то я должна искать себѣ другаго пріюта, а милостыни вашей не принимаю.

— Ну дѣлай, что хочешь! Здѣсь тебѣ нельзя оставаться. Я женюсь....

— Развѣ я не жена ваша?

— Что ты завралась?

— Да, конечно, подъ вѣнцомъ не была. А помните, какъ вы цѣловали мои руки, помните...

— Все помню, что тебѣ угодно; только мнѣ угодно, чтобъ ты скорѣе ѣхала. Что прошло, того не воротишь. Ну, былъ грѣхъ общій. Дѣлать нечего!

— Вотъ вы сами говорите, Илья Аѳанасьевичъ, что былъ грѣхъ. Да я ли напрашивалась на грѣхъ? Я ли старалась провинить васъ предъ Богомъ и передъ добрыми людьми? Конечно, грѣшна и я. Знаю сама какъ грѣшна! Я чай, матушкѣ родной не спится сладкимъ сномъ въ могилѣ отъ моего грѣха. Я думаю, родимый-то на томъ свѣтѣ самъ у батюшки Царя Небеснаго просился въ адъ, вытерпѣть за меня муку страшную, снять на себя мое наказаніе тяжкое. Легко, небось, объ этомъ думать, Илья Аѳанасьевичъ! Однакоже, я думала сама, думали и говорили мнѣ добрые люди; и все-таки я васъ любила. Душу свою

вамъ отдала для того, чтобы съ васъ снять грѣхъ, мнѣ одной за него отвѣчать. Вы начали, я кончила. Теперь, что вы начинаете? что вы хотите изъ меня сдѣлать? куда мнѣ дѣваться? кому на глаза показаться? Развѣ броситься въ Мологу, утопить мой позоръ отъ честныхъ людей, да съ новымъ грѣхомъ на судъ страшный явиться?

Охонинъ встревожился. Ни угрозами, ни насмѣшками нельзя было опровергнуть жалобъ несчастной Парашы.

— Что ты говоришь, душенька? образумься! Вспомни, что всякой грѣхъ очищается покаяніемъ. Для этого-то я и жепшюсь. А ты потерни: я принцу тебѣ мужа, и ты будешь съ нимъ жить честно, во страхъ Божию...

— Благодарна за милость. А этого (поднимая ребенка) куда мнѣ дѣвать? Взять, небось, да ударить объ полъ; чтобы онъ тутъ погибъ, передъ отцомъ беззаконнымъ!

Ни въ сраженіи, ни на смотру не чувствовалъ Охонинъ такого страха, какъ въ эту минуту. Чего добраго: сумасшедшая навяжетъ на шею уголовное дѣло! Онъ бросился къ Парашѣ, и, удерживая ее, говорилъ:

— Другъ мой! образумься, ради самого Бога! Ну, если хочешь, пожалуй, оставайся здѣсь!

— Оставаться здѣсь? Нѣтъ! Мнѣ жить все равно, что въ Дятловѣ, что въ другомъ мѣстѣ. Объ этомъ я не хлопочу. Вы меня выгнали изъ вашего сердца. Вотъ что для меня важно! Оставайтесь въ покоѣ; я найду себѣ мѣсто; на бѣломъ свѣтѣ его довольно; и хлѣбъ себѣ найду. Богъ не попуститъ меня умереть съ голоду. Буду сиротою, во сто разъ хуже, нежели была прежде. Тогда, я Бога не гнѣвила; тогда былъ

у меня братъ-голубчикъ, который теперь и знать меня не захочетъ; тогда жалѣли обо мнѣ люди добрые, которые теперь и глядѣть на меня не станутъ; а болѣе всего, тогда я еще не любила васъ, не послала мученія адскаго въ сердечушкѣ, не чувствовала боли лютѣй въ моей душечкѣ. Но теперь пусть я страдаю. Буду радоваться горести моей и веселиться о скорбяхъ моихъ. Авось либо выстрадаю себя милосердіе Божіе, когда уже нельзя его вымолить!

При этихъ словахъ Параша пролила слезы, помолилась иконамъ, поклонилась Охонину, и сказала со вздохомъ:

— Прощайте!

Охонинъ самъ мучился въ это время. Онъ взялъ за руку Парашу, и, едва переводя духъ, спросилъ:

— Куда же ты поѣдешь!

— Покамѣстъ въ городъ; а тамъ... подалѣе.

— Почему же ты не хочешь остаться на квартирѣ?

— Не хочу, Илья Афанасьевичъ! И никто меня къ этому не принудить. Прощайте! Будьте здоровы и счастливы, а обо мнѣ позабудьте.

У Парашы были сбережены деньги, оставшіяся послѣ матери. Все, подаренное ей Дятловскимъ помѣщикомъ, она оставила у него. По пріѣздѣ въ городъ, она остановилась у просвирни, и на другой же день напаяла подводу до Тихвина. Оттуда, какъ говорили послѣ, она уѣхала въ Петербургъ съ какою-то генеральшею, которая взяла ее къ себѣ. Послѣ не было объ ней слуха.

Охонинъ, узнавши объ отъѣздѣ Парашы въ Тихвинъ, очень обрадовался. Онъ догадался, что она или не возвратится, или, проживши тамъ нѣкоторое время, отвыкнетъ отъ него. Въ кругу своихъ приближенныхъ,

онъ разсказывалъ о Парашѣ съ веселымъ видомъ. Поступокъ съ нею выдавалъ за самый благоразумный, и даже геройскій. Не всѣ были съ нимъ согласны, но никто не противорѣчилъ. Однажды началъ онъ насмѣхаться надъ простотою своей дурочки: такъ называлъ онъ Парашу. Между прочими анекдотами, онъ разсказалъ, что разъ она разбѣжилась до такой степени, что, не зная какъ выразить свое чувство, сказала, обвиняя его: «Князь ты мой Шереметевъ! Графъ Суворовъ и разныхъ ты орденовъ кавалеръ!» Всѣ громко захохотали, а кто-то изъ придворныхъ, Ремю-за или Фуше, съ серьезнымъ видомъ сказалъ:

— Насмѣхайся! шути! только не смѣйся громко: совѣсть разбудишь!

Въ Августѣ, Дятловскій помѣщикъ возвратился изъ Москвы, и привезъ съ собою помѣщицу, сенаторскую дочь, слѣдовательно самую знатнѣйшую особу, какая только могла быть въ той округѣ. Вотъ, тутъ все пошло иначе въ сельцѣ Дятловѣ. Уже не пьяный дворъ посѣщалъ мызу, а барыни, помѣщицы, благородныя, которыхъ Дятловская госпожа не только ласково принимала и щедро угощала, но даже дарила на-память платками, матеріями, чепцами и тому подобнымъ. — «Всего навезла съ собою изъ Москвы! Премилая женщина! Жаль только, что чрезъ мѣсяцъ съ супругомъ своимъ уѣхала въ Москву, на цѣлую зиму. Какъ быть! Подождать до Мая. Обѣщала пріѣхать въ Дятлово.»

Вотъ бѣда! Въ Маѣ, Дятловская помѣщица родила. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, еще два мѣсяца пробудетъ въ Москвѣ. По истеченіи нѣкотораго времени, получены еще непріятнѣйшія извѣстія. Слабый мла-

денецъ умеръ, и мать такъ больна, что долго и долго не оправится. — «Бѣдняжка! говорили Устюжскія барыни. То-то она была такая худенькая!» Прошелъ годъ, — никто не ѣдетъ въ Дятлово: помѣщики отъправились на воды. И еще годъ. И еще. Короче сказать, въ теченіе семи лѣтъ, въ Дятлово пріѣзжалъ только самъ Охонинъ, раза три, всегда на короткое время, и только для того, чтобы собрать побольше доходовъ, и рассказать знакомымъ, что жена его все больна, — рожала четыре раза, да дѣти скоро умирали; что ея леченіе и жизнь въ Москвѣ сопряжены съ ужасными издержками; что долги съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ обратной пропорціи со скоростью падающаго тѣла; словомъ, что ему, Охонину, не житье, а наказаніе.

— Наказаніе за старые грѣхи! сказалъ ему кто-то.

— Правда, правда и правда! отвѣчалъ Охонинъ.

Ровно чрезъ девять лѣтъ послѣ изгнанія Параша, Илья Аѳанасьевичъ пріѣхалъ въ Дятлово на житье. Супруга его скончалась; дѣтей ни одного не осталось; долговъ накопилось тѣмъ болѣе, что два года былъ неурожай, и помѣстья Охонина не только не давали дохода, но и требовали издержекъ на поддержаніе крестьянъ.

— Вотъ прекрасная жизнь! говорилъ Дятловскій помѣщикъ. Женлся, для того, чтобы промучиться съ женою и разориться. Что я сдѣлалъ въ эти восемь лѣтъ? Долги! Да, правда, состарѣлся девятью годами, и сдѣлался ни къ чему неспособнымъ; сталъ глупѣе прежняго.... Здорово, мое Дятлово! Ты у меня держишься на ниточкѣ; но я все радъ тебя навѣстить. Авось-либо удержу за собою, хотя съ пожертвованіемъ другихъ помѣстій! Ты мнѣ дорого, Дятлово! Въ тебѣ я жилъ весело, съ грѣхомъ пополамъ; безъ тебя, и въ законномъ, благопристойномъ житьѣ,

нашелъ только скуку, досаду, горе и тяжкія потери. Быютъ еще старинныя башенныя часы. Не испортились, не состарѣлись прежде времени, подобно мнѣ. Все идетъ правильно, аккуратно. Играйте, куранты дѣдовскіе! Гуди заунывно, часовой колоколъ! Когда пробьетъ часъ моей смерти, тогда заржавѣйте и замолчите. Умрите, вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ Охонинныхъ, оплакавшимъ смерть четверыхъ дѣтей..... Ахти, былъ у меня еще одинъ! Гдѣ-то онъ, сердечный? Я чай, давно уже истлѣлъ прахъ и сына и матери. Поджидаютъ меня на томъ свѣтѣ, для того, чтобъ потащить на судъ.... страшный и страшный!

— Не грусти, братъ Илья! Будь философъ и веселись вмѣстѣ съ нами.

Кто утѣшалъ такъ бѣднаго Охонина? О, быстрыми шагами подвинулась къ просвѣщенію Устюжна-Желѣзопольская! Уже не прежніе Камбасересъ и Рустанъ Дятловскаго двора, составляли веселое общество этого городка. Статное ли дѣло! Завелись другіе. Всѣ народъ образованный, — и такъ образовали старуху Устюжну, что въ ней появились купцы, торгующіе «разными иностранными винами», въ томъ числѣ и шампанскимъ. Мудрено ли, что нашлись утѣшители, которые приглашали быть философомъ и веселиться вмѣстѣ съ ними! Въ настоящее время, философія всеупотребительна какъ курительный табакъ, а призваніе къ веселости возглашается людьми, и денежными, — потому, что съ деньгами можно веселиться, и безденежными, — потому, что безъ денегъ должно веселиться. Иначе было бы скучно и денежнымъ и безденежнымъ.

— Не грусти, братъ Илья! Будь философъ и веселись вмѣстѣ съ нами.

Можно ли обвинять огорченнаго, когда онъ ищетъ минутнаго забвенія своего несчастія? Кто пригла-

шаетъ его развлечься , развеселиться , тотъ бываетъ его другомъ и благодѣтелемъ.

=

— Опять ты грустенъ, Илья!

— По неволѣ будешь грустенъ, когда дѣла плохо идутъ. Вотъ, напримѣръ, съ Опекунскимъ Совѣтомъ: перевелъ я залогъ моего имѣнія изъ Петербургскаго въ Московскій. Самъ жилъ тогда въ Москвѣ, — легче было расплачиваться. Бился, бился; перезаложилъ на двадцать четыре года. Казалось бы, платить не такъ трудно. А, вотъ теперь два года не вносилъ ни копейки. Право, не изъ чего! Съ партикулярными долгами какъ раздѣлаться, не знаю! Едва плачу проценты.

— Заплатишь! Все пройдетъ.

— Да! Все пройдетъ! Мнѣ кажется, я самъ скорѣе всего пройду.

— Опять меланхолія! погрусти кстати о своей поповнѣ.

— Должно брать грустить! Это у меня на совѣсти лежитъ.

— Отыщи ее и возьми опять къ себѣ.

— Гдѣ ее отыскать? тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я въ это время даже не хотѣлъ освѣдомиться объ ней. Боялся, что мнѣ скажутъ — умерла съ горя! Если я точно ее убійца, то крайней мѣрѣ не знаю объ этомъ. Наказываетъ меня Богъ!

— Небось, Опекунскимъ Совѣтомъ?

— Всѣмъ! И Опекунскій Совѣтъ тутъ же.

— Что ты не попросишь помощи у тестя?

— А ему откуда взять? Да и что ему за дѣло до меня? Теперь я ему совершенно посторонній.

— Полно, братецъ, объ этомъ толковать! Выпьемъ съ горя водки.

— Охъ! только это и осталось въ утѣшеніе.

Всѣ соболѣзновали о запутанныхъ обстоятельствахъ Охонина; но помощи никто не могъ подать. Устюжна городъ небогатый, а у кого и были кое-какіе капиталы, тѣ давнымъ давно прибралъ къ себѣ Дятловскій помѣщикъ. Съ трепетомъ проглядывалъ Охонинъ Московскія Вѣдомости, и холодный потъ выступалъ на немъ, когда онъ читалъ слова: «Будутъ продаваться заложенные и просроченныя имѣнія.» Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданія увидѣлъ онъ:

«4. Маіора и кавалера Ильи Аѳанасьевича Охонина, Новгородской губерніи, Устюжно-Жельзопольскаго уѣзда, въ Сельцѣ Дятловъ 118, въ деревнѣ «Старомъ Кабачкѣ 49, въ деревнѣ..... А всего: 342 «души мужеска пола.»

— Свершилось! Прощай, мое Дятлово! Однако, скоро ли!... Перваго, пятнадцатаго и двадцать перваго чиселъ Мая, будущаго 1850 года. Такъ! День рожденія и именинъ моего Костишки. Явно, наказаніе Божье!

Скоро получено повелѣніе взять въ опеку все имѣніе. Охонинъ нанялъ уже домъ въ Устюжнѣ. Равнодушно узнали крестьяне о бѣдѣ своего барина: имъ памятна была его прежняя строгость въ собираніи доходовъ, обремененіе работою, требованіе оброка прежде времени. Впослѣдствіи, помѣщикъ былъ не такъ взыскателенъ; но старое не забыто. Одинъ добрый Василекъ оплакалъ несчастіе своего барина. Онъ потихоньку отдалъ ему двѣ тысячи рублей, которыя успѣлъ собрать до прибытія опекуна, и въ приходной книгѣ выставилъ задними числами.

— Да сколько ты долженъ внести? Мы постарались бы собрать кое-какъ!....

— Около двѣнадцати тысячъ.

— Ай, чортъ возьми! Много! А сколько до того времени сбереть опекунь?

— Тысячи двѣ. Да процентовъ паростетъ столько же.

— Бѣда! Тестъ не можетъ ли тебѣ помочь?

— Гдѣ ему взять? Да и не захочетъ.

— Не можешь ли ты продать половину съ вольной руки? Изъ задатка расплатишься съ Совѣтомъ, а послѣ купчую совершишь.

— На мнѣ запрещеній слишкомъ на двадцать тысячъ.

— Стало быть, нѣтъ спасенія?

— Ни какого! Тутъ воля Божья. Какъ ни хитри, не перехитришь!

Кредиторы Охонина, утраченные извѣстіемъ объ опекѣ, начали осыпать его упреками письменю и словесно. «Не грѣшно ли вамъ! Я долженъ потерять мою собственность! Я человѣкъ не богатый! Я нажилъ своими трудами! Есть ли въ васъ совѣсть!» Это было терзаніе Прометеево.

Охонинъ успокоилъ этихъ плаксъ, предоставивъ имъ право взять все, что ему останется послѣ продажи.

— Я долженъ благодарить Бога, говорилъ онъ, за то, что не создавъ умникомъ. Если бы еще я отсталъ отъ Религін, то, проживши хуже скота, окончилъ бы жизнь мою гораздо хуже, потому что ни одно животное не лишаетъ себя жизни.

— Э, вздоръ какой! Стыдись и упоминать объ этомъ! Пока человѣкъ живъ, еще ничто не пропало. Лишишься имѣнія? Какъ быть! У тебя есть пансіонъ. Сверхъ-того можно получить какое-нибудь мѣсто. Просись въ городничіе, въ Польскія или Малорос-

сійскія губерніи, въ которыхъ есть свобода винокуренія. Тамъ жить дешево, а покорный жидъ будетъ даромъ доставлять славнѣйшій пѣниекъ. Умѣй всѣмъ довольствоваться. Вотъ, въ чемъ истинная философія, любезный другъ!

Пришло письмо отъ превосходительнаго тестя, который съ выговорами, приправленными «душевнымъ прискорбіемъ», уведомлялъ о продажѣ имѣнія, по триста десяти рублей за душу. Изъ вырученной суммы столько-то удержано Опекунскимъ Совѣтомъ, столько-то поступило на удовлетвореніе Московскихъ кредиторовъ, а остальные деньги, числомъ столько-то, отправлены въ Устюжскій Уѣздный Судъ, по требованію займодавцевъ.

О, какъ обрадовался Охонинъ! Всѣ получаютъ капитальныя суммы и проценты. И даже ему останется, по расчету Уѣзднаго Суда, двѣ тысячи сто тридцать восемь рублей.

— Ну слава Богу! А кто купилъ имѣніе?

— Какой-то Надворный Совѣтникъ и кавалеръ Ставросскій. Должна быть фамилія Польская.

— Не польская, а развѣ, поновская. *Ставрѣсъ*, по-Гречески, крестъ. Да что онъ за человекъ?

— Ничего не пинутъ.

— А впрочемъ, мнѣ все равно. Я отдохну!

— Отдыхай, да не заснишь. Хлопочи о мѣстѣ.

=

— Ну, братъ Пля, что дашь за добрую новость? Правда, тебѣ давать нечего. Такъ и быть, возьму бокалъ мадеры. А извѣстіе радостное!

— Что за радости? угрюмо спросилъ Охонинъ.

— Веселись, смѣйся, скачи, пляши, и давай мадеры. Иначе не скажу.

Подали мадеры.

— Не нужно тебѣ искать мѣста. Дятлово можетъ быть твое, и это такъ вѣрно, какъ то, что я пью мадеру.

— Не съ ума ли ты сошелъ?

— Слушай. Купилъ не Ставроискій, а купила на имя его сестра, купчиха, вдова пребогатая. Она ѣдетъ сюда и намѣрена сыскать жениха, дворянина.

— Такъ что же мнѣ за дѣло?

— Теперь я спрашиваю: не съ ума ли ты сошелъ? Развѣ не слышишь? Ищетъ жениха, дворянина! Предложи себя, вотъ и все. Да у насъ въ цѣломъ уѣздѣ не найдеть такого выгоднаго! И майоръ и кавалеръ, и бывший Дятловскій помѣщикъ. Чего ей лучше!

— Слуга покорный. Я и впрямь думалъ, какаянибудь хорошая вѣсть!.... Нѣтъ, братъ; у меня отъ женитьбы шея болитъ. Мнѣ нѣтъ счастья на супружество.

— Помилуй, братецъ! Баба ловкая, молодая, богатая купчиха, Пелагья Петровна Крупчатникова.

— Убирайся ты съ нею къ чорту. Вотъ, выдумалъ! Пелагья, да еще Крупчатникова. Прелестное прозваніе!

— Настоящее купеческое! Все, кончающееся на *атниковъ*, *итниковъ*, *оциковъ*, *ениниковъ*, — все это изъ рода торговаго, промышленнаго, богатаго, честнаго, добраго.....

— И прочая, и прочая! Ищи другихъ жениховъ своей Крупчатничихъ, а меня оставь въ покоѣ.

— Глупъ же ты, братъ Илья! —

— Оглупѣешь по-неволю! со вздохомъ отвѣчалъ Илья. Бѣдность, заслуженная бѣдность! вотъ какія предложенія долженъ я выслушивать, по милости твоей!

— Какъ хочешь! Чуръ, послѣ не пенять! Советую одуматься.

Весь городъ пзумился неумѣстной гордости бывшаго Дятловскаго помѣщика. «Какъ? Такія выгодныя предложенія! Такой счастливый случай! Онъ съ ума сошелъ!» И многіе небогатые дворяне вознамѣрились поискать счастья у купчихи Крупчатниковой.

Пріѣхала Дятловская помѣщица; остановилась въ домъ такого-то, переодѣлась, и сейчасъ въ соборъ; она слушала молебенъ; они собрались-было посмотреть, да ничего не разглядѣли: большая шляпка и «уваль»! Потомъ она была у Отца протоіерея, и долго сидѣла, чай пила и все разговаривала. Вечеромъ никого къ себѣ не принимала.

На другой день, въ одиннадцатомъ часу, когда Охонинъ осушалъ графинчикъ съ настойкою, незнакомый слуга пришелъ къ нему съ докладомъ, что Александръ Петровичъ Ставросскій и сестрица его покорнѣйше просятъ пожаловать къ нимъ откушать.

— Меня? Я, братъ, съ нимъ не знакомъ. Благодарю за честь, которой я не принимаю.

Слуга ушелъ, и возвратился чрезъ десять минутъ.

— Приказано покорнѣйше просить. Очень-де много одолжите!

— Что имъ надобно? Что за одолженіе? Благодарю еще разъ, и скажи, что не буду!

Слуга ушелъ, и черезъ нѣсколько минутъ, отворилась дверь изъ передней: въ комнату вошелъ молодой, статный мужчина, съ крестникомъ въ петлицѣ,

щегольски одѣтый, раздушенный, съ женоподобною фizioномією, съ жеманною улыбною.

— Извините, Илья Аѳанасьевичъ! сказалъ онъ сла-
денькимъ голоскомъ.

— Что за лкерная конфетка! подумалъ Охонинъ,
и спросилъ, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить?

— Я Надворный Советникъ Ставроскій. Вамъ не
удобно было принять нашей просьбы: я самъ при-
шелъ вамъ ее повторить.

— Извините, сударь! Я не имѣю чести васъ знать,
и не вижу ни какой надобности знакомиться съ
вами.

Охонинъ вышелъ рюмку настойки.

«Развѣ я чѣмъ нибудь заслужилъ такой пеласко-
вый, и даже грубый пріемъ?»

— Нѣтъ-съ! Да.... наши отношенія таковы, что....
вы сами понимаете!.... Мнѣ не можетъ быть пріятно
ваше знакомство!.... А сверхъ того... извините!... Я
лишнее вышелъ, и потому такъ грубъ!...

— Воля ваша, Илья Аѳанасьевичъ! Мы отъ чистаго
сердца приглашали васъ къ себѣ откусать.

— Вы можете быть думаете, что мнѣ вѣсть нечего?
Ошибаетесь!

У Ставроскаго показались слезы на глазахъ.

Помилуйте, Илья Аѳанасьевичъ! Осмѣлюсь ли я
когда нибудь.... Какъ худо вы меня понимаете!

И утеръ слезы, которыя струями полились по ру-
мянымъ щекамъ. Охонинъ глядѣлъ на него съ изум-
леніемъ.

— Кой чортъ! думалъ онъ. Этотъ сахарный стоитъ
передъ мною, какъ просрочившій должникъ передъ
кредиторомъ. Да что же вамъ угодно?

— Ничего болѣе, какъ только осчастливьте меня и
сестру вашимъ посѣщеніемъ.

— Послушайте, государь мой! Вы мнѣ кажетесь честнымъ господиномъ, и я долженъ васъ предупредить.... Здѣсь посятся слухи, что сестрица ваша, госпожа кунчиха Крупчатникова, хочетъ сдѣлаться дворянкою, и ищетъ себѣ жениха. То вѣрьте мнѣ....

— О, на этотъ счетъ, съ живостью прервалъ Ставрооскій, будьте спокойны! У сестры моей есть женихъ, дворянинъ, котораго она любить и ни на кого на свѣтѣ не промѣняетъ. Нѣтъ, нѣтъ!

— Такъ что же вы ко мнѣ пристали? Можетъ быть, полагая меня въ крайней бѣдности, хотите, Христа ради, дать вспоможеніе, котораго я не прошу?

— Мы не смѣемъ и думать объ этомъ, Илья Аѳанасьевичъ! Повѣрьте, что кромѣ истиннаго почтенія вы ничего отъ насъ не увидите.

— Очень же щедры вы на почтенія, когда дарите имъ челоуѣка совершенно незнакомаго и вовсе непочтеннаго! Но.... если уже непременно я долженъ у васъ обѣдать, то позвольте мнѣ одѣться.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить, Илья Аѳанасьевичъ.

Охонинъ ушелъ, а Ставрооскій расхаживалъ по комнатѣ, часто утирая слезы. «Какъ онъ постарѣлъ! какъ посѣдѣлъ! не мудрено! горе сокрушаетъ скорѣе времени!»

— Ну, вотъ и я къ вашимъ услугамъ. Пойдемте!

Въ первой комнатѣ встрѣтилъ ихъ Отецъ протоіерей, и вслѣдъ за нимъ, женщина еще молодая, довольно толстая, румяная.

— Узнаете ли вы меня, Илья Аѳанасьевичъ? сказала она, улыбувшись и тѣмъ показавши, что у нея не достаетъ одного зуба спереди.

— Боже мой! Глазамъ не вѣрится!... не съ ума ли я сошелъ?

— Узнайте же по крайней мѣрѣ этого, Костицку?

— Вошелъ въ комнату красивый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, прекрасно одѣтый.

Бывшій Дятловскій помѣщикъ заревѣлъ. Наслыу отпоили его дрей-мადерой.

=

Ну, пошли романтическія глупости! Чудныя встрѣчи, чудное возвышеніе бѣдныхъ людей и униженіе богатаго, нечаянное вдовство съ той и съ другой стороны, какъ будто условленное! гдѣ тутъ правдоподобіе!

Благоволите прочитатъ еще нѣсколько страницъ, и вы увидите, что дѣло происходило самымъ простымъ и естественнымъ образомъ.

Когда Алексаша былъ отправленъ въ Петербургъ, онъ писалъ оттуда и къ сестрѣ, и къ Охонину. Когда онъ и его крестный отецъ узнали о позорѣ Парашинъ, Алексаша хотя былъ неопытенъ, и несовсѣмъ понималъ въ чемъ дѣло, но въ негодованіи далъ слово прекратить всѣ сношенія съ преступною сестрою, а крестный отецъ еще болѣе утвердилъ его въ намѣреніи, пояснивши, сколько дозвоительно было, всю важность такого безчестія. Алексашу хотѣли отдать въ Александроневскую Академію. Случилось, что крестнаго отца навѣстилъ одинъ значительный чиновникъ, богатый и довольно молодой. Сначала обратила на себя его вниманіе прекрасная паружность Алексашинъ; потомъ, разсказъ объ его сиротствѣ возбудилъ участіе; наконецъ чиновникъ плѣнился природнымъ умомъ и малыми, но основательными, познаніями этого мальчика. Онъ упросилъ крестнаго отца отдать ему Алексашу, полюбилъ его, началъ заботиться объ немъ какъ о меньшомъ братѣ, и, когда минуло ему семнадцать лѣтъ, отиравилъ его въ университетъ, куда самъ нарочно ѣзжалъ каждый годъ, для наблюденія

за успѣхами своего любимца. Алесаша имѣлъ рѣдкія способности и былъ прилеженъ. Благодѣтель, видя, что его попеченія не пропадаютъ, вслѣлъ юному Александру оставаться въ университетъ, до полученія докторскаго званія; потомъ опредѣлилъ его къ должности по тому же министерству, гдѣ самъ служилъ, и такимъ образомъ вывелъ въ люди молодаго Ставрогоскаго, названнаго имъ такъ, въ воспоминаніе его происхожденія изъ духовнаго званія.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Подобныя примѣры мы видимъ очень часто, и, дай Богъ, видѣть еще чаще.

Что касается до Параша, то ея исторія не была такъ весела. Съ растерзанною душою, пробиравась она въ Тихвинъ, въ надеждѣ получить облегченіе отъ чудотворной Иконы. Бѣдная дѣвушка, въ продолженіе пути, не могла ни ѣсть, ни спать. Если бы Охонинъ умеръ, печаль ея была бы въ тысячу разъ сноснѣе. Но мысль, что онъ ее покинулъ, что онъ, такъ страстно ею любимый, будетъ принадлежать другой, эта мысль производила въ ней тоску невыразимую. Одно воспоминаніе объ Охонинѣ такъ стѣсняло ея сердце, что она, не въ состояніи будучи скрыть своего горя, мгновенно заливалась слезами, и вскрикивала даже при постороннихъ: — «Ой батюшки, тошно! голубчики, грустно!» Устюжскія уроженки не такъ краснорѣчиво выражаютъ свою скорбь, какъ Шекснинровы героини; тѣмъ не менѣе всѣ, слышавшіе эти болѣзненные возгласы, старались ее утѣшить, не зная даже о чемъ она груститъ. Онъ, плакал, и совѣтовали ей прибѣгнуть къ обыкновенному Русскому лекарству отъ сердечныхъ недуговъ, — молиться Богу. Бѣдная Параша можетъ-быть покусилась бы на жизнь, если бы надежда на молитву и любовь къ сыну не давали ей мужества.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи добралась она

до Тихвина, на пятый день своего путешествія. Бѣдняжка совершенно измучилась, и, боясь заперечь, въ тотъ же вечеръ пошла въ монастырь къ чудотворной Иконѣ. Къ счастью ея, одна Петербургская жительница, вдова Тайная Совѣтница, ежегодно посѣщавшая Тихвинъ, пріѣхала въ тотъ самый день. Церковь была отперта и молебень служился: Параша застала его окончаніе, и начала просить Отца іеромонаха объ отслуженіи другаго. Утомленный священнослужитель готовъ былъ отказать до завтрашней обѣдни; но Параша плакала. Ея молодость и горестъ тронули отшельника, и обратил на себя вниманіе пріѣзжей дамы. — Когда зашелъ, — *«Предстательство Христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное: не презри грѣшныхъ моленій гласъ»* — Параша зарыдала такъ сильно, что слезы ея струею полились по рытвинамъ чугунаго помоста. При чтеніи Евангелія, ея превосходительство, изъ любопытства, оставшаяся въ церкви, велѣла своему слугѣ поддерживать дрожащую богомолку, да и сама изволила къ ней подойти съ видимымъ участіемъ. «О, бѣдняжка!... Успокойся! утѣшь тебя, Царица Небесная! Видно, много ты горя потерпѣла въ такія лѣта!» Петербургская дама непременно захотѣла узнать, кто такая эта прекрасная молодая особа, съ младенцемъ, и въ такой тяжелой скорби, и не мудрено было узнать. Въ тотъ же вечеръ городничій приказалъ юной страннице явиться къ себѣ, и отвелъ ее къ Петербургской дамѣ. Бѣдная Параша вынуждена была рассказать свою исторію. Ея превосходительство была тронута до слезъ.

— «Правда, милая! сказала она: ты погрѣшила передъ Богомъ по неопытности, и это конечно тебѣ проститъ Творецъ милосердый. За твою вину долженъ отвѣчать другой. Но не хорошо то, что ты такъ страстно прильпнулась къ своему развратителю. Ты должна стараться его позабыть, и обратиться къ Богу.» — «Ахъ,

мать моя родная! отвѣчала Параша. Сударыня ты моя! полжизни отдала бы я тому, кто вылечилъ бы мое сердечушко!» — «Молись Богу, душа моя, а Онъ тебя вылечить. А между-тѣмъ, что ты намѣрена дѣлать?» — «Хочу, матушка, остаться здѣсь, въ Введенскомъ монастырѣ.»

Дама покачала головою.

— Ну нѣтъ, душенька! Это не возможно. Въ монастырѣ тебя не примутъ: да и къ чему, въ твои лѣта, вступать въ святую обитель? Черезъ годъ, черезъ два ты позабудешь свое горе, и не захочешь жить въ монастырѣ. А между-тѣмъ, куда ты дѣнешь своего ребенка? Вѣдь не бросить же на дорогѣ, — прости Господи! — или не подкинуть кому-нибудь.

— Сохрани меня, Мати Пресвятая Богородица отъ такого грѣха! сказала Параша, обливаясь слезами.

— Ну, вотъ видишь! Такъ я тебѣ лучше предложу. Ты умѣешь читать и писать. Поди ко мнѣ въ услуженіе. Должность твоя будетъ записывать мой расходъ, и по вечерамъ, когда я лягу въ постель, читать мнѣ книгу. Теперь я ѣду въ Ладожскую деревню, гдѣ обыкновенно живу до Покрова. А послѣ, переѣзжаю въ Петербургъ на всю зиму. Согласна ли ты?

Какъ не согласиться бѣдной Парашѣ! Не по міру же ходить, а о монастырѣ страшно подумать! Объ этомъ проговорилась только съ отчаяніемъ...

— Смотри же, милая: ведн себя честно, бойся грѣха паче всего, не гнѣви Бога въ другой разъ.

На самомъ берегу величественнаго Волхова, близъ древней Ладоги, въ прекрасной усадьбѣ своей благодѣтельница, провела Параша все лѣто, въ обществѣ трехъ или четырехъ престарѣлыхъ дѣвицъ, составлявшихъ домашнюю компанію съ превосходительства. Бѣдная Дятловская изгнанница была всѣмъ обласкана. Малютка ея подростать и видимо хорошѣлъ. Имъ всѣ любовались. Отправляясь въ Петер-

бургъ, его оставили въ деревнѣ, подъ надзоромъ няни, а на слѣдующій годъ, онъ поступилъ въ званіе любимца ея превосходительства, спалъ въ ея комнатѣ, и кушалъ за ея столомъ. Параша была счастлива. Она вела себя очень строго, и никто изъ столичныхъ ея воздыхателей не удостоился ласкового слова. Это благочестіе приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ въ такую досаду, что они отъ души посылали къ чорту недоступный предметъ своей любви, и не только ругали Парашу, но и угрожали ей мщеніемъ. Ничто не могло ее поколебать. Не столько боязнь грѣха, сколько воспоминаніе о Дятловскомъ рабѣ, вселяли въ нее отвращеніе отъ новой склонности. Такъ жила Параша три года. Наконецъ новый ударъ былъ ей нанесенъ судьбою. Благодѣтельница ея умерла. Конечно, Параша могла себѣ сыскать мѣсто въ Петербургѣ; она выучилась ходить за знатною дамою, и вела себя очень хорошо: но кто возметъ, вмѣстѣ съ нею, четырехлѣтняго мальчика? Третье сиротство бѣдной дѣвушки, и едва ли не самое тягостное!

Въ Петербургѣ не безъ чувствительныхъ сердець. Тамъ есть люди, до такой степени сострадательные къ бѣдности, что даже дѣлаютъ ее, — разумѣется, чужую бѣдность, — предметомъ самыхъ утонченныхъ спекуляцій, и даже выгодной торговли. Какая-то ма-тушка-мадамъ, среднихъ лѣтъ, познакомилась съ бѣдною Парашею, погоревала объ ея горѣ, начала ее частенько навѣщать и къ себѣ просить, и въ горѣ утѣшать, и добрые совѣты преподавать. «Вотъ Христіанская душа!» думала Параша. Въ непродолжительномъ времени оказалось, что одинъ купецъ, живущій въ Петербургѣ и имѣющій миллионъ въ оборотѣ, — купецъ, вдовецъ и двухъ взрослыхъ сыновей отецъ, — никакъ не могъ сладить съ молодежькою танцовщицею, которая просила сорокъ тысячъ ежегодно. Сорокъ тысячъ!... Много! Предлагалъ купецъ двадцать;

но, по увѣренію Леклерка, Русскіе почитаютъ святымъ число сорокъ, а танцовщица была Русская, — и такъ дѣло не состоялось. Услужливая матушка-мадамъ, которая добывала питомицу Терпсихоры, вознамѣрилась услужить купцу Парашею, во сто разъ прелестнѣйшею, нежели въ танцовщицѣ балетной труппы.

Вы, можетъ-быть, скажете, что и это не правдоподобно? Воля ваша; а по моему все это очень понятно и естественно.

И какъ дѣло идетъ объ естественности, то въ моей естественной исторіи скоро случилось нѣчто еще естественнѣйшее. Купецъ, познакомившись съ Парашею, влюбился безъ памяти. Замѣтите, что я говорю — влюбился, а не — выбрилъ себѣ бороду: послѣднее было бы совершенно противно Природѣ; первое еще кое-какъ съ нею кленется..

Параша естественно отринула развратныя предложенія купца, и прогнала матушку-мадамъ.

Купецъ естественно въ попыхахъ женился на Парашѣ.

Сыновья купца естественно возопіяли на батюшку.

Батюшка естественно управился съ ними по-Русски.

Такимъ-то образомъ, переходя изъ одной естественности въ другую, бѣдная, обманутая поповна сдѣлалась богатою купчихою, и, къ чести не только ея, но и всего естественнаго въ мірѣ, должно сказать, умѣла прибрать къ рукамъ муженька. Онъ любилъ выпить лишнее, какъ мужчина. Прасковья Петровна, какъ женщина, хотѣла было это воспретить: но онъ выразительными жестами заставилъ ее отложить все этого рода попытки. Прасковья Петровна, изъ супружеской въжливости, сама начала подносить мужу. Мужъ изъ благодарности къ пѣжной и заботливой женѣ, пе-

реписалъ на ея имя нѣсколько ломбардныхъ билетовъ, суммою тысячъ на двѣсти и болѣе. Испуганный наводненіемъ 7 Ноября, старый купецъ почувствовалъ себя очень нездоровымъ. Онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе, которымъ обонхъ сыновей лишилъ наслѣдства за неуваженіе къ нему и къ мачихѣ, и свою торговлю, два дома на Фонтанкѣ, да третій у Владимірской, гдѣ самъ жилъ, со всемъ движимымъ имуществомъ передалъ «дражайшей и благоразумной сожительницѣ» «Прасковѣ Петровнѣ Кручатишниковой въ полное ея распоряженіе.» Такъ сказано было въ духовной.

Лишь только скончался супругъ Прасковьи Петровны, она послала къ своимъ пасынкамъ, извѣстить ихъ о смерти отца, о его завѣщаніи и о твердомъ ея намѣреніи возвратить имъ родительское достояніе. Пасынки упали къ ногамъ благотворительной мачихи. И какъ скоро, положивши покойника на Волковомъ полѣ, Прасковья Петровна порядкомъ угостила всѣхъ бывшихъ на погребеніи, изготовленные по волѣ ея акты, были ею подписаны. Имъ передала она сыновьямъ своего мужа и торговлю; и дома, и даже половину движимаго имущества; себѣ оставила только малоцѣнный домъ у Владимірской и ломбардные билеты. Этотъ великодушный поступокъ пріобрѣлъ ей уваженіе всего купечества. Вдова Прасковья Петровна начала жить мастерски: она скромность, бережливость и уединеніе умѣла соединить со щегольствомъ, щедростію и общежитіемъ. Вскорѣ появились женихи, но она объ нихъ и слышать не хотѣла. Цѣтъ! Прасковья Петровна, не зная, подтверждала сказанное въ прелестной балладѣ Мопкрифа, и, стараясь забыть своего обольстителя, безпрестанно объ немъ вспоминала. Нерѣдко, сидя одна въ комнатѣ, она напѣвала въ полголоса родимыя пѣсни, и проливала слезы, мечтая о милой сердцу ея Устюжнѣ. Сына своего воспитывала она наилучшимъ образомъ:

малютка говорилъ по-Французски и по-Нѣмецки такъ же чисто, какъ по-Русски.

Скоро послѣ ея вдовства, Александръ Петровичъ возвратился въ столицу. Онъ самъ отыскалъ свою сестру, которая увѣдомляла его о своемъ замужствѣ; по тогда Александръ Петровичъ отвѣчалъ ей довольно сухо. А теперь она была молодая, прекрасная, богатая вдова, имѣла довольно обширный кругъ знакомства, жила въ собственномъ, щегольски убранномъ домѣ, разъѣзжала въ каретѣ, одѣвалась по модѣ, разъ въ недѣлю давала обѣдъ: все это обязываетъ забыть старыя прегрѣшенія. И братецъ, и сестрица остались довольны другъ другомъ.

Когда трауръ Прасковьи Петровны подходилъ къ окончанію, она вторично осведомилась объ Охоннѣ. Вторично, — потому что при жизни мужа развѣдала, что онъ живетъ въ Москвѣ съ больною женою. На этотъ разъ ей сказали, что онъ овдовѣлъ, и оставшись бездѣтенъ, скучаетъ въ своемъ Дятловѣ. Сильно забилось сердце Прасковьи Петровны. Чего бы лучше? Она еще въ полномъ блескѣ красоты и богата... Но нѣтъ; не броситься же ему на шею! Пусть совѣсть его научить, что онъ долженъ дѣлать.

Однажды Александръ Петровичъ, пріѣхавши изъ канцеляріи къ обѣду, привезъ съ собою Московскія Вѣдомости. Прочитай-ка!» сказалъ онъ сестрѣ. Это была публикація Опекунскаго Совета. Прасковья Петровна не слишкомъ поняла, въ чемъ дѣло, и когда братъ ей растолковалъ, она, заплакавши, объявила о намѣреніи выкупить это имѣніе.

— Нѣтъ, не такъ! сказалъ Александръ Петровичъ. Дай мнѣ лучше сотни полторы тысячъ взаймы. Я возьму отпускъ, поѣду въ Москву, куплю это имѣніе, и, когда ты выйдешь за-мужъ за Илью Аѳанасьевича, передамъ тебѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. И сдѣлано, попреж-

нему, самымъ естественнымъ образомъ. Впрочемъ, если происшествіе выходитъ нѣсколько изъ круга обыкновенныхъ, то въ томъ-то и штука: иначе оно не стоило труда быть описаннымъ.

Нужно ли сказывать, что Охонинъ, для заключенія всего дѣла чѣмъ-нибудь крайне естественнымъ, женился на своей Парашѣ? Онъ сдѣлалъ это, между-прочимъ, для успокоенія своей совѣсти, и клялся всеми Святymi, что если бы нашелъ мать своего Костиньки и въ бѣдномъ положеніи, все-таки непременно сочетался бы съ нею законнымъ бракомъ. Полуустарѣвшую чету благословлялъ тотъ же Отецъ протоіерей, и поздравляя новобрачныхъ, сказалъ Охонину: «Я вамъ тогда это совѣтовалъ, какъ пастырь духовный! Не вняли вы моему совѣту, какъ мірянинъ, ослѣпленный суетою и предразсудками; но внялъ меня Господь, и, по неизрѣченной благодати своей, сподобилъ васъ очистить тяжкое прегрѣшеніе.»

Устюжскія барыни говорили объ этой свадьбѣ иначе: «Вотъ какъ Богъ его попуталъ! по пословицѣ — «послѣ полотенчика утирается онучкою.» Былъ женатъ на сенаторской дочери; теперь женился на поповнѣ, да еще на какой!.... Наказалъ его Господь!»

Опять вошло въ славу сельцо Дятлово. Новая помѣщица начала всѣхъ принимать, и хлѣбасомъ не жалеть. Правда, есть изъ чего: кромѣ вотчинъ, тысячъ двѣсти денегъ. Славно живутъ Охонины! Чай и кофе, по-старинному, варятся четыре раза въ день, а перинъ для пріѣзжающихъ сдѣлано пятьдесятъ. Гостепріимная конюшня открыта для тощихъ лошадей всѣхъ окружающихъ помѣщницъ; словомъ, Дятлово опять Дятлово.

Каждый годъ, баринъ съ барынею, или лучше сказать, барыня съ бариномъ, уѣзжаютъ въ Петербургъ, мѣсяца на два, навѣстить Костиньку, который учится очень хорошо, и по выдержаніи экзамена вступить

въ службу. Фамилія ему дана: Дятловскій, и Прасковья Петровна, у которой уже родились двѣ дочери, увѣряеть, что ежели у нея не будетъ сыновей, то она Костинькѣ отдастъ селъцо Дятлово.

И повѣсти конецъ ?

Нѣтъ еще: полюбуйтесь на житье-бытье Дятловскихъ господъ. Вы вѣрно такъ же, какъ и я, любите все естественное, — все, согласное съ уѣздною Природою.

=

— Ахъ! безцѣнный мой! говорить, тяжело въздыхая, Прасковья Петровна. Илюша! другъ мой!

— Параша! милочка!

— Ангелъ ты мой! Какъ я тебя люблю!

— Душечка ты моя!

— Не житье, а рай мнѣ съ тобою, моимъ милымъ другомъ! Такъ... не оторвалась бы отъ тебя!

— Параша, другъ мой!... Давно я тебя просилъ! ты приказывала подождать. Сдѣлай же милость, дай мнѣ тысячу рублей!

— На что?

— Ну, какъ на что, душечка! Вѣдь и мнѣ не хочется отстать отъ другихъ. Вотъ, наши собираются въ Рыбинскъ, на ярмарку, и меня приглашаютъ..

— Зачѣмъ? Развѣ что нужно тамъ покупать? Да отпущу ли я тебя одного, разстанусь ли я съ тобою! Что ты, Илюша? Богъ съ тобой! Бросить жену, и ѣхать безъ нужды! На что это похоже?

— Параша матушка! Вѣдь на двѣ недѣли только!

— Да что за надобность? И на что деньги? На пьянство! на мотовство! Можетъ-быть еще....? Полно, сударь, полно! пора остепениться.

— Неужели тебя разорить тысяча рублей?

— Не пожалѣла бы я и десяти тысячъ на дѣльное, а тутъ не вижу ни какой надобности.

— Такъ-то ты меня любишь! Для всѣхъ щедра, для мужа скупа, какъ жидовка.

— Ты ли это говоришь, безсовѣстный, неблагодарный? Не я ли тебя выкупила изъ бѣды, примѣромъ сказать, изъ грязи вытянула? Долги твои заплатила; тебя содержу, кормлю, пою, одѣваю, пансіона твоего не трогаю: проматывай, куда хочешь! Чего тебѣ не достаетъ? Ромъ къ чаю; водка, вино къ столу, — вѣдь все только для тебя. Я сама не пью. Лошадей тебѣ завела тройку особенно, въ твое удовольствіе. Вѣдь это счетъ!

— Да! счетъ! А принимать къ себѣ круглый годъ голодныхъ старухъ, да вѣстовницъ, да сплетницъ, кормить на убой, дарить деньгами, полотнами, отпускать имъ всякую провизію, содержать ихъ клячей, — это все не счетъ?

— Изъ своего даю, мой батюшка, не изъ чужаго!

— Видно, чужихъ-то одинъ мужъ, который не смѣетъ зазвать къ себѣ пріятелей!

— Какихъ пріятелей? Не тѣхъ ли оборванниковъ и пьяницъ, которыхъ ты называлъ Французскими генералами да министрами? Не ихъ ли опять скликать? Хорошо, что примерли! А впрочемъ, дай тебѣ волю, — ты найдешь такую компанію, что «порядочной дамѣ» надобно будетъ бѣжать отсюда!»

— Давно ли ты, мать моя, попала въ порядочныя дамы?

— Съ того времени, какъ ты, отецъ мой, безпорядочный кавалеръ, остался безъ кола и безъ двора, да и безъ хлѣба насущнаго! Понимаешь?

— Слушай, Прасковья! не посмотрю я на твое богатство, и отдѣлаю тебя по-Русски, если ты еще осмѣлишься мнѣ грубить. Одного зуба уже нѣтъ! Береги остальные.

— Что! бить меня?

Прасковья Петровна выбѣжала въ другія комнаты

— Батюшки , помогите ! Матушки , голубушки ! Авдотья Семеновна ! Евгения Нилловна ! пожалуйста сюда ! Будьте мнѣ свидѣтели ! Защитите меня , бѣдную , горемычную !

— Что , матушка ? что такое ? закричали объ барыни , то есть , Авдотья Семеновна и Евгения Нилловна .

— Красавицы мои , защитите ! Бить меня хочетъ ! Убить грозитъ !

— Сохрани Господи , матушка ! что съ нимъ ? Видно хмѣлень !

— Пѣть , мои матушки ! Присталъ съ ножемъ къ горлу : давай ему тысячу рублей , ѣхать на ярмарку ! (рыдая) Мало я за него переплатила ! Мало я для него сдѣлала !

— Ахъ , матушка ! Ахъ , голубушка !

=

И какъ мы рѣшились не отступать ни въ чемъ отъ естественности , то вотъ какія мудрыя наставленія даетъ Илья Аванасьевичъ , даетъ своему возлюбленному сыну .

Очень радуюсь , другъ мой Константинъ Ильичъ , твоимъ успѣхамъ въ Наукахъ , и весьма утѣшаетъ меня надежда , что ты , съ Божіею помощью , выдержишь экзаменъ , и получишь право вступленія въ службу . Не теряй времени , мой любезный , и помни , что тебѣ надобно познаніями пріобрѣсти себѣ какое-нибудь званіе . Учись хорошенько , а издержекъ на твое образованіе мы не пожалѣемъ . Слишкомъ рано задумалъ ты избирать себѣ родъ службы . Сначала выучись , а послѣ располагай собою . Помни , что ты не природный дворянинъ . Да нѣтъ , и княжескимъ сыновьямъ приходится плохо безъ образованія ! На грамоты только взглянуть , и скажутъ : Хороши ! годятся ! — а послѣ , потащатъ голубчика на испытаніе , да уже не взгля-

нута, а разглядываютъ, — хорошъ ли, годится ли? Это я тебѣ не лгу; и если ты нѣсколько примѣровъ противнаго видишь, то это тебѣ не указъ. Еще разъ говорю: учись, выучись, и тогда, являсь на службу, можешь сказать смѣло: «Я готовъ служить Государю и святой родинѣ. Что нужно было принасти, то я «принасъ. Нѣ безграмотенъ, не невѣжда! Не былъ «лѣнтяемъ въ юношества, буду прилеженъ и въ му-«жескомъ возрастѣ. Не потерялъ времени въ школѣ, «буду умѣть имъ пользоваться въ службѣ.»

О, сколь приятно было бы мнѣ, если бы мой Костя въ точности выполнилъ все вышесказанное! Но я и не теряю надежды. Что же касается до намѣренія твоего вступить въ военную службу, и до опасенія, что этому будутъ противиться мать и дядя, то я напередъ даю тебѣ мое благословеніе: иди туда, гдѣ думаешь быть полезнымъ. Я самъ былъ воинъ, и люблю это званіе. Твоя мать не воспротивится моей волѣ, если я захочу видѣть тебя въ военномъ мундирѣ. На этотъ счетъ, будь спокоенъ, только съ уговоромъ!

Извѣстно мнѣ по опыту, что молодые люди любятъ отличиться удалствомъ. Помни это слово! Удалство ихъ, по большей части, состоитъ не въ томъ, что бы отважно летѣть на врага отечества, безстрашно дѣйствовать подъ градомъ пуль и картечей, — нѣтъ, — война бываетъ не всегда; а такъ называемое удалство приписывается къ военному мундиру и въ мирное время. Что же это за удалство? Тебѣ, другъ мой, минуло семнадцать лѣтъ, и ты вступаешь на опасную стезю жизни нравственной, самопроизвольной, а не физической, не зависящей отъ учительской указки. Пора пояснять тебѣ вещи, малозвѣстныя, а въ житейскомъ быту неизбѣжныя.

И такъ, вѣдай, что удалствомъ, между людьми, разумѣется, молодыми и неопытными, нерѣдко почитаютъ гибельную отважность въ самыхъ дурныхъ дѣ-

лахъ; напริมѣръ, часто называютъ удалцомъ и молодцомъ того, кто лѣзетъ на драку съ своимъ братомъ; кто можетъ много выпить; кто сорить деньгами; кто побьетъ беззащитнаго, и тому подобное. Но болѣе всего превозносятъ удалство того, кто счастливъ въ волокитствѣ.

Да, братъ! Эти гибельныя похвалы волокитному удалству сводятъ съ ума молодыхъ людей. Укралъ я деньги, — всѣ закричатъ: Ахъ, подлець! ахъ недостойный человѣкъ! Соблазнилъ я чужую жену, или дѣвушку, — всѣ говорятъ: Молодецъ! лихой! счастливецъ! И никому въ голову не приходитъ, что честь женщины навсегда потеряна; что хваленый молодецъ и удалецъ лишилъ ее того, чего возвратить ей никогда не можетъ. О, другъ мой, Костиныка, берегись! Не шути добрымъ именемъ слабаго существа! Хотѣлъ бы я тебѣ много написать, да письмо и безъ того длинно. Помни только мое завѣщаніе: никогда не посягай на честь женщины или дѣвушки! Эти беззащитныя созданія хранимы самимъ Творцомъ, который наказываетъ за нихъ преступнаго мужчину. Скажу болѣе: человѣкъ, посягнувшій на честь женщины, никогда не будетъ счастливъ, даже и въ супружествѣ. Вся жизнь его будетъ хуже каторжной работы. И это я говорю по опыту. Конечно, самъ я счастливъ съ твоею матерью, но такія исключенія очень рѣдки. Насмотрѣлся я на жалкіе примѣры!....

Помни всегда мое наставленіе, дружечекъ. Слѣдуй оному, и не будешь раскаяваться. Прощай. Будь здоровъ, и учись хорошенько. На дняхъ хотѣлъ я ѣхать въ Рыбинскъ на ярмарку, да кое-какія дѣла задержали.»

В. УШАКОВЪ.

МОЖЕТЪ ЛИ ЭТО БЫТЬ?

=

Есть идолопоклонники, вѣрующіе въ божественность женскаго сердца; они обогащаютъ его мысленно всѣми сокровищами добродѣтели и любви.

Есть скептики, называющіе женскую вѣрность баснею: если они и соглашались иногда, что женщина можетъ не измѣнить добродѣтели, то ограничиваютъ эту возможность разными условіями: требуютъ безобразія, или холоднаго темперамента, или отсутствія искушеній.

Дольскую выдали замужъ по расчету. Когда ее помѣнили, ее обольщала переменѣ состоянія; ее радовала увѣренность, что повиновеніемъ своимъ она доставляетъ утѣшеніе родителямъ; но въ сердцѣ ея не было той могучей любви, которая бросаетъ будущность молодой невѣсты на верхъ земнаго блаженства. Ея и не спрашивали о любви. Зачѣмъ! Она бѣдна, женихъ богатъ, — этого довольно чтобъ отдать замужъ: такъ великъ житейское благоразуміе. Родители всегда забывали и будутъ забывать, что брачная клятва безъ любви есть предисловіе грязнаго романа.

Вопреки этому афоризму, прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Дольская была замужемъ; но самое привязчивое злословіе, не отыскало бы, въ ея поведеніи, ни одного поступка, достойнаго порицанія.

А какъ легко было преступленіе! Если бы вы знали ея мужа!

Онъ не имѣлъ ни малѣйшей ревности; онъ вѣрилъ въ добродѣтель жены своей, какъ вѣритъ магометанинъ въ обѣщанный ему рай, какъ вѣритъ критикъ

въ безошибочность своего приговора : его вѣра имѣла всю силу фанатическаго убѣжденія. Была ли она основательна, увидимъ впоследствии ; но , повинаясь своей природѣ , онъ не могъ не вѣрить : его добрая, простая душа не постигала обмана. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, на рѣдкость которыхъ, въ наше время, жалуется игроки, пріятели, управители и многіе, разные люди, которыхъ не называю, потому что ихъ списокъ былъ бы длиннѣе лица арестованнаго корнета. Но, если душевныя качества Дольскаго и дѣлалъ его человѣкомъ достойнымъ уваженія, то, по той же причинѣ, по которой медаль имѣетъ двѣ стороны, то есть, по естественному порядку вещей, онъ имѣлъ свои недостатки : удовольствія умственныхъ занятій были ему незнакомы ; вистъ , хорошій столъ и лошади, вотъ все, что его занимало. Несмотря на то , онъ былъ любимъ своею женой ; можетъ-быть слишкомъ тихо и разсудительно, но съ него было довольно : онъ не требовалъ восторговъ. Онъ и самъ любилъ безъ романтическихъ утонченностей , и больше любилъ свою добренькую, нежели свою хорошенькую жену.

Не думайте однако жъ, чтобы у нея было такъ мало красоты, что нельзя было любить ее за красоту. О, нѣтъ !

Я не буду, по обычаю разскащиковъ, исчислять ея прелести и выхвалять по порядку ея румянецъ и бѣлизну, ея стройный станъ и шелковистые локоны ; но, чтобы дать о ней понятіе , скажу, что трудно найти лице, которое, при правильныхъ чертахъ, имѣло бы такое милое выраженіе кротости и простосердечія. Ея голубые глаза, подернутые влагою, отсвѣчивались нѣжностью прекрасной души. Что было въ ней особенно плѣнительно, это ея голосъ. Онъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ грубыхъ и пскливыхъ звуковъ, которые отъ зависти, высокомерія , лживости и другихъ

непріятныхъ свойствъ вкрадываются въ произношеніе. Это былъ голосъ чистый, какъ младенческая радость; увлекательный, какъ лесть; трогательный, какъ молитва; голосъ, способный усыпить недоувѣрчивость чловѣка, выведеннаго опытомъ за рубежъ всѣхъ сердечныхъ заблужденій.

Присоедините къ вліянію этаго голоса врожденную доувѣрчивость Дольскаго, и то выгодное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о себѣ, — ему не было тридцати лѣтъ, и наружность его была пріятна, — и вамъ не покажется удивительнымъ, что онъ давалъ женѣ своей полную свободу въ образъ жизни.

Въ первый годъ замужства, она очень часто выѣзжала въ свѣтъ; ее занимали его удовольствія; она смотрѣла на его блескъ съ любопытствомъ шестнадцатилѣтней неопытности, брошенной внезапно изъ деревенской тишины въ шумъ столичной жизни.

Само по себѣ разумѣется, что ся замѣчательная красота окружила ее толною поклонниковъ; но, потому ли, что между ними не было ни одного, который, по ся понятіямъ, выходилъ бы изъ разряда обыкновенныхъ людей, — потому ли, что свѣтъ еще не успѣлъ переобразовать строгихъ ея правилъ, внушенныхъ воспитаніемъ, — почему бы то ни было, но она оставалась равнодушною ко всѣмъ обольщеніямъ. Видя неудачность своихъ покушеній, поклонники разошлись, сказавъ объ ней: Это статуя, которую не взялся бы одушевить и самъ Пигмаліонъ!

Но ихъ приговоръ былъ несправедливъ: въ груди ея билось пламенное сердце. О, какою пѣжною, возвышенною любовью наградила бы она того, съ кѣмъ поставили бы ее къ алтарю, по взаимному выбору! Но судьба расположила иначе.

Привязанность Дольской къ свѣту продолжалась недолго. Удовольствія разсѣянной жизни, потерявъ

прелесть новизны, перестали привлекать ее; почувствовавъ пустоту, оставляемую ими въ душѣ, она заключила себя въ тѣсный кругъ домашней жизни, посѣщая общество болѣе по приличію, нежели по склонности.

Какъ бѣднякъ, неумѣющій оцѣнить найденнаго имъ сокровища, и дѣлающій изъ него глупое употребленіе, Дольской не понималъ обладаемой имъ женщины; онъ не умѣлъ дать ей другаго счастья, кромѣ основаннаго на отсутствіи нуждъ, огорченій и заботъ.

Но покорная своему жребію, Дольская не роптала на бѣдность своего счастья.

Дни ея тянулись скучно, но мирно, какъ всегда тянутся дни женщины, отказавшейся отъ золотыхъ мечтаній сердца.

Такъ прошло четыре года.

Никто не вырветъ своего листка изъ книги судебъ.

Въ числѣ молодыхъ людей, посѣщавшихъ тѣ общества, въ которыхъ иногда показывалась Дольская, былъ нѣкто Маргинъ.

Онъ былъ хорошъ собою. Къ природному уму присоединялъ онъ большую начитанность и нѣсколько пріятныхъ дарованій; имѣлъ вкрадчивое обхожденіе и ту смѣтливость, которая не допускаетъ до издѣшьяго слова и не выводитъ лести изъ предѣловъ вѣроятія; умѣлъ схватывать смѣшныя черты съ какою-то милою шутиливою, заставлявшею смѣяться даже и того, въ чью странность вонзалась его острота; умѣлъ, когда считалъ нужнымъ, набрасывать на свои выраженія поэтическія краски энтузіазма. Онъ былъ эгоистъ, но умѣлъ, не обременяя себя ни какимъ пожертвованіемъ, внушить хорошее понятіе о своемъ сердцѣ, то принимая въ разговоръ сторону слабыхъ, то

указывая на чужое достоинство, никѣмъ не замѣченное по своей скромности. Сверхъ того, онъ имѣлъ особенную способность разгадывать женское сердце, начала, ходы и перевероты его прихотей.

Когда Дольская увидѣла его въ первый разъ, она невольно отличила его отъ толпы.

Зная отзывъ свѣта о холодности Дольской, Маргинъ не могъ принять ея вниманія за любовь; но оно польстило его самолюбію, и подстрекнуло его на стараніе понравиться.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ первой встрѣчи его съ Дольскою, ему случилось танцовать съ нею на одномъ балѣ.

Какъ всегда водится въ танцахъ, они разговаривали.

Разговоръ ихъ, сначала вялый и незанимательный, долго не выступалъ изъ тѣсныхъ границъ, обводящихъ недавностію знакомства; но, безпрестанно прорываясь на просторъ, онъ наконецъ вырвался; и, какъ дитя, отпущенное играть, побѣжалъ свободно и весело, роняя шутки, намѣки, портреты, эпиграммы, похвалы; потомъ, ободренный нѣкоторою короткостію, раждающеюся при размѣнѣ остроумія, сбросилъ съ себя погрешки свѣтской болтовни, и поднялся на высоту поэтическихъ изслѣдованій о жизни, счастьи, супружествѣ, любви, перевертывая разныя стороны предметовъ съ тою легкою, заманчивою быстротою, безъ которой разговоръ такого рода на балѣ былъ бы признакомъ тяжелаго педантизма.

Никогда Дольская не находила такого удовольствія въ разговорѣ.

Когда, переходя отъ одного предмета къ другому, они коснулись до семейной жизни, Маргинъ, какъ будто увлекаемый жаждой извѣдать ея радости, на-

чалъ изображать съ восторгомъ счастье супружества, богатаго любовію. Онъ нечислялъ его разнообразныя наслажденія, протекающія изъ согласія характеровъ и склонностей; онъ говорилъ о сладости сердечныхъ изліяній, о заботливомъ раздѣлѣ печалей, о взаимномъ угадываніи мыслей и желаній, о безпрестанно повторяющемся размытіи попеченій и ласкъ.

И Дольская, слушающая его, вспомнила невольно, что ничего этого нѣтъ въ ея жизни.

Потомъ, въ противоположность первой картинѣ, Маргинъ началъ говорить о несчастіи супруговъ безъ любви, безъ сходства въ образѣ мыслей. Онъ развернулъ ихъ скучную, однообразную жизнь, всѣ дни которой, похожи между собою, какъ версты въ степи.

И Дольская сказала мысленно: это моя жизнь!

Между-тѣмъ балъ производилъ свое очарованіе.

Уже было около двухъ часовъ, и онъ дышалъ всѣмъ сладострастіемъ этого запоночного періода.

Въ это время балъ совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ онъ бываетъ въ началѣ. До двѣнадцати часовъ танцуютъ симметрическія кадрили, мѣняются щегольскими фразами, разглядываютъ и обсуживаютъ чужіе наряды, любуются своими, и не пускаютъ въ сердце ниаго чувства, кромѣ самолюбія. Но, когда часовая стрѣлка перейдетъ за полночь, и загремятъ одушевленные звуки галопа или вальса, все измѣняется; и балъ, до того времени чинный, скучный и благоправный, какъ блаженной памяти дидактическая поэма, начинаетъ пріобрѣтать безпорядокъ, занимательность и соблазны романтической драмы.

Обойдите этотъ кругъ, описанный стульями танцующихъ паръ, и постарайтесь уловить нѣсколько отрывковъ изъ проявляющихся на немъ сценъ: я увѣренъ, что вы подслушаете и привязчивые допросы

ревности, и увертливые отвѣты кокетства, и просто-душныя обмолвки первой любви.

Загляните во внутренность этого круга; посмотрите, какъ бѣшеный вальсъ носить изнемогающихъ женщинъ, и заливать удовольствіемъ ихъ разгорѣвшіяся лица. Посмотрите, какъ нагло онъ распахиваетъ ихъ душистые локоны; обрываетъ съ ихъ платья цвѣты; вытѣсняетъ изъ-подъ дымки ихъ запылавшуюся грудь, и кидаетъ на уста юношей благоухающій сокъ женскаго дыханія, охмѣлительный какъ опиумъ Востока.

Въ эти роковые часы правила и обязанности падаютъ въ Лету, и, подъ вліяніемъ раздражительнаго сладострастія тащевъ, гармоническихъ звуковъ Россини и головокружныхъ похвалъ, въ сердца молодой женщины возникаютъ начала преступной любви: начала тихія и непримѣтныя, но, подобно началамъ бури въ знойной атмосферѣ лѣтняго дня, мало-по-малу скопляющіяся въ разрушительныя тучи урагана, — тучи, несущія въ чѣдрахъ своихъ громовые удары безславія, но не ужасающія женскаго сердца, потому, что ихъ озаряетъ иногда молнія блаженства.

Когда кончился балъ, и Дольской, зѣвая въ каретѣ, сказалъ женѣ своей :

— Не знаю, было ли тебѣ весело, а я провелъ время чудесно: выигралъ девяносто партій, и поужиналъ славно.

Мысль ея проникла въ первый разъ грубость его наслажденій; и въ первый разъ, открылось передъ нею неизмѣримое разстояніе, раздѣляющее ихъ обоюдныя склонности и свойства.

Она вздохнула.

И долго, долго послѣ того, какъ усталая головка ея упала на мягкій пухъ, въ мысляхъ ея не утихало вол-

неніе, производимое сравненіемъ ея безцвѣтной, прозаической жизни, съ яркою картиной супружескаго счастья, парисованною Маргинимъ.

Цѣлые три мѣсяца Маргинъ почти ежедневно ѣздилъ къ Дольскимъ; но, вѣрный составленному плану, велъ себя съ бдительною осторожностію, не подававши ни одного случая угадать настоящія его чувства. Онъ не говорилъ Дольской о любви; но, всеми возможными намѣтками и косвенными средствами, старался развивать внушенную имъ на балѣ мысль, что она не можетъ быть счастлива съ своимъ мужемъ, что ихъ склонности и чувства не имѣютъ ни малѣйшаго сродства.

Онъ принялъ такой медлительный образъ дѣйствія, потому что считалъ бесполезнымъ говорить ей о любви, не измѣнивъ ея понятій. Выбравъ время своимъ союзникомъ, онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не опасался соперничества: она очень рѣдко выѣзжала въ свѣтъ, а къ мужу ея собиралась такая молодежь, которая самому ревнивому любовнику не могла навести безпокойства.

Къ нему ѣздилъ одинъ любезникъ, который, въ порожней головѣ своей, завелъ фабрику каламбуровъ, а память обратилъ въ кладовую анекдотовъ. На бѣду его знакомыхъ, фабрика шла дурно, а изъ кладовой всегда вытаскивалъ онъ одно и то же. За то онъ былъ разнообразенъ при сообщеніи новостей: Богъ-знаетъ, какъ онъ это дѣлалъ, но ему было извѣстно все, что происходитъ въ городъ; всякой годъ, передъ вскрытіемъ Невы, онъ могъ рассказать вамъ безошибочно, кто съ кѣмъ держитъ пари и на сколько. Сверхъ-того онъ умѣлъ пѣть всѣ водевильные куплеты, дѣлать фокусы не хуже Мольдуано, и передразнивать, какъ Англичане говорятъ по-французски, какъ степная барыня бранится съ своею дворней, какъ проситель являетъ

ся съ рекомендательнымъ письмомъ. Онъ считалъ себя образцомъ совершенства, и не подозрѣвалъ, что существуютъ другія средства къ любезности, почерпаемая въ образованности и умѣ. Когда ему случилось видѣть людей, скучающихъ его гаерствомъ, онъ принималъ ихъ за педантовъ, или думалъ, что они ему завидуютъ.

Потомъ, ѣздивъ къ Дольскому одинъ военный, который на всѣхъ статскихъ глядѣлъ съ презрѣніемъ, и называлъ ихъ не иначе, какъ фрачники или рябчики; любезность свою скрывалъ подъ завѣсою факирскаго молчанія, и тратилъ ежечасно сорокъ минутъ на закручиваніе усовъ и наморщиваніе лба, дабы придать лицу своему грозное выраженіе дуэлиста. Согласовались ли такіе приемы съ его храбростію, было еще загадкою; но что было видимо для всѣхъ, это его сходство съ тѣми буйными молодцами, которые, во время бою, били и рубили все, что имъ ни попадалось; на которыхъ теперь, благодаря просвѣщенію, смотрятъ какъ на рѣдкость, какъ на удивительный анахронизмъ.

Еще бывалъ иногда у Дольскаго одинъ щеголь, щеголь новаго изданія, совсѣмъ не похожій на тѣхъ нахальныхъ франтовъ которыми наши столпцы изобиловали встарину, и которыми по-нынѣ гордятся уѣзды. О, пѣтъ! это былъ щеголь скромный: онъ не преувеличивалъ моды, но держался ея буквально; не терпѣлъ въ одеждѣ пестроты, избѣгалъ принужденности въ тѣмодвиженіяхъ, и не столько боялся холеры, сколько сходства съ живописнымъ франтомъ Невскаго проспекта. Онъ не носилъ очковъ, потому что этотъ способъ отличія казался ему обветшалымъ. Его отличія состояли въ бакенбартахъ въ видѣ подковы, въ особенности галстучнаго узла и въ изящности туалетныхъ мелочей. По его понятіямъ, всѣ достоинства чедовѣка заключались въ умѣніи одѣваться, въ модномъ

тонъ и въ знакомствѣ съ знатю; люди честные, образованные, полезные, одѣтые безъ вкуса, неимѣющіе моднаго тона или незнакомые въ вышнемъ кругу, въ глазахъ его были не-люди. При встрѣчѣ съ ними, онъ раскланивался учтиво, но не позволялъ себѣ ни малѣйшей съ ними короткости. Онъ бывалъ въ чужихъ краяхъ, и воротился, не пріобрѣтши ни одной идеи; только не вывезъ оттуда презрѣнія къ родному языку. Онъ даже старался прослыть грамотнымъ, порядочно зналъ правописаніе, посягалъ на сужденія о Литтературѣ, и, не краснѣя ѣздилъ изрѣдка въ Русскій театръ. Онъ имѣлъ наклонность къ эпиграммѣ, и любилъ посмѣяться надъ Москвой. Москва была его пластрономъ. Что тамъ за люди! что за барыни! какъ одѣваются! какъ живутъ! Тамъ, по его словамъ, нѣтъ ни одной гостиной, гдѣ бы не горѣло сальныхъ свѣчей; ни одной передней, гдѣ бы лакеи не шли сапоговъ. Онъ любилъ танцы, во-первыхъ потому, что онъ танцевалъ прекрасно; во-вторыхъ потому, что нигдѣ, какъ на балѣ, нельзя такъ долго, при пособіи общихъ и вытверженныхъ фразъ, скрывать свою ничтожность, а ему было что скрывать: какой-то внутренней голосъ шепталъ ему, что онъ могъ бы быть умнѣе, и вотъ почему онъ былъ скромнѣе; и эта скромность дѣлала его нестерпимѣе старинныхъ франтовъ, которые выдавали себя прямо за то что они есть, между-тѣмъ, какъ онъ выучился походить снаружи на порядочнаго человека.

Но, полно! скучно рисовать такіе портреты.

Маргинъ не могъ бояться этихъ господъ: напротивъ, ихъ ничтожность выставяла его достоинства.

Покаместъ, все шло по его желанію: Домльская примѣтно охладѣвала къ мужу, и измѣняла свои привычки. Въмѣсто сочиненій Бульи, Г-жи Гизо и другихъ

назидательныхъ писателей , на ночномъ столнѣ ея пачали являться Романы ; занятія по домашнему хозяйству замѣнились музыкою , бывшею въ небреженіи съ самаго замужства ; однообразіе уединенной жизни , до сихъ поръ столь пріятное ея сердцу , сдѣлалось ей скучно ; и часто , сидя въ вечерніе сумерки у окна , она впадала въ необъяснимую , изнеможительную грусть .

Съ каждымъ днемъ находила она большее удовольствіе въ посѣщеніяхъ Маргина ; любила искать разсѣянія въ его живописныхъ и занимательныхъ разсказахъ , вступать съ нимъ въ философическія разсужденія и споры , и повѣрять ему свои впечатлѣнія .

Маргинъ смотрѣлъ съ тайнымъ торжествомъ на укрѣпляющуюся въ ней привычку къ его обществу .

Потомъ , когда онъ увидѣлъ , что оно сдѣлалось необходимою , сталъ ѣздить рѣже , и , на дѣлаемые ему выговоры , отвѣчалъ съ притворнымъ замѣшательствомъ , какъ-будто не смѣя объяснить причины своей переменны .

Потомъ , продержавъ нѣсколько времени Дольскую въ недоумѣніи , при первомъ разѣ , когда ему случилось слушать пени ея наединѣ , сказалъ :

— Еслибъ я давно началъ убѣгать васъ , то , можетъ-быть , не узналъ бы той безумной любви , которой не могу скрывать болѣе .

Тутъ все пошло своимъ порядкомъ : сперва изумленіе добродѣтельной женщины , обиженной признаніемъ ; потомъ смягченіе гнѣва ; потомъ утѣшанія забыть ее ; потомъ утѣшительное предложеніе дружбы , — но ничего болѣе какъ дружбы .

Какъ близко граничитъ она съ любовію ! Кто покажетъ мнѣ женщину , которая отъ дружбы къ своему любовнику не перешла бы къ любви ?

Маргинъ не долго дожидался признанія.

Но если до сихъ поръ все сбывалось по его плану, за то съ этого времени, все пошло иначе.

Пока Дольская не понимала своихъ чувствъ, обращеніе ея съ Маргинымъ было смѣло и непринужденно. Часто случалось, что она проводила съ нимъ вдвоемъ цѣлые часы: ей и не приходило намысль, что такая короткость предосудительна или опасна.

Но, когда любовь перестала скрываться подъ личиною дружбы, Дольская, воспитанная въ боязни порока и стыда, испугалась послѣдствій признанія; и въ обращеніи своемъ съ Маргинымъ сдѣлалась недовѣрчива и строга; самую невинную ласку его принимала за порочное покушеніе, и съ осторожностію, достойною опытной кокетки, убѣгала всѣхъ случаевъ, увлекающихъ къ проступку.

Если и бывали иногда минуты, въ которыя измученная принужденіемъ и избыткомъ любви, она выражала ее нѣжными словами, и плакала, склонясь на грудь Маргина; то эти минуты были такъ неожиданны, это забвеніе такъ непродолжительно, что онъ всегда разставался съ нею, негодуя на ея предразсудки.

Но, убѣгая преступленія, Дольская не убѣгала любви: поведеніе ея было странное смѣшеніе осторожности и безразсудства.

То, успокоенная почтительностію Маргина, она была къ нему ласкова, довѣрлива, нѣжна; то, встревоженная чѣмъ-нибудь, вдругъ перемѣнялась: дѣлалась на нѣсколько дней дика, сурова, недоступна.

Вотъ одинъ случай, по которому можно судить о поведеніи ея съ Маргинымъ.

Одна изъ ея внезапныхъ и своенравныхъ перемѣнъ вывела его изъ терпѣнія; онъ рѣшился не ѣздить къ

ней цѣлую недѣлю. На пятый день, возвращаясь съ одного вечера домой, онъ проходилъ мимо ея дачи. Уже было одиннадцать часовъ, и онъ никакъ не ожидалъ встрѣтиться въ этотъ вечеръ съ Дольскою; но каково было его удивленіе, когда поровнявшись съ бесѣдкою, обращенною однимъ окномъ на проѣзжую аллею, онъ услышалъ ея голосъ: «Я знала что вы бываете по четвергамъ у Балкиныхъ, и ходите домой мимо нашего сада; я васъ ожидала.» Разумѣется, тутъ былъ заключенъ миръ, и Маргинъ опять принялся строить планы, какъ пріѣхавъ къ ней на другой день, видѣть что она бѣгаетъ его какъ огня. Улучивъ минуту, онъ спросилъ ее о причинѣ гнѣва, она отвѣчала: «Оставьте меня, я несчастная женщина; я сама не знаю, что я дѣлаю.»

Другому наскучили бы такія причуды и такая любовь; но Маргинъ былъ упрямъ, и сказалъ самому себѣ: «Не долго ей дурачить меня; глупая почитительность, съ которою простоялъ я цѣлый часъ у окна, поможетъ мнѣ склонить ее прійти въ бесѣдку въ другой разъ.»

Есть время, когда Петербургъ такъ прекрасенъ, что его жители не могутъ позавидовать ни одному изъ южныхъ городовъ Европы.

Врагъ Сѣвера, я самъ подчинялся вліянію Петербургскаго лѣта, и измѣнялъ въ любви моей къ полудню.

И какъ противиться очарованію?

Эта внезапная роскошь воздуха, солнца и земли; эти острова оюасанные садами; эти живописныя дачи съ своими портиками и колоннадами, эти заманчивыя группы женщинъ на балконахъ уставленных цвѣтами; эта флотилія шлюпокъ, разсѣкающихъ волны широкой и многорукавной Невы; эта изумп-

тельная прозрачность ея лазури; эти шумныя толпы подъ безоблачнымъ небомъ, въ тѣни зеленыхъ гульбищъ, при звукахъ музыки, при сіяніи потѣшныхъ огней; эти дивныя ночи, полныя нѣги, свѣта и теплоты, — все это поражаетъ чувства, привыкшія къ явленіямъ пасмурной зимы; все это, взятое вмѣстѣ, можетъ соперничествовать въ красотѣ съ берегами Байскаго залива или Мансанареса.

Конечно, Русскіе правы не имѣютъ того своеволія, которое придаетъ южнымъ городамъ Европы столько жизни и разнообразія, и рождаетъ столько романтическихъ происшествій и встрѣчъ: но развѣ чинность правовъ освобождаетъ отъ страстей? Но если на здѣшнихъ улицахъ нельзя завести интриги подъ маской или встрѣтить любовника, поющаго съ гитарой, подъ окномъ своей любезной, то развѣ не бываетъ, другихъ встрѣчъ, столь же богатыхъ романтическимъ вліяніемъ?

Если бы въ началѣ одной изъ Іюльскихъ ночей того года вамъ случилось гулять по одной пустынной аллеѣ Каменнаго Острова, вы сказали бы, что и подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ бываютъ иногда романтическія встрѣчи.

Вы бы увидѣли, что кто-то закутанный плащомъ, тихо крадется за деревьями; то остановится, то подойдетъ къ рѣшеткѣ сада, прилегающаго къ аллеѣ; то, обнаруживая нетерпѣніе, начнетъ ходить взадъ и впередъ, не покидая однако же пространства, съ котораго видна внутренность сада.

Вы поняли бы, что тутъ кроется любовь.

Можетъ-быть, эта встрѣча оживила бы въ памяти вашей веселые дни молодости, дни шалостей, приключеній и любви; и давно забытыя, но нѣкогда милыя лица пронеслись бы мимо васъ, какъ фантазмагорическіе образы.

Можетъ-быть, эта встрѣча напомнила бы вамъ собственные неудачи; и вы, завидуя чужому успѣху, улыбнулись бы пренебрежительно и пошли бы своей дорогой, чертя тросточкой по песку и пасивистывая пѣсню, — машинпальное дѣйствіе людей, ничего не думающихъ или старающихся разогнать непріятныя мысли.

Но что до того, какое впечатлѣніе произвела бы на васъ эта встрѣча? Дѣлю въ томъ, что вы понимаете, кто этотъ господинъ, закутанный плащемъ, и вы знаете, кого ждетъ онъ.

Вамъ жаль ея!

И какъ не жалеть, что такое чистое, прекрасное существо погибнетъ отъ прихоти соблазнителя! Если бы, по крайней мѣрѣ, онъ любилъ ее; если бы, по крайней мѣрѣ, она могла, въ головокружномъ блаженствѣ взаимной любви, позабыть свое паденіе. Но нѣтъ! онъ жаждетъ обладанія для себя: что ему за дѣло до ея слезъ, до ея позора? Онъ желаетъ, чтобы она принадлежала ему для того, чтобы въ этомъ блестящемъ, но бездушномъ свѣтѣ, — гдѣ ему скучно, гдѣ онъ кидается на каждое разстѣяніе, — его развеселялъ завистливый шепотъ — «какой счастливецъ Маргинъ! посмотрите на Дольскую, какъ она хороша!...» Это ужасно!

Но, можетъ быть, она не прійдетъ?

Можетъ-быть, воображеніе развернеть передъ нею мрачную драму преступной любви, съ ея первоначальной борьбой, съ ея постепенными уступками; съ возрастающею силой ея желаній, съ жаркими слезами перваго проступка, съ ея неизбѣжнымъ забвеніемъ стыда, съ ея семейнымъ раздоромъ, съ ея вѣроломствомъ и ложью, съ ея отрывочнымъ раскаяніемъ и продолжительнымъ развратомъ.

Можетъ-быть, она ужаснется и не прійдетъ!

Тсъ! Въ саду шорохъ, — вотъ бѣлѣтся платье, — это она!

Она идетъ прямо въ бесѣдку.

Давъ ей время войти, Маргинъ проскочилъ черезъ выломанное отверстіе въ заборъ, и побѣжалъ къ ней.....

Черезъ два мѣсяца послѣ этой сцены, въ одной изъ гостиныхъ, сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ,

— Не ужели вы не знаете, что Дольскіе уѣхали во Флоренцію? сказалъ одинъ гость, продолжая съ хозяйкою разговоръ, начало котораго не касалось до содержанія моего разсказа.

— Въ первый разъ слышу.

— Какъ же! они уѣхали уже съ недѣлю. Развѣ вы не читали въ газетахъ объявленія о ихъ отъѣздѣ?

— Что у Русскихъ за страсть къ путешествіямъ! Имъ не посидится дома: а что особеннаго въ чужихъ краяхъ? — все то же, что и здѣсь; такіе же театры, балы и гулянья; такіа же Академіи, выставки и Журналы. Я не понимаю, чѣмъ Флоренція лучше Петербурга. Чего не достаетъ у насъ?

— Огнедыщащаго солнца, виноградной Тосканы, подхватилъ одинъ умникъ, начиненный сентенціями и раздутый пышнословіемъ.

— И, батюшка! сказала одна старушка: и Русское солнце грѣетъ.

— Очень скупо; соскучишься глядя круглый годъ на сердитыя облака. По моему мнѣнію, небо безъ солнца все равно, что поля безъ цвѣтовъ: какъ цвѣты составляютъ поэзію полей, такъ солнце есть поэзія небесъ.

Всѣ усмѣхнулись.

— Стало бытъ Дольской увезъ жену свою, для того, чтобы она питалась небесною поэзіею? сказала

одна разряженная, тридцатилѣтняя дама, у которой злость выкрасила лице желчью. Вѣроятно, онъ не хочетъ, чтобъ она искала поэзіи на землѣ.

— Дольской увезъ жену свою въ Италію, потому, что разстроенное здоровье ея требовало теплаго климата, сказалъ Маргинъ, сидѣвшій подлѣ разряженной дамы.

— И очень хорошо сдѣлалъ! сказалъ умникъ. По моему мнѣнію, здоровье есть первое изъ благъ.

— Я также нахожу, что онъ поступилъ благоразумно, уѣхавъ изъ Петербурга, отвѣчала желтолицая дама: но думаю, что онъ поступилъ бы еще благоразумнѣе, если бы уѣхалъ ранѣе. Мнѣ кажется, что онъ схватился уже поздно. Не правда ли? прибавила она, взглянувъ насмѣшливо на Маргина.

— Какой у васъ злой языкъ! прошепталъ Маргинъ; потомъ спросилъ ее вслухъ: — Почему же? Если вы разумѣете, что поздно отъ того, что лѣто уже прошло, то вы ошибаетесь: Дольской бѣжала не отъ лѣта, а отъ зимы.

— Развѣ здоровье жены его такъ разстроено? спросила хозяйка.

— Я видѣлъ ее съ мѣсяцъ тому назадъ, отвѣчалъ гость, начавшій разговоръ: она была чрезвычайно блѣдна.

— Я также видѣлъ ее передъ отъѣздомъ, сказалъ умникъ: но нашелъ, что ея красота выиграла отъ потери румянца. По моему мнѣнію, блѣдность интереснѣе свѣжести, прибавилъ онъ, взглянувъ умилительно на желтолицую даму.

— Это правда, что блѣдность во всякой молодой женщинѣ привлекательна, отвѣчала она, прихорашиваясь и потупивъ глаза, а въ Дольской особенно. Въ ея блѣдности есть что-то трогательное, романтическое.

— По моему мнѣнію, нѣтъ правилъ безъ исключенія, возразилъ умникъ: не во всѣхъ Романахъ героини блѣдны.

— По крайней мѣрѣ въ тѣхъ, гдѣ есть несчастная страсть. Но какъ бы то ни было, хотя блѣдность и имѣетъ свою прелесть, а все-таки мнѣ жаль Дольской: она изсохнетъ непременно. И навасъ ляжетъ грѣхъ, шепнула она Маргину.

— А какъ она была румяна и полна! сказала старушка. Кто могъ ожидать этого?

— О, я всегда предвидѣла, что это будетъ! Она такого нѣжнаго, слабаго сложенія, сказала желтолицая дама. Вы такъ дружески были знакомы съ Дольскими, прибавила она, обратясь къ Маргину, и скоробивъ губы въ язвительную улыбку двусмысленности: вамъ нельзя не знать, какъ она нѣжна и слаба.

— Я знаю, что она добра и скромна, и вотъ почему мнѣ жаль ея. Перестаньте, прибавилъ онъ тихо: или я самъ объявлю вамъ войну.

Мосье Маргинъ! вы говорили мнѣ о какомъ-то новомъ романсѣ, который вы видѣли здѣсь; покажите мнѣ его: пойдемте. И она пошла съ нимъ въ другую комнату, гдѣ стоялъ рояль.

— Вы на меня сердитесь?

— И очень.

— Какая неблагодарность! Я прославляю ваше торжество, а вы негодуете.

— Вы приводите меня въ затрудненіе. Порядочный человѣкъ никогда не долженъ позволять злословія о той женщинѣ, которую свѣтъ выдаетъ за его.....

— За его любовницу. И конечно свѣтъ обманывается?

Маргинъ не отвѣчалъ, опутивъ глаза съ притворною скромностію.

— Вы молчите: это значить, что у васъ есть еще совѣсть. Вы бонтесь лжи, и не смѣете опровергнуть справедливаго заключенія свѣта.

— Я смѣю увѣрить васъ, что эти предположенія неосновательны, сказалъ Маргинъ петвердымъ голосомъ, въ которомъ не замѣтно было желанія переувѣрить злоязычную даму.

— Не спорьте: свѣтъ никогда не обманывается въ этихъ случаяхъ. Одни мужья слѣпы; они всегда догадываются послѣдніе. Я не могу надивиться, что Дольской догадался такъ скоро.

— Перестаньте, если вы не хотите поссориться со мною.

— Вовсе не хочу. Я вамъ благодарна за то, что вы сбавили спѣси съ этой лицемѣрной красотки. Въ подтвержденіе моего искренняго желанія быть съ вами въ мирѣ, даю вамъ слово не разговаривать при васъ о Дольской; но заочно.....

— О, я не могу знать, что вы говорите заочно! сказалъ Маргинъ, радуясь втайнѣ ея болтливости.

Есть люди, полагающіе всю прелесть любви въ разглашеніи своего торжества, котораго иногда все не было на дѣлѣ.

Я готовъ биться объ закладъ, что вамъ невѣрится торжество Маргина; вы торопите меня мысленно разрѣшить ваши недоумѣнія.

Пользуясь преимуществомъ разскащиковъ, проникать во всѣ тайны и отворять замки безъ ключей, я поведу васъ въ кабинетъ Маргина, отопру его бюро, и выну изъ секретнаго ящика три письма отъ Дольской, читайте ихъ.

Первое изъ нихъ писано на другой день, послѣ свиданія ея съ Маргинымъ въ бесѣдкѣ; а послѣднее, за нѣсколько часовъ до ея отъѣзда:

1.

«Пока длилось мое заблужденіе, что любовь наша можетъ сохранить чистоту, я не имѣла твердости отказаться отъ счастія любить васъ; но вчерашнее свиданіе разрушило мое заблужденіе: я увидѣла всю возможность проступка; я такъ близка была къ нему: еще до сихъ поръ горятъ уста мои отъ огня преступныхъ лобзаній; еще до сихъ поръ не могу я понять, кто далъ мнѣ силу оторваться отъ ихъ изнеможительной сладости.

Я убѣждена, что любовь наша, рано или поздно, приведетъ меня къ позору: я должна остановиться.

Я не знаю ни какихъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ женщины, желающія прекратить сношенія такого рода, какъ нашъ, — и прибѣгаю прямо къ вашему сердцу: оно способно къ пожертвованію, — откажитесь отъ любви моей; перестаньте видаться со мною; помогите мнѣ своимъ отсутствіемъ, истребить мою безумную страсть: можетъ-быть время возьметъ свое, и мы забудемъ другъ друга.» *Н. Д.*

2.

«Ваши преслѣдованія бесполезны: они не перемѣнятъ моей воли. Если вы не перестанете тѣдить къ намъ и искать встрѣчъ со мною, то я приму другія мѣры укрыться отъ вашихъ преслѣдованій. Разстроенное здоровье мое подастъ мнѣ предлогъ, склонить моего мужа къ отъѣзду въ чужіе края. Я даю вамъ клятву, не возвращаться до тѣхъ поръ, пока успокоенный разумокъ мой не докажетъ мнѣ, что вы никогда не любили и не уважали меня. Убѣдись, что въ

сердцѣ вашемъ не было другаго чувства, кромѣ жажды обладанія, я не буду бояться ни васъ, ни любви моей: она погаснетъ.»

Н. Д.

3.

«Я не знаю, какъ благодарить васъ затрогательное письмо, въ которомъ вы изъяняете покорность моей волѣ, и дасте обѣтъ не возмущать моего спокойствія ни перепискою, ни другими напоминаніями.

«Я цѣню вполнѣ благородство вашего пожертвованія, но не могу склониться на вашу просьбу, и подвергнуть себя мукамъ и опасности послѣдняго свиданія. Нѣтъ, я не могу! Я не должна видѣться съ вами. За чѣмъ намъ прощаться? Мы уже разлучены. Пусть это письмо замѣнитъ вамъ мое прощальное слово; пусть оно останется у васъ, какъ послѣднее убѣжденіе въ необходимости нашей разлуки, какъ послѣднее выраженіе моихъ страданій.

«Я принудила себя разстаться съ вами, не по расчету холоднаго сердца, неспособнаго къ любви и оцѣняющаго спокойствіе дороже всѣхъ тревожныхъ ся радостей: вы знаете, любила ли я васъ.

«Я отказываюсь отъ любви, не по малодушной привязанности къ свѣту, заставляющей избѣгать его порицаній, для того чтобы не лишиться правъ на его удовольствія: вы знаете что мнѣ уже нечего бояться. Любовь наша угадана.

«Если я расстаюсь съ вами, то клянусь остаткомъ добродѣтели, сохранившейся въ душѣ моей, что расстаюсь только потому, что увидѣла по какой покато-сти порока вела меня любовь: я ужаснулась самой себя.

«Стараніе укрыться отъ пронизательности свѣта приучало меня къ притворству.

«Необходимость утаить какой-нибудь поступок оскверняла уста мои ложью.

«Желаніе предупредить подозрѣнія моего мужа внушало мнѣ искусство лицемерныхъ ласкъ.

«Сказать ли вамъ, что думала я, когда мужъ мой, измученный болѣзнію, лежалъ на смертной постели? Повѣрите ли вы, что мысли мои, обезстыженные страстію, кидали меня, чрезъ его могилу, на вашу грудь? Вы ужасаетесь! — ужасайтесь болѣе: когда онъ выздоровѣлъ, я могла ему улыбаться.

«Нужно ли говорить, что всѣ эти порочныя мысли и чувства, были омываемы горячими слезами?

«Если до такихъ страданій, до такого вѣроломства, доходитъ женщина, еще не измѣнившая клятвъ, то что же должно быть съ тою, которая забыла все?

«Я не могу подумать безъ ужаса, куда увлекъ бы меня первый проступокъ!

«О, повѣрьте мнѣ, что я не перенесла бы счастья, обезображеннаго порокомъ: оно задавило бы меня раскаяніемъ.

«Забудьте меня: мы умерли другъ для друга, и на-всегда, — что бы ни случилось.» *И. Д.*

О, какъ я радъ, что могу бросить эти письма, какъ упрекъ, всякому, кто, забывъ, что у него была мать, отрицаетъ въ женщинѣ возможность добродѣтели!

О, какъ я радъ, что рассказывалъ не Повѣсть, а Быль!

Я знаю, что скептики, видя въ ней женщину, остающуюся вѣрною своей чести, не смотря на всѣ искушенія случая и любви, скажутъ съ усмѣшкою: можетъ ли это быть?

ШИБАЕВЪ.

ПОѢЗДКА ВЪ КОКЕНГАУЗЕНЪ.

=

Чтобы нѣсколько разсѣяться отъ однообразной и скучной жизни, я и два мои товарища рѣшились исполнить давнее желаніе, — посмотреть развалины Кокенгаузена. Для чего не обладаю я живописнымъ перомъ Батюшкова, чтобы передать вамъ тѣ чудныя впечатлѣнія, тотъ живой восторгъ, которые наполнили мою душу на высотахъ развалинъ Кокенгаузена!

Дождавшись яснаго дня, мы ввечеру пустились по берегу Двины. По цѣлому уголку Витебской губерніи, который проѣзжали, и котораго Динабургъ съ окрестностями можетъ быть еще самымъ лучшимъ представителемъ, встрѣчали мы неудобства и, не запасшись ничѣмъ, должны были цѣлый вечеръ быть на пицѣ Св. Антонія. Странно! Только что перешли мы за рубежъ Лифляндіи, какъ будто совсемъ другая страна, другой народъ: въ Витебской губерніи повсюду видна неопрятность, скудность; надобно истинно пожалѣть о тѣхъ, которые проѣзжаютъ этою страпою на своихъ лошадяхъ, не запасшись ничѣмъ кромѣ денегъ и аппетита. Остановясь въ корчмѣ, напрасно предлагали бъ вы большія деньги, если бы захотѣли достать чего нибудь, кромѣ хлѣба, смѣшаннаго пополамъ съ мякиной, и куска заржавѣвшаго сала, остатка отъ роскошныхъ яствъ Св. Недѣли. И это должно, по большей части, получать черезъ руки жиновъ — корчмарей. Напротивъ, въ Лифляндіи, за самымъ рубежнымъ столбомъ видна уже разительная противоположность: въ красиво выстроенныхъ изъ дикаго камня корчмахъ, проѣзжающій находитъ все для него необходимое, и притомъ съ рѣдкою опрятностью и услужливостью. Прекрасно

обработанные поля, лѣса, вычищенные какъ паркъ инаго Витебскаго богача, — все это заставляло насъ невольно думать, что мы переселились въ другой край.

На другой день въ одиннадцатъ часовъ прекрасныйшаго утра, когда по голубому своду небесъ носились, подобно пуху, только маленькія облачка, пріѣхали мы къ цѣли нашей поѣздки — Кокенгаузену. Заказавъ обѣдъ въ корчмѣ Вендта, именуемой здѣсь трактиромъ, мы пошли осматривать развалины замка. Кокенгаузенъ, Кокенгузенъ, или въ древнее время Кукепонсъ, а у Русскихъ Куконосъ, имѣніе Барона Левенштерна, лежитъ на Рижской дорогѣ во ста двадцати верстахъ отъ Динабурга. Признаюсь, что видъ развалинъ издали не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія, но за то вблизи съ лихвой вознаградилъ за все. Въ двадцати саженьяхъ отъ Двины возвышается крутая изъ известковой плиты гора, отвѣсная съ одной стороны; на хребтѣ этой горы стоитъ древній замокъ съ развалившимися башнями, зубцами и бойницами, и подобно осиротѣлому исполнну, склоняетъ мрачную голову надъ веселою долиною, среди камней, разметанныхъ вокругъ него демономъ разрушенія.

Цѣпляясь за выдавшіеся камни, которые съ шумомъ внизъ катились за нами, мы взобрались на уступъ скалы, перевели духъ и вскарабкались на вершину. По развалившимся ступенямъ, сдѣланнымъ въ самыхъ стѣнахъ замка, мы лѣзли все выше и выше; наконецъ достигли самой высоты, взглянули внизъ, — и сердце замерло! Восторгъ и ужасъ оковалъ намъ языкъ. Какъ-будто съ неба увидѣли мы подъ собою горы, зеленую долину, въковой лѣсъ; Двину, которая, какъ голубая лента, небрежно вилась въ берегахъ, отражая лѣса и замокъ, и колыша черныя лодки, гдѣ едва видѣлись люди.

На этихъ-то величественныхъ, освященныхъ столѣтіями развалинахъ, рождается въ душѣ развѣшенное чувство; здѣсь-то познаешь вполне всю ничтожность свою и вмѣстѣ высокое свое предназначеніе, и невольно, въ сердечномъ умиленіи, возносишься мыслію къ Міроздателю!

Какіе живописные виды представляются отсюда взору! Каждое окно, каждая растреснувшаяся бойница служитъ рамою прелестному, очаровательному ландшафту. Мы бѣжали по замку, взбирались на стѣны, сходили въ подземелья, смотрѣли вездѣ и отовсюду, и едва ли что замѣтили какъ должно. Былъ уже второй часъ, и мы торопились къ обѣду. Какъ пріятно было послѣ такой усталости подкрѣпить себя рюмкою хорошаго доппельткюммелю! Объ апетитѣ и говорить нечего: услужливая нѣмецкая Геба лукаво посматривала на уносимыя пустыя блюда. Напившись кофе, мы пустились опять къ замку. Нельзя довольно насмотрѣться! Мы опять спустились со скалы, и пошли черезъ мостъ на крутизну. По лѣсенкѣ, изсѣченной въ крутой каменистой горѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ листвъ, яворовъ, ясеней и каштановъ, мы взобрались на темныя скалы, противулежащей замку, и здѣсь, въ бесѣдкѣ, пока товарищи мои приготавливали чай, я наскоро набросалъ карандашемъ видъ развалинъ и окрестностей. Но гдѣ взять красокъ для этихъ лазурныхъ небесъ, этихъ облаковъ, разбросанныхъ по нимъ и покрытыхъ отблескомъ клонящагося къ западу солнца? Чья кисть заструитъ такъ живо выюціяся волны Двины? Выразить ли она, дастъ ли понятіе объ этомъ сладостномъ шумѣ дробящагося о камни ручья? И какъ теперь живописно рисовался ярко-освѣщенный замокъ! Оттуда пошли мы вверхъ по рѣчкѣ, впадающей въ Двину, по берегу, усыпанному дикимъ камнемъ и булыжникомъ. Берега великолѣпны.

Дикія громады, отвѣсно и грозно повиснувшія надъ водами; кудрявые ясени и вѣковыя сосны, которыя гордо и мрачно поднимаясь на высоту, и, кажется, подпирая сводъ небесъ, готовы съ порывомъ бури низринуться въ бездну; мрачный, ярый потокъ, клубящійся съ шумомъ и грохотомъ, и въ пѣнь и брызгахъ разбивающійся о недвижные, временемъ убѣленные камни, сообщаютъ имъ богатство и прелесть самой поэтической картины въ Природѣ.

Послѣдній лучъ солнца блеснулъ на сводъ, и сквозь густыя вѣтви деревъ, извивистой молніей прокатился по волнамъ. Мы бѣжали, а не шли. Любопытство влекло насъ впередъ, но взоры невольно останавливались на каждомъ предметъ, какъ-бы прикованные. Солнце закатилось. Еще мрачнѣе наступаясь, стояли угрюмыя сосны и ели; еще величественнѣе и грознѣе возвышались скалы. Стало совершенно темно, и мы, потерявъ тропу, брели на удачу. Чрезъ полчаса, утомленные, едва передвигая ноги, израненные о камни и сучья, мы, къ радости нашей, попали на дорогу. Поздно въ вечеру пришли мы на свой почлегъ, гдѣ начинали обѣ насъ уже беспокоить, узнавъ, что мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Причину безпокойства и случившееся тамъ, за два года предъ симъ, горестное происшествіе, а равно и кое что о самомъ замкѣ, рассказалъ намъ человекъ въ сѣромъ сюртукѣ, съ пѣмечкой трубкой и съ большею нижнею губою. Мы застали его въ трактиръ, разговаривающаго, за стаканомъ пива, съ хозяиномъ.

Развалины замка, котораго построеніе относятся къ XII столѣтію, являютъ слѣды минувшаго величія его владѣтелей. Теперь онъ составляетъ почти треугольникъ: паружная его стѣна, обращенная къ Двинѣ, не болѣе сорока сажень въ длину; но, по остаткамъ зданій и грудамъ камней, разбросанныхъ тамъ и сямъ, и по рассказамъ старожиловъ, нельзя сомнѣваться въ

прежней его огромности. Въ 1207 году, въ то самое время, когда знаменитый Епископъ Альбрехтъ, получивъ отъ Германскаго Короля Оттона IV Лифляндію въ ленное владѣніе, старался всѣми мѣрами распространить и утвердить еще шаткую власть свою, — въ то самое время Русскій Князь Весцеко (Вѣцько?) владѣтель Куконопса, или Кокенгаузена, тревожимый непрестанными набѣгами Литовцевъ, въ надеждѣ получить помощь противъ нихъ, оградилъ себя цѣнотомъ Рижской Церкви, рѣшился признать надъ собою ея владычество, и уступилъ Епископу половину своего замка.

Въ томъ же году, 24 Декабря, многочисленная толпа Литовцевъ, горя местию за понесенное ими за три предъ тѣмъ года пораженіе, перебралась чрезъ Гойву и Двину близъ Трейдена, и стала свирѣпствовать по всей окрестности. Епископскій голдовникъ Лепневарадена, Данилъ, бывъ въ личной враждѣ съ владѣтелемъ Кокенгаузена, и пользуясь этими безпорядками, съ толпою воиновъ своихъ устремился на замокъ, окружилъ и плѣнилъ самого Князя. Епископъ, счастливо поразивъ Литовцевъ при Ашераденѣ, и крайне огорченный новымъ обстоятельствомъ, не только повелѣлъ своему голдовнику освободить Князя изъ плѣна, но еще осыпалъ послѣдняго почестями и дарами. Онъ старался загладить поступокъ Данила и примирить ихъ, далъ Князю двадцать воиновъ для охраны, а каменщиковъ и плотниковъ для укрѣпленія замка, былъ въ твердой увѣренности, что ему удалось совершенно искоренить вражду и гнѣвъ его, и спокойно предпринималъ путешествіе въ Германію. Иначе мыслилъ Князь. Являя знаки дружелюбія Германцамъ, чтобъ удобнѣе обмануть ихъ, онъ втайнѣ готовилъ мщеніе. Едва Епископъ достигъ моря, Князь, почтившій это время самымъ удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, вдругъ умертвилъ всѣхъ работни-

ковъ, трудившихся надъ укрѣпленіемъ его твердыни, и послалъ гонца къ Великому Князю Владиміру, прося его защиты и войска для отторженія Литвы отъ Германцевъ. Противъ всякаго чаянія Епископъ, выступивъ въ открытое море и долго сражаясь съ противными вѣтрами, былъ занесенъ обратно въ Динаминдъ. Еще во-время узналъ онъ о вѣроломствѣ Князя, и повелѣлъ не медля вооружиться всѣмъ Лестамъ, Ливамъ, Крестоносцамъ и Рыцарямъ Ордена. Самъ онъ повелъ дружины свои въ поле. Князь Куконопса ужаснулся. Отпустивъ воиновъ Селонскихъ и Литовцевъ, которыхъ содержалъ на жалованьи, и собравъ все свое имущество, онъ успѣшилъ оставить свое убѣжище. Въ то же время ужасное пламя объяло замокъ со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ эта грозная твердыня представила только груды камней и пепла. Вѣчко предсталъ предъ Великаго Князя Владиміра, и подъ его щитомъ искалъ себѣ спасенія. Область Кокенгузенская вполнѣ сдѣлалась собственностію Епископа, который въ 1208 году снова воздвигъ изъ пепла стѣны замка, и третью часть владѣнія уступилъ Ордену.

Въ теченіе двухъ сотъ семидесяти лѣтъ этотъ замокъ и область были или предметомъ, или позорищемъ непрерывныхъ раздоровъ и кровопролитій, переходя изъ рукъ въ руки, разрушаясь и снова возникающая изъ пепла.

Въ 1479 году Ландмейстеръ Бернардъ фонъ Боргъ, чтобъ предупредить заключенный архіепископомъ Сильвестромъ противъ Ордена наступательный и оборонительный союзъ, казавшійся ему опаснымъ, устремился на замокъ Кокенгузенъ, плывши въ немъ самого архіепископа, объявилъ его обезумѣвшимъ отъ старости, и какъ возмутителя, заключилъ въ темницу, а любимаго, стараго его слугу велѣлъ колесовать и четвертовать. Стараясь отнять у Рижскихъ архіепископовъ самую возможность впредь основывать на-

чемъ-либо свои притязанія, онъ предалъ пламени весь архивъ замка, хранившій документы, вредные для Ордена. Друзья заключеннаго спѣшили къ Папѣ, но грозная булла не могла уже воскресить умершаго мѣсяцомъ прежде. Сильвестръ окончилъ жизнь въ темницѣ, какъ полагають отъ яда.

Въ 1484 году объ Кокенгузенѣ упоминается, уже какъ о городѣ.

Въ 1577 году, 21 Августа, тогда какъ Царь Іоаннъ Васильевичъ рушилъ стѣны Зесынена, казилъ и продавалъ его жителей, съвшихъ на смерть, Магнусъ также бралъ города, не силою, а увѣщаніемъ. «Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояніе?» писалъ онъ къ Ливонцамъ, — «покоритесь мнѣ, или увидите надъ собою мечъ и оковы въ рукахъ Москвитянь!» Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой, и на условіяхъ, выгодныхъ для нихъ безопасности Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленневарденъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости, наконецъ Венденъ и Вольмаръ. Съ гордостію извѣстивъ Царя о своихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не беззаконили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему. Іоаннъ изумился. Избравъ Магнуса орудіемъ своей политики, Царь не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію, помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственнѣйшій не есть надежное ручательство за усердіе властолюбиваго. Скрывая до того времени подозрѣніе, Іоаннъ вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ, устремился къ Кокенгузену, велѣлъ умертвить тамъ нѣтъ-десять Нѣмцевъ Магнусовой дружины, и всѣхъ жителей продать въ неволю Татарамъ, а къ зятю написалъ: «Голдовнику нашему, Магнусу Королю! Я отпустилъ тебя изъ Пскова съ дозволеніемъ единственно занять Венденъ, а ты, сѣдую внушеніямъ злыхъ людей или

собственной безразсудности, хочешь всего. Знай, что мы не далеко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю вонновъ и сухарн, а болѣе мнѣ ничего не надобно. Или слушайся, или, если ты недоволенъ городомъ, мною тебѣ даннымъ, иди за море, въ свою землю. Могу отправить тебя и въ Казань, а Ливонію накажу и безъ твоего содѣйствія.» Пославъ воеводъ своихъ въ Ашераденъ и въ Лепсварденъ, Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ: любя пренія богословскія, онъ тутъ мирно бесѣдовалъ съ главнымъ пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, и едва было не предалъ его казни за нескромныя похвалы Лютеру.

Въ 1582 году, по заключеніи мира съ Поляками при посредничествѣ Папы Григорія XIII, замокъ и вся Ливонія содѣлались ихъ достояніемъ. Скоро потомъ Карлъ, Принцъ Сюдерманландскій, вторгнулся въ эту землю. Никогда еще она не испытывала ужаснѣйшихъ жестокостей: людей, пригвозжденныхъ къ доскамъ, кидали въ Двину; счастливымъ считалъ себя, кто могъ умереть скорой смертію. Князь Радзивиль приспѣлъ съ войскомъ на помощь несчастнымъ, и вырвалъ Кокенгузенъ изъ кровавыхъ рукъ Шведовъ. Но впоследствии они снова имъ овладѣли, и когда Карлъ Густавъ объявилъ войну Польшѣ и Іоанну Казимиру, Царь Московскій, пользуясь ихъ раздорами, съ многочисленными войсками вступилъ въ Шведскую Ливонію, и занялъ Кокенгузенъ. При Петрѣ Великомъ этотъ замокъ получилъ нынѣшній видъ разрушенія, и съ тѣхъ поръ болѣе не обитаемъ. Только одна комната, съ однимъ окномъ и небольшимъ балкономъ нѣсколько пощажена временемъ, и сюда — то приходятъ любопытные любоваться видами. Блаженной памяти Государь Александръ Павловичъ, проѣзжая Кокенгузенъ, шлъ въ ней чай. Теперь въ этихъ стѣнахъ все мрачно и глухо; лишь изрѣдка дерзновенные странники нарушаютъ тишину, заставляя

безмолвныя развалины вторить гулу шаговъ своихъ. Какъ отрадно на этихъ священныхъ останкахъ увидѣть имя знакомаго, друга, или милой дѣвушки, которая, съ любопытствомъ, неустрашимо взбиралась на ужасныя крутизны, и гдѣ-нибудь на стѣнѣ начертала свой вензель! Мы также тщательно выбили свои имена на выдавшемся камнѣ, у самой вершины стѣны, и радовались, какъ дѣти, не видя ни чьей надписи выше нашей.

На другой день, рано поутру, мы побѣжали съ новыми силами, съ новымъ любопытствомъ къ развалинамъ. Можно ли еще разъ не взглянуть на нихъ? Какая-то непостижимая сила влекла насъ. Теперь онѣ не совсѣмъ намъ чужды: судьба нашихъ именъ соединена съ ихъ судьбою. О, если бѣ благосклонный рокъ сохранилъ ихъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эти громады не падутъ во прахъ! «Пойдемъ же,» кричали мнѣ товарищи снизу. Я очнулся отъ своихъ мечтаний, побросалъ вслѣдъ за ними. Они были уже почти у самой подошвы горы. Чтобъ догнать ихъ, я избралъ самую крутую сторону. Удерживаясь за камни, сползалъ я внизъ, и едва хотѣлъ занести ногу далѣе, какъ оборвавшійся подъ ногою камень, не покатылся съ горы, а вмгъ исчезъ. Въ ужасъ кричали мнѣ товарищи: «Стой, стой!» — и еще во время ухватился я за кустъ шиповника. У самыхъ ногъ моихъ гора оканчивалась отвѣсною скалою: еще шагъ, — и я не имѣлъ бы удовольствія описывать этого неожиданнаго приключенія. Я поверотилъ влѣво, и по отлогости достигъ благополучно моихъ товарищей. Вскорѣ все было забыто, и мы очутились въ паркѣ. Что сказать о садѣ, цвѣтникахъ оранжереяхъ? Не знаю! Искусство здѣсь во всемъ далеко отстало отъ Природы. Только удивительныя грозды, впрочемъ еще не спѣлаго, винограда обратили на себя мое вниманіе.

Первое мѣсто, которое мы посѣтили, и едва ли не

лучшее, была бесѣдка надъ порогами. Представьте себѣ шалашъ изъ двухъ комнатъ съ балкономъ и съ навѣсомъ, примкнутый къ скалѣ и взгроможденный на сучкахъ ясней. Подъ нимъ ужасная бездна, по которой крутится и пѣнится потокъ, дробясь о камни. Вправо и влѣво, какъ будто рамы ландшафта, отвѣсныя дикія скалы, увитыя фестонами хмелю и ежевики, и осыпанные густою, разнообразною зеленью лѣса. Прямо вдали крутыя горы, деревушки, лѣса, у подошвы которыхъ вьется Двина; нѣсколько ближе, впадая въ нее, кипитъ потокъ, надъ которымъ живописно перегибается мостъ; надъ мостомъ влѣво торчитъ громада, и на ней величественныя развалины замка.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ увеселительныхъ домникахъ, стѣны усыяны надписями. Надобно отдать справедливость, что надписи, начертанныя прекраснымъ полемъ, всѣ хороши и вообще лучше мужскихъ. И какъ ни прискорбно, должно однако жъ сознаться, что самыя дурныя были русскія! По моему мнѣнію, надпись — *Изъ любопытства зашедши былъ Опочковской граждаинъ Алексѣй Болакиревъ* — лучше многихъ сотенъ надписей на томъ же языкѣ. Я представляю себѣ, я вижу этого дороднаго, бородатаго гражданина, взбирающагося на крутизну, засучивъ полы синяго кафтана: потъ льется съ него градомъ, борода замечаетъ пыль цѣлаго столѣтія, онъ лѣзетъ грудью, и наконецъ достигъ цѣли своего любопытства, — онъ сюда зашедши былъ, и, воля ваша, надпись имѣетъ свое достоинство; по крайней мѣрѣ ее можетъ читать всякой и всякая, не краснѣя. Отсюда мы спустились къ китайскому домику, и потомъ къ порогамъ. Зрѣлище! Сжатая скалами, рѣка летитъ, какъ-бы съ намѣреніемъ разрушить эти громады; падаетъ съ уступа, клокочетъ, реветъ, пѣнится; она ударила въ посѣдѣлый гранитъ, и сама разбила въ брызги, — и, пристыженная, беспиль-

ная бѣжить укрыться въ ропотной волнѣ, въ клубахъ кипящей пѣны. Потри шага выше, поверхность ея гладка какъ зеркало: едва замѣтно быстрое ея теченіе по чистымъ, гладкимъ плитамъ, которыми Природа устлала ея ложе. Сюда-то, за два года передъ этимъ, въ прекраснѣйшій лѣтній день пришли томимыя зноемъ двѣ дѣвицы изъ фамиліи Г*** освѣжиться Двинскими струями: за непроницаемою завѣсою тѣнистыхъ деревъ, скрывавшею ихъ отъ пескромныхъ взоровъ, онѣ сложили одежду на каменные скамьи, образованныя рукой Природы, и роскошно бросились въ объятія Наяды. Вотъ уже онѣ въ водѣ, и съ боязливымъ стыдомъ, робко озираются вокругъ: еще шагъ, другой, третій, — и онѣ уже на другомъ берегу. Ободренные успѣхомъ перваго подвига, онѣ хотятъ перейти назадъ, бредутъ, теряютъ прежнее направленіе, и непримѣтно скользятъ въ глубь. Напрасны ихъ успія пристать къ берегу, или всплыть на верхъ; напрасны вопли ужаса и отчаянія. Бездна, пзрытая паденіемъ потока, поглотила несчастныхъ. На ихъ крики прибѣгаютъ родственники и люди, съ шестами и веревками. Женнхъ одной изъ нихъ, въ отчаяніи кидается въ пучину, чтобъ спасти свою любезную, но вода сомкнулась и надъ нимъ, и по-прежнему течетъ спокойна. Новый ужасъ, новые вопли! Уже считали и его погибшимъ: бросивъ однако жъ веревки, его поймали почти безъ чувствъ. Въ этомъ мѣстѣ дно потока образуетъ родъ пещеры и поавшій туда можетъ быть увѣреннымъ, что не выйдетъ живой. По-многимъ усиліямъ, наконецъ вытащили на берегъ бездушное тѣло дѣвушки, при свѣтѣ разложенныхъ костровъ: голова ея была пробита острыми камнями, лице обезображено. Тщетно старались отыскать другую. Я съ отвращеніемъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на обманчивую стихію: какъ тиха, кротка ея наружность!...

Ничего не скажу о множествѣ истинно восхитительныхъ видовъ и объ увеселительныхъ домикахъ, въ которые мы только забѣгали изъ любопытства. Мы перешли по китайскому мостику черезъ потокъ, и едва могли переводить духъ, взбираясь на крутизны вслѣдъ за маленькимъ чичероне, который прыгалъ передъ нами, какъ заяцъ. Наконецъ онъ привелъ насъ на самую вершину горы, къ павильону, окруженному кустарниками, цвѣтниками и кое-гдѣ купами древнихъ липъ и каштановъ. Намъ опять представилась Двина, которая, какъ-будто вытекая изъ скалы, на которой возвышался павильонъ, змѣится между горами, и являетъ длинную перспективу. Изъ другаго окна увидѣли мы въ полномъ величїи исполнискій замокъ, со всеми живописными его окрестностями. Въ глубокой доли, какъ бы увитыя вѣтками изъ васильковъ, видѣлись горы покрытыя лѣсомъ: изъ пѣдръ ихъ вытекалъ потокъ чистѣйшаго золота, — то была та же Двина, освѣщенная солнцемъ. Отсюда мы пошли на другую сторону Двины, чтобъ осмотрѣть развалины то же древняго, какъ намъ сказывали, замка Альтоны. Мы прошли около шести верстъ въ самый нестерпимый зной, и, къ крайней досадѣ, вмѣсто ожидаемаго замка, открыли одну голую стѣну изъ дикаго камня, возвышающуюся въ видѣ подковы надъ ужаснымъ оврагомъ, изъ котораго добываютъ плиту. Высота этой стѣны около пяти сажень. Внутренность замка, или подковы, обращена къ Двинѣ, и вѣроятно, во времена оны служила загономъ скоту, для предохраненія его отъ Литовцевъ. Съ какою радостію воротились мы къ нашимъ развалинамъ, чтобы взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ!

II. МАНАСЕИНЪ.

О СОСТОЯНІИ

ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМЫ *

=

Странно, какъ доселѣ оставалось незамѣченнымъ то замѣчательное обстоятельство, что хотя Литература наиболѣе содѣйствовала къ приготовленію Французской революціи, однако имѣла мало вліянія на ея развитіе, и почти не участвовала въ ея успѣхахъ. Писатели подкопали общественную и политическую систему древней Франціи, но сами спрятались отъ головорѣзовъ, а тамъ исподтишка и раболопно выползали на свѣтъ только для того, чтобъ кланяться въ ноги генераламъ, которые, какъ всегда водится въ революціяхъ, изъ развалинъ прежняго правительства вывели стѣны военного деспотизма. Въ продолженіе этого длиннаго ряда политическихъ перемѣнъ, когда все облекалось въ новыя формы, все шло непроторенными дорогами, одна Литература коспѣла въ древнихъ своихъ преданіяхъ, и критическіе догматы временъ Лудовика XIV, съ маловажными только измѣненіями, оставались во всей силѣ по самый день Наполеонова паденія. Причиною было то, что до этого времени умы только и углублялись въ предметы практическіе и на нихъ устремляли все свои успія. Политическое честолюбіе и воинскій энтузіазмъ поглощали почти

* Въ первой книжкѣ Б. для Ч. помѣстили мы мнѣніе предводителяствующаго Журнала партіи Виговъ о нынѣшней Французской Словесности. Какъ во всякомъ спорѣ всегда слѣдуетъ выслушать обѣ стороны, то теперь мы сообщаемъ мнѣніе Торіевъ о томъ же предметѣ. Извѣстно, что, если Виги называютъ что-нибудь бѣлымъ, Торіи выдаютъ это за черное, и обратно. Виги разругали юную Словесность, а Торіи.... прочитайте!

всѣ таланты, и тотъ, кто, живучи въ мирѣ и спокойствіи, посвятилъ бы свои способности открытію новыхъ путей на поприщѣ Литературы, по неволѣ добивался мѣстъ въ гражданской или военной службѣ. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о Литературѣ изящной, или Словесности въ собственномъ смыслѣ, которая существуетъ для всѣхъ, и потому должна быть въ непосредственной зависимости отъ образа правленія и общественнаго мнѣнія. Высшими Науками занимаются немногіе затворники, которые, замуровавшись книгами, не хотятъ и знать о политическихъ переворотахъ, а практическія отрасли знанія, если и не одобряются, такъ возбуждаются быстрыми измѣненіями въ общественномъ порядкѣ. Поэтому Геометрія и Физика шли себѣ по-прежнему своимъ тихимъ и ровнымъ шагомъ, а Химія, Геологія, Медицина и всѣ такъ называемыя утилитарныя знанія подверглись въ нѣкоторой степени дѣйствию общаго движенія; напротивъ, повѣсти, стихотворныя и драматическія произведенія не смѣли выступить изъ старой колесн своей, во время Республики — отъ страху, а во время Имперіи — отъ не такъ явнаго, но не менѣе дѣйствительнаго стѣсненія, которое удачно опредѣлилъ самъ Наполеонъ, называя его «железною рукою въ бархатной перчаткѣ». Какъ бы то ни было, а очень любопытно, что Словесность во Франціи, со времени Людовика XIV до временъ Людовика XVIII, при всей измѣнчивости вулканическаго вѣка, не сдѣлала ни какихъ значительныхъ отступленій отъ своихъ правилъ, и не создала почти ничего новаго.

Возстановленіе Бурбоновъ не произвело сначала ни какой чувствительной перемѣны, только придало еще болѣе силы литературнымъ ученіямъ «стариннаго ладу», ancien régime: обстоятельства, возвратившія власть потомкамъ Людовика XIV, естественнымъ об-

разомъ оживили вліяніе поклонниковъ Буало и Расина.

Однако жъ новый политическій бытъ и спокойствіе, какого лѣтъ пятьдесятъ не бывало во Франціи, скоро начали дѣйствовать на умы пниущей молодежи. Политическая цензура становилась со дня на день снисходительнѣе, и когда литературные разборъ Жоффруа, Мартенвиля и другихъ періодическихъ критиковъ старой школы замолкли, тогда скоро начали являться значительныя уклоненія отъ избитыхъ путей. Эти уклоненія учащались и усиливались по мѣрѣ того, какъ власть Карла X клонилась къ паденію, и какъ люди, посвятившіе себя разнымъ отраслямъ Наукъ, особенно молодые литераторы, стали сознать въ себѣ силу, дѣйствующую на общество.

Нѣсколько уже лѣтъ существовали во Французской Словесности двѣ школы подъ названіемъ классической и романтической. Классики отстаивали нарядную правильность Буало, Расина и Вольтера; романтики старались подражать живой независимости Англичанъ и Нѣмцевъ. Классики были католиками Словесности: они чтли родъ Папской непогрѣшительности въ Аристотелѣ и его преемникахъ, и излишнюю привязанностью къ застарѣлымъ предразсудкамъ и недоразумѣніямъ довели до презрѣнія систему, первоначально основанную на Природѣ и истинѣ, но искаженную пустымъ формализмомъ и ни съ чѣмъ несообразными выдумками. Съ другой стороны, романтики, подобно кальвинистамъ, простирали презрѣніе свое къ древнему авторитету такъ далеко, что, искореняя заблужденія, пожертвовали и многими приличіями старой школы, а послѣ Польской революціи въ 1830-мъ году, ввали въ самое безправ-

ственное и зловерное вольнодумство. Но что прежде было съ Религіею, то теперь съ Словесностью: между устарѣвшимъ формализмомъ старой школы и бѣшеной вольницею новой есть золотая середина, которую открыть и усвоить предоставлено было Англіи. Французскій народъ не способенъ къ *juste milieu*, хотя онъ его выдумалъ. Словесность его раздѣлилась на классическую и романтическую, или, лучше сказать, на педантическую и сумасбродную: ни которой не приходило въ голову *естественное*! Забавно, что въ одно и то же время педанты называли Шекспира шутомъ, а романтики вышли изъ всѣхъ границъ, и преувеличили въ чудовищныя-сумасбродства тѣ недостатки, въ которыхъ старые классическіе критики обыкновенно упрекали великаго поэта Природы.

Этотъ легкій очеркъ развитія новѣйшей Французской Словесности приготовить нашихъ читателей къ обозрѣнію нѣкоторыхъ любимѣйшихъ произведеній нынѣшней Парижской сцены. Ограничимъ замѣчанія свои Драмою, потому что она, какъ самая общенародная вѣтвь Словесности, всего лучше обличаетъ вкусъ цѣлой націи, и представляетъ образцы этого вкуса еще разительнѣйшіе, еще болѣе удивительные, чѣмъ даже мелкія стихотворенія и повѣсти, хотя, правду сказать, и тѣ и другія, особенно послѣднія, отличаются тѣмъ же сумасбродствомъ, безтолочію и безиравственностью, которыя должны будемъ порицать въ Драмѣ.

Цѣль нашего изслѣдованія не столько литературная, сколько нравственная; видъ новѣйшаго Французскаго театра обличаетъ такое неправильное состояніе общества, что оно болѣе принадлежитъ Политикѣ, нежели Критикѣ, и мы хотимъ окинуть взглядомъ рядъ необыкновенныхъ произведеній послѣд-

нихъ трехъ лѣтъ не столько для оцѣнки достоинствъ каждаго отдѣльно, сколько для показанія общихъ пружинъ и конечнаго направленія ихъ въ совокупности.

Викторъ Гюго и Александръ Дюма, — вотъ два писателя, которые и въ Повѣстяхъ, и въ Драмахъ дошли до высшей степени сумасбродства, и которые въ то же время любимѣйшіе драматисты во Франціи. Они показываютъ собою примѣръ, какими постепенностями люди, имѣющіе болѣе талантовъ нежели вкуса и болѣе силы, нежели разсудка, доходятъ до забвенія всѣхъ приличій, выступивъ на поприще простонародности.

Гюго началъ съ Гернани, Дюма Генрихомъ III, и чуть-ли это не лучшія ихъ произведенія. Романтическаго довольно въ обоихъ, довольно той живой дѣятельности, которая презираетъ скромныя единства времени и мѣста, довольно того пылкаго духа, который ищетъ занимательности на крайнемъ предѣлѣ возможнаго, довольно бѣшеныхъ чувствованій и необыкновенныхъ положеній; но еще нѣтъ той грубой неблагопристойности, того забвенія всѣхъ нравственныхъ началъ, той несчастной охоты изыскивать самыя низкія, самыя отвратительныя побужденія для всѣхъ поступковъ человѣческихъ, словомъ еще нѣтъ того, чѣмъ отличаются позднѣйшія ихъ произведенія въ такой же постепенности, какую наблюдаютъ люди, употребляющіе онѣмъ: начинаютъ съ умеренныхъ пріемовъ, только чтобъ быть на-веселъ, а послѣ усиливаютъ ихъ до того, что, смотришь, оныяѣли, одурѣли, взбѣспились.

Многія изъ этихъ Драмъ — явное подражаніе Шекспиру. Посмотримъ однако жъ, какія понятія имѣетъ о немъ пламенный почитатель его, Г. Гюго.

«Есть, говорить онъ, два способа увлекать сердца слушателей, — великое, *le grand*, и истинное, *le vrai*: великое дѣйствуетъ на массу, истинное на лица. Следственно, драматическому писателю должно болѣе всего стараться достигнуть или великаго, какъ Корнель, или истиннаго, какъ Мольеръ, а и того лучше — соединять великое съ истиннымъ подобно Шекспиру.

«Нельзя не замѣтить мимоходомъ, что Шекспиръ имѣлъ даръ, — и въ этомъ-то заключается выпренность его гения, — соглашать, соединять, смѣшивать въ своихъ твореніяхъ эти два качества — великость и истину; качества, если не противоположныя, по крайней мѣрѣ до того различныя, что избытокъ въ одномъ вредитъ другому: слишкомъ истинное легко можетъ дойти до мелкаго; слишкомъ великое, до ложнаго. У Шекспира вездѣ истинная великость и великая истина. Во всѣхъ его твореніяхъ найдете точку, гдѣ великое и истинное взаимно пересѣкаются: достигнуть этой точки, — верхъ драматическаго искусства. Шекспиръ рѣшаетъ задачу, которая кажется похожа на противорѣчіе; — быть всегда вѣрнымъ Природѣ, но иногда выше ея; Шекспиръ преувеличиваетъ объемъ предметовъ, но наблюдаетъ ихъ соразмѣрность; съ дивнымъ всемогуществомъ творитъ онъ сверхъ-естественное, которое однако жъ совершенно естественно. Гамлетъ, напримѣръ, такъ же вѣренъ Природѣ, какъ и всякой изъ насъ, однако онъ больше, онъ колоссальнѣе, но дѣйствителенъ; онъ Гамлетъ, невы, не я, но всѣ мы; Гамлетъ, не вотъ *этотъ* человѣкъ, а просто человѣкъ!»

Какъ ни пріятно видѣть, что наконецъ и во Франціи люди съ дарованіями удивляются Шекспиру, надо однако жъ признаться, что выраженіе этого чувства

здѣсь слишкомъ заносчиво; посылки, на которыхъ основана Критика, довольно слабы, да и заключеніе не совсѣмъ въ ладу съ логикой. Словомъ, въ приведенныхъ нами строкахъ Г. Гюго, мы видимъ сѣмена заблужденій и недостатковъ, поражающихъ насъ непріятнымъ образомъ въ его собственныхъ произведеніяхъ. Къ чему ведетъ различіе между истинною и великостью? Неужели это два отдѣльные качества души поэта, «пересѣкающіяся» въ какой-то счастливой точкѣ? Истина, или естественность, кажется намъ причиною, а великость ея дѣйствіемъ: напримѣръ, въ знаменитомъ *Qu'il mourût* Корнеля, великаго не много въ отвлеченномъ понятіи, и еще менѣе въ выраженіи; но истина этого отвѣта, то есть, его свойственность лицу и соотвѣтственность обстоятельствамъ, возвышенная какою-то нечаянностью, пробуждаетъ въ душѣ зрителя или читателя чувство великости, и потому истина участвуетъ въ этомъ высокомъ отвѣтѣ столько же, сколько въ самыхъ забавныхъ выходкахъ Мольера. Не станемъ возражать Г-ну Гюго, будто нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ созданій Шекспира не истинны, каковы его мертвецы и привидѣнія; другія ни истинны, ни велики, каковы его вѣдьмы, и прочая; по-нашему, драматическую истину не должно заключать въ такіе тѣсные предѣлы: довольно, если, допустивъ однажды существованіе вымышленнаго лица, увидимъ, что слова и поступки его соотвѣтствуютъ понятіямъ нашимъ о томъ, что говорило бы или что дѣлало бы такое существо, будь оно дѣйствительное; но какая огромная часть Шекспирова достоинства не имѣетъ ни какого отношенія къ великому! Весь рядъ его комическихъ, даже просто житейскихъ сценъ, цѣлые характеры Фальстаффа, Серъ Тоби, Догберри и Верджеса, Джакъ Кеда, Мененія, Розалинды, Беатрисы, и проч. — все это, по нашему мнѣнію, гораздо выше, гораздо удивительнѣе его трагическихъ

красотъ. Г. Гюгò разсматриваетъ Гамлета, едва-ли не самое необычайное произведеніе Шекспирова генія, и кажется, разсматриваетъ ошибочно, даже не понимая его характера. Въ Гамлетѣ нѣтъ ничего колоссальнаго, — разумѣется, мы говоримъ о театральномъ героѣ, а не объ исполнителѣ генія, который его создалъ; Гамлетъ сущій человѣкъ, и такъ далекъ отъ всего чрезвычайнаго, что даже подверженъ многимъ недугамъ. Странно говорить ему въ похвалу, что онъ не *этотъ* человѣкъ, а человѣкъ вообще, когда именно онъ-то и есть *individuum*, недѣлимое, въ полномъ смыслѣ этого слова; онъ-то и уклоняется отъ общности болѣе чѣмъ всѣ Шекспировы характеры, и дѣйствуетъ по началамъ и побужденіямъ, обличающимъ то состояніе лица, которое Медицина называетъ *idiosyncrasis*, особеннымъ темпераментомъ. Впрочемъ мы, можетъ-быть, споримъ о словахъ, и если бъ Г. Гюгò зналъ по-Англійски, — а что онъ не знаетъ, это явно, — онъ вѣрно бы согласился съ нами въ главномъ. Дѣло въ томъ, что вся теорія Г. Гюгò основана на какомъ-то смѣшанномъ понятіи о соединеніи естественнаго съ великимъ, а великимъ считаетъ онъ, кажется, злодѣйство, и чѣмъ оно отвратительнѣе, тѣмъ для него лучше. Къ этого рода великому прилаживаетъ онъ нѣскольکو пошлыхъ особенностей — будничныя лица, болтовню и обстоятельства обыкновенной жизни, — и думаетъ что соединилъ великое съ истиннымъ. Драматизируя слѣдственные дѣла, выводя на сцену уголовный судъ, и обнажая во всѣхъ омерзительныхъ подробностяхъ прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, убійство, онъ воображаетъ, что попалъ прямо на ту точку, гдѣ *«истинное и великое взаимно перестыкаются»*. Разборъ нѣкоторыхъ его піесъ всего лучше обнаружить это заблужденіе, которое раздѣляетъ съ нимъ и его противникъ, Г. Дюма.

Начнемъ съ *Marion de Lorme*, написанной въ 1829 году, но представленной въ первый разъ послѣ Польской революціи.

Машенька Делормъ, *Marion de Lorme*, извѣстная прелестница, блиставшая въ царствованіе Людовика XIII. Она была любовницей несчастнаго Сень-Марса (*Cinq-Mars*), а по смерти его сдѣлалась всеобщею. Этотъ «занимательный» періодъ ея жизни разшевелилъ вдохновеніе трагической музы Г. Гюгò. Кромѣ многочисленныхъ почитателей изъ модной молодежи, есть у Машеньки задушевный низшаго разряда, нѣкто Дидье, который, не зная, кто она, любитъ ее взаимно, и не на шутку. Однажды, вечеромъ, пришлось ему быть у ней тотчасъ послѣ Маркиза Савари, и только этотъ вышелъ на улицу, подѣ самымъ окномъ Машеньки напали на него четверо убійцъ. Выскакиваетъ Дидье, и, разумѣется, спасаетъ его. Оба они воротились къ Машенькѣ: Г-ну Дидье очень не понутру короткое обхожденіе молодаго придворнаго съ его *adorable Marie*, и онъ рѣшается отмстить тому, кого только что выручилъ изъ бѣды. Вскорѣ, по настоянію Кардинала Ришелье, было обнародовано Королевское повелѣніе, опредѣлявшее смертную казнь дуэлистамъ. Дидье ищетъ Савари, оскорбляетъ его, и они дерутся. Машенька, испуганная шумомъ, выбѣгаетъ, и, ничего не зная о Королевскомъ повелѣніи, зоветъ стражу. Дидье схваченъ; Савари притворяется убитымъ, и самъ, переодѣтый, провожаетъ пустой гробъ свой въ замокъ старика дяди, Графа Панжисъ. Дидье въ заключеніи; онъ уходитъ по милости Машеньки, и вмѣстѣ съ нею пристаеъ къ труппѣ странствующихъ актеровъ, которая идетъ въ тотъ же самый замокъ, куда везутъ гробъ. Савари, веселый, щедрый, вѣтренный, самъ хлопочетъ на своихъ похоронахъ, и не вздумай онъ выдать Дидье одному изъ

кардинальскихъ клеветовъ, — концы бы въ воду. Этого мало: онъ открываетъ бѣдняку глаза на счетъ поведенія его chaste Marie. Дидье, въ бѣшенствѣ, готовъ оставить свою любезную; не тутъ-то было: него, и Савари, схватили и приговорили къ смерти. Старикъ дядя и Машенька тщетно просятъ за нихъ у Короля. Придворный шутъ предложилъ было его гнѣвъ на милость, сказавъ, что осужденные оба славные сокольники; однако жъ и это не помогло, потому что Кардиналь непременно хотѣлъ ихъ смерти. Графъ Нанжисъ, чтобъ освободить племянника, подкупилъ тюремнаго сторожа; но Савари отказывается уйти, если вмѣстѣ съ нимъ не выпустятъ и Дидье; если жъ можно спасти только одному изъ нихъ, то онъ настаиваетъ, чтобъ Дидье воспользовался благопріятнымъ случаемъ. Машенька тоже хлопочетъ объ его избавленіи, и обольщаетъ главнаго кардинальскаго палача такимъ пожертвованіемъ, на которое мы можемъ только намекнуть. Это *крайнее* великодушіе совершенно ожесточаетъ влюбленнаго Дидье, и онъ рѣшается лучше умереть, чѣмъ воспользоваться свободою, купленною такимъ позоромъ. Ихъ ведутъ на эшафотъ; на сценѣ показываются огромныя крытыя носилки, въ которыхъ лежитъ больной Кардиналь. Машенька неотступно проситъ пощады молодымъ людямъ. Голосъ изъ носилокъ отвѣчаетъ — *Pas de grâce!* Осужденныхъ ведутъ на смерть; все кончено, носилки возвращаются: Машенька въ изступленіи указываетъ на нихъ предстоящимъ, и оканчиваетъ драму восклицаніемъ:

Regardez tous : voilà l'homme rouge qui passe!

Elle tombe sur le pavé.

Несмотря на грубость и невѣроятность завязки, эта пьеса еще сносна: по крайней мѣрѣ языкъ благопри-

стоенъ, современные портреты, хоть и карикатурны, а удачно схвачены; нельзя даже отказать ей въ нѣкотораго рода занимательности. Но это вѣдь первый шагъ — *et il n'y a que le premier pas qui coûte* — лиха бѣда начать, а тамъ ужъ пойдетъ, — что далѣе, то хуже.

Въ концѣ 1852 года появилась Драма *Le Roi s'amuse*, «Изволятъ тѣшиться» — Король Францискъ I. Подъ чужимъ именемъ, выдается съ невинною дѣвушкой, дочерью своего шута, и обѣщаніемъ на ней жениться соблазняетъ ее. Шутъ, знаменитый Трибуле, узнаетъ объ этомъ, и, въ пылу родительскаго негодованія, нанимаетъ убійцу зарѣзать Короля въ добромъ мѣстѣ, и выдать ему трупъ въ мѣшокъ, — условіе, безъ котораго нѣтъ и дѣла для поэта, основавшаго на мѣшкѣ всю катастрофу. Намѣриваясь послѣ этого бѣжать изъ Франціи, онъ переодеваетъ несчастную дочь свою въ мужское платье. Надо же такъ случиться, чтобъ она попалась убійцамъ, чтобъ ее зарѣзали вмѣсто Короля, положили въ мѣшокъ, и еще живую выдали Трибуле! Этотъ хочетъ порадоваться на убитаго соблазнителя, и вытаскиваетъ изъ мѣшка еще дышащее тѣло своей дочери, въ которой оставалось именно столько жизни, чтобъ рассказать, какъ что было. Разумѣется, несчастный шутъ совершенно потерянь, и оканчиваетъ *pièce à la Marion de Lorme* —

TRIBOULET.

J'ai tué mon enfant! J'ai tué mon enfant!

Il tombe sur le pave.

Эти катастрофы могутъ быть истинны и велики, а все-таки онѣ не слишкомъ разнообразны. Шекспиръ

едва ли бы кончилъ двѣ трагедіи сряду паденіемъ на мостовую — *on tombe sur le pavé!*

Вслѣдъ за «Изволять тѣшиться» Г. Гюго написалъ *Lucrèce Borgia*. Содержаніе этой Дамы ужъ было нѣсколько разъ изложено, и потому, избѣгая повторенія подробностей, напомнимъ только главныя черты ея. Писса начинается разсказомъ о происшествіи, случившемся за нѣсколько лѣтъ въ Римѣ. Тамъ видѣли въ одну ночь, что къ берегамъ Тибра приближаются на лошади двѣ человѣческія фигуры, одна изъ нихъ — трупъ, другая убійца. Кто это? Родные братья! — За что поссорились? За любовницу! — Кто жъ любовница? Сестра ихъ!! Плодомъ кровосмѣшенія былъ ребенокъ: онъ живъ — это Дженнаро, герой пьесы, а Лукреція Борджія — ея мать! Не зная другъ друга, они влюбляются, — и вотъ основа Дамы. Послѣ этого мудро ли, что вся она не что иное, какъ сцѣпленіе самыхъ гнусныхъ злодѣйствъ, и что для катастрофы надобно было по крайней мѣрѣ, чтобъ сынъ убилъ мать, — не меньше!

Спору нѣтъ, Борджіи были народъ ужасный, но все не таковы, какъ въ этой Дамѣ. Преступленія, въ которыхъ обвиняють Лукрецію нѣкоторые писатели, другіе, и притомъ достовѣрнѣйшіе, считаютъ сомнительными. Сисмонди говоритъ, что союзъ ея съ Альфонсо д'Эсте былъ счастливъ, что она пережила все свое семейство, и пользуясь уваженіемъ при Феррарскомъ Дворѣ, покровительствовала Науки и Искусства. Какъ бы то ни было, но все явно, что важнѣйшія злодѣяства Лукреціи Г-на Гюго — чистая, или лучше нечистая выдумка: даже будь они сущая правда, и то не стоило труда воскрешать ихъ въ Дамѣ, а оскорблять благопристойность и пятнать Исторію такими отвратительными баснями, право ни на что не похоже.

Послѣдняя пѣса Г-на Гюгò, *Марія Тюдоръ*, хотя и не такъ омерзительна, однако жъ грубо оскорбляетъ нравственность, и еще болѣе предшествующей грѣшитъ противъ Исторіи. При пышнѣйшемъ вкусѣ Французовъ къ историческимъ ужасамъ, такое кровавое лице, какъ *Марія*, сюжетъ право не дурной, если бѣ только взятыя за него съ толкомъ. Ея политическое положеніе, ея личный характеръ, ея жестокое, обдуманное ханжество; драматическая совокупность лицъ, ее окружающихъ, — мрачное честолюбіе Филиппа, нежная, невинная *Дженъ Грей*; юное благоразуміе, мужество и паружныя прелести *Елисаветы*, остревененіе гонителей, твердость мучениковъ — все это, безъ большаго уклоненія отъ исторической истины, могло бытъ представлено въ самыхъ разительныхъ положеніяхъ. Но Г. Гюгò думалъ иначе, и написалъ историческую драму, въ которой все ложно до такой степени, что сначала это смѣшно, а потомъ гадко. Содержаніе ея извѣстно читателямъ этого Журнала; намъ остается только замѣтить, какъ кстати въ предисловіи къ такой пѣсѣ Г. Гюгò разговаривалъ «о соединеніи истиннаго съ великимъ» и о стараніи своемъ подражать Шекспиру!

Объ Г-нѣ Дюмà грѣхъ сказать, чтобъ онъ коверкалъ Исторію: онъ удался отъ зла и сотворилъ благо, обратившись къ Мельпоменѣ второй гильдіи, къ житейскимъ сценамъ; по крайней мѣрѣ тутъ ему своя воля, — онъ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти переселять въ дома Парижскихъ почетныхъ гражданъ и чиновниковъ всѣ ужасы семействъ *Атрея* и *Эдипа*. Въ *Антоннѣ*, выводитъ онъ, на первый случай, только одно прелюбодѣянiе и одно убійство; въ *Therèse* видѣтъ уже большой успѣхъ, — является двойное прелюбодѣянiе, двойное убійство и кровосмѣшеніе на придачу. *Angèle* столько же превосходитъ Терезу, сколько Тереза Анто-

ни, а Richard Darlington, не уступая имъ въ безправствѣнности, служить вмѣстѣ неоспоримымъ доказательствомъ, что Г. Дюма берется и за такія вещи, о которыхъ имѣтъ ни какого понятія. Незнаніе самыхъ главныхъ чертъ общественнаго быта Англіи обнаруживается въ этой піесѣ въ такой степени, что должно по-нѣтъ, удивляться этой ограниченности свѣдѣній въ записномъ Литераторѣ, — и въ грамотномъ мірѣ, право, ни одна живая душа, кромѣ Француза, не могла написать Ричарда Дарлингтона.

Предѣлы журнальной статьи, и цѣль, которую мы себѣ предположили, не позволяютъ войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ упомянутыхъ нами произведеній: ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями. Явно, что во всѣхъ этихъ драмахъ главнымъ предметомъ сочинителей была занимательность, происходящая отъ положенія дѣйствующихъ лицъ. Древнія трагическія пружины, *ужасъ* и *состраданіе*, замѣняются у нихъ тѣмъ, что Итальянцы называютъ *imbroglia*, — средство, еказать правду, болѣе свойственное Комедіи или фарсу. Бомарше создалъ, если не первые, такъ по крайней мѣрѣ лучшіе примѣры въ этомъ родѣ: обѣ его Комедіи чрезвычайно удачныя и забавныя образцы *imbroglia*. Въ трагическомъ продолженіи ихъ, то есть, въ «Винновной Матери» *La Mère coupable*, онъ также употребилъ это средство, и хотя весьма умеренно, но, должно признаться, съ умили-тельнымъ эффектомъ. Право, мы считаемъ эту піесу *кругомъ виновной матерью* тѣхъ сумасбродствъ, которыми дарятъ насъ Г. Гюго и Дюма; но Бомарше умѣлъ ощущать умиленность чувства, а подражатели его постигаютъ одну разительность положенія. Бомарше трогалъ, они только изумляютъ. Даже, какъ чисто художественныя произведенія, эти Драмы имѣютъ такіе недостатки, которыхъ нельзя оставить безъ за-

мѣчанія: главный — чрезвычайная скудость изобрѣтенія, которая влечетъ авторовъ къ безпрестаннымъ повтореніямъ одного и того же характера, однихъ и тѣхъ же положеній. Нѣтъ ничего старѣ ихъ повостей, нѣтъ ничего ниже ихъ вольностей, ничего изношеннѣе ихъ полоумныхъ выходовъ. Незаконность рожденія, соблазнъ, прелюбодѣйство, кровосмѣшеніе, — вотъ побудительныя причины; кинжалъ, ядъ, распутство, — вотъ средства: этимъ ограничивается вся ихъ драматическая гамма, и эти-то первообразныя ноты повторяютъ они безпрестанно въ монотонной послѣдовательности, замѣствуя у самихъ себя или другъ у друга, и ни сколько не заботясь о разнообразіи вымысловъ.

Въ десяти драмахъ, написанныхъ Гг. Гюго и Дюма въ послѣдніе три года, изъ числа однихъ женскихъ лицъ выведено на сцену тринадцать распутныхъ женщинъ, шесть обольщенныхъ. Четыре матери въ любовной связи съ сыновьями или зятьями. Одиннадцать человѣкъ умерщвлены своими любезными или по ихъ милости. Значительнѣйшія мужскія лица по большей части незаконнорожденные пайдепыши. Знаемъ, что преступленіе съ его побудительными причинами было всегда областію Трагедіи; знаемъ, что Атреево и Лаисево семейства ея неотъемлемая собственность: передъ нами длинный рядъ мнѣологическихъ и историческихъ драмъ всѣхъ народовъ; но ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ благопристойности, ни одна не воспоминаетъ преступныхъ страстей. Не чудно ли, не горько ли послѣ этого видѣть въ наше время, что на всѣхъ театрахъ одного изъ многочислѣннѣйшихъ и образованнѣйшихъ народовъ въ мірѣ, каждый вечеръ представляются однѣ мерзости, что всѣ произведенія лучшихъ и любимѣйшихъ его писателей упитаны мерзостями, что эти мерзости принимаются съ

восторгомъ сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ вечеровъ сряду, покуда авторъ, подстрекаемый двойнымъ побужденіемъ выгоды и славы, успѣетъ намарать другую развратнѣйшую піесу въ такомъ же, или еще въ худшемъ, родѣ! Намъ кажется, что все это должно быть слѣдствіемъ или причиною всеобщаго упадка нравственности и расторженія всѣхъ общественныхъ связей цѣлаго народа. Не забудьте, что мы говорили только о двухъ писателяхъ, признанныхъ главами нынѣшней Французской Словесности, между тѣмъ какъ тысячи писакъ кропаютъ наперерывъ чудовищныя подражанія, въ которыхъ всѣ недостатки образцовъ преувеличены до невѣроятности: сообразите все это, и вы вѣрно согласитесь, что состояніе умовъ во Франціи феноменъ, и феноменъ страшный, какого образованный міръ никогда еще не видывалъ.

Е. К.

Quarterly Review.

TUTTI FRUTTI.

=

НОВОЕ СОЧИНЕНИЕ КНЯЗЯ ПЮКЛЕРЪ-МУСКАУ.

=

Авторъ Писемъ покойника, извѣстныхъ и подъ простымъ, прозаическимъ названіемъ «Путешествій Нѣмецкаго Князя», является опять переодѣтый, или лучше, опять подъ тѣмъ же тонкимъ покрываломъ, которое въ первый разъ ему угодно было на себя накинуть. Первое сочиненіе было читано съ жадностью, и расхвалено на всѣхъ языкахъ: Сѣверная Пчела познакомила нашу публику съ многими его отрывками. Самое заглавіе втораго, полу-Италіянское, полунѣмецкое — *Tutti frutti aus den Papieren des Verstorbenen*, которое въ Парижѣ, на Французскомъ изданіи, перевели — *De tout un peu*, и которое мы переведемъ скорѣе — «Всякая всячина изъ бумагъ покойника,» — самое это заглавіе должно возбудить тысячу лишнихъ любопытствъ и по крайней мѣрѣ пятьсотъ лишнихъ цѣнителей, которые будутъ разсуждать о книгѣ, какъ обыкновенно водится, не читавши. Мы пособимъ послѣднимъ, давъ имъ благовременно объ ней понятіе, а первыя, конечно, будутъ намъ благодарны и за тѣ отрывки, которыя мы для нихъ готовимъ.

Это новое произведеніе имѣетъ одинакія съ первымъ и достоинства, и недостатки, — и, кажется, они неизбѣжны до тѣхъ поръ, пока будутъ служить автору орудіемъ къ умноженію числа его читателей. Достоинства, и особенно умѣнье занимать, которымъ обладаетъ онъ въ высшей степени, и которое

всегда такъ очаровательно въ этомъ писателѣ, мы признаемъ въ полной мѣрѣ; недостатки прощаемъ ему изъ уваженія къ достоинствамъ; но дѣло въ томъ, что эти недостатки, и самыя шалости, замѣчаемыя въ его книгѣ, и приписываемыя справедливо или нѣтъ, личному его характеру, умниченны и допущены съ явною цѣлю подстрекать любопытство и вниманіе публики: какъ всякое жеманство вообще, они подвергаются пересудамъ, однакожъ удаются. Его Свѣтлости какъ нельзя лучше. Намъ — такъ право жаль, что онъ одолженъ хотя частію своей извѣстности такимъ сомнительнымъ средствамъ. Сочиненіе, о которомъ будемъ говорить, еще болѣе убѣдительно насъ въ способностяхъ автора, въ его даръ къ картинному и, такъ сказать, драматическому описанію, въ свѣжести и пылкости его воображенія, въ геніяльности его ума, въ его чувствительности къ изящному, благородному и смѣшному, въ остроуміи его замѣчаній насчетъ людей и нравовъ, и даже въ глубинѣ и многообъятности, въ вѣрности и благонамѣренности его мыслей объ тѣхъ и объ другихъ, когда не вмѣшается тутъ темнотка тщеславія и личности, отзывающихся избалованнымъ ребенкомъ или капризной красавицей. Къ несчастію, и въ этой книгѣ замѣтна страсть къ эффектистности и къ чуднымъ выходкамъ, которою заражена повѣстная Словесность, и которой теперь такое раздолье во Франціи. Намъ хотѣлось бы увѣрить автора, что для возбужденія любопытства или удивленія въ читателяхъ, не только можно ему обойтись безъ этихъ снадобьевъ, но что они-то и портятъ его сочиненія: нельзя быть пріятнѣе и поучительнѣе его, когда онъ преспросто и пресестественно рассказываетъ то, что видѣлъ, что думалъ и что чувствовалъ: съ его воображеніемъ, за живостью красокъ дѣло не станетъ. По нуще всего, — да убѣдитесь почтенный авторъ, — что

странная небрежность его насчетъ того, въ какомъ свѣтъ иногда выставляетъ онъ самого себя и другихъ передъ глазами публики, можетъ возбуждать только чувство прискорбія въ сердцахъ людей разсудительныхъ и благородныхъ. Мы тѣмъ настоятельнѣе просимъ его объ этомъ подумать, что онъ, какъ слышно, намѣренъ предпринять продолжительное путешествіе по Европѣ, а описаніе такого путешествія пріятно было бъ видѣть вполне достойнымъ своего творца.

Сказать правду, намъ не нравится смѣшеніе истинны съ вымысломъ, которое онъ такъ любитъ. Мы отъявленные, непримиримые враги того остроумія, которое только и умѣетъ тѣшиться надъ легковѣріемъ простыхъ и недогадливыхъ, — все равно, будь это чистый обманъ или тонкая мистификація. Не называйте сказки былью, и всякой изъ насъ дасть просторъ самому дикому воображенію. Избави Богъ, гнаться за одними фактами! — у насъ ихъ и то слишкомъ много. Мы не находимъ ни питательности, ни вкуса въ рублѣнной соломѣ, которою угощаютъ насъ собиратели фактовъ; однако жъ намъ хочется знать, что мы ѣдимъ. Теперь, не угодно ли кому отгадать, что въ разбираемой нами книгѣ правда, что вымыселъ? Автору очевидно хочется сбить васъ съ толку этою кашей изъ *Dichtung und Wahrheit*; сначала вы чувствуете замѣнательство, а наконецъ утомляетесь.

Однако жъ время дать читателямъ возможность судить самимъ объ этой книгѣ. Содержаніе ея разнообразно и преходчиво: анекдоты, воспоминанія, мысли, шутки, описанія, выходки фантазій и чувствъ, которыя, можетъ-быть, всего занимательнѣе. Изъ числа ихъ выбирасмъ слѣдующую: въ ней много сценической красоты.

«Нынче въ сумерки гулялъ я въ паркѣ. Порывистый вѣтеръ ходилъ по лугу; я сѣлъ на могилу какого-то чужестранца, и задумчиво глядѣлъ на часовню, гдѣ и меня ожидало мѣсто покоя. Ночныя мысли порхали вокругъ головы моей, какъ летучія мыши. Между прочимъ остановился я на чудной склонности людей, и большихъ, и малыхъ, много думать о своемъ погребеніи, и на различныхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался этотъ обрядъ вмѣстѣ съ измѣненіями фазовъ человѣчества.

«Полный, красный мѣсяцъ взошелъ надъ зубцами старой башни, и какъ-будто освѣтилъ мнѣ глубины давно минувшаго времени.

«Передъ моею мечтою исчезли всѣ земныя преграды. Я очутился въ сѣдои древности. Гляжу, какъ въ магнитическомъ снѣ, и будто вижу, какъ толпа варваровъ отдаетъ послѣдній долгъ своему предводителю.

«Сотни воиновъ исполинскаго роста, одѣтыхъ въ звѣринья кожи, толпились въ дикомъ смятеніи около тусклыхъ огней, пылающихъ на свѣжсй насыпи: у подножія ея мрачное отверзтіе какъ-будто ожидало бездыханнаго трупа. Кто выпускалъ вопли и рыданія, кто пилъ изъ череповъ убитыхъ непріятелей. Въ сторонѣ, подъ тѣнью дуба, стояли жрецы свирѣпой наружности, и совершали кровавые обряды. Громкій воинскій кликъ, повторяемый по ихъ знаку, заглушалъ иногда стоны несчастныхъ, которыхъ умерщвляли на каменномъ жертвенникѣ въ честь умершему*.

«Я отвернулся съ ужасомъ: вдругъ темная ночь опустилась, какъ занавѣсъ, передо мною, и непреодолимый сонъ сомкнулъ мнѣ рѣсницы.

«Когда я опять проснулся, сцена совершенно измѣнилась. Дикая сторона смотрѣла веселѣе и ласковѣй. Прямо противъ меня лежало на кострѣ бездыханное тѣло Римскаго удалъца Моски, который, какъ говорятъ наши преданія и

* Мускау, или Мужаковъ, былъ у языческихъ Сорбовъ святилищемъ, куда они ходили на поклоненіе. По-сю-пору видны слѣды суевѣрныхъ обрядовъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ.

лѣтописи, былъ разбитъ и погнѣнъ на этомъ мѣстѣ. Благоніе драгоцѣнныхъ зелій наполняли воздухъ; Римскіе воины, въ своемъ живописномъ нарядѣ, стояли вокругъ прекрасными группами, и кое-гдѣ проглядывалъ между ними подубраженный туземецъ. Здѣсь также были жрецы; — гдѣ ихъ не было? Здѣсь падали и жертвы; но только кровь звѣрей обогрѣла землю у ногъ боговъ чловѣколюбивыхъ.

«Сцена опять перемѣнилась.

«Мы въ романтическихъ феодальныхъ временахъ, уладительныхъ для поэта и художника, несносныхъ для фанатическаго уравниателя.

«Въ полномъ, блестящемъ вооруженіи, съ надежнымъ мечемъ при бедрѣ, лежитъ смѣлый Гаугграфъ въ гробу своемъ. За гробомъ идетъ боевой конь его подъ черной попоною; дружина съ черными знаменами и прекрасная графиня, вся въ слезахъ, ѣдутъ верхами; рядомъ съ ней два цвѣтущіе мальчика: они то печально взглянуть на маменьку, то гордо посмотреть на толпу. Не языческій жрецъ въ бѣлой мантии провожаетъ покойника, а сытый, краснощекій монахъ, со крестомъ въ рукѣ, верхомъ на ослицѣ. Съ печальнымъ, но воинственнымъ гуломъ, длинный потѣздъ тянулся мимо меня къ высокой церкви; и скоро, подъ протяжные звуки трубъ, могила затворилась надъ благороднымъ витяземъ — павѣки.

«Тутъ, какъ-будто прологъ къ предстоящему фарсу, шутъ Гансвурштъ прыгнулъ черезъ сцену, — и начались новыя времена. Не хочу лгать: я тотчасъ увидѣлъ одного изъ своихъ предковъ на великолѣпномъ катафалкѣ съ шелковыми подушками. Онъ тоже былъ витязь, то есть, кавалеръ, да еще кавалеръ Св. Іоанна Іерусалимскаго; только, что ни говорите, а красивый кафтанъ, коротенькія бѣлыя панталоны и неживописные сапожники скорѣе приводятъ на умъ новѣйшихъ портныхъ и сапожниковъ, чѣмъ блаженной памяти витязей. Двѣнадцать серебряныхъ канделябровъ день и ночь горятъ вокругъ покойника, а лежитъ онъ, по старому обычаю, въ столовой; — выборъ довольно странный, не правда ли?

«Наконецъ шестеро благородныхъ вассаловъ, остатки уни-

рающего порядка вещей, берутъ бархатный гробъ покойнаго графа, уже посинѣвшаго и тронувшагося, и въ полночь, при свѣтѣ множества факеловъ, несутъ его въ фамильный склепъ. Тамъ онъ будетъ въ своемъ кругу, то есть, съ знатю. Чтò, если бъ эти господа встали, чтобъ принять новаго гостя и познакомить его съ таинствами могилы?

«Кто скажетъ, кто извѣдалъ, гдѣ жизнь въ самомъ дѣлѣ прекращается, и гдѣ настоящее начало смерти? Ночная сторопа Природы для насъ закрыта; да и дневная едва ли менѣе загадочна! Отъ чего эта неизъяснимая боязнь мертвыхъ, которые не могутъ насъ пальцемъ тронуть? отъ чего страхъ въ потемкахъ и морозъ по кожѣ, когда, увидимъ то, что нѣкогда дышало жизнью, въ несвойственномъ ему образѣ? Въ молодости, мы пытаемся превозмочь всякой страхъ. Разъ, я велѣлъ отпереть въ церкви подъемную дверь надъ сходомъ въ склепъ моихъ предковъ, смѣло отослалъ ключаря, и въ полночь сошелъ туда одинъ одинехонскъ. Три гроба были открыты по моему желанію, и крышки лежали подлѣ. Не могу описать состоянія души моеѣ въ это время. Нѣтъ, это не боязнь, не страхъ, не ужасъ и не грусть, а точно какъ бы всѣ эти чувства смерзлись во мнѣ въ одно неизъяснимое ощущеніе; точно какъ бы я самъ былъ покойникъ: — вотъ что я чувствовалъ.

«На перваго я взглянулъ на дѣдушку, который умеръ восьмидесяти шести лѣтъ. Его бѣлосѣбные волосы пожелтели какъ лѣсъ въ свинцовой кельѣ. Голова его была ужъ не въ первобытномъ своемъ положеніи, а повернулась на мою сторону, какъ бы въ укоръ за то, что я съ юношеской опрометчивостью нарушилъ спокойствіе могилы; но я утѣшался мыслию, что если бъ милый старикъ ожилъ, онъ не сталъ бы сердиться. Онъ былъ слишкомъ добръ и безъ всякихъ предразсудковъ.

«Въ другомъ гробу, подъ золотошвейными лохмотьями, лежалъ въ растяжку длинный костякъ: онъ былъ въ свое время значительнымъ человекомъ, полковникомъ въ тридцатилѣтнюю войну и Ландфогтомъ въ Лаузицкомъ Маркграфствѣ. Въ батюшкиныхъ комнатахъ по-сю-пору хранится

величавое изображеніе его въ ту минуту, когда, подъ начальствомъ Паппенгейма, онъ гонить съ своими кирасирами бѣгущихъ Шведовъ.

«Третій гробъ заключалъ женщину, которую при жизни называли прекрасной Урсолою. Маленькій черепъ ея очернить, какъ земля; все тѣло покрыто было длинной шелковою мантией огненнаго цвѣта, которая чудесно сохранилась. Я до нея дотронулся; при первомъ прикосновеніи она разсыпалась въ пыль.

«Я сѣлъ, и въ какомъ-то онемѣніи смотрѣлъ на длинные ряды гробовъ и на открытыхъ покойниковъ. Наконецъ палъ на колѣни и молился, пока ледъ въ груди моей растаялъ въ горько отрадныя слезы. Что было во мнѣ страха, ужаса или другаго мірскаго ощущенія, все исчезло предъ чувствомъ присутствія Божія; осталась одна кроткая, свѣтлая задумчивость. Безъ всякаго отвращенія поцѣловалъ я ледяное лице моего добраго дѣдушки, отрѣзалъ у него клочекъ волосъ, и если бъ въ этотъ мигъ онъ всталъ изъ гроба и взялъ меня за руку, я бы отнюдь не испугался. Вотъ истинная сила, истинное достоинство молитвы! Не то, чтобы въ минуту крайности ею можно было отератить грозящее бѣдствіе; милліоны набожныхъ людей погибали, несмотря на свои усердныя моленія; но она укрѣпляетъ насъ къ перенесенію бѣдствій, каковы бы они ни были, и черезъ ближайшее общеніе съ Богомъ доставляетъ намъ то, что торжественно возноситъ насъ превыше всего земнаго. Неужли такое могущественное вліяніе одна мечта? Въ такомъ случаѣ, блаженны мечтающіе!

«Однако жъ стану продолжать свои погребальныя очерки. Съ прошедшимъ я раздѣлялся: теперь взглянемъ-ка на будущее. Я хорошо самъ себя. Какъ же бы мнѣ припоровить это полуще къ временамъ? Нынче передразниваютъ энергію прошедшаго въ идеально-романтическомъ, только эта поэзія сильно упитана началами метафизическаго скептицизма. Объ особенныхъ правахъ о-сю-пору не хотятъ слышать; впередъ придется говорить только о всеобщихъ правахъ человека.

«По этому, я никакъ не захочу, чтобъ мои вассалы, которые расхохочутся при одномъ этомъ названіи, несли меня на себѣ въ могилу; да и съ заплесневѣлымъ, старымъ склепомъ не хочу я имѣть дѣла: довольно насмотрѣлся на него при жизни. Я такъ просвѣщенъ духомъ вѣка и такой добрый гражданинъ, что ни за что не лягу тлѣть подъ ногами цѣлаго прихода, который будетъ собираться надо мной каждое Воскресенье, и никакъ не соглашусь взять на душу участія въ эпидемическихъ болѣзняхъ. Что за радость? Пусть лучше мои дюжіе Венды, которымъ я старался помогать въ ихъ житьѣ-бытьѣ, доставляя всегда работы вдоволь, и которымъ за послѣдній трудъ заплатится вдесятеро, встанутъ меня на этотъ холмъ, и положить на томъ мѣстѣ, откуда я всегда любовался видами. Если бъ мнѣ исчезнуть тутъ въ огнь, оно конечно было бъ лучше, — да, кажется, Католики не позволяютъ этого. они сожигаютъ только живыхъ, впрочемъ теперь и это вывелось, но тутъ ужъ мы сами виноваты, не они. Не хочу я тусклаго свѣта факеловъ, а красное солнце и музыка испрѣмѣнно должны быть у меня на погребеніи; печальныхъ пѣсней не надо, — однѣ пріятныя мелодіи. О чемъ тужить? Живъ Богъ, хоть мы и умираемъ: это не конецъ, а только новое начало, не смерть, а новое рожденіе.

«Торжественно протестую, — если тѣло мое должно быть выставлено напоказъ, — противъ всѣхъ варварскихъ платъ-евъ нашего времени, будь это туго застегнутый мундиръ, неспособный даже и для мертваго, или такая чудовищность, какъ новѣйшій фракъ, жилетъ и панталоны. Если кто вздумаетъ надѣть на меня орденъ, вотъ ему заранѣе мое проклятіе: не смѣйся, злодѣй, надъ усопшимъ! По-моему, для трупа прилично одно только одѣяніе, — бѣлое покрывало: само небо обвиняетъ дремлющій годъ бѣлой пеленою. Любви, одной любви, можетъ прійти желаніе еще разъ поднять таинственное покрывало: да! для любви пѣтъ смерти, пѣтъ страшныхъ переменъ, съ ней сопряженныхъ; она всегда въ царствѣ вѣчной красоты. Если бъ ты данъ былъ мнѣ, завидный жребій! Если бъ хоть одно любящее сердце билось надо мною, когда мое перестанетъ биться; если бъ

хоть одна слеза горести упала на мои блѣдныя щеки, и хоть одна дрожащая рука поддержала мнѣ голову, вѣрно сонъ мой былъ бы слаще и отраднѣе!

«И вотъ, сто лѣтъ прошло послѣ моей смерти. Каково-то будетъ любви, когда вѣкъ промышленности (мануфактуръ и торговли) достигнетъ полного развитія, и *полезное* будетъ управлять міромъ нераздѣльно?

«Опять я чувствую прикосновеніе волшебнаго жезла. Опять вижу долины, которыхъ украшенію посвятилъ лучшую часть своей жизни. Что это? Рѣка, которая текла черезъ мой паркъ, сдѣлалась судоходною; за то кучи дровъ, бѣлильни, сушильни, все гадкія полезныя вещи, заступили мѣсто моихъ цвѣтущихъ луговъ и тѣнистыхъ рощей! Замокъ — да вѣрнѣ ли мнѣ глазамъ своимъ? — Господи, Боже мой, онъ превращенъ въ прядильню! «Гдѣ жъ живетъ хозяинъ?» спрашиваю я нетерпѣливо. «А вотъ въ этомъ домику среди огорода», отвѣчаетъ мнѣ невидимый проводникъ. «И все то, что я называлъ моимъ, не принадлежитъ ужъ моему праправнуку?» Какъ можно! это раздѣлено между сотнею разныхъ владѣльцевъ: гдѣ жъ тутъ быть свободѣ и равенству, когда у одного будетъ такъ много?»

«Я подошелъ къ домику, котораго стѣны открылись для моего магнитическаго зрѣнія, и увидѣлъ, что смерти опять была работа: въ углу комнаты лежалъ недвижимо на кровати хозяинъ дома, всѣми покиннутый. Слышу, одинъ изъ сыновей его говоритъ другому: «Отецъ умеръ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; такъ вывезти его вонъ!»

«Ахъ, читатель, какія похороны! Вы спросите, куда свезли тѣло? Разумѣется туда, гдѣ можно было употребить его повыгоднѣе.

«Такъ! мало этой земной дѣйствительности, необходима и власть воображенія. Мало, что мы идемъ впередъ: надо знать, гдѣ остановиться. И хотя что-то высшее ежедневнаго міра открывается душѣ почти cadaго человека, однако жъ намъ недостаетъ еще того, чтобъ истинная Церковь соединила всѣхъ насъ подъ хоругвию единой Вѣры: это по-

должно бы конецъ всѣмъ противорѣчіямъ, всѣмъ неудовлетворимымъ требованіямъ.»

Мысль, заключающаяся въ немногихъ слѣдующихъ за этимъ строкахъ, достойна вниманія тѣхъ, кто толкуетъ о ободреніи Искусствъ. Поверхностныя понятія, которыя вообще имѣютъ объ Искусствѣ, и которыми унижаютъ его до степени ремесла или препровожденія времени, служатъ яснымъ доказательствомъ, что почва, на которой ему можно было расти, совсѣмъ исчахла. Вскapывайте, поливайте эту тощую землю, сколько вамъ угодно, а сильного или блестящаго прозябенія никогда не дождетесь. Нѣкоторыя растенія красивы, но слабы, другія и уродливы и малы; иначе быть не можетъ, и ни какое въ свѣтѣ ободреніе тутъ не пособитъ. Князь Пюклеръ ищетъ этому причины въ оскудѣніи того чувства, изъ котораго возникли въ Искусствѣ изящество и выпренность: это — чувство сверхчеловѣческаго, — глубокое върованіе въ нѣчто лучшее, благороднѣйшее, прекраснѣйшее, славнѣйшее или въ нѣчто могущественнѣйшее и ужаснѣйшее насъ, мелкихъ обитателей земнаго шара. Необходимо, во-первыхъ, чтобъ это чувство, это върованіе существовало, и, во-вторыхъ, чтобъ оно было не слишкомъ духовно и отвлеченно; потому что, въ этомъ случаѣ, относительно нашихъ чувственныхъ представленій будетъ оно невидимо и неустроено. Здѣсь не мѣсто разбирать, сколько добра и сколько зла сопряжено съ этими различными состояніями челоуѣческаго духа, а нѣтъ сомнѣнія, что между върующими въ одно видимое, и върующими въ то, что далеко отъ умственнаго глаза даже при самыхъ смѣлыхъ его напряженіяхъ, Искусству нельзя дышать свободно, и оно погибаетъ.

«Въ одной извѣстной книгѣ кто-то говоритъ довольно справедливо: «Унадокъ Искусства непременно долженъ слѣ-

«довать за совершеннымъ отпаденіемъ отъ Вѣры,»—а послѣ прибавляетъ: «Музыка—единственное Искусство, составляющее существенную часть нашего богослуженія; по-этому, намъ должно воспользоваться ею, какъ единственнымъ средствомъ къ восстановленію тѣснѣйшей связи всѣхъ Искусствъ съ Религіей.»

«Вотъ странное заключеніе. Искусство выродилось отъ того, что истинное чувство Вѣры, какъ и все поэтическое, въ наше время ослабло. Укрѣпите его, Искусства процвѣтутъ опять сами собою; но нельзя сказать наоборотъ. Если для укрѣпленія этого чувства необходимо нужна музыка, такъ, можетъ-быть, всего дѣйствительнѣе будетъ вотъ какая: пушечная пальба лѣтъ тридцать сряду, вошь сотни тысячъ несчастныхъ, умирающихъ отъ язвы, десятка два землетрясеній, да хоть небольшой потопикъ.»

Теперь — отрывокъ изъ продолжительной бесѣды между старыми однополчанами.

«Другой праздникъ данъ былъ около того же времени по такому поводу, что это почти трогательно. Хозяинъ праздника былъ гвардіи рядовой. Этотъ человекъ необыкновенно отличился подъ Бауценомъ въ глазахъ самого Императора, который велѣлъ записать его имя. Нѣсколько времени это такъ и оставалось. Ужъ на послѣдней недѣлѣ перемирія пріѣзжаютъ въ Гр — дежурный офицеръ отъ Императора, спрашивать такого-то рядоваго — а тотъ сидѣлъ за столомъ съ товарищами—и тутъ же вручаетъ ему патентъ на чинъ капитана въ томъ самомъ полку, гдѣ онъ служилъ, вмѣстѣ съ предписаніемъ о выдачѣ трехъ тысячъ франковъ на экипировку. Это было въ трактирѣ; я случился въ той же комнатѣ, и, признаюсь, никогда не видывалъ, чтобы кто-нибудь такъ выходилъ изъ себя отъ радости, какъ этотъ усащъ. Съ Французской живостью сдернулъ онъ съ пальца перстень, и выхватилъ изъ кармана часы, бросилъ ихъ хозяину, и велѣлъ угощать на свой счетъ всѣхъ товарищей, которые перебиваются въ этотъ день въ трактирѣ. Всякой долженъ былъ выпить съ нимъ рюмку вина за здоровье великаго Наполеона. Чуть не со слезами рассказывалъ онъ

о своемъ счастьи, и объяснялъ каждому *la finesse du petit sarogal*, который догадался же дать ему это отличие именно въ томъ полку, гдѣ служилъ онъ прежде. На другой день, онъ сдѣлалъ для товарищей тотъ праздникъ, о которомъ я говорю, и который вѣрно сталъ ему въ копѣйку. Да въ то время деньги были у насъ не по чѣмъ! Всякой думалъ, какъ бы прожить день въ полномъ удовольствіи, потому что завтра было несвѣрно.»

Авторъ — записной охотникъ до лошадей, и любители конюшенной Словесности найдутъ для себя обильную пищу во «Всякой всячинѣ». Мы удовольствуемся небольшимъ этого рода отрывкомъ.

Одинъ изъ ветерановъ замѣчаетъ, что въ Наполеоновской арміи было что-то романтическое —

«Напримѣръ, что это были за чудная шайка — Мамелюки! Послѣ Бауценскаго дѣла, которое стоило имъ чстырнадцати человекъ, ихъ все еще оставалось полъ-эскадрона подъ начальствомъ необыкновенно красиваго собою полковника Германа, родомъ Нѣмца, который одержалъ, я думаю, большіе побѣды надъ нашими дамами, чѣмъ на войнѣ. Въ этомъ маленькомъ корпусѣ было очень немного Египтянъ: въ послѣднее время прибылъ къ нему одинъ человекъ изъ Іерусалима, другой изъ Виллесама. Едва ли были въ немъ Французы, но, за исключеніемъ ихъ, онъ состоялъ изъ уроженцевъ почти всѣхъ странъ земнаго шара. Старшій изъ Египтянъ часто посѣщалъ меня: бывало, возьметъ съ дивана подушку, броситъ на полъ, сядетъ на нее, поджавши ноги, и куритъ свою длинную трубку или пьетъ кофе. Онъ часто рассказывалъ намъ объ Египетской войнѣ; Наполеона описывалъ какимъ-то волшебникомъ, и благодарилъ отъ души за то, что онъ вывезъ его изъ отечества: послѣ ученія на морскомъ берегу, ихъ, сказывалъ онъ, такъ внезапно посадили на суда, что всѣ они считали это маневромъ до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не потеряли изъ виду земли. Какъ теперь вижу полковника Германа, когда генералъ Лефевръ — Денуэттъ, также пре-

красный собою, смотрѣлъ Мамелюковъ въ Гр***. Они выстроились по ту сторону глубокаго рва. На шоссе показался генералъ съ своимъ штабомъ. Какъ изъ лука стрѣла мелькнулъ полковникъ въ своемъ блестящемъ мундирѣ, перслетѣлъ черезъ ровъ, футовъ въ двѣнадцать шириною, и осадилъ коня у самыхъ ногъ генерала, отдавая ему честь съ удивительною ловкостью. Получивъ приказанія, онъ такъ же ловко повернулъ своего сѣраго арабчика, персскочилъ опять черезъ ровъ, и въ одинъ мигъ очутился на своемъ мѣстѣ.»

Послѣдуемъ за авторомъ въ Ахенъ, на балъ, который удостоили своимъ присутствіемъ Государи, бывшіе на конгрессъ.

«Мой патріотизмъ торжествовалъ при видѣ нашего Королѣя. Онъ былъ такъ прямъ и простъ въ обращеніи, а между тѣмъ настоящій Государь и повелитель. Послѣ него, наиболѣе поразилъ меня Князь Меттернихъ, въ которомъ я всегда принималъ живѣйшее участіе съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, бывши еще отрокомъ, увидѣлъ вступленіе его великое поприще въ званіи посланника при Дрезденскомъ Дворѣ, и особенно, когда сталъ подсматривать за нимъ въ обществѣ первѣйшей знати. Нельзя было не чувствовать, что этотъ человекъ рожденъ повелѣвать, чѣмъ бы онъ ни былъ первоначально; и точно, не многіе обладаютъ этимъ искусствомъ въ равной съ нимъ степени. Онъ не «идеологъ» какъ изъяснялся Наполеонъ; но Германія обязана ему больше, чѣмъ она думаетъ. Исторія не отречется поставить его гораздо выше Каупна, и на ряду съ кардиналомъ Ришельё, Борлеемъ и другими истинно великими министрами, то есть, такими, какихъ требовалъ ихъ вѣкъ, хотя они часто должны были ему противоборствовать.

«Относительно внѣшняго вліянія, Князь Меттернихъ всегда будетъ казаться во Франціи, въ Англіи, въ Пруссіи совершенно различнымъ человекомъ, и однако жъ всегда останется однимъ и тѣмъ же, то есть, человекомъ, понимающимъ свое положеніе. Такъ точно въ Австріи онъ то,

и единственно то, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть; и вотъ почему не плонаѣ тотъ, чьи выгоды столкнутся съ Австрійскими.

«Герцогъ Ришелъё не кардиналъ, но герцогъ, показавъ намъ замѣчательнѣе щеголеватостью и благородствомъ своихъ пріемовъ.

«Россійскій Императоръ былъ чрезвычайно снисходителенъ, и отличался истинно рыцарскою вѣжливостью. Онъ очаровалъ всѣхъ своею пріятностью. Русскіе подражали своему высокому образцу съ большимъ успѣхомъ.

«Отчего никто не побываетъ въ Австріи безъ такого чувства, какъ-будто-бъ было Воскресенье? Отчего никто, по крайней мѣрѣ изъ Нѣмцевъ, не можетъ видѣть Австрійскаго Императора безъ любви и уваженія? Какая-то особенная прелесть поситъ надъ этою землею и ея властителемъ, прелесть, которая часто и сильно проявлялась въ Иеторинъ, по которую Нѣмцу легче чувствовать, чѣмъ опредѣлить. Личный характеръ много дѣлаетъ, но это еще не все.

«Герцогъ Веллингтонъ сильно привлекалъ вниманіе. Въ то время, лавровый вѣнокъ былъ на немъ свѣжъ и блестящъ; еще не помяли, не испортили его тернія гражданской короны. Онъ смотрѣлъ гордо и величаво. Лице его выражало умъ и дарованіе, но мало генія: въ этой окруженности нѣтъ пустатаго мѣста, но объемъ ея очень невеликъ.

«Лордъ Кастельрнъ, блѣдный и болѣзненно улыбающійся, походилъ на вампира, лишенаго добычи. Подлѣ него былъ канцлеръ, князь Гарденбергъ, старикъ благородный, тонкій и гениальный, но ужъ примѣтно ослабѣвавшій. Пріемы его отличали совершенно свѣтскаго человека, но въ сравненіи съ Меттерниховыми были не такъ повелительны и не такъ развязны, даже почти застѣнчивы.

«Ветеранъ Бенингсепъ, съ женою, составляли настоящую древнюю группу. Почти слѣпой, съ бѣлоснѣжными кудрями, высокій, осанкетый, истощенный болѣзнями, и водимый прекраснымъ Полячкомъ, онъ съ перваго взгляда напоминилъ

михъ Велисарія, и пробудилъ еще много думъ. Но разговоръ его не слишкомъ соответствовалъ выразительной пажужности: онъ толковалъ только объ лошадяхъ да объ Эйлаускомъ сраженіи, въ которомъ, какъ многіе утверждали, отъ него зависѣло совершенно разбить Наполеона. Прекрасныя совѣты Прусскаго генерала уступили его чрезмѣрной осторожности.

«Вотъ Г-жа Катадани съѣла за фортепіано. Она запѣла — God Въ эту минуту почталіонъ такъ сильно протрубилъ въ рогъ подъ самымъ окномъ невысокаго дома, что нѣкоторые изъ предстоящихъ едва могли удержаться отъ смѣха, а великая пѣвица должна была остановиться. Дилижансъ протѣхалъ, и она опять запѣла — God save..... Но за дилижансомъ тащилась Beiwagen, выючная повозка, съ такимъ же музыкальнымъ почталіономъ, и, увы! — этотъ рогъ былъ еще звонче и пронзительнѣе перваго. Тутъ ужъ никто не выдержалъ; всѣ засмѣялись, и смущенная пѣвица принуждена была пожевать ревеню, который всегда носила съ собою, прежде, чѣмъ рѣшилась опять начать свою арію. На этотъ разъ, удалось ей, однако жъ, пробраться сквозь — God save the King, благополучно.»

Къ числу занимательнѣйшихъ статей въ этой книгѣ принадлежатъ очерки Берлинскаго общества, начинающіе отъ Двора и до мѣщанства. Г-жа Сталь сказала, что Берлинъ есть городъ, неоставляющій въ душѣ ни какого воспоминанія. «Это доказываетъ только то, говоритъ нашъ авторъ, что очень умная женщина можетъ сказать очень глупую вещь.» Въ этомъ мы съ нимъ совершенно согласны; но чтобы унестись изъ Берлина такое впечатлѣніе, отъ котораго родятся воспоминанія, надо знать, что за необъятное количество умственнаго свѣта разливается оттуда со временъ Фридриха Великаго; а Г-жа Сталь, несмотря на ея геній и на довольно толстую книгу о Германіи, не имѣла объ этомъ ни какого понятія. Авторъ говоритъ:

«Пруссія — предметъ безспорно занимательный, любите ее или ненавидьте, все равно; только презирать ее никто не въ правѣ, потому, что она «идетъ вверхъ». Когда солнце опускается, люди засыпають, но взойдетъ оно высоко, — они открываютъ глаза.»

«Въ государственномъ учрежденіи Пруссіи могутъ быть несовершенства, но гдѣ всюду проникаетъ просвѣщеніе, тамъ другіе недостатки маловажны. Однако жъ, и они должны будутъ сами собою исчезнуть: тогда исполнятся всѣ желанія истинныхъ любителей народнаго улучшенія, которые не имѣютъ ничего общаго съ полоумными разорителями.»

Авторъ сознается самъ, да и книга его порукою, что онъ плохой придворный; несмотря на то, онъ говоритъ о царствующемъ Домѣ и особенно о Наслѣдномъ Принцѣ съ чувствомъ такой искренней любви и уваженія, что сердце радуется.

Въ числѣ Берлинскихъ увеселеній, онъ упоминаетъ объ очень любопытныхъ балахъ, гдѣ сближаются всѣ ступени общества. Объ нихъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому похвальному вниманію, какое обращаютъ здѣсь на туалетъ щеголеватыхъ посѣтителей, приказывая «не пускать никого въ грязныхъ сапогахъ». Несмотря на этн утонченности, а можетъ быть и вслѣдствіе ихъ, балы не слишкомъ занимательны; за то ужины, оживляемые непрерывнымъ фейерверкомъ скачущихъ пробокъ, довольно шумны и веселы.

«На послѣднемъ изъ этихъ баловъ, говоритъ авторъ, нашъ веселый Принцъ Альбрехтъ похаживалъ съ своими адъютантами изъ комнаты въ комнату, не находя себѣ за столомъ свободнаго мѣста. Я не могъ удержаться отъ смѣху, когда, замѣтивъ это, С*** вскрикнулъ съ энтузіазмомъ: «И это называютъ самодержавною монархіей! Королевскій

сынъ не найдетъ себѣ мѣста, гдѣ поужинать, потому, что его добрые граждане обѣли кругомъ весь столъ! Нѣтъ; нашъ какой-нибудь конституціонный королевичъ ужъ вѣрно возьмъ бы мѣры, чтобъ быть сыту прежде будущихъ своихъ подданныхъ.» — Да! сказалъ я, по этому-то мы и не нуждаемся въ революціяхъ и ниспроверженіяхъ существующаго порядка: у насъ все, слава Богу, здорово; можемъ обойтись безъ кровопусканій!»

Охота за страшнымъ Русскимъ медвѣдемъ, поселившимся въ лѣсахъ Валахін, и заоблачное путешествіе автора на воздушномъ шарѣ, суть безъ-сомнѣнія два блистательнѣйшіе эпизода «Всякойвсячины». Последній мы не преминемъ сообщить въ одной изъ будущихъ книжекъ этого Журнала; теперь, мѣсто позволяетъ намъ только постараться возбудить участіе читателей въ судьбѣ нашего мохнатого соотечественника, и чтобъ, стремясь къ этой цѣли, лучше ознакомить ихъ съ разнообразнымъ дарованіемъ владѣтельнаго князя-писателя, выпишемъ весь его рассказъ о знаменитой травлѣ, слышанный имъ въ Лейпцигѣ отъ Г. Алкивіада Таверньѣ, впучатнаго племянника извѣстнаго путешественника.

«Медвѣдь, столько же замѣчательный по исполниской величинѣ, сколько и по необычайной силѣ, былъ ужасомъ цѣлаго края между Бухарестомъ и Цемпино, вблизи Карпато-Романо-Молдавскихъ горъ. Любимымъ мѣстомъ пребыванія этого чудовища былъ обширный Посейнарскій лѣсъ, черезъ который пролегаетъ отчасти дорога изъ Бухареста въ Трансильванскій Кронштадтъ. Лѣтъ восемь или десять, ужасный звѣрь не давалъ покоя окрестнымъ жителямъ, и въ теченіе этого времени онъ истребилъ у нихъ по крайней мѣрѣ четыреста быковъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Никто не смѣлъ къ нему подступить; казалось, паническій страхъ овладѣлъ всѣмъ краемъ. Вотъ послѣднее извѣстіе объ его проказахъ, которыя привлекли наконецъ вниманіе высочайшаго Дивана.

«Огромный возъ съ виномъ тихо спускался подъ гору на пути къ Бухаресту. По обычаю тамошнихъ поселянъ, въ полуденный зной погонщики остановились отдыхать, выпрягли буйволовъ, и пустили ихъ на траву по опушкѣ лѣса. Вдругъ слышать они страшный ревъ; бѣгутъ, и видятъ, что звѣрь, такой же черный, какъ ихъ буйволы, только гораздо больше, повалилъ одного изъ этихъ животныхъ навзничъ, и несмотря на страшное его барахтанье, захватилъ бѣдняжку одной лапою, какъ желѣзными клещами, и улизнулъ съ нимъ на трескъ погахъ, не спотыкаясь. Этотъ случай, хоть по-видимому и не совсѣмъ достовѣрный, не только возбудилъ вниманіе правительства, но подстрекнулъ и самыхъ задорныхъ охотниковъ въ Бухарестѣ, именно, бояръ Костаки, Корнеско, Манулаки Флореско, Бя-Задея Суццо, и вашего покорнѣйшаго слугу. Сговорились предпринять большую травлю, и скоро все было улажено какъ нельзя лучше синьоромъ Флореско, начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ.

«Положено, сначала только слѣдить медвѣдя, а потомъ, съ помощію пяти или шести сотъ поселянъ загнать его въ полукружіе изъ ста охотниковъ. Когда все это было сдѣлано, въ назначенный день мы собрались какъ можно тише. Знакомъ къ началію травли былъ протяжный звукъ охотничьяго рога, къ которому тотчасъ пристали другіе зычные инструменты, а въ отвѣтъ имъ раздались клики охотниковъ. Скоро я услышалъ выстрѣлъ вправо, гдѣ стоялъ синьоръ Корнеско, и потомъ опять все затихло. Черезъ нѣсколько минутъ какой-то звѣрь сталъ пробираться чащею: тишь яснаго Октябрскаго дня и шорохъ сухаго листа, уже покрывавшаго землю, удваивали шелестъ шаговъ cadaго животнаго. Сытая лисица показалаь отъ меня шагахъ въ восьмидесяти. Я по ней выстрѣлилъ, и она тотчасъ упала, пробитая пулей въ голову. На минуту водворилась опять мертвая тишина; потомъ охотники стали подаваться ближе и ближе, и громкіе ихъ клики возобновились со всею силой. Страшно слушать, какъ перекликаются Молдавскіе крестьяне, растянутые цѣлюю на пространствѣ двухъ миль; какъ ужасно они завываютъ и въ то же время хлопаютъ чѣмъ ни попало по дересвямъ. Вдругъ, за полмилю влѣво,

раздались два выстрѣла, одинъ за другимъ, и потомъ оглушающій крикъ ours, ours, который на Романо-Молдавскомъ языкѣ значитъ то же, что на Французскомъ, пронесся молніей по всей цѣпи охотниковъ. Вотъ ѣдетъ Князь или Бей, Задей Суццо: «Seigneur Alcibiade, медвѣдь-то провалился сквозь цѣпь. А вы это что подшибли?» «Да видите, какую лисичку.» Мамелюкъ его поднялъ лисицу. Тутъ къ намъ подоспѣлъ синьоръ Корнеско, и мы всѣ отправились на то мѣсто, гдѣ медвѣдь ускользнулъ у нихъ изъ-подъ рукъ. Синьоръ Флореско былъ ужъ тамъ, и хотѣлъ добратъся по слѣдамъ его, куда онъ далъ тягу.» Егеръ Лазаръ выстрѣлилъ по немъ, сказалъ намъ Флореско, да только оцарапалъ ему спину; другой выстрѣлъ сорвался у одного крестьянина: медвѣдь шмыгнулъ мимо него такъ быстро, и поднялъ такую ломку въ лѣсу, что бѣдняга со страху повалился навзничъ, а догадливое ружье и безъ него выпалило!» Мы смѣялись надъ крестьянникомъ, который все еще не могъ опомниться, и наконецъ образумили его стаканомъ другимъ водки.

«Потомъ сейчасъ же пустились по слѣдамъ медвѣдя. Шаговъ за сто начали мы замѣчать потовыя пятна на листьяхъ и на пняхъ, объ которыя онъ терся, улепетывая отъ погони. Всѣ эти пятна были футовъ слишкомъ на пять отъ земли, именно, вровень съ моими глазами. Такъ какъ это ростъ высокаго человѣка, то я спросилъ у Лазаря, какъ бѣжалъ медвѣдь, на заднихъ ли лапахъ или на четверенькахъ. «На четверенькахъ, какъ собака», отвѣчалъ онъ. Тутъ въ первый разъ сталъ я немножко вѣрить чудеснымъ рассказамъ объ ужасной величинѣ и силѣ этого чудовища: любопытство и желаніе, если можно, убить его, возрасли во мнѣ до непреодолимости.

«Долго бродилъ я вмѣстѣ съ товарищами: они послали между-тѣмъ за сворой изъ 50 или 60 собакъ, которая ссѣвалась въ ближайшей деревнѣ. Наконецъ, утомленный безконечными поисками, я повернулъ палъво въ лѣсъ по дикой тропинкѣ, которою думалъ выбратъся на дорогу, и отыскать то мѣсто, гдѣ стояла наша телѣга съ припасами, потому что я ужъ проголодался.

«И вотъ, выхожу на долину, которую можно бѣ было назвать дѣвственною. Исполинскіе дубы засохли отъ старости: дикія растенія и молодые отпрыски пробиваются на истлѣвающихъ пняхъ. Дальше, темная ночь царствуетъ подъ развѣсистыми вѣтвями другихъ великановъ, еще бодрыхъ и свѣжихъ, какъ юноши. Въ прохладной тѣни ихъ прилегъ-было я отдохнуть. Вдругъ слышу такой шумъ и топотъ, какъ будто-бѣ цѣлый эскадронъ мчался на меня во весь опоръ, — и огромный черный звѣрь съ быстротою молніи мелькнулъ черезъ долину, не далѣе, какъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ моей особы. Я не успѣлъ даже прицѣлиться, однако жѣ столько-то разглядѣлъ, что ни одинъ медвѣдь, начиная съ бѣлаго арктическаго до чернаго сибиряка, не сравнится съ этимъ величшною. Я поспѣшилъ за нимъ въ западномъ направленіи, и слышалъ, какъ стая, напавъ на слѣдъ, гнала его во всѣ лопатки. Вскорѣ я встрѣтился съ бояриномъ Костакки, главнымъ управителемъ синьора Флореско. Когда мы вмѣстѣ пустились за медвѣдемъ, онъ сказалъ мнѣ: «У меня сильное предчувствіе, что я сойду съ этимъ чудовищемъ; впрочемъ со мной лучшіе стрѣлки мои: они идутъ сзади пѣшкомъ.» Мы зашли въ чашу лѣса, гдѣ было множество дикихъ плодовыхъ деревьевъ. Здѣсь, среди дряхлыхъ пней и каменистыхъ пещеръ, было, по-видимому, любимое убѣжище нашего супостата, потому, что вся земля покрыта была его нечистотами. Я рѣшился остановиться въ этомъ странномъ и дикомъ пріютѣ. Костакки пошелъ себѣ своей дорогою, хоть люди его еще не подошли, да и собакъ вовсе не было слышно. Измучившись отъ ходьбы и отъ жару, я легъ съ своей вѣрной собакою, Амико, подъ большую яблоню, закурилъ отъ-печсго-дѣлать трубку, и велѣлъ Амико держать ухо востро. Собака моя была и сильна, и хорошо выдрессирована, давай ей хоть звѣря хоть человѣка; такъ, лежа на-покоѣ, и роскошно пуская въ воздухъ густыя облака дыма, я вѣрно бы продремалъ тутъ съ полчаса, если бѣ опять не услышалъ шелеста приближающихся животныхъ. Встаю потихоньку и прячусь за дерево.»

«Это попросту было стадо свиней: герой нашъ убиваетъ одну изъ нихъ и торжественно показываетъ товарищамъ,

собравшимся на призывный звукъ его рога. Къ несчастію, мнимый кабанъ оказывается сбѣжавшимъ поросенкомъ, который промѣнялъ на дикую свободу всѣ удобства образцованности, представлявшіяся ему въ хлѣву какого-нибудь Молдавана, и хотя погибъ, но такую смертію, которая соотвѣтствовала благороднымъ его наклонностямъ. Разумѣется, надъ удачнымъ стрѣлкомъ насмѣялись вдоволь.

«Охотники еще долго бы прошутили, если бы не перевалъ ихъ отдаленный шумъ и лай собакъ, хотя по отголоску намъ казалось, что онъ отъ насъ по крайней мѣрѣ за милю. Вся ватага бросилась туда, только я не хотѣлъ сойти съ своего мѣста. Со мной остался одинъ Лазарь, тотъ самый охотникъ, который первый выстрѣлилъ по медвѣдю, и приспѣлъ на мой зовъ вмѣстѣ съ прочими. Когда лай утихъ, я опять закурилъ трубку, и сѣлъ верхомъ на свою безславную добычу, которую товарищи растянули передо мной въ пастышку. Но вотъ опять лай, и теперь онъ приближается прямо къ намъ съ возрастающей быстротою. Черезъ нѣсколько минутъ, раздался страшный крикъ и потомъ ревъ, еще ужаснѣйшій: взвожу курокъ, и бѣгу туда изо всей мочи. Минутное безмолвіе; потомъ такой трескъ и шумъ, какъ-будто бы вихорь пошелъ по лѣсу: кустарникъ зашевелился, пригнулся къ землѣ, и вотъ, медвѣдь передо мной, носомъ къ носу. Онъ занималъ всю тропинку своей исполинской толщиною, и, только меня увидѣлъ, бросился ко мнѣ съ такимъ ревомъ, что чуть не оглушилъ меня и, въ буквальномъ смыслѣ, потрясъ воздухъ. Самъ не знаю, какъ я еще помнилъ, что мнѣ предстонтъ или побѣда или смерть; прицѣлился какъ можно вѣрнѣе, подпустилъ къ себѣ медвѣдя шаговъ на шесть, и выстрѣлилъ изъ того же счастливаго дула моего двуствольнаго ружья, изъ котораго удалось мнѣ убить лисицу и кабана. Пуля попала ему между самыхъ глазъ; онъ пошатнулся, а между тѣмъ мой неизмѣнный Амиго бодро выскочилъ впередъ и сталъ прямо противъ него. Изумленный, можетъ-быть, внезапнымъ появленіемъ огромной бѣлой собаки и ея немilosердымъ лаемъ, медвѣдь далъ мнѣ время сдѣлать другой выстрѣлъ вслѣдъ за первымъ, а Лазарь, изъ-за большаго дуба, выстрѣ-

лилъ по немъ еще разъ, но не сдѣлалъ ему сильнаго вреда, потому что, какъ послѣ оказалось, пуля застряла у него въ жиру. Замѣтивъ, что всякой разъ, какъ онъ переводилъ духъ, два ручья крови струились изъ головы его, я выхватилъ охотничій ножъ, и съ помощію лихой своей собаки пытался припугнуть раненаго, крича на него изо всей силы: онъ взревѣлъ, поворотилъ въ сторону и казалось, хотѣлъ уйти въ чащу, но ужъ шатался, и силы видимо ему пзмѣняли. Шагахъ въ тридцати онъ легъ. Я тотчасъ воспользовался случаемъ опять зарядить ружье; тутъ ужъ мнѣ безопаснѣе было его преслѣдовать. Онъ лежалъ совершенно тихо, безъ реву, и передними лапами безпрестанно утиралъ ручки крови, точно какъ человекъ. Я сталъ дразнить его, чтобъ онъ опять обернулся и далъ мнѣ возможность нацѣлить на него смертельный выстрѣлъ. Въ этомъ я успѣлъ, какъ нельзя лучше: сперва началъ онъ ломать деревья и бросать въ меня съ неимоверной силою, а потомъ разсвирѣпѣлъ до такой степени, что не видя возможности уйти, вскочилъ со всей прежней бодростью и бросился на меня вторично. Да пѣтъ, пріятель, — промахнулся. Подпустивъ его къ самому дулу, я всадилъ ему весь зарядъ въ голову; онъ повалился наземь, забрызгавъ меня кровью и чуть не придавивъ своимъ огромнымъ туловищемъ. Отроду не слыхалъ я ничего ужаснѣе послѣдняго его рева — звукъ такой полный, такой густой, такой отчаянный, такой пронзительный, что стонъ стоялъ по лѣсу, и горные отголоски повторяли его съ содроганіемъ.

«Тутъ подоспѣлъ Флореско съ собаками и множество народу: всѣ съ удивленіемъ и чуть не со страхомъ поглядывали на огромнаго звѣря; каждый осыпалъ меня поздравленіями, что я наконецъ убилъ чудовище, которое такъ долго было ужасомъ всей окрестности. Надо признаться, душа моя была въ странномъ положеніи: никогда не встрѣчалъ я такой неминуемой, такой очевидно страшной опасности; никогда не одерживалъ я побѣды, которая въ первую минуту доставила бы мнѣ больше удовольствія:

«Надо было вырубать кустарникъ, чтобъ протопить звѣ-

ря изъ лѣсу на ближайшую дорогу, гдѣ онъ лежалъ нѣсколько времени.

«Между-тѣмъ, Флореско сказалъ мнѣ, что онъ боится, не сдѣлался ли Костаки жертвою этого дня, потому что онъ видѣлъ его въ ужасномъ состояніи. Вскорѣ потомъ бѣднягу принесли на носилкахъ. Страшно было на него смотрѣть: и тѣло и платье висѣли у него лоскутьями, кишки вывалились, спина была переломлена; всѣ пособія остались тщетны; черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. Такъ, кроваваго звѣря погнѣбъ не безъ отмщенія, и торжество свое купили мы слишкомъ дорогой цѣною.

«Медвѣдя взвалили на огромную телѣгу, запряженную четверней воловъ, и хотѣли везти его въ Бухарестъ. Однако жъ пришлось отложить это намѣреніе: отъ тѣла была такая вонь, что вся атмосфера нашей главной квартиры ею заразилась. Медвѣдя распотрошили: вышло отъ 780 до 800 Французскихъ фунтовъ жиру, и 963 фунта мякоти и костей. Отъ оконечности хребта до лобовины было въ немъ девятнадцать футовъ (?), и по вычисленію, основанному на системѣ Галля, ему выходило отъ 170 до 180 лѣтъ. Шерсть на немъ была черная какъ смоль; зубы всѣ истерты. Это вѣрно былъ Сибирскій медвѣдь, котораго травили нѣсколько разъ, и исподоволь загнали въ эту сторону. Въ лѣвой задней лапѣ и въ спинѣ нашли у него острія двухъ стрѣлъ. Шкуру подарилъ я пріятелю моему, Турецкому генералу Намикъ-Пашѣ, который недавно ѣздилъ къ разнымъ Европейскимъ Дворамъ съ порученіями Султана. Черепъ по-сюпору у меня, да часть жиру хранится еще на погребу въ Бухарестѣ.

«Въ послѣдствіи я слышалъ, что въ лѣсахъ, опоясывающихъ Поейнарскій округъ, видѣли самку моего страшнаго противника съ двумя медвѣжатами, ростомъ съ большаго быка, и говорятъ, она не уступаетъ покойному супругу ни въ величинѣ, ни въ свирѣпости. Вотъ, господа, сказалъ намъ смѣючись *Seigneur Alcibiade*, не угодно ли кому пожать такіе же лавры, какъ я, и заткнуть за поясъ Геркулесса съ его дикимъ кабаномъ: вѣдь кабанъ-то за два фута не видитъ

у себя надъ головой ни крошки, на поворотъ тяжель какъ свинецъ, и по деревьямъ лазить не мастеръ, а медвѣдь—нѣтъ, отъ него не ускользнешь, полѣзай куда хочешь!»

=

P.S. Статья эта уже поступала въ станки, какъ мы нашли въ Нѣмецкихъ Журналахъ странное объявленіе Князя Пюклеръ-Мускау, которое долгомъ считаемъ сообщить тутъ же нашимъ читателямъ. Почтенный Князь Вендовъ формально отказывается въ Бреславской Газетѣ отъ чести, быть авторомъ этой книги, объявляя, что она столько же недостойна его пера, сколько и чтенія. Само собою разумѣется, что это только новая мистификація.

=

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.

Когда великое дѣло избранія Царя совершилось, послы Земскаго Совѣта спѣшили въ Кострому къ избранному Царю Русскому, народъ присягалъ ему, жители Москвы ждали его согласія на волю народа. Земскій Совѣтъ принялъ на себя временное управленіе государствомъ. Прежде всего написали длинное посланіе къ Сигизмунду, и отправили его перваго Марта 1613 съ Дворяниномъ Денисомъ Оладынымъ ¹.

Не упоминая объ избраніи Михаила, Земскій Совѣтъ исчислялъ только Королю всѣ событія прошедшія: нарушеніе мира съ Царемъ Борисомъ, помощью Самозванцу; пособіе второму Самозванцу; несдержаніе мира, возобновленнаго съ Царемъ Василиемъ Шуйскимъ; вѣроломное начатіе войны; сношеніе съ Делагардіемъ; нарушеніе договора съ Жолкевскимъ, объ избраніи Владислава; задержаніе Русскихъ пословъ; взятіе Смоленска; разореніе Русской земли; плѣнь Царя Василія; пожаръ Москвы; смерть Гермогена. «Когда насъ удостовѣрили письмомъ вашимъ королевскимъ», писалъ Земскій Совѣтъ, «мы были челомъ Царю Василию, чтобы онъ, для покоя Христіанскаго, и чтобы кровь Христіанская не лилась болѣе, и государство не разорялось, государствованіе свое отставилъ. Но что мы послѣ сего видали? Не токмо мы, отъ душевныя горести, возрыдали, но и воздухъ отъ

¹ *Собраніе Государ. Грамматъ*, т. I, №. 7. Лѣтопись о мятѣжахъ, стр. 277: «послаша Коширянна Д. Аладынна»; но дѣлѣс. ошибочно сказано, что Бояре Московскіе въ граматѣ своей извѣщали объ избраніи Михаила.

вашихъ не-христіанскихъ дѣлъ осквернился. Заклю-
чивъ пословъ нашихъ, вы сдѣлали то, чего не только
въ Христіанскихъ, но и въ музультанскихъ земляхъ
надъ послами не дѣлаютъ. Мы поклялись наконецъ
всѣмъ, за вашу неправду, клятвopреступленіе, крово-
пролитіе и разореніе Русской земли, стать, и сына
вашего, Владислава, не хотѣть. Москва очищена. За-
щитники ея, люди ваши, находятся въ плѣну. Мы рѣ-
шились послать теперь къ вамъ, Королю Польскому.
Отпустите задержанныхъ вами пословъ и плѣнныхъ,
да не плачутся они, бѣдные; мы отдадимъ вашихъ
людей. Вспомните, что вы дѣлали съ нашими людьми,
и какъ мы всегда съ вашими обходились. Царь Васи-
лій щадилъ и миловалъ вашихъ пословъ. И нынѣ
взятые нами люди ваши живутъ безъ тѣсноты и ну-
жды, и *ни какого дурна* имъ не дѣлается. Такъ ли вы
поступаете, Король Польскій? Но не хотимъ укорять;
ждемъ отвѣта, и надѣемся согласія вашего на размѣнъ
плѣнныхъ въ условленномъ мѣстѣ. Пока будутъ о семъ
переговоры, не велите вчинять войны и чинить за-
доры; выведите и воиновъ вашихъ изъ Московскаго
государства. Мы своимъ ратнымъ людямъ, по всемъ
городамъ, закажемъ въ вашу землю войною не хо-
дить. » О мирѣ не было сказано ни одного слова, какъ
будто Земскій Совѣтъ предоставлялъ сіе важное дѣло
рѣшенію Царя, или хотѣлъ слышать вызовъ о томъ
Польши. Таковую же грамоту отправили и къ Чиnamъ
Польскимъ. Приложили и роспись, кто именно нахо-
дился въ Польшѣ въ плѣну ².

Если и не было *нужды* и *тѣсноты* плѣнникамъ въ
Москвѣ, они просили однако жъ Земскій Совѣтъ поз-
волить имъ отправить къ Сигизмунду особенное ихъ

² *Соб. Гос. Грам.* т. III, № 8. Въ росписи поименованы послы
Русскіе, задержанные въ Польшѣ, Шеннъ, архіеп. Сергій, Смолен-
скій полонъ («а взята роспись у пріятелей ихъ»), и нѣсколько чело-
вѣкъ изъ Брянска. Всего болѣе находимъ въ ней имена полоненныхъ
женщинъ и дѣтей Смоленскихъ.

прошніе. Имъ позволили, и Марта 20-го послано было въ Варшаву челобитіе плѣнныхъ Поляковъ. «Въ тяжкомъ плѣну нашемъ,» писалъ храбрый Струсь, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, «утѣшаемся тѣмъ только, что ты, Государь, надъ нами сжалился, и изведешь насъ изъ неволи, вспомни наши труды и заслуги. Кто несчастливѣе насъ, награжденныхъ за подвиги свои неволею? Богъ не допустилъ насъ удержатъ тебѣ твой градъ, Москву; но вѣрь, Государь, что не непріятель одолѣлъ насъ, а голодъ страшный и неслыханный. Десять недѣль ждали мы помощи, не дождались, и отдались врагамъ еле-живые. Пришли за нами, Государь! Смилуйся, да не погибнемъ мы, вѣчные твои богомольцы»³.

Едва начались сіи переговоры съ Польшею, въ Москву поспѣшно пріѣхали посланные изъ Костромы, Зарайскій протоіерей Димитрій, и гонецъ Иванъ Усовъ⁴. Радостную вѣсть привезли они въ Москву: Михаилъ принялъ вѣнецъ, поднесенный ему, — Русская земля пережила *безгосударное* время; въ Россіи былъ Царь, избранный по думѣ и согласію православныхъ. Онъ не могъ отказаться: народъ уже любилъ его, уже видѣлъ въ немъ избранника Божія, присягалъ ему предъ престоломъ Бога, не дожидаясь его согласія, и кровью доказывалъ вѣрность свою юному Государю.

Михаила избрали въ Москвѣ Февраля 21. 25-го присягала первопрестольная столица, и посланы были повсюду грамоты о присягѣ ему. Быстро летѣла между тѣмъ молва, предупреждая приказы. Михаилъ и мать его еще ничего не знали. Она и онъ жили въ Костромской своей вотчинѣ, страшась смутъ, тоскуя о томъ, чтò дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздо-

³ Собраніе Гос. Грам. т. III, № 9.

⁴ А съ сею грамотою послали къ вамъ П. В. Усова, да Николы Зарайскаго протопопа Димитрія. — Соб. Гос. Грам. т. III, стр. 45.

рахъ вельможъ, и опасаясь буйныхъ мятежниковъ и Литовскихъ наѣзтниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками. Вѣсть объ избраніи Михаѣла въ Царя распространилась въ Костромской области, и удалой начальникъ одного изъ бродящихъ Польскихъ отрядовъ вздумалъ изумить Русскихъ смѣлымъ, неожиданнымъ предпріятіемъ: схватить избраннаго Царя, и увезти его въ Польшу, или умертвить, если не успѣетъ захватить въ неволю. Скрытно пробрался онъ въ окрестности помѣстья Романовыхъ. Остановясь въ сосѣдствѣ села Домнина, селеніи Деревнищахъ, Поляки взяли старика, тамошняго крестьянина, и спрашивали его о дорогѣ къ помѣстью и о томъ, въ этомъ ли помѣстьѣ находится теперь Михаѣлъ Романовъ. Сей старикъ былъ *Иванъ Сусанинъ*. Онъ вызвался самъ провести убійцъ къ помѣстью Романовыхъ, и по глубокимъ снѣгамъ, въ тамошнихъ лѣсахъ, завелъ ихъ окольными дорогами въ сторону. Поляки увидѣли наконецъ обманъ, но было поздно. Въ ярости начали они терзать Сусанина. Ни пытки, ни смертные побои, ничто не поколебало великодушнаго старика. Онъ умеръ въ мученіяхъ, и Михаѣлъ былъ спасенъ: посланные отъ Сусанина предупредили его объ опасности; Марѳа успѣла укрыться съ юнымъ сыномъ своимъ въ Кострому⁵. Здѣсь съ изумленіемъ узнали они неопж-

⁵ Въ грамотѣ, данной при награжденіи Богдана Собинина, зятя Ивана Сусанина, въ 1619 году, и въ подтвержденіи оной, 1635 года (*Собр. Г. Г.* т. III, № 50 и 92): «Тестя его Богдашкова вѣпоры Литовскіе люди изымали и его пытали *непомѣрными пытками*... и онъ, ведая про насъ Вс. Гоеударя, гдѣ мы вѣпоры были, про насъ не сказалъ; и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти.» Въ старинной рукописи, находящейся у П. П. Свиньина, сказано, что Михаѣлъ былъ тогда въ селѣ Домниинъ; что Сусанинъ увезъ его въ Деревнищи, и спряталъ въ обгорѣломъ овинѣ, а потомъ посланные отъ Сусанина перевезли Михаила въ Кострому; что Сусанинъ былъ умерщвленъ въ селѣ Исуновѣ; и что Михаѣлъ велѣлъ впоследствии перевезти тело Сусанина, и предать землѣ съ честію въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. О послѣднемъ не нашлось ни какихъ записокъ въ Ипат. мов., и могла Сусанина не известна; но потомки его

данную вѣсть. Ожидая избранныхъ пословъ изъ Москвы, Костромичи просили Марѳу и Михаила поселиться въ келіяхъ знаменитаго Ипатьевского монастыря ⁶.

Марта 15-го прибыло посольство Земскаго Совѣта, и остановилось въ подгороднемъ селѣ Новоселкахъ ⁷. Вся Кострома взволновалась; жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Послалъ къ Михаилу спросить, когда позволитъ онъ предстать предъ него Посламъ Земскаго Совѣта всего Русскаго Государства. Получивъ позволеніе, ночь провели въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ; на другой день, утромъ, открылось трогательное зрѣлище: Костромское Духовенство, въ сопровожденіи множества народа, подняло чудотворную икону Феодоровскія Богоматери, и торжественно пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы, съ чудотворною Владимірскою иконою. Тутъ были архіепископъ Феодоритъ, келарь Аврамій, бояре, воины. Народъ препровождалъ ихъ ⁸. Раздалось священное пѣніе. Марѳа и Михаилъ встрѣтили великое шествіе за вратами монастыря, и смиренно поверглись передъ иконами и крестами.

донынѣ чтятъ память предка ежегодною панихидою. Село Домнино въ Костр. губ., Бувскаго уѣзда, на рѣкѣ Шачѣ, впадающей въ рѣку Кострому; Деревнищи, нынѣ Деревницы, на Шачѣ, въ 5-хъ, а Песново въ 10-ти верстахъ отъ Домнина.

⁶ Лѣт. о мятѣжахъ, стр. 272.

⁷ Сказаніе Аврамія Палицына, стр. 295: «не дошедше за едино поприще въ село, Новоселки именуемое». Нынѣ именуется это село Новое Селище, и находится на берегу Волги противъ Костромы.

⁸ Описаніе принятія престола Михаиломъ помѣщено въ извѣстительной граматѣ, присланной въ Москву отъ пословъ Земскаго Совѣта и въ утвержденной граматѣ объ избраніи Михаила (Собр. Г. Г. т. III, № 10, и т. I, № 203). Мы следуемъ болѣе первой, писанной на свѣжую память, безъ подготовленій, отъ растроганныхъ сердецъ; во второй, писанной торжественно черезъ два мѣсяца, замѣтны риторическія вставки и измѣненія. Дополняемъ подробности изъ Сказанія Аврамія и Лѣт. о мятѣжахъ.

Ихъ просили послѣ сего идти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь обители Ипатьевской. Марѳа не хотѣла. «Знаю,» говорила она, «знаю, что вы пришли звать сына моего въ Царя, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!» Едва могли упросить благочестивую инокиню не противиться, и идти къ молебнію во храмъ, предоставляя будущее волю Бога. Она и сынъ ея шли, заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Θεодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и проговорилъ ему: «Московского Государства митрополитъ Кириллъ Ростовскій и Ярославскій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Θεодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ.»

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, всея Россіи! Твой, Государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчие, дворяне Московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы стрѣleckіе, сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы, и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства, и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, вѣляютъ тебѣ, Государь, челомъ ударить, и о твоёмъ Государевомъ, многолѣтнемъ здравіи спросить.»

Громогласно началъ Θεодоритъ читать посланіе Земскаго Совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ Московскомъ Царскаго кореня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи Поляковъ, хотѣвшихъ «попратъ вѣру Греческаго закона, и учинить въ Россіи проклятую Латинскую вѣру;» Земскій Совѣтъ говорилъ объ освобожденіи Москвы Трубецкимъ и Пожарскимъ. «Наконецъ Москва очищена; церкви Божіи облеклись въ прежнюю лѣноту; но прежнему славится въ нихъ

нмя Божіе; но о Московскомъ Государствѣ пенцись и Божьими людьми промышлять пѣкому: Государя у насъ нѣтъ. Безъ Государя ни малое время быть намъ не можно, ни вдосталь будетъ разореніе». Затемъ извѣщали объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, примѣть, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое, «и да возвыситъ Богъ десницу его; Православная вѣра да будетъ перушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а Христіане да получаютъ тишину, покой и благоденствіе.» Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словамъ. Онъ и Феодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнныя рѣчи, и умоляли: «моленья и челобитья не презрѣть, и идти съ сыномъ на Царскій престолъ.

Ожидали отказа Марѣи и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣрнѣе искренности отрицанія ихъ: это не были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, нинокня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть столькихъ Царей и ужасы безначалія, едва только за полгода вышедшая изъ Кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы⁹; еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего, при одномъ слухѣ, что онъ избранъ въ Цари, — она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружитъ буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство, и состояніе Русской земли, опустошенной, кинящей измѣною и крамолою, — все это страшнымъ видѣніемъ предстало очамъ Марѣи и Михаила. «Сыну моему не быть Царемъ; не благословлю его; въ мысли у меня того не было, и въ разумъ мой прійти не

⁹ Взятіе Кремля и освобожденіе Михаила были въ Октябрѣ 1612 г.

могло!» восклицала инокиня Марѳа. «Не хочу царствовать, и могу-ли быть наследникомъ Великихъ Царей Русскихъ!» говорилъ Михаилъ. Тщетно молили ихъ. «Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ Цари?» отвѣчала Марѳа. «Люди Русскіе! вспомните прошедшее: но грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божиимъ не стало Царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его, и передались вору, разстригъ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись Царю Василию, и поѣхали къ Тушинскому вору предати вашего Царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ Государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганій, какъ съѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, обѣдняетъ. Чѣмъ будетъ Царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того-ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ Польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?»

«Благослови только, великая инокиня!» возражалъ Феодоритъ. — Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ; но вспомни, что Борисъ извелъ Царскій корень, убилъ Дмитрія Царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божиимъ погибъ разстрига, Царя Василия выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй Тушинскій, оболь-

шая людей на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ Православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое, для блага Русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники—Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ, предали Царя злодѣю Жолкевскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за Церковь Божію; всею землею обрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судьбы Божіихъ, коими погибли Годуновы и Шуйскіе: судьбами Царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли воспротивишься? Не страшись и за Государя нашего, митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу, и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ.»

Но, тщетны были сіи слова. Напрасно Ѳеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ Исторіи, говорилъ о Константинѣ и Ѳеодосіи, Давидѣ и Тиверіи, Маркіонѣ и Іосифѣ; напрасно восклицалъ: «Гласъ народа, гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославитъ. Назначенному, во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предустроенъ будетъ.....»

Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Аврамій подалъ образъ Московскихъ Чудотворцевъ; оба понесли святые иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. «Что дѣлаете!» воскликнулъ благочестивый юноша. «За чѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ, и дѣло выше силъ монаховъ моихъ!» — «Если вернешь намъ,» говорилъ Владыка, указывая на образа,» вѣрь, что ихъ, а не

нашею волею ты избранъ, и что онъ дадутъ тебѣ силы царствовать, и спасутъ отца твоего! Чтò человѣкъ, и чтò имъ дѣлается? Волею Бога сѣи свѣтыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись передъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей, и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ ¹⁰.

Уже около шести часовъ продолжалось умилительное позорище. «И такъ, вы не вѣемлете мольбамъ?» возгласилъ наконецъ Θεодоритъ. «Совершилось; да будетъ по-вашему: мы идемъ обратно, и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но, передъ симъ свѣтымъ образомъ, говорю тебѣ, Царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая! ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божиимъ за кровь и слезы Христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится Царство Московское; да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ ¹¹!»

¹⁰ «Архіепископъ возьмъ на руцѣ свои чудотворную икону Пресв. Богородицы, юже написалъ Петръ митрополитъ, а Троицкій келарь Аврамій возьмъ образъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоанна, и принесоша предъ Государыню» (*Сказ. Аврамія*, стр. 297). — «А окрестъ церкви, по всему монастырю и за монастырь, все православное Христіанство вся Русскія земли, съ женами и съ дѣтьми, великій плачъ и рыдательный гласъ, и вопль многъ испущаху, и отъ горести сердца, и отъ многого стѣнованія жены сущихъ своихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху (Утверж. Грамата, *Собр. Гос. Грам.* т. 1, стр. 627).

¹¹ «И молили, и били челомъ, съ 5-го часа дни до девятаго часа»,

Голось его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа поверглась предъ святыми иконами, и изрекла согласіе. Михаилъ еще ужасался. «Кто противъ воли Бога!» говорила ему Марѳа. «Единородный, возлюбленный сынъ мой, свѣтъ очей моихъ, повишуйся воля Его!» — Михаилъ еще умолялъ ее. «Нѣтъ!» отвѣчала инокшя: «се дѣло Божіе, не человѣческій разумъ! Не смѣю противиться.» Безмолвно плакалъ Михаилъ; всѣ молчали; онъ упалъ на колѣни передъ образомъ Богоматери: «Боже великій! говорилъ онъ, «твоя есть воля; я рабъ твой, спаси и соблюди меня!» Онъ возсталъ, обратился къ посламъ и собранію, и сказалъ имъ: «*Если такова воля Божія, да будетъ тако!*» Съ радостнымъ восклицаніемъ, всѣ поверглись передъ нимъ. «Слава Богу, слава Богу!» слышны были восклицанія извнѣ храма. Марѳа взяла за руку сына, снова подвела его къ образу Богоматери, и сказала: «Тебѣ, мать Божія, предаю чадѣ мое: яко-же хоцеша, тако устрой ему, и сотвори полезная всему Христіанству¹²!» Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго Царя;

слѣдственно съ половины 9-го часа по полуночи до 5-хъ часовъ по-полудни. Слова Ѳеодорита въ подлинникъ: «И того всего възыщѣтъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго Суда, на васъ, на тебѣ, великой старецъ инокъ, и на сынѣ твоємъ» (Собр. Г. Г. т. III, стр. 44, т. I, 628).

¹² Глаголаше сыну своему: «Божіе есть дѣло, а не человѣческій разумъ».... «Вел. Государь, Царь и В. К. Михайло Ѳеодоровичъ, со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ, глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый, и челоуколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! Аще угодна сія твоему челоуколюбію, Владыко! буди твоя святая воля, твой есмь рабъ; спаси мя по милости твоей, и соблюди по множеству щедротъ твоихъ, на тя-бо уповахомъ, спаси мя! И потомъ глагола къ Пресвящ. Архіепископу Ѳеодориту, и всему вселенскому Собору, и Бояромъ, и всякимъ людемъ: «*аще на то будетъ воля Божія, буди тако!*» (Собр. Г. Г. т. I, стр. 650). — «Благовѣрная Государ. инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ многія слезы предъ образомъ Пречистыя излія, и вземлетъ благороднаго сына своего, Благовѣрн. и Благочест. Вел. Госуд. М. Ѳ., предъ всеми со слезами рече: «Се, тебѣ отъ Бога, Мати Пресв. Богородица, и въ твои Пречистыя руки, Владычице, чадѣ мое предаю; и яко-же

возложили на Михаила наперсникъ крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста, и слушалъ литургію; зашъли благодарственный молебень и провозгласили многолѣтіе *Царю Михаилу*. Сидя на тронѣ своемъ, юный Царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа, оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ велелѣніи изъ храма Божіяго и шелъ въ келліи, гдѣ обиталъ, уже облеченный великокопными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ *Теодоровскія Богоматери* въ 14-й день Марта, — день принятія Михаиломъ престола царскаго ¹³.

хощеши, устрой ему полезная, и всему православному Христіанству» (*Сказ. Аврамъ*, стр. 298). — Образъ, предъ которымъ произнесены были слова снѣ, донынѣ хранится въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевского монастыря, надъ Царскими вратами. (*Отеч. Записки*, т. I, стр. 19.)

¹³ Келліи, гдѣ обиталъ Михаилъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, части сохранились еще донынѣ; показываютъ даже ворота, конми будто-бы выѣхалъ изъ монастыря Михаилъ; но башня, въ которой онъ находится, построена въ новой оградѣ, сооруженной по повелѣнію Михаила, въ прибавокъ къ старой оградѣ, уже въ 1642 году. Образъ *Теодоровскія Богоматери* находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ. По преданію, онъ былъ до нашествія Монголовъ въ Городѣцъ, запрестольнымъ, и потомъ явился въ Костромѣ въ 1239 г. на рѣчкѣ Запруднѣ, куда обращенъ нынѣ алтарь собора, на западъ—единственный примѣръ въ Россіи, ибо строгій Уставъ повелѣваетъ обращать алтари нашихъ храмовъ на востокъ. До 1613 г. праздновали въ Костромѣ день явленія образа 16 Августа; но въ 1613 г. перемѣнили день праздника, соединивъ его съ днемъ принятія Россійскаго престола Михаиломъ. Усердіе Христіанское, привыскающее донынѣ въ Кострому множество богомольцевъ, украсило Св. образъ золотою ризою въ 20 ф. и серебрянымъ окладомъ и ручкою въ 35 ф., со многими драгоценными камнями и жемчугомъ. Михаилъ прислалъ потомъ въ Ипатьевскій монастырь *царское мѣсто*, рѣзное изъ липы. Оно было разобрано въ 1658 г. при перестройкѣ церкви, и лежало въ кладовой монастырской до 1767 г., когда проѣзжала чрезъ Кострому Екатерина II; въ это время его отыскали, устроили вновь, и Императрица слушала обѣдню, стоя на немъ. Въ память сего вырѣзали на мѣстѣ вензель Екатерины. Михаилъ обогащалъ многими вклады и дарами Ипатьевскую обитель: кромѣ новой прибавочной ограды, онъ прислалъ, со-

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24 Марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Ѳеодорита, пѣли молебень и благословляли новаго Царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось обще ¹⁴.

Марта 19, сопровождаемый духовенствомъ, присланными отъ Земскаго Совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь дви-

храненныя донынѣ, три Шведскія золотыя монеты къ образу Св. Троицы, въ память Столбовскаго мира; повелѣлъ быть въ монастырь архимандриту, вмѣсто игумена, и дарилъ деревнями и имѣніями, такъ, что при щедрости его предшественниковъ и преемниковъ, за сею обителью считалось болѣе 11,000 крестьянъ. (*Опис. Костром. Имѣтв. Монаст.* М. 1832 г. и *Ист. Росс. Іерархін*, т. II, стр. 632, и слѣд.). Въ Костромской соборъ присланы были отъ Михаила 4 напрестольные серебряные креста и 1 золотой, 8 Евангелій, обложенныхъ серебромъ, *рясны*, или серьги, къ образу Ѳеодоровскія Богоматери, изъ драгоценныхъ камней и жемчугу, множество ризъ на другіе образы. Причетъ собора сравнили жалованьемъ (*ругою*) противъ дворцовыхъ соборовъ, опредѣливъ въ годъ: протопопу 22 р. 50 к. деньгами, 14 полотей мяса, 40 п. солн, 30 четв. ржи, 16 чет. овса, 10 чет. солоду ячяго, 40 четв. муки пшеничной; попамъ по 12 рублей, дяконамъ по 10 р., поварамъ по 1 р., и по соразмѣрности соль и припасы. Повелѣно было сверхъ того имѣть въ соборѣ навѣки *неугасимую свѣчу*, на что велѣно отпускать ежегодно 7 пудъ воску, 12 ф. ладану и ведро церковнаго вина; во время церковныхъ ходовъ всемъ священникамъ Костромскимъ приказано являться въ соборъ, а воеводѣ отряжать полки пушкарей и стрѣльцовъ, «для почести и охраненія». Ежегодно два раза ѣздили въ Москву изъ Костромскаго собора съ святою водою къ Царю, и зимою двѣ, а лѣтомъ три подводы отпущались для сего изъ казны. Цари Алексій, Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ подтверждали распоряженія своего предка, и не щадили даровъ соборному Костромскому храму.

¹⁴ Собр. Г. Г. т. I, стр. 631, 632.

нулся въ срътеніе Царя. Здѣсь ожидали Михаила присланные изъ Москвы:—архіепископъ Суздальскій Герасимъ, бояре Князь И. М. Воротынскій и В. П. Морозовъ, окольничій Князь Данилъ Мезецкій. Ударивъ челомъ, они звали Царя въ Москву, и составили советъ его ¹⁵.

Марта 23 Михаилъ отправилъ въ Москву первую свою грамоту. «Вы избрали меня», говорилъ Царь Земскому Совету и народу: «всѣ вы цѣловали мнѣ крестъ радостными душами, и прислали молить меня умилься надъ остаткомъ рода Христіанскаго, и многорасхищенное православное Христіанство и всѣхъ людей, собравъ воедино, пріять подъ свою царскую высокую руку. Помните же, что на то было ваше избраніе и судъ Божій, а не мое хотѣніе. Стойте же на томъ, на чемъ вы крестъ цѣловали и души свои дали; стойте въ крѣпости разума своего, служите и прямите намъ безъ всякаго *позыбанія*. Никого изъ воровъ самозванцевъ отнынѣ не называйте царскимъ именемъ, и не служите имъ; грабежей и убійствъ не производите ни въ Москвѣ, ни въ городахъ, ни по дорогамъ. Будьте всѣ въ любви и соединеніи. За службу и правду мы будемъ васъ жаловать.» Но ласковыя слова Царя сопровождались и горькимъ напомниманіемъ измѣны прежнимъ Царямъ. То же писала отъ себя Марѳа, извѣщая о скоромъ прибытіи своемъ и Михаила въ Москву. «Я положила на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; но помните, что не я, и не сынъ мой хотѣли царства, но вы избрали его, и я не могла противиться слезному вашему моленію ¹⁶.»

Въ Ярославлѣ ждали Михаила не только восторгъ и радость народа, но и заботы великаго призванія его.

¹⁵ Лѣт. о мѣст. стр. 275; Голицковъ, т. II, стр. 375; Сказ. Аврамія. стр. 299.

¹⁶ Собр. Г. Г. т. III, № 41 и 42.

Надобно было поспѣшно оградить отчизну отъ враговъ. Князь С. В. Прозоровскій и Леонтій Вельямпиновъ немедленно отправлены съ дружинами защищать Тихвинъ отъ Шведовъ и не допускать ихъ идти изъ Новгорода. Въ Москву посланъ былъ указъ отрядить войско на Заруцкаго, который, съ толпами мятежниковъ и Мариною, шелъ къ Воронежу, ограбивъ Украинскіе города. Исполняя вѣлѣніе Царя, Земскій Совѣтъ приказалъ двинуться дружинамъ изъ Суздаля съ Княземъ Романомъ Пожарскимъ, изъ Тулы съ Княземъ Григорьемъ Тюфякинымъ, изъ Владиміра съ Иваномъ Измайловымъ, изъ Рязани съ Миронъ Вельямпиновымъ ¹⁷.

Путь Михаила изъ Ярославля до Москвы продолжался болѣе двухъ недѣль. Царь поклонялся въ Ростовъ и Переяславль Св. Мощамъ, посѣщалъ монастыри, и прожилъ Свѣтлую недѣлю въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ Діонисій и Аврамій насладились наконецъ зрѣлищемъ законнаго, православнаго Царя, и за вратами обители привѣтствовали будущую надежду спасенія отечества. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу Государю, и съ восторгомъ смотрѣли на благомыннаго, кроткаго, юнаго властителя Русской земли. Въ селѣ Братовщинѣ благословилъ его митрополитъ Кириллъ, и ударилъ ему челомъ Князь Иванъ Воротынский, со множествомъ другихъ сановниковъ. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью, предшествовали Михаилу, и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать Царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости, и громко благословляющимъ Царя. Преклоняясь предъ святынею Успенска-

¹⁷ *Лѣт. о лѣт.* стр. 575, 276

го собора и поклоняясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе Кремлевскіе чертоги: Марѳа благословила его, и удалилась на житіе въ Вознесенскій монастырь ¹⁸.

При торжествахъ общественныхъ, все сливается въ одномъ чувствѣ радости. Страсти не смѣютъ выставить безобразныхъ личинъ своихъ. Крамола молчитъ при общихъ кликахъ народа. Но не такъ бываетъ, когда проходятъ минуты общественнаго восторга, и тѣмъ страшнѣе является тогда сущность.

Царь былъ теперь въ древнихъ Кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; предъ нимъ смѣренно ударилъ челою соимъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопницами Заруцкаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ Шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ

Обширныя Русскія области находились еще во власти непріятелей; близъ самой почти Москвы таи-

¹⁸ Лпт. о мят. стр. 276; Сказ. Аврамъ, стр. 500, и слѣд. — Михаилу былъ тогда 17-й годъ, ибо онъ родился въ 1596 Іюля 12. Кроткій, тихій, благочестивый, съ младенчества испытанный несчастіемъ, столько разъ подверженный опасностямъ смерти, привыкшій къ жизни монастырской и повиновенію иночинѣ матери, Михаилъ былъ весьма благообразенъ. Судя по портрету, какой находимъ у Оlearія, онъ былъ небольшого роста, довольно тученъ, глаза его были большіе, умные, борода (впослѣдствіи) густая, но не большая. Въ Архангельскомъ соборѣ, противъ гроба его, находится огромная дска, на которой изображены во весь ростъ онъ и сынъ его, Царь Алексій. Къ сожалѣнію, по причинѣ ветхости, невозможно разобрать ничего въ этихъ портретахъ, вѣроятно, современныхъ. Но мы съ удовольствіемъ можемъ извѣстить, что истинный покровитель и любитель отечественныхъ древностей, преосвященный митрополитъ Московскій, Филаретъ, принявъ уже мѣры для возобновленія сей драгоценности. Вскорѣ, съ наслажденіемъ надѣемся мы узнать настоящее изображеніе предка благословеннаго Дома Романовыхъ.

лись города, преданные измѣнѣ, другіе мятежу и безначалію. Заруцкій, кромѣ отчаянія, страшилъ многочисленною толпою сообщниковъ. Тысячи Литовцевъ, Казаковъ и Русскихъ измѣнниковъ были разсыяны повсюду. Малороссія, Донъ, Яикъ готовы были, какъ прежде, подкрѣпить новое злодѣйство, изъ добычи. Опытные вожди Польши и Швеціи могли двинуться по первому слову своихъ повелителей, вожди опытные, суровые — Жолкевскій, Хоткевичъ Делагарди. Въ Польшѣ властвовалъ фанатикъ Сигизмундъ, думавшій исполнять предназначеніе судьбы, продолжая войну противъ Русской земли, жаждавшій мщенія за тронъ Русскій, столь неожиданно вырванный изъ рукъ его, — и къмъ? — толпою разнородныхъ дружинъ, вождями, несогласными ни въ дѣйствіи, ни въ планѣ. Только внутреннія смятенія и неурядицы останавливали Сигизмунда. Швеція, съ ея бодрымъ, юнымъ, храбрымъ до безразсудства внукомъ Густава Вазы, была еще страшнѣе. Король ея успѣлъ уже доказать Даніи воинскій геній свой и любовь къ себѣ народа. Заключивъ выгодный миръ, купленный побѣдами, Густавъ Адольфъ могъ обратить оружіе на Русь, и въ нѣсколько дней стать близъ Москвы ¹⁹. Народъ радовался Михаилу; но если въ самомъ дѣлѣ онъ *измалодушничался*, какъ говорила мать Михаила, привыкъ къ переменамъ, къ буйству страстей, то любовь его можно было удержать только сильнымъ, крѣпкимъ царствованіемъ, благоден-

¹⁹ Вспомнимъ слова Сигизмунда, въ грамотахъ, гдѣ онъ называлъ освободителей Москвы *«ворами, измѣнниками, Московскими мужиками.»* Далѣе увидимъ упорство Сигизмунда въ его предпріятіяхъ, и надежду покорить вновь Россію. Густавъ Адольфъ вступилъ на Шведскій престолъ въ Ноябрь 1611 года; ему было тогда семнадцать лѣтъ отъ роду, и онъ уже славился битвами противъ Датчанъ, горделиво объявилъ, что будетъ продолжать войну, начатую вдругъ съ Датчанами, Поляками, Русскими, и принудилъ Данію заключить невыгодный для нея миръ, въ Январѣ 1613 года.

ствіемъ внутреннимъ, побѣдами извнѣ. А гдѣ было царское войско? гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи, бремя правленія падало на Царя, едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружавшихъ его: ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтники?

Совѣтъ Царя представлялъ странное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, пережившихъ пять Царей и страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе-ли изъ нихъ не были еще заняты измѣною, или вѣроломствомъ, малодушіемъ *? Своевольство въ Совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ передъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной, были общимъ удѣломъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возвращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своевольству, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ Совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ ²⁰.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освящавшимъ гла-

* Здѣсь слѣдуетъ краткая характеристика царедворцевъ и вельможъ Михайловыхъ, которую мы выпускаемъ.

²⁰ Въ грамотѣ Земскаго Совѣта къ Королю Польскому: «Великія Россійскія Державы, Московскаго Государства, митрополиты, и архієпископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный Соборъ, и бояре, окольничіе,» и проч. — Въ грамотѣ отъ Декабря 1614 г. говорится: «Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя М. Ѳ. всея Русіи Самодержца, Его Ц. В. митрополиты, архієпископы, епископы, и весь духовный чинъ, и мы, бояре, окольничіе, и дворяне, и всѣ Е. Ц. В. думные люди,» и проч. (Собр. Г. Г. т. III, стр. 146).

ву избраннаго Царя въ глазахъ его подданныхъ ²¹. Еще прежде сего торжества, избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной граматы: «да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ.» Предложеніе объ этомъ учинено было въ Земскомъ Совѣтѣ духовенствомъ, Апрѣля 14 дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой Лаврѣ. Общій кликъ собранія: «Благословенъ Богомъ глаголъ вашъ, святители, пастухи душъ нашихъ! Да будетъ тако, да будетъ тако!» былъ отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамату; сочинили ее со всею роскошью Риторики; переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ Земскомъ Совѣтѣ, и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе Русскихъ Царей отъ Августа Цесаря; потомъ содержало въ себѣ краткую исторію Русскихъ Князей. Съ честью упомянутая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія Царевича; всю вину послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагали на «богоотступника, проклятаго еретика и чернокнижника, Отрепьева,» на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Ѳедора Андронова. Подробно излагали наконецъ избраніе Михаила; отрицаніе его и матери отъ престола; согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и она виновны предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамата заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги Царю Михаилу ²².

²¹ Лѣт. о мѣт. стр. 276, 277.

²² Любопытный актъ сей (*Собр. Г. Г. т. I, № 203*), хранящійся въ Госуд. Архивѣ, составляетъ въ подлинникѣ огромный столбецъ, изъ девяти, приклеенныхъ одинъ къ другому листовъ александрійской бумаги; начало его и имя Михаила, повсюду, гдѣ онъ находится, писаны золотомъ. Впрочемъ, актъ сей весьма ветхъ; изъ девяти печатей осталось на немъ только три; его подписали: три митрополита (*Ефремъ Казанскій, Кириллъ Ростовскій, Іона Сарскій и Подонскій*).

Грамата сія важна по многимъ отношеніямъ, — самому предложенію объ ней духовенства, уклончивости, съ какою изложено было въ ней многое. Имя *Козьмы Минина* упоминалось въ ней на ряду съ именами Трубецкаго и Пожарскаго, какъ имя избраннаго отъ всея земли Русскія человека. Наконецъ, ее подписали безъ мѣстъ, и вмѣстѣ съ другими, бояре: Князь Алексій Сицкій, Борисъ Салтыковъ, Князь Пожарскій, Князь Григорій Ромодановскій, Князь Иванъ Хованскій, Князь Иванъ Черкасскій. Но Борисъ Салтыковъ утвержденъ былъ бояриномъ только въ

три архіепископа, два епископа, архимандриты, игумены, бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, дворяне, и депутаты городовъ Тулы, Брянска, Калуги, Курска, Вязьмы, Малоярославца, Козельска, Серпейска, Казани, Козлова, Мценска, Твери, Царево Санчурска, Козьмо-Демьянска, Владиміра, Коломны, Зарайска, Рязани, Рыльска, Устюжаны, Черни, Мѣшова, Новосила, Арамаса, Торжка, Переяславля - Рязанскаго, Оскола, Бѣлгорода, Кадома, Серпухова, Алексина, Ярославля, Бѣжецка, Перемышля, Кашина, Романова, Ростова, Одоева, Осташкова, Шацка, Нижняго Новгорода, Вологды, Ливенъ, и депутаты Вятки, Соловковъ и Двинянъ. Тутъ видишь подписи Аврамія Палычина, Трубецкаго, Пожарскаго (онъ подписался за себя и за безграмотнаго Князя Ивана Андр. Хованскаго). Минина подписи нѣтъ. Объ немъ говорится такъ: «По милости Божіей, собрався въ городахъ, бояринъ Князь Д. Т. Трубецкой, да стольникъ и воевода Князь Д. М. Пожарскій, да отъ всего Московскаго Государства выборный человекъ Козьма Мининъ,» и проч. Подвигъ и имя Трубецкаго всюду поставлены впереди. — Начало грамоты: «Великаго Господа, Бога Отца, и всесплываго, вся содержащаго, пребывающаго во свѣтъ неприступнаго, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велемъной и святой славы величества своего, сѣдащаго на престолѣ Херувимствѣ, съ претвѣннымъ и едиnorodнымъ своимъ Сыномъ, Господомъ нашимъ І. Х., и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ, имъ-же вся освящаются, еднoсушныя и нераздѣльныя Троицы, равнобожественныя и равночестныя, и равноспрестольныя, и равносильныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ трехъ составахъ. Единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, непреодоленнаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ-же Царіе царствуютъ и величїи величаются, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизрѣченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ не-

Декабрь 1613 года; Черкасскій и Пожарскій утверждены въ самый день коронованія, въ Іюль мѣсяцъ; Хованскій и Сицкій въ 1615, а Ромодановскій въ 1616 году²³.

Не показываетъ ли это, что Михаилъ, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, *объявилъ* боярское достоинство людямъ всѣхъ партій, и, въ непростывшихъ тогда восторгахъ согласія, пожалованные подписывались достоинствами, какихъ еще не *утвердили* за ними? Крамола закипѣла вскорѣ послѣ того: она умѣла унижить Минина, Пожарскаго и другихъ спо-

сущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами считается,» и т. д. Въ концѣ слѣдуетъ: «А кто убо не похощеть послушати сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благопозволи, и начнетъ глаголати инако, и молву въ людѣхъ чинити, таковой, аще отъ священныхъ чина, и отъ бояръ царскихъ сиклнть, и воинственныхъ, или ииъ кто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чинѣ ни буди, по священнымъ правиламъ Св. Апостолъ, и вселенскихъ седми Соборовъ святыхъ отецъ, и по мѣстнымъ, и по Соборному Уложению всего освященнаго Собора, чинъ своего изверженъ будетъ, и отъ Церкви Божіей отлученъ, и Св. Христовыхъ Таинъ приобщенія, яко раскольникъ, Церкви Божіей и всего православнаго Христіанства мятежникъ, и разоритель закона Божіаго; а по царскимъ законамъ мѣсть восприметь; и нашего смиренія, и всего освященнаго Собора не буди на немъ благословеніе отнынѣ и до вѣка.» Положено было: «избрать мѣсто и сохранно положить сію утвержденную грамату, да будетъ твердо и ненарушимо въ предъидущія лѣта, и не преидеть черта, или іота едина отъ написанныхъ въ ней ничего же.»

²³ Послужной списокъ, *Вивлюдика* Новикова, т. XX, стр. 86, и слѣд. — По *мыстамъ* считались боярами, въ 1613 году слѣдующимъ порядкомъ: Ѳ. И. Мстиславскій, А. П. Куракинъ, И. М. Воротынский, И. И. Шуйскій, А. В. Трубецкой, В. В. Голицынъ, М. М. Годуновъ, И. В. Голицынъ, Ѳ. М. Шереметевъ, Н. С. Куракинъ, Н. Н. Романовъ, А. Н. Нагой, М. А. Нагой, И. Н. Одоевскій, Б. М. Лыковъ, В. Т. Долгорукій, М. Б. Шениъ, В. П. Бахтелровъ-Ростовскій, В. П. Морозовъ, Д. Т. Трубецкой. По утвержденную грамату подписали, именуя себя *боярами*, въ слѣд. порядкѣ: Ѳ. Мстиславскій, П. Голицынъ, А. Сицкій, И. Воротынский, Ѳ. Шереметевъ, П. Одоевскій, Д. Трубецкой, А. Куракинъ, Б. Салтыковъ, Д. Пожарскій, И. Куракинъ, В. Морозовъ, Г. Ромодановскій, П. Хованскій, П. Черкасскій, П. Романовъ; Бахтеяровъ-Ростовскій подписалъ даже послѣ двухъ Окольныхихъ: Арт. Измайлова и Князя Дан. Мезецкаго.

движниковъ ихъ; дозволила преимущество только Черкасскому, по родству его съ Михаиломъ, но за то возвысила Салтыковыхъ на зло всѣмъ ²⁴. Земскій Совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты: Михаилъ царствовалъ.

Юля 11, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, назначили его коронованіе. Государь указалъ въ сей день *быть безъ мѣстъ*. Наканунъ, во всѣхъ церквахъ столицы служили всенощную и пѣли молебны чудотворцу Сергію ²⁵. Утромъ, въ Золотой Палатѣ собрались бояре; дворецъ наполнился чиновниками и воинскими людьми, Кремль войскомъ и народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ приготовили *великое мѣсто*, или царскій чертогъ, о двѣнадцати ступеняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, и

²⁴ Известны въпослѣдствіи несчастная судьба Шенна, Арт. Измайлова, Аврамія, Діонисія, удаленіе Трубецкаго, изгнаніе другихъ. *Борисъ Салтыковъ* показанъ въ Спискѣ 1613 г. *окольными* и *дворецкими*; братъ его Михайло *крайчимъ*. Они были дѣти *Михайла Игнатъевича*, внука Михайла Морозова, прозваннаго *Салтыкъ*, родоначальника *Салтыковыхъ*. Другой сынъ Михайла Салтыка былъ Иванъ, отецъ *Глѣба*, и дѣдъ чудовища *Михаила Глѣбовича Салтыкова-Морозова-Криваго*, который изъ Тушина бѣжалъ къ Жолкевскому, первый зажегъ свой домъ въ Москвѣ, 19 Марта 1611, былъ душою всѣхъ злодѣйствъ, укрылся въ Польшу, былъ челомъ Владиславу, не смѣлъ воротиться въ Россію, и умеръ на чужбинѣ злодѣемъ отечества, ославленный измѣною во всѣхъ государственныхъ актахъ и грамотахъ. Выходить, что Борисъ и Михайло были его *проюродные* братья. И на зло другимъ, *Борису* — *выданъ былъ головою Пожарскій*, когда въ *Декабрь 1613* отказался объявить пожалованное ему боярство. Такъ дѣйствовала дворская крамола. Впрочемъ, внукамъ измѣнника Михайла Глѣбовича объявлено было прощеніе въ послѣдствіи, и одинъ изъ нихъ, *Федоръ Петровичъ*, сдѣлался сильнымъ царедворцемъ на его дочери женился въ 1684 Царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

²⁵ Въ описаніи коронованія Михайлова слѣдуемъ *Чину Выпчанія* (Собр. Г. Г. т. III, № 46), который хранится въ Госуд. Архивѣ. Изъ него, вмѣстѣ съ Выпискою объ избраніи Михаила, составлена была особая *Государственная Книга*; она вся написана красивою скорописью, въ листъ, на лощеной бумагѣ, съ золотымъ заглавіемъ въ началѣ, и сохраняется въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ, съ серебряными застѣжками.

на немъ поставили Персидскій малый престоль для Царя и стулъ для митрополита. Соборъ устлали парчами и бархатами. Митрополитъ Ефремъ пришелъ въ соборъ съ духовенствомъ; Царь вышелъ въ Золотую Палату. Князь Пожарскій и казначей Траханіотовъ принесли *царскій чинъ* — вѣнецъ, державу, скипетръ, наперсный крестъ. Михаилъ приложился ко кресту. Духовникъ царскій благоговѣнно понесъ послѣ сего въ соборъ крестъ; его провожалъ бояринъ Морозовъ; скипетръ понесъ Пожарскій, державу Траханіотовъ, вѣнецъ Иванъ Никитичъ Романовъ. Зазвонили во всѣ Кремлевскіе колокола. Митрополитъ Кирилъ принялъ регалии въ Успенскомъ соборѣ; митрополитъ Ефремъ положилъ ихъ на налѣй предъ царскими вратами храма. Царь выступилъ изъ палатъ; Бояринъ Морозовъ шелъ передъ нимъ; окольные и десять стольниковъ сопровождали его. Народу приказано было соблюдать благоговѣнное молчаніе. Стрѣльцы стерегли, чтобы никто не перешелъ дороги Царю. Михаилъ остановился въ соборѣ у патріаршаго мѣста; начали молебень. Между-тѣмъ, окольные и стольники ходили по церкви, «и устанавливали народъ, чтобы стоялъ со всякимъ молчаніемъ, кротостію, цѣлому-дріемъ и вниманіемъ.» Потомъ два архимандрита съ двумя ключарями и двумя діаконами, говорили народу, ходя по церкви: «стоять со страхомъ и трепетомъ; молить Бога, Богоматерь, святыхъ Чудотворцевъ и всѣхъ Святыхъ за Царя, — да совершитъ его Господь царскимъ въичаніемъ, умножитъ лѣта живота его, и устроитъ царство его мирно и вѣчно въ родъ и родъ.»

Среди глубокой тишины, митрополитъ Ефремъ возвелъ Царя на *великое мѣсто*, и Михаилъ говорилъ ему, что волею Бога Царь Феодоръ «безчаденъ оставилъ земное царство,» а избранные потомъ Царя, Бо-

рисъ скончался, а Василій отъ царства отрекся. И нынѣ вы, богомольцы наши, митрополиты, архіепископы, епископы, весь освященный Соборъ, бояре, дворяне, приказные люди, дѣти боярскіе, атаманы, казаки, гости, служилые, жилецкіе люди, всенародное множество всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царства, избрали въ Цари насъ, Михаила. По Божіей милости и по данной вамъ благодати Святаго Духа, по вашему и всякихъ чиновъ всего Московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ и діадимою, по прежнему царскому чину и достоянію.»

Митрополитъ отвѣчалъ Царю: распространился въ отвѣтъ своемъ о бѣдствіяхъ и спасеніи отечества, упомянулъ о предстоящемъ священномъ обрядѣ, и заключилъ желаніемъ: «Да умножитъ Богъ лѣта царствія Царя Михаила; положитъ на главѣ его вѣнецъ отъ камня честна, даруетъ ему долготу дней, дастъ въ десницу скипетръ царствія, посадитъ на престолъ правды, оградитъ всеоружествомъ святаго Духа, утвердитъ мышцу его, и покоритъ ему вся языки, хотящіе браней. Да всѣтъ тебѣ Богъ въ сердце твое страхъ свой и милость къ послушнымъ,» продолжалъ архипастырь: «соблюдетъ тебя въ Вѣрѣ, и покажетъ опасна хранителя Православной Церкви; да судишь ты люди твоя правдою и нишіе твоя судомъ истиннымъ; да возсіяетъ во днехъ твоихъ правда и множество мира; да тихо и безмолвно здѣсь поживешь, въ чистотѣ и благочестіи, добре и благоугодно, и наслѣдникъ будешь Небеснаго Царствія, со всѣми православными Царями! Пріими же, Государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, вѣнецъ царствія на главу свою, вѣнецъ, его-же взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ предокъ твой, Владиміръ Мономахъ; да процвѣтетъ

намъ отъ вашего царскаго, прекрасно - цвѣтущаго корени пресвѣтлая и прекрасная вѣтвь, въ надежду и наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Россійскаго царства!»

Митрополитъ возложилъ на Царя крестъ Мономаховъ, прочелъ молитву, положи руки на его голову, облекъ его въ бармы, возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ, отвелъ его на царское мѣсто, и преклонился предъ нимъ. Царь сѣлъ на тронъ, принялъ скипетръ и державу. Съ восторгомъ слышали присутствующіе многолѣтіе — «Боговѣнчанному и поставленному Царю Михаилу.» Всѣ сановники и духовенство подходили поздравлять его, и митрополитъ Ефремъ произнесъ поученіе новопоставленному властителю земли Русскія: «Вѣдай,» говорилъ онъ, «вѣдай, Царь великій Михаилъ Θεодоровичъ, яко отъ Бога дается Царямъ держава, и отъ Вышняго сила. Богъ возноситъ васъ, Царей, на престолы, и полагаетъ у васъ мѣлость и животъ. Пріѣвъ правленіе, не токмо о своихъ, о себѣ, о своемъ житіи подобаетъ пешихъ Царямъ, но все ими обладаемое спасать, и соблюдать стадо свое отъ волковъ невредимо, бояться наказующаго серпа небеснаго, и не давать воли злоторащимъ, погубляющимъ душу съ тѣломъ. Какъ, не сущу на земли солнцу, все темно и не разумно, такъ не сущу въ душѣ наказанію все размышено бываетъ. Отъ всего стяжанія на землѣ едина добродѣтель безсмертна. Не пріемли же, Государь, языка льстива и слуха суетна, не вѣрь злему, не слушай оболгателя. Смотри въ самого себя, Царь боговѣнчанный! Мудрость всего честнѣе и тщательнѣе, и подобаетъ тебѣ мудрымъ быть или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не блага міра сего, но добродѣтель украшаетъ Царей. Не презирай низшихъ тебя: надъ самимъ тобою есть Царь; и если онъ о всѣхъ печется,

ты ли о комъ нибудь нерадѣть будешь! Возмогай же, Государь, возмогай: да когда прїидеть часъ суда твоего, ты возможешь безбоязненно стать предъ Господомъ и сказать смѣло: Се я, Господи, и люди твои, которыхъ далъ мнѣ ты!—сказать, и услышать гласъ Царя и Бога твоего: Благій рабе, Царю Россійскій Михаиле! въ малѣ былъ ты мнѣ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю ²⁶! »... Когда послѣ сего, благословляя Царя

²⁶ Сокращая подробности обрядовъ и рѣчи, произнесенной при обрядѣ коронаціи, мы старались не измѣнять характеристическихъ отличій времени. Краснорѣчивое увѣщаніе митрополита Ефрема, въ подлинникѣ имѣетъ неизъяснимую прелесть простоты. Представляемъ примѣры: «О Святомъ Дусѣ, Господинѣ и возлюбленный сынѣ Св. Церкви и нашего смїренія, Царь и Вел. Князь М. Ѳ., всея Русіи Самодержецъ! Се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси Благовѣрный Царь и Вел. Князь, правити хоругви и содержати скипетра великаго Царства Россійскаго, и вѣнчанъ еси царскимъ вѣнцомъ... Слышите же, Царіе и Князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ и сила отъ Вышняго. Васъ бо Господь Богъ въ свое мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ; вамъ же подобаетъ, прїемше отъ Вышняго повелѣнія, правленія ради человѣческаго рода, православнымъ Царямъ, не токмо о своихъ пещись, и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти, и соблюдати стадо Его отъ волковъ невредимо, бояться серпа небснаго, и не давати волн злоторащимъ человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющихъ. Якоже бо солнцу на земли не сущу, темно все суть и неразумно, снче и наказанію души не сущу, разумно все; едина бо точію добродетель отъ стяжанія безсмертна суть... Языка лстива и суетна не прїемли, Царю, иже обогатителя слушаи, ни злымъ человекомъ вѣру емше. Смотриай въ себя, о боговѣнчанный Царю! Яко всемъ человекомъ мудрость честнѣйша есть, и всемъ тщательнѣйша есть, вси-бо ту, яко благу, похваляютъ. И любомудру ти быти подобаетъ, или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же воистину, яко на престолъ, Богъ почиваетъ. Не тако красная вся міра, якоже бо добродетель краситъ Царя; но зри доброту духовную и раздавай сапы туне, а не на дарѣхъ продавай власти: яже-бо цѣною купивъ власть, множае паче обладаемая купуетъ, яко мздовоздаянію надѣяся ко мздопріятію безъ боязни зрѣти. Аще и не приступиши еси, Царю, нижняго ради царства, по удобь-приступенъ буди, горня ради власти: имаша и самъ Царя, иже есть на небесѣхъ; аще-бо Ояъ всемъ пещется, яко Богъ, снче потребно и тебѣ, Царю, ни чтоже презирати... Аще хочещи милости себѣ имѣти небснаго Царя и Бога, милостивъ буди и ты, Царю, ко всемъ, да издѣ добръ благо проживши, и царствуещи во вѣки вѣковъ добрымъ царскимъ

животворящимъ крестомъ, владыка громко возвысилъ молитву — «Да умножитъ Господь лѣта царствія Царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами, и устроится царство его и потомковъ его, мирно и вѣчно!» — растроганные зрители святаго обряда громко воскликнули: «Оно будетъ, оно будетъ многолѣтно!»

Царь слушалъ литургію въ царскомъ санѣ. По парчамъ и бархатамъ подошелъ Михаилъ къ святому Миропомазанію. Вънецъ держалъ тогда дядя его, Иванъ Никитичъ, скипетръ Князь Трубецкой, державу Князь Пожарскій. По окончаніи литургіи, Царь звалъ къ себѣ митрополита и духовныхъ *хлѣба пѣсти*, и вышелъ изъ храма южными дверьми. Здѣсь, на крыльцѣ, осыпалъ его по-трижды золотыми и серебряными деньгами бояринъ Мстиславскій, а также при выходѣ изъ Архангельскаго собора и изъ Благовѣщенскаго собора ко дворцу. Народъ ликовалъ, взирая на Царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго величія ²⁷. Покрышка царскаго чертога въ Успен-

слухомъ здѣ, и *такмо* славою со Ангелы Божіими.... О Благочестивый Царю! о Христе, и пакы возмогай, и пакы возмогай, да послѣдникъ будещи Небеснаго Царствія со всіми святыми православными Цари; да возможеши со дерзновеніемъ рещи и во второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего І. Христа: «Се азъ, Господи, и людіе Твои, ихъ-же ми далъ еси, великаго Твоего царства Россійскаго!» И тогда, о благочестивый и боговѣнчанный Царю, и самъ услышшии сладкій оный гласъ небеснаго Царя и Бога: «Благій мой рабе, добрый, вѣрный Россійскій Царю Михаиле! о малѣ ми бысть вѣренъ, надъ многими тя поставлю!».... Персѣ этою рѣчью, если только мы не увлекаемся въ наше мнѣніе, едва ли не помрачается рѣчь Платона Императору Александру, почитаемая образцовою. А между тѣмъ, имя краснорѣчиваго архипастыря Еѳрема едва извѣстно между духовными писателями Русскими! — Послѣ короюванія Михаила, онъ жилъ недолго, скончался въ Казани въ 1614 г., и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, находящемся въ Кремль Казанскомъ.

²⁷ «А въ Соборной церкви царскій *путь* подыша на то уготованные чиновники. А *царское* *листво* весь народъ обойма, каждо что взя

скомъ соборѣ была разорвана народомъ; каждый хотѣлъ сохранить лоскутокъ на память. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери!» говорилъ народъ. «Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волюванію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи.» Пиръ, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня ²⁸....

на честь царскаго поставленія, oprичъ постланнхъ бархатовъ и камокъ, понеже бархаты и камки прѣжъ того, съ царскими и со святительскими мѣсты, подыаша»....

²⁸ «Піру жъ зѣло честну и велику сотворяему, Царь, митрополить, и Епископы, и благородніи, и вси людіе веселы быша; и мнози честніи дары отъ Царя изнесошася; нищии же, повелѣніемъ царскимъ и святительскимъ, довольно учережены быша.» — *Лѣт. о мятѣж.* стр. 277: «были столы у Государя по три дни.» — *Сказ. Аврамія*, стр. 304: «Не туне-бо Ц. Борисъ зѣло не любяше, негодуя и тяжче насилуаше двумъ родамъ: не любяще рода *Килзей Шуйскихъ*; злѣйше же того не любяше рода *Романовыхъ*, и гоняше ихъ. Глаголють-бо, яко волхвы и звѣздохотцы сказаша сму, яко отъ рода Романовыхъ возстати имать скипетродержецъ Россійскому государству; Царь же Борисъ умысли лукавая, яко да потребить родъ сей — но не тако убо Богъ творить, но яко-же хоцетъ: его-же возлюби и помилова, того и помаза, и Царя намъ дарова.»

Н. ПОЛЕВОЙ.

ГИББОНЪ, ШАТОБРИАНЪ и БОРКЪ.

=

Три человека, которыхъ имена стоятъ вверху этой страницы, озарили блескомъ свою эпоху, и наполнили полѣвка славою. Эти три человека присутствовали въ политическихъ засѣданіяхъ, возбуждали жаркую ненависть и пламенную дружбу, принимали участіе въ движеніи умственномъ и въ ходѣ вещественныхъ дѣлъ общества. Они переживутъ свою эпоху, одну изъ самыхъ бурныхъ эпохъ, самыхъ достойныхъ вниманія философовъ, самыхъ замѣчательныхъ, какія когда-либо являлись въ лѣтописяхъ міра. Всѣ трое были люди политическіе, но болѣе заботились о лаврахъ литературныхъ, о славѣ писателей.

Одинъ изъ нихъ, Эдуардъ Гиббонъ, не имѣлъ ни какого успѣха на политическомъ поприщѣ; но въ вознагражденіе за жалкую роль, которую игралъ онъ въ Англійскомъ Парламентѣ, потомство почтило его титуломъ князя историковъ осьмнадцатаго столѣтія. Второй, Г. Шатобрианъ, котораго исторія и философія упрекаютъ во многихъ несообразностяхъ, многихъ противорѣчіяхъ, многихъ преувеличеніяхъ, занялъ блестящее мѣсто въ числѣ государственныхъ мужей своего времени. Онъ никого не сдѣлалъ царемъ, подобно Варвику, но сильно содѣйствовалъ паденію монархін Наполеона. Твердый столпъ всѣхъ обрушившихся партій, стоя одинъ посреди развалинъ, онъ льстилъ всѣмъ злополучіямъ, и благоговѣлъ даже передъ паденіями, приготовленными его же краснорѣчіемъ. Какъ бы о немъ ни судили, роль его всегда будетъ

самою блестящею, самою рыцарскою, самою безтолковою во всей Европейской драмѣ.

Эдмондъ Боркъ умѣлъ тѣснѣе соединить въ себѣ дарованія литератора, призваніе оратора, труды государственнаго мужа. Можетъ-быть, въ этихъ двухъ отношеніяхъ слава его прочнѣе славы Г. Шатобріана, но она никогда не будетъ столь громкою и лучезарною. Остановимъ взоры наши на этихъ трехъ челоѣкахъ, начавъ съ бѣднаго Гиббона, писателя удивительнаго, глубокаго мыслителя, живописца искуснаго, который, по какому-то несчастному внушенію, вздумалъ искать мѣста въ толпѣ парламентскихъ ораторовъ.

Природа не создала его для этого: онъ былъ отвратительно дуренъ, и безобразность его принадлежала не къ тѣмъ, которыя возбуждаютъ уваженіе, являютъ силу, распространяютъ вокругъ себя страхъ. Въ лицѣ Гиббона не было ничего благороднаго: расплющенный носъ, толстое, раздутое лице; ничего отличнаго, ни какой важности, ни какой тонкости во взглядѣ. Привычка жить въ уединеніи придала ему манеры пошлыя и неловкіе; къ тяжести, къ неразвязности, отъ которыхъ Ученые рѣдко могутъ отстать, присоединялъ онъ щекотливое тщеславіе, желаніе блистать и непрерывную принужденность, — недостатокъ простоты, который не ускользнулъ даже отъ проникательности слѣпой Г-жи дю-Дефанъ, «слѣпой ясновидящей», какъ называлъ ее Вольтеръ. «Правда, говорила она молодому своему пріятелю Вальполю, вашъ Гиббонъ много знаетъ; разговоръ его весьма разнообразенъ и очень наставителенъ; но что до ума, который вы ему приписываете, то этого я еще въ немъ не замѣтила. Онъ слишкомъ дорожить и важничаетъ своими пріятностями; слишкомъ хло-

почетъ о томъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Мнѣ, право, всегда хочется сказать ему, когда онъ съ такимъ успѣхомъ корчитъ парижанина: «Не трудитесь такъ, сдѣлайте милость: вы достойны были родиться Французомъ!»

Легкость, простота, свобода выраженія, качества, не препятствующія ни силѣ, ни пылкости, ни увлекательности, ни тонкости, ни могуществу діалектики, необходимы для оратора: безъ нихъ онъ никогда не подѣйствуетъ на умы слушателей; на него смотрятъ, какъ на наборщика фразъ, какъ на челоуѣка, который хочетъ обмануть; онъ слыветъ риторомъ, и никто ему не вѣритъ. Это всегда случалось съ Гиббономъ, когда онъ витійствовалъ въ Нижней Палатѣ, или даже когда говорилъ въ кругу пріятелей. При томъ Гиббонъ былъ очень рѣзокъ: онъ не умѣлъ сообразоваться съ понятіями, съ привычками другихъ. Въ дѣятельномъ своемъ отшельничествѣ, онъ привыкъ чисто отливать свои сужденія и силлогизмы, и никогда не выходилъ изъ формы, данной имъ однажды. Фразы его, заранѣе приготовленныя, слишкомъ цинцеровскія, слишкомъ хорошо уравнированныя, не увлекали собранія; даже въ домашнемъ быту, какъ признавался другъ его, Сюаръ, который хорошо наблюдалъ его, разговорный языкъ Гиббона слишкомъ былъ похожъ на письменный. Къ этимъ многочисленнымъ недостаткамъ оратора надобно еще прибавить голосъ крикливый и визгливый, дурное произношеніе нѣкоторыхъ словъ, и чужестранные обороты, къ которымъ привыкъ онъ, живя въ Лозаннѣ и Парижѣ.

Онъ былъ философъ, а не дѣловой челоуѣкъ, и пошелъ не по тому пути. Отъ природы застенчивый, онъ слишкомъ хорошо изучалъ прошедшее, чтобы

не страшиться будущаго. Онъ видѣлъ въ Исторіи, какихъ потоковъ крови стоятъ революціи. Онъ ужасался неизбѣжныхъ золъ, которыя необходимо слѣдуютъ за всякимъ политическимъ переворотомъ, даже обещающимъ выгоды, отдаленныя и невѣрныя. Лѣнивый и трусливый, онъ видѣлъ, что Англійскія колоніи возмущились противъ своего отечества, что отчаяніе, до котораго довели колонистовъ насильственныя мѣры Парламента, породило Американскую республику, что готовится огромное потрясеніе для обществъ, и это устрасило его. Въ общемъ смыслѣ вопроса, опасенія его были справедливы и благородны; но въ національномъ, они обнаруживали съ его стороны ту слабость ума человѣческаго, которой не чужды люди, даже самыя замѣчательныя, — упрямство народнаго тщеславія. Онъ очень хорошо разбиралъ сцѣпленіе политическихъ событій, самыя отдаленнѣйшія ихъ послѣдствія, самыя незамѣтные результаты и неуклонныя потребности, — а былъ слѣпъ передъ лицомъ настоящаго, передъ неизбѣжностью Американской бури, которая уже разражалась, — онъ, свидѣтель жестокаго, но необходимаго перелома!... Онъ не видѣлъ, что Американская колонія рано или поздно, должна отдѣлиться отъ общаго отечества, которое, желая удержать при себѣ эту взрослую дочку, подвергалась опасностямъ важнымъ и неминуемымъ.

Министерство, котораго Лордъ Нортъ былъ председателемъ, объявило намѣреніе остановить потокъ мятежа, возвратитъ Англіи отдѣлившіяся отъ нея колоніи, возстановитъ права метрополіи, и снова придать Великобританской звѣздѣ сіяніе, затмившееся со времени Американской боръбы. Нынѣ Англія оплакиваетъ и порицаетъ несмысленность мѣръ, употребленныхъ для достиженія этой цѣли. Нынѣ вся она знаетъ,

какъ несогласно со здравою политикою, какъ пеловко и перъшительно было поведеніе Лорда Норта въ отношеніи къ колоніямъ: онъ требовалъ безъ твердости, уступалъ безъ великодушія. Но въ то время многіе честные граждане, многіе патріоты почли долгомъ безусловно поддерживать его министерство. Хотя желаніе независимости, хотя сознаніе претерпываемыхъ обидъ, несправедливостей и своей силы, очевидно внушали Американцамъ все нужное мужество, чтобы, ввергнувшись въ войну, столь опасную, выдержать ее со славою; хотя сами Англичане теперь стали уважать ихъ побужденія, получивъ болѣе выгодъ отъ независимости Америки, чѣмъ отъ ея подданства; но и Англійское дѣло способно было возбуждать въ сынахъ старой Англіи благородный энтузіазмъ. Они видѣли, что политическое существованіе ихъ отечества находится въ опасности, что Великобританія, оставшись побѣжденною своими колоністами, можетъ низвергнуться съ высокой своей славы на степень государствъ третьяго или даже четвертаго разряда, и быть принужденною уступить торжествующему своему поселенію первенство, которымъ она дотолъ пользовалась. Благородное сердце, сердце гражданина необходимо должно было трепетать тогда за Великобританію. Гиббонъ писалъ ко вдовѣ отца своего:

«Мы совершенно погрузились въ дѣла Американскія. Я держу сторону министерства, котораго выгоды въ этихъ обстоятельствахъ неразлучны съ выгодами моего отечества. Дѣло идетъ о нашемъ могуществѣ, о нашей торговлѣ: что станется съ нами, если мы не будемъ защищать ихъ?»

Таковы были личныя мнѣнія Гиббона: онъ, вмѣстѣ со многими другими, ошибался. Надобно вспомнить, что тогдашніе государственные мужи, съ

умомъ самымъ проникательнымъ, Чатамъ и Боркъ, недалѣе его провидѣли въ будущее и не лучше умѣли предсказать рожденіе независимой Америки, ея неизбежную важность въ политическомъ мірѣ, ея пользу для гордой Англіи. Бывъ личнымъ другомъ Лорда Норта, Гиббонъ отъ всего сердца пособлялъ ему въ этой борьбѣ, и не покинулъ его послѣ паденія. Когда всѣ проекты министра, всѣ его продвигенія, всѣ планы были ниспровергнуты и обмануты силою происшествій, Гиббонъ, издавая въ то время четвертую часть своихъ сочиненій, включилъ въ предисловіе слѣдующія строки, которыя всегда будутъ дѣлать честь его душѣ и характеру.

«Я желаю имѣть только одного начальника и покровителя, — публику; но если бѣ вздумалъ искать другаго, то избралъ бы государственнаго мужа, который во время управленія долговременнаго, бурнаго и неувѣнчаннаго успѣхомъ, нашелъ много политическихъ противниковъ, но ни одного личнаго непріятеля; который, и послѣ своего паденія, сохранилъ друзей вѣрныхъ и преданныхъ; который, низвергнутый съ высоты величія, удрученный обстоятельствами, терзаемый жестокими болѣзнями, ни сколько не утратилъ ровности характера, гибкости ума, постоянной любезности, всегда его отличавшихъ. Да позволитъ Лордъ Нортъ дружеству говорить языкомъ Исторіи! Если бѣ онъ былъ понынѣ раздавателемъ королевскихъ милостей, дружба моя молчала бы.»

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и остроумныхъ цѣнителей историческихъ трудовъ Англійской школы, Г. Вильменъ, слишкомъ строго осудилъ парламентское поведеніе Гиббона. Правда, что Гиббонъ былъ человекъ сложенія холоднаго, и что онъ, можетъ-

быть, просто изъ лѣности вступилъ въ число приверженцевъ Лорда Порта; но несправедливо утверждать, будто-бы онъ былъ недоступенъ ни какимъ великодушнымъ чувствованіямъ. Гиббонъ не закрывалъ души своей ни отъ одной благородной идеи, ни отъ одной человеколюбивой мысли. Даже Порсонъ, который ненавидѣлъ Гиббона, не смѣетъ нападать на него съ этой стороны. «Этотъ историкъ, говоритъ онъ, проникнутъ уваженіемъ къ человечеству, краснорѣчиво защищаетъ терпимость и является нечувствительнымъ и жестокимъ только тогда, когда рѣчь идетъ о поруганныхъ жепщинахъ и о гонимыхъ Христіанахъ.» И дѣйствительно, Гиббонъ былъ очень несправедливъ къ жепщинамъ, которыя его довольно помучили, и къ Христіанамъ, которыхъ высококаго и неземнаго ученія, совращенный ложною Французскою философіею, не умѣлъ онъ постигнуть; но его только и можно упрекать въ этой двойной слабости, двойной нестерпимости.

Когда первыя надежды Гиббона разрушились, парламентская стыдливость его еще усилилась, и, съ тѣхъ поръ, онъ уже игралъ роль безгласную. «Положеніе смиренное!» говоритъ онъ: но меня обрекло на это благоразуміе. Ни Природа, ни воспитаніе, не придали мнѣ неустрашимой силы характера, которая посмѣвается надъ шумомъ, криками, яростію партій, и приличествуетъ мужу государственному. У меня гордость присоединяется къ лѣности, и самый успѣхъ моихъ твореній отнялъ у меня мужество, необходимое для того, чтобы бороться съ бурнымъ совѣщательнымъ собраніемъ, и подвергать опасности извѣстность, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную. Притомъ, мнѣ уже поздно учиться быть ораторомъ: я думаю съ Цицерономъ, что если поэты рождаются поэтами, ораторы имѣютъ нужду въ предварительномъ воспитаніи и

продолжительномъ ученіи. И онъ былъ правъ. Ораторы, которые уже въ зрѣломъ возрастѣ начали говорить публично, никогда не достигали высокой степени краснорѣчія естественнаго, свободнаго и сильнаго. Всѣ люди, удивлявшіе Европу, во время Французской революціи, своею говорливостію, почти всегда безтолковою и театральною, но по-времени живою и пламенною, были прежде адвокатами. Питтъ, Фоксъ и Кеннингъ уже въ Оксфордѣ отличались ораторскими дарованіями, такъ же какъ и живущіе нынѣ Гг. Стенлей, Меклин и Сиръ Робертъ Миль, единственные витѣн, которыми могутъ похвалиться Англійскія Палаты. Если нынѣшній преобразованный Парламентъ такъ бѣденъ замѣчательными талантами, то эту безплодность надобно приписать тому, что члены его, болышею частію, люди пожилые.

Подавать безотчетливый голосъ въ пользу мѣръ, бесполезныхъ или вредныхъ, играть на шумной политической сценѣ роль немага, — вотъ въ чемъ состояло участіе Гиббона въ драмѣ, въ которую онъ такъ нескромно вмѣшался. Но слава его не тутъ: какъ историкъ, онъ принадлежитъ Европѣ, и на высокой своей степенѣ не боится ни соперниковъ, ни даже совмѣстниковъ. Пьедесталы, поддерживающіе статуи другихъ великихъ историковъ, болышею частію уже потрясены. Юмъ, котораго разсказъ такъ пріятенъ, слогъ такъ хорошъ; Пальгравъ, антикварій ученый и проникательный; Галамъ, самый строгій, самый независимый изъ всехъ писателей; Мекинтошъ, философъ отъ чистаго сердца и доброжелательный по-своему; Лингардъ, адвокатъ искусный и страшный, — всѣ они наши порицатели, болѣе или менѣе дѣлихъ, которые украшающимъ ихъ качествамъ противопоставили недостатки, ихъ обезображивающіе. Юмъ и Лингардъ не внушаютъ довѣренности; Мекинтошъ весь

ма непомощь: у него напрасно стали бы вы искать общей игры пружинъ государственныхъ; сочиненія Галама и Пальграва болѣе похожи на историческія изысканія, чѣмъ на исторію. Эпизодъ о Карлѣ V и многія другія мѣста Робертсона, безъ-сомнѣнія пребудутъ навсегда образцами сочиненія чистаго и изящнаго; едва-ли кто превзойдетъ его въ родѣ, имъ созданномъ; однако жъ поле его дѣйствія не обширно, изслѣдованія не глубоки, виды не дальніе. Но смѣлый и удивительный рисунокъ, по которому Гиббонъ расположилъ воздвигаемое имъ великолѣпное цѣлое упадка и разрушенія древней образованности, начала и развитія новаго порядка вещей, независимо отъ трудовъ исполненія столь огромнаго плана, дѣлаетъ уже разстройство и паденіе Римской Имперіи предметомъ, неприступнымъ для будущаго историка. Никто не перестроитъ нынѣшняго его чертога; никто не посмѣетъ вступить въ кругъ, описанный жезломъ этого могучаго гція.

Для совершенія подобнаго предпріятія необходимо было рѣдкое соединеніе необыкновенныхъ качествъ, терпѣніе непоколебимое, ученость почти безпредѣльная, слогъ и глубокій, и разнообразный.

Какъ обрушался и падалъ колоссъ безпримѣрнаго Римскаго могущества? Какъ эта неизмѣримая Держава, основанная на развалинахъ, поглотивъ столько царствъ и республикъ, сама распалась въ развалины? Какъ отдѣленные отъ нея члены образовали новыя царства и новыя народы? Какъ уничтожилась религія Греціи и Рима? Какими путями долго шли рядомъ два вѣроисповѣданія, подѣлившія самыя престестныя страны тогдашняго міра, и какимъ образомъ колыбель Христіанской Европы помѣстилась въ гробъ Европы языческой? Одна великая судьба испол-

няется, другая великая судьба начинаетъ свое дѣйствіе. Дряхлость древняго свѣта; его умирающая слава, его истощенные и разсыпавшіеся въ прахъ нравы; ребячество новѣйшаго міра, успѣхи его въ образованности, и новое направленіе данное уму и характеру челоуѣка, — представляютъ зрѣлище многосложное, безконечное, любопытное. Предметъ удивительный, — но чрезвычайно трудный! Гдѣ найти умъ столь возвышенный, чтобъ владычествовалъ надъ всеми этими подробностями; столь ясный, чтобы освѣтилъ ихъ, столь могущественный, чтобъ исполнѣ ихъ обнять? Гиббона на это стало.

Никто, лучше Гиббона, не соединялъ въ себѣ легкости и остроумной изящности Французскаго генія съ терпѣливою, мучительною ученостію Сѣвера, съ искусствомъ сосредоточивать, основательностію и мужественною силою, отличающими перо Англичанъ. Эта точность изысканій, эта глубокость изслѣдованій, соединенная съ сарказмомъ, съ Вольтеріанскою ѣдкостью, съ Французскою свѣтлостію разсказа, — нѣчто чрезвычайно дивное. Правда, что для сооруженія своего памятника, Гиббонъ сконился весь въ этомъ твореніи, и пожертвовалъ ему собою. Его «Исторія разстройства и паденія Римской Имперіи» — вся жизнь его. Любовь, Религію, Политику, онъ все подчиняетъ предмету своихъ изысканій. Онъ только имъ, только для него существуетъ. Сокровища его учености нарастаютъ, умножаются, и онъ счастливъ. Что ему до славы дѣловыхъ людей и тщеславія свѣтскаго челоуѣка! Пріятно читать его Записки, вѣрную картину чувствованій и наслажденій Ученаго. Безъ страстей, безъ низости, безъ преувеличенныхъ требованій, онъ пожертвовалъ бы, какъ самъ говоритъ, всемъ, только не блаженствомъ читать и дѣлать выписки. Какое прекрасное зрѣлище представляетъ его трудолюбивая

юность, его блестящій зрѣлый возрастъ, его окруженная уваженіемъ старость, завѣщавшія намъ изящное, превосходнѣйшее произведеніе осьмнадцатаго вѣка!

Въ слогъ Гиббона, правда, не достаетъ простоты; всѣ фразы его убраны и идутъ церемоніальнымъ ходомъ; въ нихъ нѣтъ естественности, ни свободы, но за то выраженія его всегда сильны, рѣзки, цвѣтisty. У него ссть черты, воскрешающія кисть Рубенса. Онъ рѣдко растянута, никогда не скученъ, и всегда сильно дѣйствуетъ на читателя. Описанія его живы, рассказъ идетъ быстро, и увлекаетъ самое непослушное вниманіе.

Тайна величія Гиббона состоитъ въ сосредоточеніи всѣхъ идей, всѣхъ трудовъ въ одной цѣли. Небольшое состояніе, застѣнчивость и врожденная холодность не позволили ему блистать въ свѣтѣ. Непзлечимый, смѣшной скептицизмъ гонялъ его отъ вѣроисповѣданія католическаго къ протестантскому, и наконецъ онъ утонулъ въ глубокомъ невѣріи. Уединеніе въ Лозаннѣ доставило ему много свободнаго времени и возможность пересмотрѣть огромныя собранія историческихъ матеріаловъ, справиться со всѣми авторами, могшими разлить свѣтъ на дѣла Рима. Не болѣе неутомимаго постоянства выказываетъ терпѣливая пчела, когда строитъ свою ячейку: всякой день, всякой часъ обогащали этотъ великолѣпный запасъ разнообразныхъ свѣдѣній. Гиббонъ искалъ Рима въ древнихъ поетахъ, ораторахъ, сказочникахъ, даже въ геометрахъ и астрономахъ. Онъ принялся за работу тогда уже, когда исчерпалъ всѣ эти источники, разработалъ всѣ эти рудники, проникнулъ во всѣ углубленія. Умъ его былъ упитанъ, насыщенъ наукою древности; память наполнена воспоминаніями о нравахъ, костюмахъ, малѣйшихъ подробностяхъ жизни языческой; наконецъ

философскіе его предразсудки, предразсудки по-несчастію враждебныя Христіанству, еще разжигали въ немъ эту пламенную любовь къ безсмертному граду, къ селенію Ромула и Весты.

Мы должны радоваться, что этотъ человѣкъ не отдалъ бурямъ политики, яростнымъ крикамъ пресій, жалкимъ спорамъ журнализма жизни, посвященной трудамъ, несравненно полезнѣйшимъ и благороднѣйшимъ? Гиббонъ, въ видѣ политическаго говоруна или влюбленнаго селадона, въ клубъ вигговъ, въ уборной Г-жи Некеръ или у ногъ дѣвицы Кюришо, являетъ нечто цѣльное и неумѣстное. Забудемъ эту часть его существованія. Опъ историкъ! Опъ одинъ засыпалъ пропасть, отдѣляющую древнюю Исторію отъ новѣйшей, сблизилъ и связалъ два противоположныя правдивныя міра, и, несмотря на неудобства, представляемыя нынѣшнимъ писателямъ многосложностью нашихъ политическихъ событій, достигъ того несравненнаго единства повѣсти, которое сообщаетъ Греческимъ и Римскимъ историкамъ такое преимущество передъ всѣми ихъ преемниками.

Недостаткомъ въ этомъ неподражаемомъ писателѣ можетъ быть названо излишнее богатство мерзкихъ и отвратительныхъ подробностей въ картинахъ развратной эпохи, которую онъ описывалъ; но здѣсь историческая истина еще кое-какъ его оправдываетъ.

Какъ противникъ Христіанства, представившій его дѣянія въ совершенно превратномъ видѣ, Гиббонъ заслуживаетъ важныя и ничѣмъ не устранимыя упреки. Опъ псчадіе школы Вольтеріанской, которая не примѣчала того, какое сильное и благотворное движеніе сообщало образованію міра пришествіе Христа Спасителя, а только видѣла временное зло, пере-

мѣны бѣдственныя, но неизбежныя слѣдствія, нераздѣльныя со всякимъ великимъ переворотомъ. Потрясеніе въ мѣніяхъ и правахъ, которое низпровергло многобожіе и вмѣстѣ съ нимъ разрушило Римскую Имперію, конечно сопровождалось множествомъ несправедливостей, гоненій, кровопролитій. Однако жъ этотъ способъ воззрѣнія, общій Гиббону со многими людьми, отличнымъ по уму, но зараженнымъ суевѣріемъ безбожія, весьма неоснователенъ. Въ огромномъ переломѣ, который по необходимости былъ сопряженъ съ терзаніями, видятъ они одно только несчастіе. Они не спрашиваютъ себя, не выросъ ли отъ этого перелома родъ человѣческій; не успокоились ли мутныя воды, преодолевъ преграду, задерживавшую ихъ теченіе, а занимаются только самымъ событіемъ и смутными происшествіями, которыя повлекъ онъ за собою. Такъ нѣкоторые философы отвергають пользу реформаціи для Западной Европы, и, въ подкрѣпленіе своего мѣнія, указываютъ на продолжительныя междоусобныя войны, происходившія въ Германіи, на волны крови, пролитыя Лигою, на неистовства католической и протестантской нетерпимости въ Англіи. Цѣлостно говорятъ имъ: посмотрите же на ходъ просвѣщенія; оно уже сдѣлало шагъ впередъ, когда Христіанская Религія уничтожила Римское рабство; другой шагъ, когда реформація разрушила Папизмъ въ однихъ государствахъ, и остановила честолюбіе Ватикана въ другихъ. Конечно, все это куплено, и дорого заплачено. При каждомъ такомъ шагѣ, родъ человѣческій отдавалъ за новыя пріобрѣтенія свою кровь, свои слезы, свои сокровища, свои неспровергнутыя установленія, свои разрушенные города. Но посреди этихъ злополучій, судьба его улучшалась. Злополучія были временны, успѣхи безсмертны. Ничего нѣтъ легче, какъ доказывать, что реформація, подкрѣпленная сладострастными проступками Генриха VIII и крова-

выми казнями Кальвина, заслуживаетъ ненависть людей; что даже самое торжество Христіанства надъ язычествомъ, съ ихъ гоненіями, съ ихъ изувѣрными и противоположными ересями, было событіе жестокое. Между-тѣмъ эти доказательства были бы совершенно лживы. И между-тѣмъ вотъ какъ Гиббонъ, слѣдуя Вольтеру, смотрѣлъ на Исторію той эпохи! Онъ тщательно выставляетъ и преувеличиваетъ ошибки Христіанъ; онъ ослабляетъ всѣ ихъ добродѣтели, и вдается въ толкованія, чтобъ умniejszyть блескъ этихъ добродѣтелей. Онъ бережетъ похвалы для успѣховъ Араба и Татарина, Магомета и Чингисхана. Онъ представляетъ ихъ подвиги въ живомъ драматическомъ видѣ, посвящаетъ имъ самыя яркія свои краски. Умнирающее идолопоклонство покрывается въ его величественномъ твореніи блескомъ пышно заходящаго солнца. Побѣда новой Религіи становится для него предметомъ насмѣшекъ, порицанія, или по крайней мѣрѣ одобренія холоднаго и безъ энтузіазма.

Если на пути его встрѣчается одинъ изъ тѣхъ первыхъ отцевъ Церкви, высокихъ вдохновенныхъ философовъ, которыхъ средніе вѣки причли къ лику святыхъ, а Древность помѣстила бы въ разрядъ божествъ; одинъ изъ тѣхъ героевъ истины, которые исповѣдывали свою вѣру предъ лицомъ палачей, сохранивъ чистоту свою посреди всеобщаго разврата, онъ презрительно улыбается надъ ихъ восторженною набожностію, представляетъ ихъ умами мелкими и робкими душами, — онъ, который бы воспѣлъ имъ гимны хваленія, обоготворилъ ихъ, если бы они были языческими мудрецами, если бы провозгласили себя столпами и перипатетиками, послѣдователями Платона или Анаксагора!

Вотъ, — весьма хорошо замѣчаетъ Г. Гизо, — вотъ неизгладимое пятно. безсмертнаго творенія, подарен-

наго намъ Гиббономъ! Философія и нравственность никогда не простятъ ему этой непостижимой ошибки. Онъ сдѣлалъ тѣмъ большій вредъ обществу, которое могъ лучами своего ума утвердить въ вѣрованіи и исполнить отрады, что теперь, быть-можетъ, должно ожидать нѣсколько столѣтій, пока равный ему испанскій талантъ противопоставитъ его книгѣ другую, столь же глубокомысленную и блистательную, которая бы вполне защитила Христіанство. Много, много писали противъ его мнѣній; но Гиббона, могущественнаго и ужаснаго Гиббона, не возможно опровергнуть сухими критиками, ни обнаруженіемъ несправности въ нѣсколькихъ цитатахъ. Вліяніе генія всегда сильнѣе этихъ мелкихъ средствъ полемики. Вольтеръ забыть съ своими остроуміями; Гиббона будутъ читать вѣки. Противъ него нужна хорошая, геніальная Исторія того же періода, писанная слогомъ краснорѣчивымъ, твердымъ, убѣдительнымъ, дышащая чистою и глубокою философіею, украшенная обширною и основательною ученостію, — Исторія, которая бы вѣрно и живописно изобразила постепенное развитіе и истинное дѣйствіе Христовой Вѣры на умъ, нравы и судьбы человѣчества. Это главная потребность Христіанскаго міра, и, по-несчастью, главный его недостатокъ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей, о которомъ мы уже здѣсь упоминали, и котораго слава паритъ надъ обоими полушаріями, Г. Шатобріанъ, по качеству своего ума, по своимъ склонностямъ, казалось, былъ предназначенъ или самъ предназначалъ себя для этого. Г. Шатобріанъ вызвался составить противоядіе пагубному ученію, исправить великую несправедливость Гиббона. Человѣкъ краснорѣчивый, даже ученый, участвовавшій въ политическихъ дѣлахъ нашей эпохи, онъ предсталъ рыцаремъ-защитникомъ преслѣдуемаго философами католицизма и старой Французской монархіи, колеблющейся на своемъ основаніи.

Въ юности своей онъ посвятилъ этому нѣсколько поэмъ въ прозѣ, въ зрѣломъ возрастѣ множество брошюръ, въ старости свои «Историческіе Опыты». Какъ Историкъ, какъ поэтъ, какъ публицистъ, онъ заслуживаетъ тщательное разсмотрѣніе, строгій разборъ, который мы не боимся предпринять, и который соотечественники его сдѣлать, конечно, долго еще будутъ не въ силахъ. Историческое лице Г. Шатобріана отражается теперь у нихъ въ зеркалѣ, потемняемомъ страстями, въ водѣ столь сильно взволнованной, что это отраженіе не можетъ быть вѣрнымъ, ни внятнѣмъ. На ихъ глаза, Г. Шатобріанъ, историкъ, дипломатъ, публицистъ, ораторъ исчезаетъ, и остается только Г. Виконтъ Шатобріанъ приверженецъ старой монархіи, дворянинъ легитимистской партіи, другъ Людовика XVIII, сдѣлавшійся главою оппозиціи. Страсти, взволнованныя этими идеями, не даютъ у нихъ образоваться справедливому объ немъ сужденію, и препятствуютъ произведенію оцѣнки, которая поставила бы его на настоящемъ мѣстѣ, какъ мужа государственнаго и какъ писателя.

Жизнь Г. Шатобріана, его сочиненія, роль и всѣ его мысли, даже самое уединеніе, расчислены только для произведенія эффекта. Слогъ его, до роскоши, до изыщества, выпуколь, цвѣтнсть и виденъ издали. Его приверженность, его пожертвованія, его отреченія, проявляются всегда вѣчными выходками и совершенно паружною пылкостью, превосходно подобранными къ его слогу. Его разсудокъ вездѣ рабски становится на колѣни предъ его воображеніемъ и страстями. Воображеніе совершенно имъ владѣетъ. Воображенію, качеству советъ поэтическому, необходимы эффектъ и противоположность: отсюда страсть Г. Шатобріана къ неожиданнымъ сблнженіямъ самыхъ несходныхъ событій, къ сильнымъ движеніямъ пера,

къ мелодраматическимъ уловкамъ въ сочетаніи мыслей, ко всему, что ввело его въ славу, и что непременно убьетъ знаменитость его твореній въ будущемъ времени; ко всему, что только было замѣтно и поразительно и въ его поведеніи, въ качествѣ министра, депутата, дипломата или приверженца партіи.

Конечно, Французы, съ своимъ живымъ воображеніемъ, съ своею удивительною способностью быть легко поставляемы въ дураки, должны были находить восхитительными и увѣнчать хвалою все эти актерскія усилія, живописно рисоваться передъ ними, весь этотъ шарлатаннизмъ мыслей, слога и дѣйствій; но подобная слава можетъ процвѣтать только въ такой атмосферѣ. Другіе народы, право, ее не понимаютъ.

Посмотрите только, какъ этотъ человѣкъ, котораго дарованія, впрочемъ, оспоривать невозможно, защищаетъ Христіанскую Вѣру отъ нападеній Вольтера и Дидро. Въ «Мученикахъ» и въ «Геніи Христіанства» онъ не старается доказать, что религія Иисуса Христа истинна, нравственна и обща на благомъ, но бѣется изъ того, что она занимательная и поэтическая. Нелѣпостямъ язычества противопоставляетъ онъ не свѣтлую, небесную мысль и чистоту правовѣрія, но достоинства новѣйшей Изящной Словесности, и легкомысленно ведетъ на край пропасти истины Евангелія въ опасномъ сравненіи Гомера съ Тассомъ, Камозиса съ Виргиліемъ. Вопросъ, вмѣсто того, чтобы быть общественнымъ и вѣроисповѣдательнымъ, становится у него просто литературнымъ, дѣломъ Художества и вкуса, — и только! Что касается до яркости его красокъ, прелести нѣкоторыхъ описаній, ловкихъ фокусовъ слога, то никто отвергать ихъ не станетъ. Надобно признаться, что Г. Шатобріанъ живописецъ очень

искусный, но его нельзя поставить ни въ числѣ людей мыслящихъ, ни въ отдѣленіи умовъ, способныхъ къ твердому логическому разсужденію. Основныя идеи его сочиненій, ихъ точный внутренній смыслъ, ихъ умственная сторона, — вотъ что самымъ непріятнымъ образомъ поражаетъ въ немъ философа, принужденнаго удивляться, какъ можно тратить столько краснорѣчія на такія ребячества и такую ложь. Критики времени Имперіи, нападая на слогъ Г. Шатобриана, доказали только мелкость своего ума: имъ слѣдовало разобрать основныя его идеи; надобно было сказать ему: «Какъ! такимъ-то образомъ защищаете вы вѣру Іисуса Христа! вѣру Бога распятаго — риторическими цвѣтками! чистую религію души — мотовствомъ звучныхъ словъ? Какъ! роскошному язычеству, его сладострастнымъ обрядамъ, его служенію олицетворенной красотъ, его идолопоклонству, обоготворявшему форму, вы противопоставляете только поэзію нашей религіи, — поэзію религіи строгой, которая требуетъ отъ насъ безпредѣльной преданности и самоотверженія, воспрещая всякое мечтательство? Символь Христіанства — страданія Бога для вѣчнаго блага человѣка; первообразъ языческой вѣры — Венера, выходящая изъ воды для чувственныхъ его наслажденій. Находить въ этихъ двухъ вѣрованіяхъ одинаковыя средства къ удовольствіямъ воображенія, представлять ученіе Евангелія равносильнымъ язычеству относительно къ поэтическому вдохновенію, или даже сильнѣе, не есть ли это ложь и обман? Такъ ли Боссюэтъ и Фенелонъ, между католиками, Тиллотсонъ, между протестантами, понимали религію Спасителя? Защищая ее, вы ее предаете новой и еще большей опасности.»

Извѣстно, впрочемъ, что духовенство Западной Европы сильно возстало противъ этой книги, которая,

по-видимому, была писана согласно съ его пользамъ. Духъ нашей религіи состоитъ въ душевной скорби, въ самоотверженіи, въ святой печали, о которой говоритъ Евангеліе, въ чистотѣ и смиреніи. Сравните надменный и шумный тонъ «Генія Христіанства», съ сочиненіями, которыя древніе Церковные отцы противопоставляли своимъ врагамъ, и вы увидите, какъ удался Г. Шатобріанъ отъ истиннаго духа Христіанства, утверждая, что онъ за него подвизается!

Странное зрѣлище представляетъ жизнь государственнаго человѣка, которымъ совершенно завладѣла поэзія; дипломата, котораго туда и сюда водить воображеніе; историка, который заботится не о событіяхъ, а о глаголахъ и прилагательныхъ; діалектика, который разсуждаетъ не иначе, какъ метафорами и гиперболами. Такова жизнь Г-на Шатобріана. Нѣтъ въ свѣтѣ ничего важнаго, торжественнаго и благороднаго, чего бы онъ не защищалъ или не опровергалъ, или лучше сказать, не защищалъ и не опровергалъ попеременно, не доводами, но словами, не силою разсужденія, но красками слога. Во всей его жизни, во всемъ его слогѣ, во всѣхъ его поступкахъ какъ министра и депутата—главное парадъ и блескъ, — мы едва не сказали, тщеславіе. Вы бы оказали самую дурную услугу этому великому человѣку, если бы уничтожили на пути его всѣ препятствія, все сопротивленіе, предоставили свободное развитіе его слову, его могуществу, его преднамѣреніямъ. Борьба — его стихія: сопротивленіе — существо его силы. Во властвованіе аббата Боссюэта, онъ былъ бы атенстомъ! Въ оппозиціи, не возможно и представить себѣ Г. Шатобріана: ему борьба необходима, не для того, чтобы побѣждать, а только чтобы бороться; ему непременно надобно пададать на свою эпоху; пни

его гремитъ однимъ только ударами, которые онъ наноситъ. Во времена «стариннаго лада» онъ былъ республиканцемъ; въ царствованіе философскаго пестря, католикомъ; въ правленіе Бонапарта приверженцемъ Бурбоновъ; въ царствованіе Людовика XVIII, онъ снова дѣлается либераломъ, а при Карлѣ X играетъ роль Гампдена. Что же вышло изъ всѣхъ этихъ бореній со всѣми возможными властями, изъ всѣхъ этихъ рыцарскихъ ристаній съ высунутымъ впередъ копьемъ? Жизнь пестрая, лишенная единства; жизнь безъ правилъ и безъ цѣли; огромная растрата силъ, всегда неумѣстно употребленныхъ. Собраніе сочиненій Г. Шатобріана — настоящій арсеналъ, въ которомъ найдете вы все, что угодно: оружіе противъ свободы, оружіе въ пользу свободы; оружіе за монархическое правленіе, и другое противъ него. Здѣсь пышными фразами доказывается, что республика правленіе удивительное; тамъ, что хорошо одно только представительное правленіе; многобожіе является иногда съ обольстительными красками, иногда въ видѣ гнусномъ. Пыжь, когда во Франціи существуетъ представительное правленіе, Г. Шатобріанъ восхваляетъ феодализмъ; при Бонапартѣ, Государь неограниченномъ, тотъ же авторъ чувствовалъ нѣжную склонность къ теократіи и владычеству монаховъ. Чтобы всѣ эти противорѣчія прошли, не говорю не замѣченныя, но по крайней мѣрѣ не отнявъ у публики всей довѣренности къ писателю, надобно, чтобы онъ надѣленъ былъ отъ Природы сверхъ-человѣческимъ краснорѣчіемъ, или чтобы его соотечественники отличались чрезвычайнымъ ко всему равнодушіемъ, не то удивительною вертлявостью правилъ.

У Г. Шатобріана никогда не было философіи ни въ умѣ, ни въ поведеніи: это юный поэтъ, который не состарѣется, даже и на краю гроба. Рели-

гя его просто суевѣріе: это почти пастоящее вѣро-
ваніе среднихъ вѣковъ. Онъ вѣритъ легендамъ, пре-
даніямъ и привидѣніямъ; всякая повѣсть для него
хороша, лишь бы была живописна. Онъ принимаетъ
на свои историческія страницы вымыслы, исключен-
ные изъ лѣтописей Христіанства всѣми учеными бо-
гословами, даже изъ католиковъ, факты явпо ложные,
сказки безъ всякаго основанія и вѣроподобія, един-
ственно потому, что въ нихъ есть нѣчто странное и
поэтическое. Ошибокъ этого рода бездна въ его «Ис-
торическихъ Опытахъ;» онъ даже смѣшиваетъ съ
Христіанскими мучениками Аполлонія Тіанскаго,
извѣстнаго философскаго шарлатана, и выдаетъ за
неоспоримое событіе сплетню объ изображеніи Иису-
са Христа, поставленномъ будто-бы въ числѣ статуй
Тиберіева Пантеона: «а Римская Исторія ничего и не
вѣдаетъ объ этомъ *фактъ!*» восклицаетъ авторъ. Пра-
во, подлѣ Г. Шатобриана, и самъ легковѣрный Тил-
лешонъ покажется еще скептикомъ, потому, что уже
и тотъ не посмѣлъ внести въ свой наборъ сказаній,
подобной небывальщины безъ должной оговорки *.

Ослѣпленный страстью къ контрасту, Г. Шатобри-
анъ не упуститъ случая свести, для эффекта, два
противоположные конца вселенной, и ужъ никакъ
не откажется отъ эпитаммы, если она попадется ему

* Quarterly Review, въ подкрѣпленіе этого и другихъ упрековъ, при-
водитъ здѣсь разныя выписки изъ сочиненій Г. Шатобриана. Будучи
принуждены сберегать мѣсто, мы ихъ пропускаемъ, предлагая нашимъ
читателямъ только существо сужденія Англійскаго критика по исправлен-
ному нами сокращенію Журнала Bibliothèque britannique, которое сверхъ
того дополнили мы изъ подлинника обстоятельствами, забытыми Фран-
цузскимъ переводчикомъ. Мы должны еще упомянуть, хоть въ выноскѣ,
что этотъ строгій приговоръ Etudes historiques относится въ особен-
ности къ предмету, въ которомъ Г. Шатобрианъ хотѣлъ состязаться съ
Гиббономъ, именно, къ его «Разсужденію, о паденіи Римской Имперіи»;
авторъ статьи отдаетъ справедливость «Разсудительному разбору Фран-
цузской Исторіи», который называетъ онъ — the most valuable part of
the volume «достойнѣйшею частию сочиненія». В. для Ч

подъ перо. Римскимъ Императорамъ, покрытымъ порфирною и золотомъ, противопоставляетъ онъ двѣнадцать законодателей босоногихъ, двѣнадцать Апостоловъ; развратной пышности погибающаго Рима, смиренную безъизвѣстность Христіанства въ колыбели; Іисусу Христу, умирающему на крестѣ, Тиверію, умирающаго въ Канрѣ; житіямъ Святыхъ и писаніямъ Церковныхъ отцевъ, Петронія и Марціала. Эти патянутые контрасты длятся сквозь многія главы, — длятся съ упрямствомъ, которое ужасно утомляетъ читателя, ничему его не научая. Гиббонъ, врагъ Христовой Вѣры, часто впадаетъ въ своихъ выходкахъ въ безправственность, и даже иногда въ оскорбительную непристойность; но и защитникъ ея, Г. Шатобріанъ, не многимъ чище его на перо въ гнѣвъ своемъ противъ языческихъ установленій. На счетъ неблагопристойности, Латинскія выписки Г. Шатобріана весьма стоятъ Греческихъ цитатъ Гиббона. А что касается до гражданской исторіи перваго періода, то Г. Шатобріанъ, быть-можетъ вопреки своей воли, заплатилъ дань почтенія обширности и точности изслѣдованій Гиббона, заимствуя у него все, что только могло пригодиться къ его плану. Первые его главы не что иное какъ выписка, и не всегда вѣрная, изъ блистательнаго Гиббонова обзора состоянія Рима и его владѣній, а тоція жизни Кесарей, наследниковъ Адріана и Антониновъ, почти цѣликомъ взяты изъ перваго тома «о разстройствѣ и упадкѣ Римской Имперіи». Это не новый, но всегда страшный способъ поколебать славу своего противника, — списывая его страницы.

Но оба они несправедливы. По крайней мѣрѣ Гиббонъ оставилъ намъ твореніе во многихъ отношеніяхъ полное и до нѣкоторой степени выкупающее тысячами красотъ, смѣшное ожесточеніе его противъ Христіанства. Его защищеніе язычества исполнено

сатиры и остроумія; Шатобріаново защищеніе Христіанства падуто, краснорѣчиво и пусто. Они оба ослѣплены своими предразсудками, и оставили превосходное поприще для того изъ будущихъ писателей, кто возмется сочинить для Христіанъ Исторію, достойную ихъ Вѣры, — книгу, о недостаткѣ которой сказали мы прежде, и которая изобразила бы намъ, съ силою Гиббоновой кисти и съ его умѣніемъ, — какъ Христіанство развѣтвлялось по цѣлому общественному зданію, — какъ мало-по-малу и въ молчаніи измѣнялись мѣтнія и обычаи, отличающіе древній міръ отъ новѣйшаго не только въ важныхъ обстоятельствахъ жизни, но и въ самыхъ мельчайшихъ, — чистую, совѣстную, отчетливую картину великаго, умственного съ его враждебными крайностями, выпрепннее правдивностью апостольскаго ученія, и развратомъ прежней мудрости, — средства, которыми Христіанская религія покоряла язычество, — то, какъ долго и въ какомъ количествѣ многобожіе бродило еще въ лоно Христіанства или измѣнически скрывалось подъ наружными его обрядами, отнюдь не проникаясь его духомъ, — дѣйствіе новой Вѣры на общественныя и семейныя отношенія, на положеніе женщинъ, на домашнее рабство и на разныя другія званія. Остается опредѣлить степень и образъ способствованія Христіанства упадку Римской гражданской власти, его участіе въ образованіи новой политической системы въ Европѣ, то, что собственно принадлежитъ ему, его духу и вліянію; то, что произошло отъ постороннихъ причинъ или осталось отъ прежняго быта, наконецъ благодѣтельство и зловерное дѣйствіе католическаго монашества, и т. д. Словомъ, мы еще ожидаемъ полной, настоящей Исторіи Христіанства, общественной, нравственной и политической.

Гиббонъ въ состояніи былъ исполнить подобное твореніе, но съ одной стороны пристрастіе, съ другой

слишкомъ огромная рама повѣсти заставляли его быстро проходить всѣ нравственныя событія, чтобы думать только о событіяхъ положительныхъ, войнахъ, сраженіяхъ и падающихъ царствахъ. Что касается до Г. Шатобріана, то, отдавая полную справедливость блеску его разсказа, мы всегда видѣли въ немъ только поэта, но не историка.

Главный даръ его — живописать предметы ярко и выпукло, — развивается не рѣдко съ большею силою въ описательныхъ частяхъ его твореній. Многія его картины физической Природы, правда, почти всегда преувеличенныя, но блестящія, дышатъ жизнью и производятъ впечатлѣніе. Его «Путевой дневникъ отъ Парижа до Іерусалима», и нѣкоторыя пламенющія слогами описанія въ «Геніи Христіанства» и въ «Мученикахъ», принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Французской Словесности, хотя вообще это болѣе слогъ политической брошюры нежели важнаго историческаго сочиненія. Но заслуги его, какъ государственнаго человека, какъ оратора и философа, защитника высокой и драгоценнѣйшей собственности обществъ, будутъ всегда ничтожны; и если мы захотимъ найти въ одномъ лицѣ превосходное соединеніе генія, религіи и краснорѣчія, то должны обратить взоры не на молчаливаго и уединеннаго Гиббона, не на ритора, бывшаго посломъ Людовика XVIII, но на оратора Эдмонда Борка.

Подобно Гиббону и Шатобріану, и этотъ великій человекъ возвысился изъ бѣднаго состоянія, и завоевалъ свою славу. Гиббонъ, какъ мы уже сказали, былъ весьма небогатъ: двадцати лѣтъ, онъ велъ жизнь безвѣстную, тихую и скромную. Шатобріанъ въ томъ же возрастѣ бродилъ по свѣту, безъ состоянія и, можно сказать, безъ надежды. Боркъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ у него друзей не было, и жилъ тѣмъ, что писалъ политическія статьи и брошюры.

Какъ всѣ честолюбивые люди въ Англіи, Боркъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, вступилъ сначала въ оппозицію, подъ знамена Вилькса. Отличенный городомъ Бристолемъ, который избралъ его въ члены Парламента, онъ исполнилъ надежды своихъ покровителей, и первыя, произнесенныя имъ, рѣчи поразили всѣхъ удивленіемъ. Сопряженныя достоинства философа и витія представляли пѣчто весьма примѣчательное въ этомъ молодомъ, безвѣстномъ адвокатѣ, у котораго не было, какъ у Питта, отца, заботившагося объ его политическомъ воспитаніи. Боркъ истощалъ всѣ предметы, за которые принимался. Онъ начиналъ всегда съ самой трудной части предмета, и усердно предавался работѣ, управляемой почти безпримѣрною ясностію разсудка: прежде всего заботился онъ о томъ, чтобы соединить въ одномъ центрѣ всѣ данныя, всѣ идеи. Часто простой анекдотъ, означеніе времени, собственное имя, разливали яркій свѣтъ на разбираемое имъ дѣло, и когда, съ могуществомъ и постоянствомъ удивительными, онъ собралъ, скопилъ свое сокровище, тогда только краснорѣчіе, опираясь на строгую логику, согрѣвало, обстроивало всю эту массу, одушевляло ее, вливало въ нее жизнь пылкую и плодотворную. Гиббонъ былъ историкъ, Шатобріанъ поэтъ, Боркъ истинный ораторъ. Надобно, однако жъ, признаться, что для своего времени онъ былъ ораторъ слишкомъ возвышенный: дѣльцы и торговцы, представлявшие Великобританскій умъ въ Нижней Палатѣ, часто не могли слѣдовать за нимъ въ облакахъ, въ которыхъ парилъ онъ. Это превосходство — нерѣдко и недостатокъ; и препятствіе. Къ чему расточать сокровища краснорѣчія и философіи передъ невнимательными толстяками, передъ подмастерьями политическаго цеха, которые, занимаясь будто-бы судьбою и пользами отечества, думаютъ только о времени объѣда и числѣ голосовъ? Часто онъ, въ самой рѣчи своей,

возставалъ противъ этой всеобщей посредственности, разрушавшей гармонію между нмъ и его слушателями. Часто также, говоря о дѣлахъ самыхъ пустыхъ, онъ позволялъ своему воображенію распускать во всю длину его огромныя крылья. Почти трудно повѣрить, что, напримѣръ, по случаю перестройкъ въ одномъ изъ дворцовъ, онъ сказалъ рѣчь, достойную самого Демосоена. Но вдохновеніе нерѣдко выходило у него за предѣлы предмета.

Краснорѣчіе Борка было глубоко и вмѣстѣ цвѣтнсто; въ немъ также замѣтенъ одинъ недостатокъ: оно было слишкомъ высоко, слишкомъ глубоко, слишкомъ цвѣтнсто. Чатамъ лучше его умѣлъ привлекать и поддерживать вниманіе слушателей, обращаясь не къ уму, а къ страстямъ, возбуждая ихъ гнѣвъ или участіе, произнося безъ раздумья неожиданные отвѣты, не допускавшіе возраженія. Краснорѣчіе Чатама оставило по себѣ мало слѣдовъ: мы можемъ судить объ немъ только по удивленію современниковъ и по немногимъ, дошедшимъ до насъ отрывкамъ. Но и разбитое туловище этого высокаго витійства еще исполнено жизни и мужеской силы. Слышъ его, Питтъ, часто утомлялъ слушателей обширностію видовъ, нмъ развиваемыхъ. Фоксъ былъ безпорядоченъ и не ясенъ; Кеннингъ, болѣе поверхностный, не столь важный, превосходно умѣлъ вести пренія, непрерывно поддерживая ихъ занимательность убійственною проліею; но качества его затмѣвались недостаткомъ глубокости, а иногда и діалектики. Страсти въ немъ никогда не были замѣтны; онъ слишкомъ легко предавался склонности къ эниграммамъ, и дѣйствовалъ, казалось, не по убѣжденію. Что касается до Шеридана, то, превосходный комическій писатель обходился съ политическимъ собраніемъ, какъ съ театральнымъ партеромъ: онъ забавлялъ его острогами и эниграммами.

Боркъ принужденъ былъ бороться въ обхватъ не только съ могущественными противниками, но съ цѣлыми сословіями, которыя сперва его поддерживали. Бриетоль, избравшій его въ члены Парламента, скоро объявилъ его недостойнымъ этого званія. Бриетоль вооружился противъ него глупымъ, прихотливымъ гнѣвомъ, который такъ часто возгорается въ грубыхъ массахъ, желающихъ тоже поважничать на политическомъ поприщѣ, и вооружился не за то, чтобы Боркъ дурно ходатайствовалъ о выгодахъ города, но за то, что онъ оказывалъ мало уваженія своимъ избирателямъ, и не довольно часто посѣщалъ ихъ. Съ этого времени началось отвращеніе Борка къ демократіи. Онъ убѣдился, что толпы не въ состояніи оцѣнивать собственныя свои выгоды и судить о людяхъ. Онъ презрѣлъ насквили, которыми закидали его враги, и отказался отъ исканія славы и любви у чернаго народа, которыя надобно покупать низостями. Скоро, противникомъ его явился человѣкъ опасный, наследовавшій ему въ управленіи оставленною имъ оппозицію: то былъ Фоксъ, котораго преувеличенная слава пережила смятенія того времени. Фоксъ предавался бурному теченію, увлекавшему легкомысленную часть его современниковъ: онъ сообщилъ другой характеръ оппозиціи, которою управляли дотолѣ Боркъ и Роккингамъ. Оппозиція Роккингама и Борка не была еще заражена пагубнымъ демократическимъ духомъ: она только добивалась власти посредствомъ классическаго краснорѣчія. Фоксъ принесъ ей новыя идеи, выловленныя въ пучинѣ источниковъ собирающейся Французской революціи. Происходя изъ благородной фамиліи, онъ имѣлъ всю гордость, всю безпечность, и всѣ привычки Англійскаго лорда, но захотѣлъ сдѣлаться демагогомъ, чтобы замѣнить шумомъ славы своей и рукоплесканіемъ черни недостатокъ уваженія къ нему образованныхъ и просвѣщенныхъ классовъ.

Этотъ необыкновенный человекъ, первообразъ Мирабо, былъ у мѣста только въ кругу придворныхъ. Стремясь къ несчастной знаменитости, онъ пошелъ въ разночинцы. Поддѣлываясь подъ манеры и тонъ черни, онъ былъ такъ же не ловокъ, какъ человекъ невоспитанный, который передразниваетъ людей высшаго общества. Одно честолюбіе придамо ему рѣшимость спуститься такъ низко, принимать участіе въ гуль и ругательствахъ тавернъ, и мѣшаться въ ежедневныя площадныя суматохи. Наглый, вспыльчивый, развратный, игрокъ отчаянный, жадный только до минутныхъ успѣховъ, и не заботившійся о томъ, что скажетъ о немъ потомство; алчущій побѣждать во всѣхъ битвахъ, чѣмъ бы ни пришлось заплатить за побѣду; благородный и великодушный въ частныхъ дѣлахъ, безсовѣстный и необузданный въ дѣлахъ общественныхъ; всегда краснорѣчивый и особенно когда защищалъ дурное дѣло, всегда вооруженный стоическими аксіомами, которыя нерѣдко произносилъ онъ даже выходя изъ таверны или изъ объятій прелестницы; ораторъ плодовитый, пламенный, иногда возвышенный, онъ приходилъ въ восторгъ и бывалъ превосходенъ, особенно тогда, когда безстыдно лгалъ. Таковъ былъ Фоксъ, который въ первой половинѣ своей политической жизни считался воспитанникомъ и питомцемъ Борка, а во второй, не умѣя подчиниться тѣмъ же законамъ и взвѣшивать свои поступки на столь же строгихъ вѣсахъ, овладѣлъ партіею, которую благоразумно покинулъ его учитель. Послѣ десятилѣтнихъ трудовъ въ пользу умѣренной оппозиціи Роккингэма, Боркъ уступилъ мѣсто этому блестящему молодому повѣсъ, котораго пороки привлекали къ нему любовь безтолковаго народа, котораго остроты и интриги раздавались во всѣхъ гостиницахъ; который говорилъ какъ Алгернонъ-Сидней или Катонъ Древній, а жилъ какъ Герцогъ Рочестеръ или Силла:

готовый на все, страстный охотникъ биться объ закладъ, пить, играть, послѣ ночи, проведенной въ попойкѣ, спустивъ въ карты половину своего имѣнія, пресмѣникъ строгаго Борка являлся поутру въ Палатѣ, и волновалъ всѣ страсти, воспламеняя чувствительность однихъ, и ненависть, отвращеніе другихъ.

У Борка было слишкомъ много философій, религій, разсудительной совѣстливости, слишкомъ много важности и скромности, чтобы онъ сталъ оспаривать побѣду у такого человѣка, каковъ Фоксъ. Но онъ не вдругъ отдѣлился отъ воспитанника, который сдѣлался его начальникомъ: онъ даже помогалъ ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предложивъ между прочимъ знаменитый билль о дѣлахъ Индій, и тогда-то произнесъ онъ знаменитую рѣчь, превосходящійшій памятникъ повѣйшаго краснорѣчія.

«Какъ! вскричалъ Боркъ: мы считаемъ себя завоевателями Индій, и, вмѣсто того, чтобы, подобно Римлянамъ, побѣдами подвигать впередъ образованность и норядокъ, мы довольствуемся однимъ разрушеніемъ! Эта хищническая гордость, увлекающая насъ въ страны столь отдаленныя, позаботилась ли по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы исправить вредъ, ею самой причиненный, или по крайней мѣрѣ воздвигнуть великолѣпные памятники на землѣ, нами опустошенной? Гдѣ наши училища, наши церкви, наши дворцы, наши богадѣльни? Англія, владѣя Индією, не провела каналовъ, не построила мостовъ, не проложила большихъ дорогъ. Мы прошли по Индїи не какъ рѣка, оплодотворяющая землю, но какъ бѣшеный тигръ или слонъ, истребляющій на пути своемъ все встрѣчающееся. Если когда нибудь судьба отниметъ у насъ эти владѣнія,

памятникомъ нашего владычества останутся тамъ одни только опустошенія!»

Всякой разъ, когда Боркъ говорилъ объ Индіи, онъ возвышался до самаго удивительнаго краснорѣчія, какъ-будто находя новый источникъ вдохновенія въ странныхъ нравахъ этой отдаленной земли, жгучемъ ея солнцѣ, въ уродливомъ великолѣпіи ея богослуженія. Въ воображеніи его было нѣчто восточное; могущество его происходило изъ смѣси разсужденія сжатаго, увлекательнаго, сѣвернаго, діалектики сильной и строгой, и поэзіи, которую, казалось, разцвѣчивали лучи Азіятскаго неба. Всѣ эти качества соединены и перемѣшаны въ рѣчахъ его противъ Гастингса, Индійскаго Генералъ-Губернатора, единственномъ памятникѣ вѣтѣйства нынѣшней Европы, который можно противопоставить рѣчамъ Цицерона противъ Верреса. Процессъ Гастингса продолжался десять лѣтъ, и обвиненный обязанъ своимъ оправданіемъ одному только утомленію судей. Дѣло шло о землѣ величиною со всю Европу и о суммѣ равной Англійскому бюджету. Гастингсъ, родившійся въ низкомъ состояніи, въ бѣдности, бывшій сперва учителемъ иностранныхъ языковъ, и бравшій по нѣсколькучилинговъ за урокъ, достигъ постепенно до званія Индійскаго Генералъ-Губернатора. Его упрекали въ грабительствѣ, въ жестокихъ поступкахъ. Никогда обвиненіе не окружалось такою торжественностію. Первый ораторъ новѣйшихъ временъ поддерживалъ доносъ въ Вестминстерѣ, посреди всѣхъ усопшихъ великихъ мужей Великобританіи, подъ огромными и величественными сводами, и предъ лицомъ всего законодательнаго сословія. Боркъ девять дней читалъ рѣчь свою, и сужденіе о ней продолжалось десять лѣтъ.

Время, протекшее съ тѣхъ поръ, позволяетъ намъ нынѣ безпристрастно рассмотреть правоту или несправедливость обвиненій Борка. Какъ часто случается въ дѣлахъ человѣческихъ, онъ былъ правъ и неправъ; правъ, въ отношеніи къ нравственности вообще; неправъ, въ отношеніи къ особннымъ обстоятельствамъ, на которыя онъ опирался. Принужденный вести войну съ варварами, защищаться отъ народовъ дикихъ, употреблять, для поддержанія себя, туземцевъ, Варренъ-Гастингсъ прибѣгалъ къ оружію неспозволительному: онъ употреблялъ подкуны, грабительства, ужасъ, даже казни; политика его походила на обыкновенную восточную политику, — съ Индѣйцами онъ самъ сдѣлался раджею и Азіятскимъ деспотомъ. Взирая съ этой стороны, винить его трудно. Но если смотреть на него какъ на Христіанина, на Европейскаго правителя, то, конечно, многихъ дѣйствій его оправдать не возможно. Слѣдствіе его поведенія было то, что онъ укоренилъ въ Индіи Англійское владычество, и доставилъ Компаніи несметныя сокровища. Средства, имъ употребленныя, были средства политики тѣмъ болѣе кровавой и коварной, что онъ безпрерывно принужденъ былъ бороться съ владыками коварными и кровожадными.

Увы! въ дѣлахъ человѣческихъ царствуетъ логика ужасная и неизбѣжная. Захватеніе Индостана Англіею было величайшею несправедливостію: для удержанія его за собою, не возможно было употреблять средства справедливыя. Горсть протестантскихъ купцовъ овладѣла, посредствомъ хитрости, пространною землею, въ которой царствовалъ законъ магометанскій и браминское многобожіе; она воспользовалась нравственною и физическою слабостію туземцевъ, ихъ долговременнымъ угнетеніемъ, ихъ робостію и междоусобными расприями. Число завоевателей къ числу

завоеванныхъ содержалось какъ одинъ ко сту. Индѣйцы чувствовали непреодолимое отвращеніе къ сѣвернымъ людямъ, которые заграбили ихъ земли и обременили ихъ налогами; то было отвращеніе терпѣливое, страдательное, но существенное и непродолимое. Отъ этого противуестественнаго состоянія произошло все зло, все тиранство, всѣ несправедливости, противъ которыхъ такъ сильно возсталъ Боркъ; но, представляя ихъ въ такомъ трагическомъ видѣ, онъ не примѣчалъ въ Варренъ-Гастингсѣ несправедливаго и необходимаго орудія дѣла, по себѣ несправедливаго. Онъ забылъ, что Англіійскій народъ, осудивъ Гастингса, осудилъ бы самого себя; что виноваты во всемъ этомъ были не Гастингсъ или его подчиненные, но жадность, по корыстолюбію Остъ-Индской Компаніи, которыя побудили ее предпринять для горсти перцу завоеваніе страны, отдѣленной отъ нея столькими материками, столькими морями.

Все это, впрочемъ, не унижаетъ краснорѣчія Борка и его необыкновенныхъ дарованій, точно такъ же, какъ несправедливость Гиббона къ Христіанамъ не мѣшаетъ ему быть превосходнымъ историкомъ, а рѣчи Г. Шатобріана то за республику, то противъ республики и вся его неосновательность не отнимаютъ у него славы изобрѣтателя блистательнаго слога и начальника новой литературной школы. Въ государственномъ мужѣ, важный недостатокъ — восходить къ теоріямъ слишкомъ отвлеченнымъ и высокимъ, къ теоріямъ, разливающимъ туманность на всѣ предметы и неимѣющимъ прямаго примѣненія къ частнымъ случаямъ. Это несчастіе слишкомъ часто случалось и съ Г. Шатобріаномъ и съ Боркомъ, съ тою только разницею, что Г. Шатобріанъ безпрестанно мѣнялъ общія теоріи, и употреблялъ ихъ, чтобы доставить торжество минутнымъ страстямъ своимъ, а Боркъ, на-

противъ, обожая общія теоріи, всегда старался извлекъ для нихъ пользу для практической политики. Эта негибкость генія Борка вывела его по крайней мѣрѣ на степень безсмертнаго защитника монархій, религій и общественного порядка въ самое опасное для нихъ время, а страсти Г. Шатобріана вовлекли его въ важныя ошибки, заставляли непрерывно самому себѣ противорѣчить, и причинили бурю и разстройство правилъ въ тихую и благопріятную для нихъ эпоху.

Барренъ-Гастингсъ и Французская революція были для краснорѣчиваго Ирландскаго оратора ценными предметами добродѣтельныхъ проклятій, которыя неоднократно устрашали злонамѣренность. Французская революція, многими тогда одобряемая, явилась его уму въ настоящемъ своемъ видѣ, — разрушительною, исполненою тиранства, пренебрегающею прошедшимъ, не приготовляющею будущаго, смертоносною и варварскою. Съ какою силою, съ какимъ искусствомъ ораторская философія Борка отъбѣжала всѣ ея мрачныя и загадочныя черты! какъ могущественно убѣждала человечество въ необходимости вѣрованія! какъ умѣла зселить свои опасенія за общество даже въ тѣхъ, которые уже собирались низвергнуть его въ пропасть! Сколько плодovitыхъ мыслей, сколько свѣтлыхъ истинъ въ политическихъ твореніяхъ Борка, даже посреди браней и иперболъ, которыми они наполнены! Съ какою точностію предсказалъ онъ судьбу республики, которая, подобно старому Эзону, хотѣла помолодеть, терзая сама себя; общества, которое старалось возстановить себя, не имѣя основанія, и возобновить себя, отдѣлившись отъ прошедшаго! Какъ хорошо изображаетъ онъ Короля безъ власти, народъ безъ узды, ужасное и пагубное сумасбродство, столь жестоко наказанное!

Въ литературномъ отношеніи мы смѣло ставимъ Борка выше Французскаго писателя, о которомъ въ этой статьѣ говорили: даже въ самыхъ заблужденіяхъ, у него видна послѣдовательность, замѣтна добросовѣстность; онъ всегда согласенъ съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ. Глубокій метафизикъ, одаренный живымъ поэтическимъ инстинктомъ, чрезвычайною силою выраженія и яркостію колорита, онъ занимаетъ въ ряду Англійскихъ ораторовъ то же мѣсто, на которомъ стоитъ Демосѣенъ въ числѣ ораторовъ Греціи.

Надобно замѣтить, однако же, что у Борка и Шатобріана, такъ же какъ у Гиббона, наклонности и привычки литератора владычествовали надъ призваніемъ государственнаго мужа. Касательно умѣнія управлять важными выгодами, великими дѣлами общества, мы должны поставить выше всѣхъ этихъ ораторскихъ и поэтическихъ талантовъ, даже возсіявшихъ въ самой удивительной ихъ силѣ, какъ у Борка, или достигшихъ до самаго яркаго блеска пусто-словія, какъ у Шатобріана, — Чатамовъ и Питтовъ, которые имѣли сильное, рѣшительное вліяніе на пользы государства, и всегда подчиняли склонности литератора обязанностямъ дѣловаго человѣка.

О.

Quarterly Review. — Fraser's Magazine. — Revue Brit.

ПЛАВАНІЕ

ОКОЛО МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВАЗИЛЯ ГАМЛЯ.

=

Когда нашъ небольшой красивый корабликъ подходилъ къ знаменитому Мысу Доброй Надежды, я часто оставался на палубѣ послѣ вахты, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на созвѣздія, которыя были мнѣ извѣстны прежде только по однимъ названіямъ, и которыя съ трудомъ представлялъ я въ своемъ воображеніи. Разсматривая небесныя карты и небесныя глобусы, — такъ мы привыкли называть всѣ эти игрушки, — мы пріучаемся не вѣрять баснямъ о Кентаврѣ съ двумя блестящими звѣздами, о павлинѣ съ головою сіяющею какъ Алдебаранъ; объ огромномъ кораблѣ Арго, плавающемъ на южномъ полушаріи съ звѣздою, пламенеющею на одномъ изъ корабельныхъ шпильей. Конечно, здравый разсудокъ во многихъ случаяхъ повелѣвалъ намъ, принимать съ осторожностію эти огромныя соображенія, приведенныя въ земные виды. Формы сами по себѣ не значатъ ничего. Вся номенклатура звѣздъ придумана только для практики, которую первые мореплаватели любили прикрывать завѣсою тайны. Никто не ожидаетъ увидѣть въ небесахъ фигуры Кентавра, корабля или павлина. Несмотря на то, мы чувствуемъ однако жъ какое-то любопытство взглянуть на эти группы звѣздъ, отъ

которыхъ разыгралось пылкое воображеніе первыхъ наблюдателей. Хотя только весьма малое число группъ можетъ быть замѣчено, но мысль наша легко предается пріятному обману. Каждую ночь, когда эти группы подымались на горизонтъ, переходили мѣридианъ, и погружались въ западное море, мы болѣе и болѣе представляли ихъ себѣ подъ условными формами гндръ, горлицъ, птицъ, фениксовъ и летающихъ рыбъ, не забывая огромнаго южнаго кита, котораго гордое око съ трудомъ можетъ быть замѣчено Европейскими астрономами, потому что самое большое его возвышеніе не превосходитъ 10 градусовъ.

Но изъ всѣхъ антарктическихъ созвѣздій, знаменитый южный крестъ долженъ всегда привлекать вниманіе мореходца. Я думаю, онъ поразилъ бы и того, кто бы никогда не слыхалъ о Христіанской Религіи. Три большія звѣзды, образующія этотъ крестъ, одна вверху, другая на лѣвой сторонѣ, и важнѣйшая изъ всѣхъ, называемая *альфою*, находящаяся внизу, расположены такимъ образомъ, что представляютъ совершенно видъ распятія, даже безъ пособія четвертой небольшою звѣзды, дополняющей горизонтальную линію. Когда созвѣздіе это находится на меридианѣ, онъ представляется глазамъ почти совершенно прямо; при закатѣ кажется склоняющимся къ западу. Я не увѣренъ, бываетъ ли оно примѣтнѣе въ это время или тогда, когда подымается на востокъ: утверждаю только, что во всякомъ положеніи оно величественно, и способно унести мысли наши къ небесамъ. Не знаю, какое дѣйствіе производитъ оно надъ другими: что касается до меня, то скажу утвердительно, что въ числѣ многихъ ночей, проведенныхъ въ разсматриваніи южнаго креста, не могу припомнить двухъ случаевъ, въ которыхъ бы видъ его поражалъ меня одинаково, и ни одного, когда бы не

ощущалъ я впечатлѣнія совершенно новаго и всегда сильнѣйшаго, нежели прежнія.

Созвѣздіе это, имѣя 50 градусовъ возвышенія надъ южнымъ полюсомъ, бываетъ видимо во все время своего обращенія. Слѣдовательно, находясь на высотѣ Мыса, я могъ наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, начиная съ того, когда, будучи прямо, оно великолѣпно сіяетъ надъ горизонтомъ между 60-ти и 70-ти градусами, до самой той точки, когда, достигая полнаго своего обращенія, склоняется вершиною къ морю. Последнее положеніе, сказать мимоходомъ, напоминало мнѣ всегда смерть Апостола Петра, который былъ распятъ головою къ низу. Словомъ, я ручаюсь, что нѣтъ человека столь нечувствительнаго, который бы, наблюдая это пышное созвѣздіе въ различныхъ его видахъ, не былъ пораженъ имъ болѣе или менѣе.

Но это напоминаетъ мнѣ одно весьма тягостное чувство, испытываемое нами среди удовольствія путешествовать по отдаленнымъ странамъ: я говорю о томъ уныніи, которое овладѣваетъ душою, когда мы видимъ невозможность не только перелить, хоть писемъ, впечатлѣнія наши въ сердце отдаленнаго друга, но даже не въ состояніи дать ему малѣйшее понятіе о нашихъ наслажденіяхъ. Въ обыкновенной жизни не имѣемъ мы вѣсовъ, на которыхъ бы можно было взвѣсить ощущенія столь мягкія и, такъ сказать, воздушныя, измѣняющіяся каждую ночь и почти каждую минуту, подобно первымъ лучамъ зари, такъ, что ни какое ихъ описаніе не можетъ казаться намъ удовлетворительнымъ: я боюсь, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, должны мы довольствоваться чувствомъ личнаго упоенія, и отказаться отъ пріятности раздѣлять его съ другими.

Маія 28-го встрѣтили мы пакетботъ, плывшій изъ Англіи въ Бразилію, и вышедшій въ море цѣлымъ мѣсяцомъ позже насъ. У нихъ не было ни журналовъ, ни газетъ, ни реляцій о дѣйствіяхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Лейтенанту пакетбота были совершенно неизвѣстны занимательнѣйшія происшествія той эпохи (1812 года). Въ отвѣтъ на наши вопросы, онъ утверждалъ, что все оставалось точно въ томъ же положеніи, какъ и въ то время, когда мы покинули берега Англіи. Капитанъ былъ боленъ и лежалъ въ своей каютѣ, и намъ нельзя было поговорить съ нимъ. Лейтенантъ, допрашиваемый и мучимый нами, наконецъ признался откровенно, что даже въ Англіи не имѣлъ онъ времени прочесть журналы; что онъ предоставляетъ заниматься дѣлами политическими тѣмъ, которые были обязаны къ тому долгомъ, и что съ него довольно и тѣхъ хлопотъ, которые имѣлъ онъ по своему пакетботу.

«Смѣю сказать,» прибавилъ этотъ чужакъ съ веселостью, столь противоположною грубой его наружностію: «смѣю сказать, что вся эта исторія о Бонапартѣ и Русскихъ закупорена у меня въ этихъ мѣшкахъ.» Онъ показалъ на чемоданы съ письмами. «И когда отдамъ ихъ въ цѣлости, какъ надѣюсь, въ Рио-Жанейро, то врядъ-ли можно будетъ сказать, что я не привезъ ни какихъ новостей.»

Іюня 8-го оставили мы Каптонскіе корабли, нагруженные чаемъ, которые конвоировали. Увы, сколько вкусныхъ обѣдовъ теряли мы при этой разлукѣ! Мы направляли путь свой лѣвѣе, на востокъ, къ Мысу Доброй Надежды, а они пошли прямо къ югу, стараясь застать еще южные вѣтры.

Я помню, что на слѣдующій день, при первыхъ лу-

чахъ зарп, во время утренней вахты, могъ я съ трудомъ различить въ отдаленіи Флотъ съ его мачтами, рисовавшимися на горизонтъ. На моръ не было ни тумана, ни качки; свѣжій утренній воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Темно-голубой цвѣтъ горизонта казался почти чернымъ въ сравненіи съ лазуревымъ сребристымъ покровомъ неба, и обозначался рѣзко на подобіе металлической жилы въ какой-нибудь рудоконнѣ. Обративъ зрительную трубу на отдаленныя суда, мы могли видѣть не только ихъ паруса и ихъ мачты, но даже нѣкоторыя изъ снастей. Когда солнце, достигнувъ одного или двухъ градусовъ высоты, разсыпало блестящіе золотые лучи свои на бѣлое полотно, то всѣ предметы сдѣлались до того ясны, что, казалось, можно было различить самыя швы парусовъ. Не думаю, чтобъ какая-нибудь другая картина могла сравниться съ восхожденіемъ солнца на моръ, и разлить въ душъ нашей чудное довѣріе къ настоящему, и сладкую надежду на грядущее; по крайней мѣрѣ я, ни въ какія минуты дня, не ощущалъ того, что происходило въ душѣ моей при видѣ восходящаго солнца.

Когда намъ пришлось разстаться съ кораблями, которые мы прикрывали, нельзя было не вспомнить, что въ послѣднихъ взглядахъ, бросаемыхъ на какой-нибудь предметъ, есть всегда что-то грустное. Если чувство сожалѣнія скрывается на днѣ чаши прощанія, оно, будьте увѣрены, всплыветъ непременно, и часто одна лишняя капля переполняетъ цѣлый сосудъ. Въ эту минуту мы не могли однако жъ упрекать себя ни въ чемъ, развѣ въ нѣкоторыхъ ругательствахъ, которыми иногда надѣляли нашихъ тяжелыхъ друзей за медленность ихъ хода, и то въ такомъ только случаѣ, когда бывали принуждены, при хорошемъ вѣтрѣ, убавлять паруса, чтобъ идти вмѣстѣ съ ними. Легкій

фрегатъ, плывущій вмѣстѣ съ тяжелыми судами; олицетворяетъ для меня басню о скучномъ путешествіи зайца въ обществѣ воловъ.

Веселые наши спутники, летучія рыбы, кружившіяся около насъ въ жаркомъ поясѣ, отказались слѣдовать за нами за тропикъ. Единственные путешественники, встрѣчаемые нами въ послѣдствіи, были тяжелые киты и бѣлыя морскія свиньи. Но мы видѣли множество птицъ, особенно пингвиновъ. Капитанъ нашъ, искусный стрѣлокъ, убилъ одного, у котораго ширина распростертыхъ крыльевъ составляла не менѣе семи футовъ. Я часто видѣлъ пингвиновъ, у которыхъ эта ширина простиралась до двѣнадцати, и слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что она бываетъ и въ шестнадцать футовъ.

Юня 22 были мы въ виду возвышенныхъ сѣверныхъ береговъ полуострова, образующаго Мысъ Доброй Надежды, гдѣ находится знаменитая Столовая Гора. Она дѣйствительно имѣетъ видъ, соотвѣтствующій ея названію; но высота ея, какъ и вообще высота всѣхъ величайшихъ горъ, слишкомъ преувеличена во всѣхъ описаніяхъ, которыя мы имѣемъ. Въ продолженіе цѣлаго дня тихая погода препятствовала намъ противиться теченію, и хотя къ вечеру вѣтеръ сталъ крѣпчать, но было уже слишкомъ поздно, чтобъ намъ воспользоваться. На другой день мы обогнули Мысъ; но вѣтеръ, смѣшенный съ дождемъ, дулъ съ такою силою отъ сѣвера, и море было такъ бурно, что намъ стоило большаго труда держаться: мы не могли даже подумать, чтобы стать на якорь. На слѣдующій день вѣтеръ стихъ, небо прояснилось, мы дошли почти до залива Св. Симона, и въ безопасной бухтѣ засталъ насъ штиль; но гребныя суда военныхъ кораблей скоро выбуксировали насъ въ открытое море.

Въ продолженіе зимы этого полушарія, соотвѣтствующей нашему лѣту, единственный пріютъ для кораблей есть заливъ Св. Симона, образующій Мысъ съ южной стороны полуострова. Столовая бухта, называемая такимъ образомъ стъ горы того же имени, висящей почти надъ нею, не безопасна въ зимнее время, потому, что сѣверо-западные вѣтры дуютъ въ нее со всею силою, и весьма часто прибываетъ къ берегамъ суда, имѣющія неосторожность бросить тамъ якорь.

Я очень хорошо помню ту минуту, когда выскочилъ изъ лодки, чтобъ ступить на Африканскій берегъ. Я не стану описывать поэтическихъ ощущеній, вспыхнувшихъ тогда въ душѣ моей, потому что вмѣстѣ съ ними припоминаю также сильное безпокойство, овладѣвшее мною и моими товарищами на счетъ нашего бѣлья, которое въ двухъ большихъ связкахъ было перенесено изъ лодки и отдано прачкѣ. Клянусь честію, я не могу отдѣлить высокихъ впечатлѣній тамошней Природы отъ презрѣнной заботы о рубашкахъ нашихъ матросовъ. Соединеніе этихъ противоположностей такъ обыкновенно въ путешествіяхъ, что большая поэзія поглощается ими: ежели я хочу остановиться на ощущеніяхъ, которыя возбудилъ во мнѣ первый видъ Мыса, этого уголка Земли, такъ глубоко вѣзаннаго въ воображеніе всѣхъ моряковъ, въ ту же минуту приходятъ мнѣ на мысль скучные споры съ прачками Сеймонсъ-Тоупа о цѣнѣ за мытье нашихъ рубашекъ. Тогда прекрасное и высокое сливается съ пошлымъ и обыкновеннымъ, — и вотъ почему я не стану теперь описывать Мыса Дѣброй Надежды. Посѣтивъ его въ послѣдствіи еще три раза въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, я найду еще случай поговорить о немъ въ подробности.

Третье число Іюля было назначено къ выходу въ море; но вѣтеръ, сначала слабый, скоро совершенно стихъ. Это воспрепятствовало намъ вступить подъ паруса, и только 5-го числа пошли мы противъ довольно сильнаго юго-восточнаго вѣтра.

Западное теченіе, господствующее около Мыса во всѣ времена года, становится иногда такъ быстро, что заставляетъ корабли совращаться съ своего пути. Оно образуетъ широкую отмель со стороны Игольнаго Мыса, и очевидно происходитъ отъ пассатныхъ вѣтровъ, дуящихъ изъ Индѣйскаго Океана.

Въ продолженіе трехъ дней были мы преслѣдуемы то южными вѣтрами, то штилями. Но 8-го Іюля, во время самой глубокой зимы, подулъ крѣпкій сѣверозападный вѣтеръ, и мы уже не уклонились отъ нашего пути, дѣлая по 240 миль въ сутки.

Ничего не можетъ быть занимательнѣе перваго дуновенія такого вѣтра. Море бываетъ гладко, и корабль кажется летящимъ по его поверхности. Мачты брссаются впередъ и какъ-будто хотятъ упасть на корабельный носъ, между-тѣмъ какъ рен трещать и гнуться, даже иногда ломаются, ежели не обратятъ на нихъ вниманія.

При первомъ вѣтрѣ и до тѣхъ поръ, пока море еще гладко, можно цѣсти удивительное множество парусовъ. Но мало-по-малу осторожность заставляетъ уменьшать ихъ число. Тогда корабль одушевляется новою жизнью, — жизнью опасности. Шкиперъ опытнымъ взоромъ наблюдаетъ за снастями. Плотникъ готовится къ исполненію приказаній. Констальпель, предвидя сильную боковую качку, осматриваетъ, хорошо ли укрѣплена артиллерія. Всѣ другіе низшіе служители, каждый на своемъ мѣстѣ, въ ожи-

даніи шквала, приготовляются встрѣтить его. Матросъ, приставленный къ каютѣ, проситъ спустить къ нему поболье крючьевъ и планокъ, и, получивъ веревки, принимается привязывать стулья и столы. Матросскія ружья прикрѣпляются къ пирамидамъ. Для нижнихъ реевъ приготовляются покъ-тали, и констанпель, въ сопровожденіи мичмана, осматриваетъ еще разъ артиллерію. Всѣ эти предосторожности, и множество другихъ, принимаются съ такимъ порядкомъ, что пассажиры врядъ-ли могутъ ихъ примѣтить. Можно подумать, что каждый изъ служащихъ на корабль, боясь выказать тайныя свои опасенія, рѣшился сдѣлать все, чтобы шквалъ не застигъ его върасплохъ.

Но изъ всѣхъ предвозвѣстниковъ грозной погоды, ни одинъ не поражаетъ такъ страшно, какъ безпокойный взоръ капитана, безпрестанно обращающійся къ той сторонѣ, откуда дуетъ вѣтеръ. Кажется, будто глазъ его хочетъ проникнуть въ густыя, черныя облака, и угадать, сколько времени можетъ онъ еще съ безопасностію держать паруса. Время отъ времени, отторгаетъ онъ взоръ свой отъ вѣтра, чтобъ посмотреть на скрѣпленія сгибающихся стеньгъ, и видится съ прискорбіемъ, что надувшіеся паруса рвутся и отдѣляются отъ реевъ. Можетъ-быть, въ эту минуту пробуетъ онъ рукою какую-нибудь веревку, натянутую какъ струна на арфѣ, и говоритъ самъ себѣ: «Держись крѣпче, добрая веревка!» Можетъ-быть, идетъ уже въ сороковой разъ посмотреть на барометръ, чувствуя, въ душѣ своей, что ртуть слишкомъ быстро упадетъ. Возвращаясь на палубу, онъ еще заглянулъ въ Горсбурговы «Общія наблюденія о погодѣ и вѣтрахъ,» и почти убѣдился, что должно убавить паруса прежде, чѣмъ корабль подвергнется какой-нибудь опасности.

Ступивъ на палубу, онъ находитъ, что въ продолженіе немногихъ минутъ, проведенныхъ имъ внизу, вѣтеръ сильно скрѣпчалъ. Онъ наконецъ почувствовалъ необходимость убрать паруса, пока это еще возможно, и пока «небо не унесло ихъ», какъ говорятъ моряки. И въ самомъ дѣлѣ, если эта мѣра хотя нѣсколько замедлится, не только паруса и реи, но и самыя мачты будутъ внезапно вырваны, и, кружась въ воздухѣ, унесутся какъ туманная масса.

Экинажъ, который задолго до команды капитана чувствуетъ необходимость убавить паруса, собирается группами въ разныхъ мѣстахъ палубы; каждый изъ матросовъ разговариваетъ тихо съ своимъ соседомъ, поглядывая съ беспокойствомъ на небо, и трепеща при каждомъ новомъ трескѣ мачтъ и реевъ.

— Хорошо! снасти славно затрепали! говоритъ одинъ дѣлая удареніе на послѣднее слово.

— Да, отвѣчаетъ другой, тѣмъ же топомъ: и если капитанъ не остережется, то и корабль въ свою очередь затрепцить не хуже.

— Полно, ребята! возражаетъ старый матросъ постѣдвшій на южныхъ моряхъ: мнѣ знакомы эти шквалы; они въ минуту стихаютъ. Вотъ, какъ мы будемъ на высотѣ Игольнаго Мыса, то капитанъ не станетъ нести столько парусовъ: онъ знаетъ эти моря!

Въ эту минуту капитанъ, который не хотѣлъ потерять даромъ ни одной секунды, какъ бы съ сожалѣніемъ возвышаетъ наконецъ свой голосъ, и командуетъ: «Пошелъ всѣ наверхъ! — Марсовые по марсамъ!» Внезапное единоженное движеніе матросовъ, ихъ головы, торчащія со всѣхъ сторонъ, между снас-

тей и веревокъ, мгновенное прекращеніе ихъ споровъ о вѣтрѣ, — все доказываетъ, что они были уже готовы къ командѣ капитана, и только ея дожидались.

— Марсовыя по марсамъ! командуетъ въ свою очередь вахтенный офицеръ громче обыкновеннаго, для того, чтобы дать почувствовать экипажу необходимость поспѣшности. Опытный морякъ, занимающій свою должность, умѣетъ въ короткое время приучить своихъ подчиненныхъ понимать малѣйшія измѣненія его голоса, хотя для постороннихъ они вовсе не замѣтны.

— Марсовыя по марсамъ! Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, — бормочетъ про себя старый матросъ, пересѣгая на бакъ, и бросая испытующіе взгляды на густыя, черныя тучи, несущіяся съ сѣверо-востока: онъ поглядываетъ также на верхніе паруса, надувшіеся отъ вѣтра, и, кажется, выжидаетъ минуты, въ которую они оторвутся отъ реевъ.

— Точно такъ же легко сдѣлать, какъ сказать, возражаетъ неожиданно капитанъ: идучи мимо, онъ услышалъ замѣчаніе стараго матроса. Тебѣ, старикъ, а этимъ молодцамъ это будетъ не трудно, ежели вы только захотите... Ну, ребята!.. сюда!.. готовы ли вы?

Весьма трудно убирать паруса, ежели команда капитана раздается въ ту минуту, когда вѣтеръ дуетъ со всею силою. Въ обыкновенную погоду достаточно для этого нѣсколькихъ матросовъ, но въ штурмъ совсѣмъ другое дѣло: если марса-шкоты будутъ отданы не довольно осторожно, корабль можетъ потерять и реи и стеньги.

Вообще минута, слѣдующая за командою — «Мар-

совые по марсамъ —» бываетъ всегда минутою испытанія для вахтеннаго офицера. Если онъ искусный морякъ, если независимо отъ увѣренности, которую даетъ привычка, онъ обладаетъ еще положительными свѣдѣніями своего званія, то будетъ весьма радъ случаю примѣнить теоретическія свои познанія къ практикѣ. Такой офицеръ не растеряется при самомъ ужаснѣйшемъ инкваль: напротивъ, онъ станетъ равнодушно выжидать сильнѣйшихъ его порывовъ, ибо увѣренъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ все средства противиться ему безъ малѣйшаго вреда для корабля. Я часто видалъ молодыхъ офицеровъ, управлявшихъ парусами съ совершенною свободой, тогда какъ старыя моряки не знали, какимъ образомъ справиться съ вѣтромъ и вышутаться изъ хлопотъ, въ которыя вовлекло ихъ отсутствіе духа и незнаніе дѣла. Иногда офицеръ бываетъ въ состояніи распорядиться приготовленіями къ убранію парусовъ по всемъ правиламъ Гамильтона-Мура, нѣ едва раздастся роковое слово — «Марсовыя по марсамъ!» — все пойдетъ какъ нельзя хуже. Рен ломаются пополамъ отъ слишкомъ ранняго отданія веревокъ, и бѣдный форъ-брамсель упадетъ какъ птица, тогда какъ ундеръ-ансель обвивается около мачты подобно мокрому покрывалу.

— Что теперь дѣлать?.. шепчетъ про себя бѣдный вахтенный офицеръ, выбившійся изъ силъ. Онъ видитъ сумятицу, происшедшую отъ его незнанія, и старается отвратить безпорядокъ, но, растерявшись, только болѣе его увеличиваетъ. Если въ эту минуту прійдетъ на палубу капитанъ, свѣдущій въ своемъ искусствѣ, то онъ оставитъ бѣднаго молодого человѣка вышутаться изъ бѣды, какъ тотъ сумѣетъ, предпочтя лучше потерять кусокъ холста, чѣмъ подвергнуть одного изъ своихъ офицеровъ униженію передать должность свою другому. Отъ подобнаго снис-

хожденія служба потерпитъ гораздо менѣе, даже при утратѣ какихъ-нибудь запасныхъ матеріаловъ, чѣмъ отъ неумѣстной строгости, влекущей за собою большой нравственный вредъ, — обнаруженіе въ глазахъ подчиненныхъ невѣжества ихъ офицера.

Иногда случается, что капитанъ, подойдя какъ-бы непарочно къ офицеру, шепнетъ ему на ухо пару тѣхъ магическихъ словъ, которыя даютъ надлежащій ходъ всѣмъ маневрамъ, распутываютъ веревки, убираютъ паруса и реи, и приводятъ все въ порядокъ. Если и этотъ опытъ не удастся, то капитанъ призываетъ экипажъ. Въ подобныхъ случаяхъ, самъ капитанъ, или чаще старшій лейтенантъ, беретъ рунеръ; матросы, услышавъ начальническую команду, къ которой они привыкли — летятъ на реи, разнимаются веревки, которыя еще недавно казались перепутанными до невозможности, грозившая опасность отклоняется, всѣ снасти приходятъ въ надлежащій ихъ видъ.

— Теперь позовите вахтеннаго офицера! говоритъ капитанъ, и молодой пристыженный мичманъ снова занимаетъ свое мѣсто на палубѣ. Я не считаю нужнымъ замѣтить, что каждый молодой человекъ, одаренный умомъ и самолюбіемъ, скорѣе бы согласился истереть пальцы свои до костей, перелистывая теоретическія книги, чѣмъ подвергнуться подобному стыду. Но кто изъ насъ можетъ поручиться, что избѣжитъ такихъ испытаній, когда мы всѣ по большей части вступаемъ въ званіе моряка съ весьма малою долею опытности, а иногда и вовсе ея не имѣемъ?

Если бъ я былъ вдругъ назначенъ командиромъ корабля въ Греческомъ Архипелагѣ съ повѣльіемъ идти въ Смирну или возвратится въ Мальту, то самого меня много затруднилъ бы путь, котораго бы долженъ

я былъ держаться, чтобъ воспользоваться вѣтрами и теченіями. Въ этомъ случаѣ я былъ бы такъ же несвѣдущъ, какъ тогда, когда бъ свои познанія въ Навигациіи пріобрѣлъ я, плавая въ продолженіе тридцати лѣтъ, по моему деревенскому пруду, на которомъ начались первыя мои путешествія. Но и тотъ пзъ моихъ офицеровъ, который, зная хорошо Левантскую навигацію, сталъ бы втайнѣ подшучивать надъ своимъ новымъ капитаномъ, тотъ самый вѣроятно потерялъ бы охоту смѣяться надъ другими, еслибъ корабль нашъ находился въ Проливѣ Сингапурскомъ, или если бъ я далъ ему приказаніе вести его въ Пуло-Пенангъ чрезъ Малакскій Проливъ или возвратится въ Китайское Море.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ

сыровъ, извѣстныхъ у насъ вообще подъ названіемъ
Швейцарскаго и Пармезана.

==

Прежде думали, да и доселѣ многіе остаются при томъ же мнѣніи, что доброта и отличныя свойства нѣкоторыхъ сыровъ зависятъ не столько отъ способа ихъ приготовленія, сколько отъ вліянія мѣстныхъ обстоятельствъ. Къ распространенію этого предразсудка, можетъ быть, не мало способствовали увѣренія нѣкоторыхъ сырныхъ заводчиковъ, утверждающихъ, вѣроятно изъ своскорыстныхъ видовъ, будто-бы готовить сыръ очень трудно, и что это искусство требуетъ большаго навыка; ибо, по словамъ ихъ, для полученія всегда одинакаго достоинства сыра, работникъ долженъ непремѣнно измѣнять свои пріемы, какъ при заквашиваніи молока, такъ и дальнѣйшемъ обработываніи творога, соображаясь съ временемъ года, погодою и кормомъ, которымъ довольствуется скоть. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ они круглый годъ готовятъ сыръ однимъ и тѣмъ же образомъ, и все искусство ихъ главнѣйше состоитъ въ умѣніи класть въ молоко закваску при надлежащей степени теплоты, и потомъ, въ подогрѣваніи его въ надлежащей мѣрѣ. Да и можетъ ли работникъ измѣнять свои пріемы сообразно корму, дававшему скотинѣ, когда онъ большею частію вовсе не знаетъ коровъ, молоко которыхъ дано ему для приготовленія сыра: однѣ изъ нихъ пасутся на естественныхъ или искусственныхъ лугахъ, другія содержатся въ хлѣвахъ; но и луга и содержаніе на стойлѣ не вездѣ и не всегда одинаковы. Сверхъ того работники, занимающіеся выдѣлкою сыра, бываютъ большею частію люди безъ всякаго образованія, слѣпо придерживающіеся показаннаго имъ однажды способа, и совершенно увѣренные, что, обрабатывая молоко всегда однимъ и тѣмъ же способомъ, они всегда получаютъ одинаковый сыръ. Имъ почти неизвѣстно употребленіе термометра, прибора столь важнаго во всѣхъ производствахъ работъ, основанныхъ на дѣйствіи теплорода. Изъ всѣхъ сихъ соображеній можно,

кажется, утвердительно заключить, что повсюду, гдѣ только разведены улучшенныя породы рогатаго скота, и гдѣ вообще на скотоводство обращаютъ должное вниманіе, можно дѣлать точно такіе же сыры, или по крайней мѣрѣ, почти такіе же сыры, каковы напр. Пармезанъ, Швейцарскій, Голландскій и другіе, наиболѣе уважаемые гастрономами. Разумѣется, первые опыты могутъ быть неудачны, но въ послѣдствіи опытность и навыкъ укажутъ такіе приемы и подробности, которыхъ нельзя найти и въ самомъ лучшемъ описаніи любого производства. Это мнѣніе достаточно подтверждается и самыми событіями, такъ напр.: известно, что въ долинахъ горъ Савойскихъ, Юры и Вогезскихъ дѣлаютъ сыръ наподобіе Швейцарскаго, называемаго Грюйеръ, который прежде приготавлился исключительно на Альпахъ. Во Франціи и Германіи также научились дѣлать сыръ, который очень трудно отличить отъ привозимаго изъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи. И такъ опытами доказано, кажется, что, придерживаясь одного и того же способа приготавливанія, въ разныхъ странахъ и климатахъ можно получать сыръ почти одинаковый, лишь бы только почва и мѣстные обстоятельства благопріятствовали содержанію улучшенныхъ породъ скота. Впрочемъ, хоть бы такія опыты и не вездѣ были совершенно удачны, все-таки введеніе известнѣйшихъ, усовершенствованныхъ способовъ приготавливанія сыра, можетъ принести сельскимъ хозяевамъ значительную выгоду, а особливо въ Россіи, гдѣ, не взирая на несомнѣнныя выгоды плодопрямѣнной системы, она не введена еще и доселѣ во всеобщее употребленіе, отчасти потому, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, что сельскіе хозяева не имѣютъ у себя достаточнаго количества скота; обширнымъ же скотоводствомъ не занимаются они отъ того, что не умѣютъ еще вполне пользоваться всеми выгодами этой отрасли сельской промышленности. Если бѣ наши Гг. помѣщики были обезпечены въ хорошемъ сбытѣ сыра, масла, солонины, кожъ, роговъ, копытъ, костей и т. д., что при известной попечительности о народномъ благѣ нашего Правительства, съ небольшими съ ихъ стороны стараніями, весьма возможно, тогда бы всѣ издержки ихъ на содержаніе и улучшеніе скота съ излишкомъ бы окупились,

а неоцѣненная выгода, получаемая отъ скота въ земледѣльствѣ, пришла бы имъ совершенно даромъ.

Дабы ознакомить Русскихъ хозяевъ съ одною изъ главнѣйшихъ выгодъ, получаемыхъ отъ скотоводства въ другихъ земляхъ, было уже сообщено, въ 5-й книжкѣ Библиотеки для Читанія, описаніе скотоводства и способа приготовленія сыра въ Голландіи. Нынѣ съ тою же цѣлію сообщаемъ къ свѣдѣнію нашихъ читателей способы приготовленія сыровъ въ Ломбардіи и на Альпахъ, на горѣ Цепинъ, извлеченные нами изъ сочиненій о семъ предметѣ Бонафу и Бюргера, лично наблюдавшихъ на мѣстѣ всѣ подробности этого производства во время ихъ путешествій: перваго по Альпійскимъ горамъ, а другаго по Верхней Италіи.

О приготовленіи сыра въ Ломбардіи. Этимъ промысломъ занимаются въ Ломбардіи преимущественно жители Миланской, Лодиской и Павійской областей; замѣчательно однако жъ, что рогатый скотъ, отъ котораго получается молоко для приготовленія сыра, пригоняется большею частію изъ Швейцаріи, которая отъ этой торговли получаетъ значительную прибыль, такъ, что ежегодный пригонъ рогатаго скота въ Верхнюю Италію простирается до 40,000 голсвъ. Это вѣроятно происходитъ отъ того, что многіе сельскіе хозяева продолжаютъ еще упорствовать въ старомъ предразсудкѣ, будто бы однѣ только коровы, пригоняемыя прямо изъ Швейцаріи, даютъ молоко, годное для дѣланія хорошаго сыра. Между тѣмъ уже многими, самыми убѣдительными опытами доказано, что въ Ломбардіи молоко туземныхъ коровъ, улучшенныхъ Швейцарскою и Тирольскою породами, ничѣмъ не хуже получаемого отъ чистыхъ Швейцарскихъ.

Количество молока, получаемого отъ каждой коровы, главнѣйше зависитъ отъ качества корма. Часто попадаютъ между ними такія, которыя при хорошемъ кормѣ, въ теченіе 4 или 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, даютъ ежедневно отъ 28 до 50 бутылокъ молока — круглымъ же числомъ можно считать отъ каждой коровы по 10 бутылокъ на день. Большая часть молока идетъ на дѣланіе сыра, и обыкновенно полагается, что изъ 100 фунтовъ молока, выходитъ до $8\frac{1}{3}$ фунтовъ сыра и отъ $2\frac{1}{4}$ до 5 фунтовъ масла.

Сыръ, приготовляемый нынѣ въ большомъ количествѣ въ сказанныхъ выше областяхъ, извѣстенъ въ Италіи и за границами оной подъ именемъ Пармезана. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ сыровъ, какъ по своему пріятному вкусу, такъ и потому, что долѣе прочихъ сохраняется отъ гнилаго запаха и прогорѣлаго вкуса, которые принимаетъ со временемъ большая часть сыровъ.

Ломбардскій способъ приготовленія сыра состоитъ въ слѣдующемъ: коровъ доятъ дважды въ день, въ первый разъ на разсвѣтъ и даже раньше (лѣтомъ часа въ два или три), а въ другой, вечеромъ около пяти часовъ. Чѣмъ долѣе стоитъ утренній удой, тѣмъ болѣе снимается съ него сливокъ, изъ которыхъ и пачается масло. Молоко отстаивается въ широкихъ плошкахъ, мѣрою отъ 9 до 10 бутылокъ, въ прохладномъ мѣстѣ.

Смѣшавъ вмѣстѣ снятое утреннее молоко и цѣльное вечернее, приступаютъ къ дѣланію сыра, въ Июнѣ около 8 часовъ утра. Для сего выливаютъ оба удои въ чистый котелъ, и нагреваютъ молоко до 22 и даже до 25 градусоу Реом. Въ подогрѣтое, такимъ образомъ, молоко опускаютъ кусокъ закваски, по пропорціи, ниже сего показанной.

Закваска (сычужокъ) готовится изъ телячьяго желудка вмѣстѣ съ свернувшимся въ немъ молокомъ. Для сего желудокъ сушатъ на солнцѣ или на огнѣ, потомъ, изрѣзавъ въ куски, посыпаютъ нѣсколько солью, для предохраненія отъ порчи, кладутъ въ особый сосудъ, закрываютъ его плотно крышкою, и хранятъ для употребленія. Хотя приготовленный, такимъ образомъ, телячій желудокъ служить наилучшею закваскою для молока, однако жъ многіе хозяева сырныхъ заводовъ, желая ускорить створоженіе, прибавляютъ въ него нѣсколько укуса, или на каждый фунтъ закваски берутъ еще около 7 золотниковъ тертаго стараго Пармезанскаго сыра и около 4 золотниковъ мслако истолченнаго перца. Обыкновенно на 180 бутылокъ молока полагается отъ 4½ до 5 лотовъ свѣжей, хорошо приготовленной закваски; впрочемъ это количество измѣняется, судя по тому, скоро или медленно молоко окисаетъ, что иногда зависитъ отъ времени года, теплоты воздуха и электрическаго состоянія атмосферы.

Подогрѣвъ молоко, какъ выше сказано до 22° — 25° (или ниже, если молоко скоро свертывается), опускаютъ въ нее кусокъ закваски, завернутый въ тонкую тряпцу и мнутъ его между пальцами до тѣхъ поръ, пока большая часть онаго распустится. Въ то же время другой работникъ непрерывно мѣшаетъ молоко большимъ половникомъ или лопатою. Потомъ котелъ закрывается деревяннымъ кружкомъ, и огонь подъ нимъ немедленно гасится. Черезъ часъ или три четверти часа, когда молоко совершенно свернется, снова раскладываютъ подъ котломъ сильный огонь, чтобы молоко подогрѣлось какъ можно скорѣе — для чего обыкновенно употребляютъ сухія топочныя дрова. Между тѣмъ работникъ безпрестанно мѣшаетъ жидкость большою мутовкою и разбиваетъ образовавшіеся въ ней комья творога. Какъ скоро вся масса достаточно размѣшается, прибавляютъ въ нее немного мелко истертаго сухаго шафрана (на 50 фунтовъ молока полагается 1 гранъ шафрана). Спустя $\frac{1}{4}$ часа послѣ того, какъ первыя дрова сгорятъ, разводятъ огонь въ другой разъ такъ, чтобы сильное пламя вдругъ охватило весь котелъ. Въ то же время мѣшаютъ жидкость особою мѣшалкою, на концѣ которой посаженъ небольшой деревянный кружокъ, до тѣхъ поръ, пока температура жидкости возвысится до 25° Реом. Потомъ берутъ мутовку и разбиваютъ ею вновь образовавшіеся въ котлѣ комья; затѣмъ снова принимаютъ за мѣшалки съ кружкомъ, и въ то же время усаживаютъ огонь такъ, чтобы жидкость подогрѣлась отъ 42° до 44° Реом.

Когда скоро жидкость нагреется до желаемой степени, огонь тушатъ, котелъ снимаютъ съ тагана, и оставляютъ всю массу на четверть часа въ покой. Въ это время творогъ осѣдаетъ на дно сосуда, а сыворотка собирается сверху; тогда ее осторожно сцѣживаютъ такъ, чтобы она едва покрывала остывшій творогъ. На оставшееся въ котлѣ, бережно выливаютъ полный горшокъ чистой холодной воды и ту же минуту столько же сцѣженной передъ тѣмъ сыворотки; отъ чего жидкость охладѣетъ, такъ, что въ ней можно свободно держать руку.

Приготовивъ все надлежащимъ образомъ, опредѣленный для дѣланія сыра работникъ переминаетъ руками остывшій на дно

котла творогъ, и соединивъ всѣ комья въ одинъ, опускаетъ въ котелъ широкое полотнище, на которое и кладетъ сдѣланный сыръ. Между тѣмъ другой человекъ выливаетъ туда же сцѣженную прежде сыворотку, въ которой всегда содержатся еще частицы сыра, отдѣлившіяся при вторичномъ нагрѣваніи. Послѣ того оба работника вытаскиваютъ изъ котла лскацій на полотнищѣ кругъ сыра, кладутъ его на томъ же полотнѣ въ особый сосудъ, на днѣ котораго просверлено множество отверстій, закрываютъ его свободными концами полотнища, и даютъ жидкости стечь съ него. Черезъ часъ сыръ изъ сосуда переносится въ форму, на томъ же полотнищѣ.

Форма дѣлается изъ широкаго дсревяннаго обруча, концы котораго связываются всревоchnою; она ставится обыкновенно на довольно покатомъ столѣ, гдѣ и оставляется до вечера, безъ гнета. Въ вечеру переносятъ сырнѣй кругъ въ особый амбаръ, въ которомъ его и оставляютъ въ покое дня на четыре. Полотнище вынимается на другой день.

Всѣ занимающіеся приготовленіемъ сыра согласны, что должно растирать свернувшееся молоко какъ можно мельче; и что въ третій разъ отнюдь не слѣдуетъ нагрѣвать молоко выше 44° Р. т.; какимъ же образомъ производить это нагрѣваніе, т. е. медленно или скоро, о томъ мнѣнія различны. Нѣкоторые заводчики оставляютъ творогъ на огнѣ не болѣе четверти часа; другіе же, напротивъ того, держатъ его на пемѣ до $2\frac{1}{2}$ часовъ. Впрочемъ въ томъ и другомъ случаѣ свойства сыра не измѣняются приметно. Но главнѣйше должно смотреть на температуру молока въ то время, когда кладутъ въ него закваску; случается, что въ лѣтнее время оно и безъ нагрѣванія показываетъ отъ 22° до 25° Р. т.

Амбаръ, въ который переносятся формы съ сыромъ, есть невысокое каменное зданіе со сводами и окнами, обращенными на сѣверъ, которыя заширается ставнями, частью для предохраненія отъ сквознаго вѣтра, болѣе же для защиты отъ солнечныхъ лучей и вѣншей теплоты.

На четвертые сутки по перенесеніи сыра въ амбаръ, приступаютъ къ соленію. Для сего посыпаютъ сыръ сверху бузуномъ, который, растворясь въ водѣ, проникаетъ

мало по малу въ массу сырнаго круга. Въ теченіе первыхъ 20 дней, его переворачиваютъ и посыпаютъ солью ежедневно, а въ слѣдующіе за тѣмъ 20 дней, черезъ сутки. На фунтъ сыра полагается, круглымъ числомъ, лотъ хорошо высушенной соли. Если амбаръ довольно тѣсенъ, то кладутъ одинъ кругъ сыра на другой.

По истеченіи 40 дней, сыръ дѣлается довольно твердымъ и получаетъ пріятный соленый вкусъ; тогда его переносятъ въ кладовую — другое, просторное и, если можно, каменное же зданіе со сводами, въ которое не проникаютъ ни сырость, ни прямые лучи солнца. Сыры размѣщаются въ кладовой на полкахъ, парочно устроенныхъ по стѣнамъ зданія. Прежде перенесенія сыровъ въ кладовую, каждый кругъ оскребаютъ, обмываютъ горячею сывороткою, нагнетаютъ сверху особенною дощечкою съ острокопечными паръзами, отъ чего корка получаетъ большую твердость, и наконецъ обмазываютъ сыръ чистымъ льнянымъ масломъ. Во все время храненія сыровъ въ кладовой, переворачиваютъ ихъ ежедневно, а чрезъ каждые два дня смазываютъ льнянымъ масломъ. Въ Ломбардіи сыры поступаютъ въ продажу въ половинѣ Іюня или въ концѣ Октября. Чтобы узнать, хорошо ли сохраняется сыръ и не показалась ли въ немъ гниль, которая иногда заводится, ставятъ кругъ на ребро, и ударяя по немъ маленькимъ молоткомъ, судятъ по звуку о состояніи сыра: въ томъ мѣстѣ, гдѣ оказалась гниль, слышится всегда довольно чистый звонъ.

Теперь возвратимся къ вторичному нагрѣванію сѣженной сыворотки. Выливъ ее назадъ въ котелъ, ставятъ его на огонь и непрерывно мѣшая, нагрѣваютъ жидкость выше 70° Р. т. При этой температурѣ остававшіеся въ сывороткѣ частицы сыра ссѣдаются и всплываютъ наверхъ; тогда ее процеживаютъ сквозь чистое полотенце, а изъ полученнаго творога готовятъ небольшіе круги сыра, низшаго разбора. Въ отсѣженной такимъ образомъ сывороткѣ, все еще находятся сырные частицы, а потому ее опять выливаютъ въ котелъ, и прибавивъ туда же несколько, совершенно уже скисшей, сыворотки, сильно кипятятъ; причемъ отдѣляется и послѣдній остатокъ творога, изъ

котораго приготовляемый сыръ копится для домашняго употребленія рабочимъ.

О приготовленіи сыра въ верхней Италіи, на горѣ Цепписъ. Этотъ сыръ готовится, начиная отъ верхняго уступа горы Цепписъ, поднимающагося почти на тысячу туазовъ надъ поверхностію моря до Бесанскихъ и Бонневильскихъ пастбищъ, лежащихъ на сѣверной покатости этой горы въ долину, которая оканчивается при подошвѣ горы Изеранъ (Iseran), и защищается отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокою цѣпью горъ. Этимъ промысломъ занимаются также въ Моріэнскомъ Маркизатствѣ; но тамошній сыръ вообще не такъ вкусенъ, какъ Монценнскій, однако жъ, несмотря на то, онъ во множествѣ вывозится въ южную Францію, и сбывается тамъ довольно выгодно.

Монценнскій сыръ дѣлается изъ коровьяго молока съ примѣсью овечьяго и козьяго. Хотя пропорція каждаго молока въ точности и не опредѣлена занимающимися снмъ дѣломъ, однако же приблизительно можно положить, что на два съ половиною удоа коровьяго молока, они берутъ десять удоевъ овечьяго и одинъ удои козьяго, разумѣя въ удои все количество молока, получасмое въ продолженіе сутокъ отъ каждаго животнаго. Такое заключеніе вывелъ Г. Бонафу изъ того, что во всѣхъ стадахъ, которыя ему встрѣчались, на каждую корову находилось по четыре овцы и на десять овецъ по одной козѣ.

Содержимыя на Монценнѣ коровы разведены отъ Тарентской породы, или прямо пригоняются изъ сей области; онѣ вовсе не такъ красивы, какъ настоящія Швейцарскія, но зато вообще требуютъ не такъ много корма; шея у нихъ короткая, рога развитыя, довольно толстое брюхо, крѣпкія ноги и небольшое вымя. Цвѣтомъ онѣ бываютъ преимущественно черныя, но темно-сѣрыя предпочитаютъ; рыжія же и бѣлыя уважаются гораздо менѣе, потому, что онѣ не такъ крѣпки, и молоко у нихъ хуже, а особливо у совершенно бѣлыхъ. Вообще тамошнія коровы вѣсятъ отъ 400 до 500 фунтовъ, и продаются цѣною отъ 100 до 150 франковъ каждая. Самыя большія изъ нихъ не бываютъ никогда тяжеле 500 фунтовъ. Нередко попадаютъ между сими коровами такія, которыя въ лѣтніе мѣсяцы даютъ ежедневно отъ 8 до 10 криннокъ

молока, или, считая среднимъ числомъ, можно положить отъ 5 до 6 кринокъ на каждую (около 4 большихъ стакановъ въ кринкѣ). Стадо, состоящее изъ 15 коровъ, 60 овецъ и 6 козъ, даетъ отъ 50 до 55 сыровъ, вѣсомъ отъ 25 до 28 фунтовъ каждый, да кроме того около пяти квинталей (слишкомъ 6 пудъ) масла и большее или меньшее количество сыра низшаго разбора, который готовится изъ творогу, остающагося въ сывороткѣ послѣ перваго створаженія.

Около перваго Іюня, по новому стилю, когда теплая погода установится, выгоняютъ стада на пастбища, гдѣ они и пасутся до Сюзской ярмарки (25 Сентября), на которой обыкновенно ихъ продаютъ, если не желаютъ оставить у себя на зиму; другіе хозяева съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ загоняютъ свои стада въ хлѣва; а нѣкоторые, не желая продавать скотъ, но не имѣя снособовъ содержать его зимою, гоняютъ свои стада на Пиемонтскія или Савойскія долины къ тамошнимъ поселянамъ, которымъ и отдаютъ его на содержаніе изъ половины прибыли, до 10 Іюня. Зимой кормятъ скотъ сѣномъ и соломою, а поятъ чистою водою; повзрелымъ же коровамъ даютъ поило изъ воды съ сѣною трухою и капустнымъ листомъ, нарочно для того сохраняемымъ. Солн даютъ скоту около одной унціи въ сутки, только лѣтомъ для возбужденія аппетита и жажды. Вообще содержатели стадъ замѣчаютъ, что чѣмъ лучше скотъ защищенъ отъ холода и ненастья, тѣмъ онъ меньше требуетъ пищи.

Овецъ оставляютъ на зиму очень не много. Этихъ животныхъ, обыкновенной, простой породы, покупаютъ послѣ весенней стрижки, платя отъ 9 до 10 франковъ за каждое; а по прошествіи лѣта, снявъ съ нихъ около двухъ фунтовъ шерсти, продаютъ на Сюзской ярмаркѣ за третью цѣны. Годовалая овца вѣситъ обыкновенно отъ сорока до пятидесяти фунтовъ. Овецъ, оставаемыхъ хозяевами на зиму, стригутъ около Андреева дня (30 Ноября), и тогда собираютъ съ каждой отъ 5 до 6 фунтовъ шерсти, изъ которой вяжутъ чулки или дѣлаютъ толстое сукно, употребляемое на одежду пастухамъ. Чаше же скотоводы отдаютъ своихъ овецъ на зиму жителямъ низменныхъ мѣстъ изъ половины прибыли.

Козы, какъ извѣстно, по природѣ уже легко разводятся на горахъ. На Монценисѣ, какъ и вездѣ въ Швейцаріи, преимущественно содержатся бѣлыя и безрогія козы. Всѣхъ ихъ равенъ вѣсу овецъ, только онѣ даютъ ежедневно по двѣ кринки молока, тогда какъ отъ овецъ получается по одной кринки въ сутки.

Нагорныя пастбища, столь благопріятныя для скотоводства, изобилуютъ преимущественно растеніями изъ листьевъ цикорейныхъ, мотыльковыхъ, горечовыхъ и т. п., широкіе листья коихъ содержатъ слизистыя и молочайныя вещества въ большомъ количествѣ, нежелн листья пиворослей, которыя можно сказать, почти исключительно покрываютъ дуга на равнинахъ. Сочныя и питательныя нагорныя травы усиливаютъ пищевареніе животныхъ и чрезвычайно увеличиваютъ количество молока; чему, вѣроятно, немало содействуетъ и чистый, свѣжій нагорный воздухъ, а можетъ быть и электричество тумановъ, посящающихся на высотахъ.

Строеніе, въ которомъ готовится сыръ, обыкновенно ставится на дугу близъ небольшого протока или ручья, каковыхъ много встрѣчается въ нагорныхъ странахъ. Оно строится изъ камня или кирпича, и покрывается довольно толстыми плитами. Мѣсто для постройки стараются выбрать такое, которое какъ можно лучше защищено отъ стремительныхъ сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Внутреннее расположеніе зданія очень просто: небольшое отдѣленіе онаго, надъ которымъ находится сѣнникъ, служитъ хлѣбномъ; въ другомъ готовится сыръ, для чего тутъ собраны все нужные приборы и построены очагъ, съ коминакомъ, который сдѣланъ довольно высоко такъ, чтобы работникъ могъ, не наклоняясь, заниматься своимъ дѣломъ. Въ третьемъ отдѣленіи, обыкновенно обращенномъ на сѣверъ, и примыкающемъ ко второму, ставится молоко; въ четвертомъ помѣщаются женщины, занимающіяся приготовленіемъ сыра. Изготовленный сыръ солится и собирается въ погребахъ, вырытыхъ въ землѣ.

Самое дѣлопроизводство очень просто и можетъ быть введено повсюду; работы же идутъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Вечерній удой процеживаютъ сквозь большую ворон-

ку, отверзтіе въ которой затыкается соломой или корешками пырея. Воронку устанавливаютъ надъ кадкою, въ которую сцеживается молоко, пробираясь сквозь затычку и оставляя въ ней шерсть и другія постороннія вещества. Процеженное молоко ставятъ часовъ на двѣнадцать въ прохладное мѣсто, и давъ устояться, снимаютъ съ него на слѣдующее утро всѣ сливки; снятое молоко выливаютъ въ цѣльный утренній удой, процеженный такимъ же образомъ, какъ и вечерній. Сыръ, сдѣланный изъ цѣльнаго молока, бываетъ жирнѣе и вкусомъ пріятнѣе, но трудно сохраняется отъ порчи. Если погода стоитъ довольно холодная, то, снявъ сливки съ вечерняго удоя, выливаютъ его предварительно въ мѣдный котелъ, и подогреваютъ до 20° Р. т., или до температуры парнаго молока. Замѣтимъ здѣсь, что затычку въ воронкѣ должно каждый разъ тотчасъ послѣ процеживания тщательно вымывать чистою водою; въ противномъ случаѣ молоко, остающееся на соломѣ или на корешкахъ пырея, окисая, будетъ квасить молоко, идущее на приготовленіе сыра.

II. Для створоженія молока употребляется закваска, которая готовится слѣдующимъ образомъ: взявъ сотню гвоздиковъ, столько же зеренъ перцу и полтора фунта соли, все вмѣстѣ кипятятъ въ водѣ около четверти часа, потомъ, остудивъ отваръ, опускаютъ въ него два телячьи желудка, взятыхъ изъ молочныхъ телятъ, и оставляютъ ихъ въ немъмокнуть недѣль шесть.

Количество этой закваски, употребляемое для створоженія молока, измѣняется, смотря по погодѣ, по густотѣ молока и свойству самой закваски, въ которой содержится иногда болѣе, а иногда менѣе кислоты. Если взять закваски менѣе надлежащаго количества, то молоко не створожится вполне; въ противномъ же случаѣ, оно свернется слишкомъ скоро, и творогъ получитъ непріятный кислый вкусъ. И такъ главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы употребить возможно меньшее, но вмѣстѣ достаточное количество закваски: обыкновенно берется оной одна столовая ложка на 50 кувшиновъ (по 4 фунта въ каждомъ); впрочемъ при этомъ производствѣ должно преимущественно слѣдовать указаніямъ опыта.—Выливъ закваску въ молоко, мѣшаютъ его дере-

вяншою мутовкою; потомъ, закрывъ сосудъ чистою тряпкою, для защищенія молока отъ мухъ и пыли, оставляютъ его часа на два въ покоѣ: въ продолженіе этого времени молоко свертывается. Въ холодную погоду закваска дѣйствуетъ очень медленно, и потому должно молоко слегка подогрѣвать, остерегаясь только, чтобъ оно не продымилось, отъ чего сыръ можетъ получить дурной запахъ. Покуда молоко створожится какъ слѣдуетъ, въ это время работницы пахтаютъ масло.

III. Когда творогъ осядетъ, сыворотку сливаютъ; она обыкновенно имѣетъ зеленоватый цвѣтъ, если створожение произошло вполнѣ, въ противномъ же случаѣ она бываетъ бѣловата. Потомъ работникъ, или работница, погруживъ руки въ кадку, собираетъ весь творогъ въ кучу, переминаетъ и мѣситъ его какъ можно лучше до тѣхъ поръ, пока онъ перестанетъ приставать къ кадкѣ и вся сыворотка изъ него выжмется. Отъ этого творогъ получается въ видѣ сплошной, довольно твердой и упругой массы. Послѣ сей работы, которая продолжается неменѣе часа, кадку наклоняютъ, и вся оставшаяся въ ней сыворотка сливается. Вѣроятно, что творогъ, переминаясь, получаетъ не только большую плотность, но еще сверхъ того соединяется съ извѣстнымъ количествомъ воздуха; каковос соединеніе совокупно съ дѣйствіемъ теплоты рукъ, мнущихъ творогъ, способствуетъ образованію сыра.

IV. Вынувъ изъ кадки пермятый творогъ, раздѣляютъ его на двѣ равныя части: одну изъ нихъ немедленно опускаютъ въ сыворотку, въ которой она и остается до слѣдующаго утра; на другой день эту половину переминаютъ съ половиною новаго творога, оставляя другую его половину опять до слѣдующаго дня и т. д., всегда оставляютъ одну часть творога до завтра. Другую половину перемятаго творога, завернувъ въ холстъ, кладутъ въ тонкій желѣзный или упругій деревянный довольно широкій обручъ, поперечникъ коего можно по произволу уменьшать или увеличивать, и съ нимъ вмѣстѣ вставляютъ въ деревянную форму, на днѣ которой сдѣлано нѣсколько отверстій для стока сыворотки. Творогъ укладывается въ обручъ ровно и плотно, такъ, чтобы сырная масса возвышалась надъ верхними кра-

ями обруча не болѣе одного дюйма; потомъ накрываютъ форму деревяннымъ кружкомъ, поперечникъ котораго нѣсколько болѣе поперечника формы; и, поставивъ сію послѣднюю подъ гнѣтъ надъ широкою плешкою или лоханью, даютъ сывороткѣ стекать въ нее въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

V. На слѣдующій день, когда творогъ въ формѣ осядется, вынимаютъ его изъ оной, завертываютъ въ сухую холстину, и, перевернувъ, опять кладутъ въ обручъ и потомъ въ форму. На сей разъ сыръ сгѣстаетъ гораздо сильнѣе, положивъ форму подъ прессъ, посредствомъ котораго и выжимается изъ него вся остальная сыворотка. Этотъ приборъ, который можетъ быть приводимъ въ движеніе однимъ человекомъ, состоитъ изъ двухъ стоекъ, связанныхъ наверху поперечнымъ брусомъ. Въ тѣхъ же стойкахъ укрѣпленъ воротъ съ рукояткою, посредствомъ котораго поднимается ящикъ съ камнями или другимъ грузомъ. Этотъ ящикъ, или гнѣтъ, можетъ опускаться вплоть до нижней доски, въ которой утверждены стойки, и на поверхности коей выдолбленъ для стока сыворотки жолобъ съ поскомъ. Сыръ оставляется подъ прессомъ трое сутокъ, а иногда, если погода стоитъ холодная, до пяти и даже до шести дней. Во все это время его ежедневно переворачиваютъ и каждый разъ увеличиваютъ грузъ. Въ одинъ и тотъ же прессъ можно класть и по два сыра вмѣстѣ, перекладывая ихъ деревяннымъ кружкомъ.

VI. Выкатымъ такимъ образомъ сыръ переносятъ въ погребъ для соленія. Соль, умѣряя броженіе сыра, содѣйствуетъ вмѣстѣ къ улучшенію и сохраненію его. Сырные круги раскладываютъ на полкахъ, сдѣланныхъ вокругъ всего погреба. Чѣмъ погребъ суше и прохладнѣе, и чѣмъ температура въ немъ постояннѣе, тѣмъ правильнѣе происходитъ броженіе сыра. Нѣкоторые хозяева проводятъ въ свои погреба маленькіе ручейки, которые прохлаждаютъ въ нихъ воздухъ.

Количество соли, употребляемое для соленія сыровъ, измѣняется сообразно температурѣ мѣста, гдѣ они лежатъ, и степени влажности сыра. Среднимъ же числомъ можно положить до пяти фунтовъ соли на каждый сыръ въсомъ

отъ двадцати до двадцати осьми фунтовъ. Соль берется для сего преимущественно сѣрая, потому что она лучше поглощаетъ влагу, содержащуюся въ сырѣ; высушивъ и истолокши соль, посыпаютъ ею сыры какъ можно ровнѣе, и потомъ втираютъ ее въ нихъ голою рукою. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или около того, повторяютъ это непременно черезъ день, переворачивая сыры каждый разъ на другой бокъ. Соленіе оканчивается, какъ скоро замѣтятъ въ сырѣ избытокъ влаги; это служитъ признакомъ, что онъ уже напился солюю; причемъ на поверхности сыра образуется сѣроватая корка.

VII. Послѣ соленія кладутъ сыры рядомъ на солому, разостланную по землѣ, но такъ, чтобъ они отнюдь не касались одинъ другаго. Чѣмъ болѣе сырныхъ круговъ лежатъ въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ они лучше и скорѣе поспѣваютъ. Солому время отъ времени перемѣняютъ, а сыры ежедневно переворачиваютъ съ боку на бокъ. Въ это время происходитъ въ сырѣ особаго рода броженіе, болѣе или менѣе медленное, при которомъ образуется уксусная кислота и аммиакъ, сообщающіе сыру острый вкусъ и запахъ, столь дорого цѣнимые гастрономами. Наконецъ сыръ зеленеетъ, т. е. внутри его появляются голубовато-сѣрыя жлочки, которыя суть не что иное, какъ начало плѣсени, или микроскопическіе грибки, извѣстные въ ботаникѣ подъ названіемъ *mucor*, *mucedo* L.

Для совершенной зрѣлости сыра требуется, чтобъ онъ пролежалъ такимъ образомъ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ; впрочемъ потребное для этого время зависитъ отъ способа приготовленія сыра, отъ свойствъ молока и подножнаго корма. Сыръ, приготовленный осенью, поспѣваетъ не раньше какъ черезъ пять или шесть мѣсяцевъ.

Караванъ Монценнесскаго сыра дѣлаютъ обыкновенно цилиндрическіе, около фута въ поперечникѣ и отъ пяти до семи дюймовъ вышиною, вѣсомъ же отъ двадцати пяти до двадцати осьми фунтовъ; цѣною обходится этотъ сыръ отъ осьми до десяти копѣекъ за фунтъ. Сыръ, не содержащій въ себѣ вовсе или содержащій весьма мало овечьяго молока, стоитъ нѣсколько дешевле. Хорошій сыръ долженъ быть тускаго желтовато-бѣлаго цвѣта съ бѣлыми струйками, зер-

внеть и имѣть свѣжій, пріятный, нѣсколько острый вкусъ. Вообще предпочитаютъ большіе караван, приготовленные въ началѣ лѣта. Нѣкоторые фабриканты, не имѣя собственныхъ етадъ, нанимаютъ оныя у жителей низменныхъ мѣстъ, и платятъ имъ еухимъ, тощимъ и дурно приготовленнымъ сыромъ изъ снятаго молока, который потому и убѣгается покупателями. — Съ нѣкоторыми предосторожностями Монценнескій сыръ можетъ быть сохраненъ около года, но прошествіи же сего времени онъ дѣлается поздраватымъ, начинастъ крошиться и получаетъ непріятный, гнилой запахъ. Для предохраненія этого сыра отъ порчи, нѣкоторые смачиваютъ его укусомъ или водкою, другіе же натираютъ свѣжимъ оливковымъ или сливочнымъ масломъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы держать этотъ сыръ въ холодномъ и еухомъ мѣстѣ, гдѣ бы не было бочекъ съ перебродившимъ еще виномъ, и чтобъ онъ по возможности былъ защищенъ отъ вліянія свѣта и воздушныхъ перемѣнъ.

Приготовленный и обереженный такимъ образомъ Монценнескій сыръ подается на самыя лакомые и роскошныя столы. Онъ составляетъ для Альпійскихъ жителей не только важную отрасль народной промышленности, но еще даетъ имъ вкушеную и здоровую пищу. Изъ творогу, остающагося въ сывороткѣ послѣ перваго створоженія, они готовятъ для себя сыръ низшаго разбора, который они ѣдятъ зимою съ молокомъ небольшого числа дойныхъ коровъ и овецъ, оставляемыхъ ими у себя на зиму. Этотъ сыръ составляетъ любимую пищу нагорныхъ жителей.

Н. Филипповъ.

ВѢРНЫЙ СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ ДРОЖДИ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ.

Взявъ свѣжихъ пивныхъ дрождей, и завязавъ ихъ хорошенько въ чистый холстъ, положи въ кадочку съ древесною золою, насыпь на узелокъ слой той же золы, и, положивъ сверху гнѣтъ, оставь дня на два, доколѣ вся влага изъ нихъ вберется въ золу; тогда въ узелкѣ получатся дрожди въ видѣ густаго тѣста. Здѣсь должно замѣтить, что чѣмъ дрож-

ди жиже, тѣмъ болѣе потребно золы и времени для высу- шиванія ихъ. Изъ выжатыхъ дрождей катаютъ небольшіе шарики, сушатъ ихъ на солнцѣ или на теплой пещи, и хранятъ въ бумажныхъ пакетцахъ въ сухомъ мѣстѣ. Для употребленія берутъ сколько нужно высушенныхъ такимъ образомъ дрождей, разводятъ ихъ теплою водою или пивомъ, и распустивъ въ растворѣ маленькій кусочекъ сахару, прибавляютъ въ него немного Французской водки или даже гвѣннику. Черезъ нѣсколько времени, когда смѣсь пѣрдетъ въ сильное броженіе, ее тотчасъ употребляютъ въ дѣло какъ обыкновенныя дрожди.

Нѣкоторые съ успѣхомъ употребляютъ еще другой способъ, а именно: намазываютъ дрожди, какъ пластырь, на чистую холстину и развѣшиваютъ ее въ тѣни на вольномъ воздухѣ; спустя дней пять или шесть, когда дрожди совершенно высохнутъ, соскребаютъ ихъ съ холста, и размявъ руками, хранятъ для употребленія въ глиняныхъ горшкахъ. Другіе смѣшиваютъ свѣжія дрожди съ пшеничною мукою, и скатавъ изъ этого тѣста небольшіе шарики, сбергаютъ ихъ также въ сухомъ мѣстѣ. *Н. Ф.*

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ

ВАРИТЬ ЛУЧШЕЕ БѢЛОЕ ПИВО НА МАНЕРЪ АНГЛІЙСКАГО.

=

Слѣдующимъ простымъ и дешевымъ способомъ можно варить превосходное бѣлое пиво для домашняго употребленія. Взявъ боченокъ и заколотивъ хорошенько втулку, поставитъ его на днѣ, близъ котораго просверлитъ съ боку отверстіе для крана. На срединѣ верхняго дна прорѣзатъ другое отверстіе и заткнуть его обыкновенною втулкою. Если въ боченокъ вмѣстается не болѣе шести ведеръ, и пиво хотятъ сдѣлать довольно крѣпкое, въ такомъ случаѣ, вливъ въ котель три ведра воды и вскипятивъ, положить въ нее $1\frac{1}{2}$ или $1\frac{3}{4}$ фунта лучшаго хмѣлю, прокипятить еще минутъ пять, потомъ взваръ сцѣдить, распусить въ немъ 16 фунтовъ сахару и немного меньше полунгтофа хорошихъ пивныхъ дрождей, и наконецъ размѣшавъ, вылить въ бо-

ченокъ для броженія. Сначала жидкость начинаетъ сильно пѣниться, потомъ вскорѣ пѣна опять осѣдаетъ. Летомъ, при средней теплотѣ, броженіе оканчивается педѣли въ три или четыре; въ теченіе послѣднихъ двухъ боченокъ долженъ быть заткнуть втулкою, которую, однако жъ, надобно открывать черезъ каждыя двѣ сутокъ. Когда вкусъ сахара въ пиво совершенно истребится, тогда отверзтіе въ боченкахъ закрываютъ втулкою какъ можно плотнѣе; для черезъ четыре послѣ того пиво бываетъ готово, и тогда его разливаютъ по бутылкамъ. Хотя здѣсь доброта сахара и не составляетъ существенной важности, однако жъ, отъ бѣлаго пива бываетъ свѣтлѣе, легче, вкусомъ нѣжнѣе и не имѣетъ вовсе той сладковатости и липкости, которыя мы замѣчаемъ въ обыкновенномъ пивѣ. Это пиво можно по произволу подкрасить нѣсколькими ломтями поджареннаго ржаного хлѣба. Оно весьма здорово и легко для желудка. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО ДЛЯ ИСТРЕБЛЕНІЯ МОЛИ.

Дорогія ткани, употребляемая для обивки мебели, также шубы и другія вещи нерѣдко повреждаются молью или другими насѣкомыми, что иногда замѣчается не прежде того, какъ матерія уже совершенно испорчена. Для истребленія сихъ вредныхъ насѣкомыхъ, советуютъ употреблять слѣдующую жидкость:

Возьми по одному золотнику камфоры, лавроваго, терпентиннаго, бергамотнаго и гвоздичнаго масла, три золотника искрошеннаго стручковаго перца и полбутылки хорошаго виннаго спирта; смѣшавъ и разболтавъ хорошенько, поставь смѣсь дней на 8 или на 10 въ теплое мѣсто, потомъ процѣди. Приготовленный такимъ образомъ составъ бываетъ почти вовсе безцвѣтенъ, не вредитъ краскамъ и не дѣлаетъ пятенъ. Этою жидкостью должно спрыскивать собираемые вещи чрезъ каждыя двѣ педѣли. Она имѣетъ довольно пріятный запахъ, но и тотъ скоро исчезаетъ. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО УКРОЩАТЬ БЫКОВЪ.

=

Въ отвращеніе несчастій, которыя перѣдко причиняють дикіе и свирѣпые быки, Г. Белла предлагаетъ средство, хотя нѣсколько и жестокое въ отношеніи къ животнымъ, но за то вполне достигающее желаемой цѣли, и потому совершенно одобренное и принятое многими хозяевами во Франціи, Англіи и Бельгіи. Это средство состоитъ въ намордникѣ съ разъемчатымъ желѣзнымъ кольцомъ, которое продвѣается сквозь ноздри, заклепывается на шпепекъ и потомъ ремнемъ поднимается къ верху, на морду, и пристегивается пряжкой къ другому ремню, обернутому около лба и роговъ. Такой намордникъ совершенно подчиняетъ власти человека самаго свирѣпаго быка такъ, что его можно безъ всякаго опасенія запрягать или одного, или вмѣстѣ съ другимъ воломъ и даже съ коровою, и такимъ образомъ употреблять и для приплода и въ работу.

Прикрѣпленіе кольца въ носу животнаго должно быть произведено съ искусствомъ и слѣдующими предосторожностями: около роговъ обвязываютъ здоровую веревку толщиною въ палецъ, одинъ конецъ коей спускаютъ по лѣвую сторону бычачьей головы, потомъ протягиваютъ ее ему въ ротъ, и обернувъ около нижней челюсти, даютъ держать сильному и смѣлому человеку. Другая такая же веревка также прикрѣпляется къ рогамъ, и служитъ къ тому, чтобъ привязать скотину къ столбу, къ дереву, или всего лучше, къ дыбамъ (станоку, въ которомъ подковываютъ лошадей). При семъ должно наблюдать, чтобы голова была приведена въ довольно отвѣсное положеніе, а носъ выставился впрямь, чѣмъ самое производство значительно облегчается. Эта операція дѣлается посредствомъ особаго шила, которое нѣсколько толще кольца и вложено въ мѣдную трубочку или пожны. Взявъ шило въ правую руку, приставляютъ его къ находящейся по ту же сторону, т. е. къ лѣвой ноздрѣ животнаго, подлѣ самой оконечности носа, не дотрогиваясь однако жъ до оной, и придерживая носъ большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки, просовываютъ шило съ пожнями однимъ толчкомъ сквозь перегородку, разделяю-

щую поздри. Потомъ шило выдергиваютъ назадъ, а пожны или трубочку оставляютъ въ ранѣ; продвѣаютъ тонкій конецъ кольца въ трубочку съ лѣвой стороны, и наконецъ выдергиваютъ и самую трубочку въ томъ же направленіи, какъ она была просунута. Когда кольцо такимъ образомъ продѣто, тогда его замыкаютъ, вкладываютъ шпенекъ и заклепываютъ его. Въ заключеніе укрѣпляютъ вокругъ роговъ ремень, къ которому и пристегиваютъ другой ремень, идущій отъ кольца вверхъ по передней части головы, и ударяющій его на мордѣ.

Если бы потребовалось быка повалить, въ чемъ иногда встрѣчается надобность, то это должно сдѣлать такъ, чтобъ онъ упалъ на лѣвый бокъ; потомъ заставить двухъ человекъ держать голову за рога, а третьему дать веревку, обернутую около нижней челюсти животнаго, такимъ образомъ, чтобы голова и носъ быка имѣли указанное направленіе.

Приложенный при семъ рисунокъ еще лучше объясняетъ дѣло.

1. Продѣтое въ поздри шило съ пожнами.

2. Одинъ пожны шила въ томъ положеніи, какъ они проходятъ сквозь поздри, вмѣстѣ съ однимъ концемъ кольца, и растворенное кольцо какъ его должно продергивать въ трубочку.

3. Продернутое въ поздри, замкнутое, заклепанное кольцо, но еще не поднятое къ верху ремнемъ.

4. Одинъ намордникъ съ поднятымъ вверхъ кольцомъ, какъ ему быть надлежитъ.

Наконецъ, цѣлая голова быка, взнузданнаго какъ слѣдуетъ.

Въ окрестностяхъ Рима и Неаполя употребляется другой приборъ для укрощенія буйволовъ и быковъ, который едва ли не предпочтительнѣе предыдущаго, ибо онъ дешевле и легче для исполненія; притомъ же, смотря по неукротимости животнаго, онъ можетъ увеличивать его наказаніе, не разрывая ему поздрей, и поемму освобождаетъ его отъ боли, которая въ началѣ перѣдко дѣлаетъ его еще свирѣпѣе и неукротимѣе. Для сего употребляютъ родъ клещей, концы тупые концы ВВ, вложенные въ поздри, при давленіи съ противоположнаго конца, касаются носовой перегородки

родки. Крѣпкая веревка или ремень прикрѣпляется къ одному изъ колецъ АА, продѣвается сквозь другое кольцо, и потомъ завязывается около рога. Этого достаточно для удержанія клещей въ надлежащемъ положеніи и укрощенія животнаго, если оно не слишкомъ дико, или уже привыкло къ инструменту. Въ противномъ случаѣ, къ обоимъ кольцамъ прикрѣпляютъ по веревочкѣ и продѣваютъ ихъ сквозь другое кольцо такъ, что обѣ веревки лягутъ крестообразно, и потомъ, каждую изъ нихъ привязываютъ къ которому нибудь рогу. Черезъ сіе приборъ получаетъ болѣе силы.

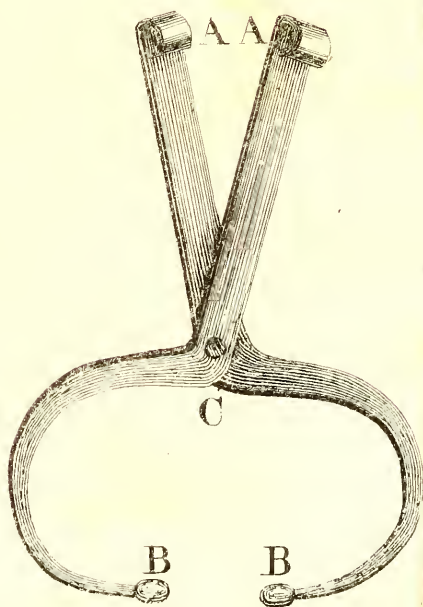
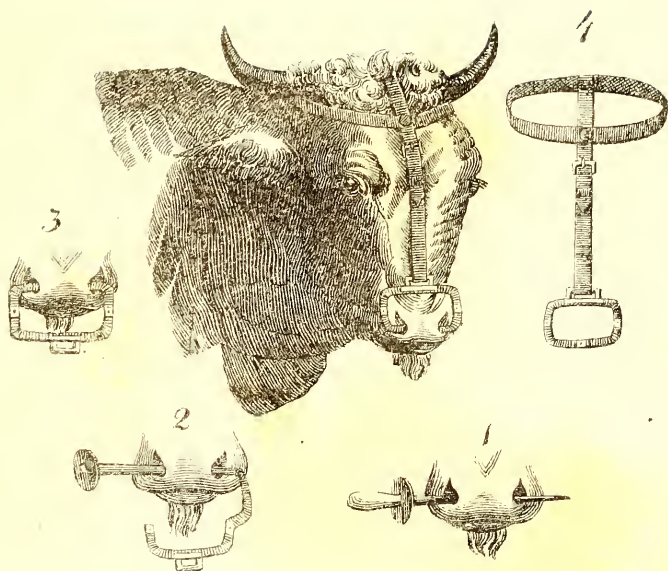
Такія клещи сдѣлать очень легко; въ Римѣ онѣ стоятъ около 40 копѣекъ на наши деньги. Штифтикъ С, на которомъ ходятъ клещи, долженъ быть вставленъ такъ, чтобъ онѣ могли свободно сжиматься и разжиматься; концы клещей ВВ слѣдуетъ дѣлать совершенно тупые, дабы сжимаясь, не повреждали носовой перегородки.

Этотъ приборъ служить не только для укрощенія быка, но и для наказанія его, если онъ непослушливъ. Въ послѣднемъ случаѣ пожки клещей, которыя обыкновенно находятся въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, сжимаются, и такимъ образомъ удобно и безъ большихъ усилий удерживаютъ животное по произволу. Если волъ находится въ упряжкѣ, то веревочку привязываютъ къ одному кольцу, продѣваютъ ее въ другое, и протягиваютъ между рогъ до самой повозки или рукоятки плуга. Такимъ образомъ, дернувъ только за эту веревочку, наказываютъ животное, не имѣя надобности подходить къ головѣ его.

Фиг. 1. Представляетъ самый приборъ. Длина его отъ А до В семь вершковъ, а наибольшая ширина четыре вершка. Части СА и СА совершенно плоски, и загибаясь на концахъ, образуютъ кольца А и А; часть ВСВ круглая. Когда клещи сжаты, т. е., когда концы А и А взаимно соприкасаются, тогда оконечности В и В должны отстоять одна отъ другой на цѣлую линію.

Фиг. 2. Представляетъ бычачью голову съ надѣтыми клещами. Н. Ф.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Николая Греча, въ четырехъ частяхъ. Санктпетербургъ, 1834.

Необыкновенный успѣхъ этого Романа опередилъ нашу Критику: ей приходится теперь бѣжать въ толпѣ за торжественною его колесницею, глотая густую пыль общихъ похвалъ, и выступить на попреще, чтобъ подтвердить восхищеніе читателей, а не чтобъ предсказать его.

Но, собираясь говорить въ этомъ Журналѣ о книгѣ, написанной его редакторомъ, и напечатанной его издателемъ, мы обязаны прежде всего удостовѣрить собственныхъ нашихъ читателей въ возможности говорить здѣсь объ ней безпристрастно и нелицемѣрно; обязаны объяснить обстоятельство, которое, будучи извѣстповесѣма немногимъ, приводитъ нѣкихъ въ странное недоразумѣніе. Конечно, очень естественно думать, что сочиненія, издаваемыя А. Ф. Смирдинымъ, должны неминуемо быть расхвалѣмы въ Журналѣ, имъ издаваемомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, вещественный убытокъ былъ бы на его сторонѣ. Оно такъ дѣлается повсюду; нѣкоторые авторы этого ожидали, нѣкоторые читатели боялись; это согласно съ логикою и самолюбія и недоброжелательства; это даже основано на здравыхъ правдахъ и общежитіи и любостыжаніи: по-счастію, это не примѣняется къ Библіотекѣ для Чтенія. Критическая часть этого Журнала совершенно независима; ни издатель, ни редакторъ не оказываютъ на нее ни какого вліянія; она исправляется тѣмъ, кто, имѣя равный съ первымъ интересъ въ благосостояніи и славѣ изданія, можетъ писать въ немъ, какъ на своей бумагѣ и ни кѣмъ въ свѣтъ для этого не нанимается, — развѣ самимъ собою и своею честью. И тотъ самый нынѣ первый воспользуется обстоятельствомъ,

даже съ нарушеніемъ извѣстной скромности своего друга, чтобъ провозгласить всенародно прекрасное безкорыстіе Г.Смирдина, и показать всѣмъ, на какихъ благородныхъ началахъ опираются издательскія его отношенія къ Журналу, въ которомъ такъ часто бывають разбираемы книги, составляющія торговую его собственность. При первомъ учрежденіи Б. для Ч. и раздѣлъ трудовъ между двумя ея основателями, одинъ изъ нихъ упомянулъ мимоходомъ о затрудненіяхъ, которыя со-временемъ могутъ возникнуть въ совѣстномъ разборѣ книгъ, печатаемыхъ другимъ, и Г. Смирдинъ, не дозволивъ ему досказать начатое, вдругъ присовокупилъ, что отнош. не должно удерживаться тѣмъ, что книга его; что когда она не хороша, слѣдуетъ сказать откровенно, что она никуда не годится; что онъ скорѣе потеряетъ, чѣмъ перенесетъ мысль, что стѣснилъ мнѣніе критики, или что изъ личныхъ выгодъ подалъ поводъ къ пристрастному сужденію въ Журналѣ, котораго онъ издатель. Если бъ этотъ отзывъ, подтвержденный потомъ неоднократно, былъ только доказательствомъ деликатности поступка съ тѣварищемъ, онъ бы навсегда остался въ его сердцѣ подлѣ искренняго уваженія, и не предсталъ бы здѣсь передъ публикою; но это вмѣстѣ великодушное пожертвованіе на пользу и для чести отечественной Словесности и одно изъ основныхъ началъ изданія, находящагося въ рукахъ почти всѣхъ Русскихъ, — и да будетъ намъ позволено, подобную черту самоотверженія сохранить для Исторіи нашей Литературы и въ особенности этого Журнала. Не нужно объяснять никому изъ благомыслящихъ, что единственное средство воздать достойную почесть столь благородному образу мыслей, было — воспользоваться имъ по совѣсти и крайнему разумѣнію для всѣхъ давшихъ случаевъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ Б. для Ч. существуетъ, уже не одно сочиненіе, напечатанное

на издвѣженіи ея издателя, или подверглось въ ней строгой оцѣнкѣ своихъ недостатковъ, или, что еще хуже, попало на себѣ тягость укорительнаго молчанія, тогда какъ тутъ же пламенно были похваляемы книги, изданныя соперниками его по торговлѣ, и даже не находящіяся въ его магазинѣ. Ходъ литературной Критики по сіе время былъ совершенно свободенъ отъ гнусныхъ оковъ расчета, и мы сожалѣемъ отъ всей души о тѣхъ, которые въ подобномъ образѣ дѣйствія не въ силахъ видѣть ничего болѣе, кромѣ нарушенія правилъ общежитія.

Авторъ «Черной Женищины», которому лучше всѣхъ извѣстны эти обстоятельства, весьма хорошо знаетъ, что, по особенному устройству Журнала, онъ скорѣе можетъ встрѣтить на его страницахъ суровый приговоръ литературнаго правосудія, чѣмъ комплименты подозрительной услужливости, и если бѣ намъ вздумалось, въ шутку, написать на его Романъ грозное Разругали, мы бы легко сдѣлали васъ свидѣтелями любопытнаго психологическаго опыта, — вы могли бѣ сами видѣть, или представить себѣ мысленно, лице бѣднаго автора, который, въ званіи редактора, читаетъ корректуру сочиненной на него укоризны, и дрожащею рукою исправляетъ опечатки въ жестокихъ ударахъ, наносимыхъ его самолюбію. Мысль о возможности подобнаго увеселенія, мы увѣрены, неоднократно приходила на умъ почтенному сочинителю «Черной Женищины», — и если онъ теперь его не испытаетъ, то ужъ конечно по доброй винѣ: надобно было написать дурную книгу.

Никто болѣе насъ не восхищался твореніемъ Г. Греча, и никто не радуется душевнѣе блистательной славы его книги, можно сказать, восторгу, какой она возбуждаетъ въ огромномъ большинствѣ читающей

публики. Пріятный, свѣтлый слогъ, теплое чувство и утѣшительное вѣрованіе, разлитыя въ цѣломъ сочиненіи, многія прелестныя картины, многія прекрасныя мысли, выраженные съ очаровательною простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно, повѣсть ясная и занимательная, по-времени умный и мѣткій сарказмъ, совершенно оправдываютъ лестное впечатлѣніе, производимое этимъ новымъ Романомъ, которому, безъ-сомнѣнія, суждено жить долго въ нашей Литературѣ. Еще разъ повторяемъ: никто болѣе насъ не радуется столь полному и заслуженному успѣху; но тутъ же сознаемся, что радость эта не совсѣмъ чужда и личныхъ расчетовъ: въ томъ самомъ успѣхѣ мы видимъ утвержденіе нашего отзыва, произнесеннаго еще въ прошломъ мѣсяцѣ при первомъ выходѣ въ свѣтъ творенія; тотъ самый успѣхъ, вознаграждая автора за его трудъ живѣйшею отрадою, чрезвычайно облегчаетъ намъ скользкое дѣло разбора пріятельской книги, потому что дозволяетъ говорить откровеннѣе съ авторскимъ его самолюбіемъ, вѣроятно уже расположеннымъ къ хорошему пріему замѣчаній.

И мы даже начнемъ съ замѣчаній, чтобъ скорѣе сложить съ сердца тягость и выйти свободно на поле, гдѣ сіяетъ столько разнородныхъ красоть.

Романъ Г. Греча есть явленіе совсѣмъ необыкновенное въ нашей Словесности: это не Сказка и не Повѣсть; не страничка, вырванная изъ Исторіи и разведенная выдумками и разговорами на четыре тома; даже не философическая картина частной и семейной жизни: авторъ избралъ себѣ цѣль гораздо величественнѣе; стремленіе его несравненно выше и смѣлье. Это Романъ метафизическій. Одна сильная и лучезарная идея господствуетъ, подобно огненному облаку, надъ всемъ пространствомъ бо-

гатаго разнообразіемъ и происшествіями разсказа, и заключается въ томъ, что въ вещественномъ мірѣ очевидно преобладаетъ духовное начало. Цѣль автора передать это убѣжденіе. Что все въ мірѣ движется духомъ, что его могущество проявляется во всемъ созданномъ, это несомнѣнно; но мы крайне сомнѣваемся, можно ли это доказать Романомъ, то есть, поэтическимъ вымысломъ.

Чѣмъ болѣе точныя Науки приближаются къ настоящимъ ихъ началамъ, тѣмъ яснѣе становятся для нихъ и для ума человѣческаго существованіе единого, всемогущаго Бога: оно, уже сегодня, можетъ быть доказано, такъ сказать, математическими вычислениями, и самая Математика, составляющая общее основаніе формъ нашего разума и силы, управляющей вселенною, есть только одна изъ точекъ, самыхъ ясныхъ точекъ соприкосновенія нашей души съ существомъ Всеобщаго Разума міра. Астрономія на небѣ, на землѣ Анатомія, Геологія, Естественная Исторія, Физика и Химія каждый день доставляютъ новые и убѣдительнѣйшіе доводы въ пользу великой и непреложной истины. Какъ скоро происхожденіе души нашей отъ Божества, какъ скоро тождество ихъ духа и вѣчная ихъ связь между собою однажды приведены въ ясность неопровержимыми выводами точныхъ познаній человѣка, Откровеніе и Вѣра дѣлаются необходимымъ слѣдствіемъ этого наведенія: всякъ, однимъ здравымъ разсудкомъ, постигаетъ ихъ неизбѣжность.

Авторъ могъ употребить для своей цѣли всѣ данныя точныхъ Наукъ, подобно ученымъ и краснорѣчивымъ писателямъ, раздѣлившимъ между собою Бриджватерскую премію, хотя это выходило бы изъ предѣловъ изящнаго сочиненія. Онъ могъ призвать въ по-

мощь истины Нравственной Философіи, науку практической жизни, и, помощію ея факела, вывести насъ изъ темени предполагаемаго сомнѣнія на великій путь своего начала. Но онъ предпочелъ всѣмъ этимъ мощнымъ и великоблннымъ средствамъ, уже самимъ собою облагороживающимъ человека и повышающимъ его къ Божеству, одну изъ самыхъ сомнительныхъ отраслей положительнаго знанія, еще не очистившуюся отъ заслуженнаго упрека въ шарлатанствѣ, еще не доказавшую ничего яснаго: онъ предпочелъ животный магнитизмъ. При выборѣ его въ главныя пружины убѣжденія въ литературной повѣсти, первая и весьма важная ошибка состоитъ въ томъ, что писатель вдругъ и добровольно лишается согласія съ его мнѣніями всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ поводовъ вѣрить дѣйствительности чудесъ этой пружины. Алимари, который есть родъ осуществленія личныхъ понятій автора, говорить, что онъ твердо вѣритъ животному магнитизму: намъ довольно замѣтить, что въ опытномъ изученіи Природы это уже очень бѣдная истина, въ которую нужно только вѣрить. Еще несвойственное употребленіе животный магнитизмъ во всемъ его пространствѣ въ подкрѣпленіе предложенной истины, преобладанія въ мірѣ духовнаго начала, тогда какъ теорія этого магнитизма въ конечномъ своемъ итогѣ низводитъ душу человеческую на степень вещественнаго дѣателя. Правда, духовный мистицизмъ нѣсколько уже разъ пытался воспользоваться таинственными его чудесами для своихъ созерцаній и даже основывалъ на нихъ свои ученія; но, выскнувъ короче въ дѣло, онъ всегда кончалъ тѣмъ, что вдругъ сталъ убѣгать столь опаснаго союзника, и оставлялъ въ недоумѣніи своихъ восторженныхъ последователей. Отсюда многіе смѣшиваютъ явленія магнитизма съ явленіями духовнаго міра, къ чему сильно причини-

лось и самое названіе существовавшей между магнетистами школы Спиритуалистовъ, которые, не имѣя ничего общаго съ духомъ, отличались отъ другихъ только средствомъ производства магнетизма черезъ напряженіе воли, и самую волю превращали въ вещество.

Большая часть дѣйствующихъ лицъ «Черной Женщины» духовидцы: обитаютъ среди призраковъ и имѣютъ вѣщія сны, предсказываютъ будущность. Мы не думаемъ, чтобы, наполнивъ видимый міръ призраками и привидѣніями, можно было доказать преобладаніе въ немъ духовнаго начала: они существуютъ, — это правда, но существуютъ только какъ оптическіе обманы; они — тѣнь, бросаема въ воздухъ нашими мыслями, нашимъ восбраженіемъ; въ крайнемъ случаѣ они доказываютъ только, что есть люди съ разстроенными нервами. Кому изъ насъ, въ сильномъ напряженіи мысли, особенно при легкой лихорадкѣ и позывѣ на сонъ, не случилось вдругъ увидѣть передъ собою образъ человѣческій, иногда и свой собственный? Но это еще не духи: всѣ мы знаемъ, и почтенный авторъ «Черной Женщины» безъ труда на то согласится, что этотъ кажущійся образъ былъ во мнѣ, а не внѣ меня, и что это было только случайное продолженіе фокуса моего воображенія. Оттого никто, кромѣ меня, и не видѣлъ этого образа. Само собою разумѣется, что если бъ я былъ Карломъ IX или Густавомъ III, тотъ или другой изъ моихъ льстецовъ увидѣлъ бы его тоже, и еще яснѣе меня, какъ скоро я спросилъ бы его объ этомъ; по протокола нашего общаго видѣнія еще не слѣдовало бы употреблять въ доказательство существованія ни домовыхъ, ни лѣшихъ. Жаль, что пріятель, сообщившій автору одинъ подобный протоколъ, который впрочемъ

мы сами читали въ какомъ-то повременномъ изданіи, не сообщилъ ему вмѣстѣ статьи того ученаго Шведа, который такъ явно обнаружилъ подлогъ этого страшнаго акта.

Авторъ простить намъ великодушно, если мы скажемъ, что живое, огненное, удивительное изложеніе его извѣстнаго анекдота о Казоттѣ стоитъ тысячу разъ болѣе нежели самый анекдотъ, который столь же мало заслуживалъ его вниманія, какъ видѣнное Г. астрономомъ и метеорологомъ Шретеромъ ночное шествіе изъ Адмиралтейства въ Зимній Дворецъ или вѣщій сонъ артиллериста. Раскрывъ любой томъ Баронія, авторъ нашелъ бы сотни случаевъ, еще удивительнѣйшихъ и подкрѣпленныхъ такими важными свидѣтельствами, что они могутъ поколебать самаго заклятаго скептика. По нашему, всѣ подобныя рассказы и поддерживаніе ихъ мнимыми доказательствами не приносятъ ни какой пользы Религіи: напротивъ, создаютъ новый родъ суевѣрія, и подлѣ чистаго ученія Церкви, которое должно одно обладать всѣмъ нашимъ вѣрованіемъ, устанавливаютъ особое вѣрованіе въ сны и призраки, ни къ чему не ведущіе въ будущей жизни, а въ настоящей помрачающіе только свѣтъ разума и развитіе точныхъ Наукъ, могущественнѣйшей и вѣрнѣйшей опоры Религіи. Одна страница Астрономіи болѣе представляетъ доводовъ въ пользу Провидѣнія и Премудрости Божіей, нежели вся «Символика сновъ» почтеннаго Шуберта, и всѣ магнитическіе Журналы Вольфарта и Кизера.

Вопросъ, такъ краснорѣчиво защищаемый авторомъ «Черной Женщины», о пользѣ животнаго магнетизма для укрѣпленія въ человечествѣ утѣшительныхъ истинъ, вопросъ, который мы конечно оставили бы безъ отвѣта, если бъ онъ не былъ предло-

женъ такимъ извѣстнымъ и достойнымъ уваженія писателемъ, этотъ именно вопросъ велитъ намъ предпринять подробный разборъ предмета, даже съ опасеніемъ подвергнуться головной боли, которою нѣкогда страдали мы такъ жестоко въ рукахъ одного великаго магнетизера. Non ignarus mali!..... Мы тоже были въ магнитизмъ по уши.

Тонкая летучая жидкость, которую можно назвать первнымъ сокомъ нашей планеты, кружить очевидно въ цѣломъ ея составѣ и во всѣхъ ея членахъ. Одинъ образъ проявленія этой жидкости извѣстенъ намъ подъ именемъ электричества; многія новѣйшія наблюденія позволяютъ заключать, что магнитность есть только другой образъ, подъ которымъ она объявляется нашимъ чувствамъ въ извѣстномъ ряду случаевъ, другое свойство одного и того же вещества. Это свойство обнаруживается особенно въ слиткахъ мѣдножелезной руды, находимыхъ обыкновенно подлѣ природнаго желѣза, и называемыхъ *магнитомъ*: оно состоитъ изъ четырехъ примѣчательныхъ явленій: 1) притягательной силы, дѣйствующей на желѣзо; 2) добровольнаго обращенія однимъ опредѣленным концомъ, — когда магниту будутъ даны видъ иглы, или стрѣлки, и свобода ворочаться на одной точкѣ, — къ одному изъ четырехъ извѣстныхъ пунктовъ Земнаго Шара, оказывающихъ самое сильное дѣйствіе на эту стрѣлку, и именно къ самому ближайшему изъ нихъ; 3) поляризаціи, то есть, протяженія однимъ концомъ, и оттолкновенія другимъ, когда попеременно приближаешь концы, или полюсы, магнита къ одному изъ концовъ стрѣлки; 4) наконецъ, атмосферы, или дара оказывать свое дѣйствіе даже въ нѣкоторомъ удаленіи, явно удостовѣряющаго, что летучая жидкость, которая производитъ въ магнитѣ всѣ эти явленія, разлита и вокругъ него до извѣстнаго разстоянія.

Два послѣдніе феномена, поляризаціи дѣйствующей въ магнитѣ силы и ея атмосферы, общи ей съ электричествомъ; два первые исключительно ей принадлежатъ, и даже уничтожаются послѣднимъ. Впрочемъ не одинъ магнитъ оказываетъ это свойство, которое будемъ мы впередъ называть магнитностью: кобальтъ, колчеданъ и фальцъ также одарены имъ въ различныхъ степеняхъ. Полоскамъ простаго чистаго желѣза и стали можно сообщить его посредствомъ сближенія ихъ съ природнымъ магнитомъ или натиранія магнитною полоскою въ опредѣленномъ направленіи; можно даже возбудить въ нихъ собственную ихъ магнитность безъ всякаго участія природнаго магнита, просто сильными ударами молота, или держа ихъ отвѣсно въ рукъ и слегка ударяя ключемъ по остальной длинѣ внизъ, или вода повторительно палочкою отъ середины этихъ полосокъ сперва къ одному концу, потомъ, оборотивъ палочку, отъ середины же къ другому. Пропускаемъ разные другіе способы дѣлать искусственный магнитъ, и только замѣтимъ, что та же самая манипуляція, вожденіе даннымъ тѣломъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, служитъ къ возбужденію магнитности и въ кобальтѣ, и въ человѣкѣ, и проч.

Въ природномъ магнитѣ есть еще одно весьма любопытное свойство, о которомъ должны мы упомянуть, потому что оно бросаетъ свѣтъ на важную тайну животной магнитности: кусокъ этого минерала, одаренный силою притяженія, способною поднимать извѣстный вѣсъ желѣза, теряетъ ее совершенно, если остается долгое время безъ употребленія; напротивъ, упражняя его въ этомъ занятіи, можно чрезвычайно, хотя всегда до извѣстной степени, увеличить въ немъ эту силу. Вотъ естественное объясненіе того удивительнаго магнитическаго могущества, которое пріобрѣтаютъ многіе магнетизеры: утверждаютъ, что

Месмеръ, въ старости своей, усыплялъ добрыхъ людей однимъ прикосновеніемъ руки; мы знаемъ въ Петербургѣ одного весьма почтеннаго мужа, которому приписываютъ тотъ самый даръ, не считая принадлежащихъ къ школѣ кавалера Барбарена, и, посредствомъ упражненій въ этомъ ремеслѣ, достигшихъ искусства измывать изъ себя магнитность помощію напряженія взора и волн. Мы не хотимъ спорить съ приверженцами и обожателями магнетизма о подлинности всѣхъ чудесъ этого дара, приводящаго ихъ въ такое удивленіе, и желали только показать, во - первыхъ, что не отвергаемъ его возможности до извѣстной степени; во - вторыхъ, что, какаѣ бы ни была его обширность, въ немъ нѣтъ ничего духовнаго, ни сверхъ-естественнаго.

Теперь перейдемъ къ теоріи самаго магнетизма. Краткое изображеніе нервной системы животнаго тѣла необходимо для ея понятія.

Бѣлыя тонкія волокна распространяются вдоль всего нашего тѣла въ разныхъ направленіяхъ въ видѣ коемъ, облеченныхъ плевами, которыя, заключая въ себѣ извѣстное число такихъ волоконъ, образуютъ отдѣльные нервы, упирающіеся въ оконечности тѣла и въ различныя мѣста подъ кожей. Они состоятъ изъ того же вещества, какъ мозгъ, который находится въ головѣ и продолжается въ позвоночной кости. Плевы, окружающій ихъ, одного и того же качества съ плевою, облакающею мозгъ, чрезвычайно богаты кровными сосудами, которые проникаютъ въ самую массу нервовъ и въ ней оканчиваются. Посредствомъ этихъ сосудовъ нервы вытягиваютъ изъ крови и всасываютъ въ себя тонкую, летучую, эфирную, быть-можетъ даже свѣтотворную, жидкость, которая ихъ питаетъ и обновляетъ ихъ силы. Искусное по цѣлому животно-

му зданію развѣтвеніе, которое сообщила имъ Природа, называется «нервною системою»: она тѣсно связана съ мозгомъ, главнымъ ея центромъ и правителемъ. Исходя оттуда и проникая во всѣ части тѣла, нервы въ разныхъ его мѣстахъ сближаются между собою, пересѣкаются, свертываются другъ другомъ, и образуютъ родъ узловъ, или клубковъ, составляющихъ новые центры усиленной ихъ дѣятельности, и такъ-сказать отдѣльные мозги тѣхъ частей тѣла, въ которыхъ они находятся. Главнѣйшіе изъ этихъ узловъ расположены въ нижней части тѣла, за желудкомъ, близъ сердцевой полости, такъ, что изъ ихъ сближенія возникаетъ особая, полная система мозгообразныхъ узловъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ганглій, которыя можно почитать вторымъ большимъ мозгомъ человѣческаго тѣла, тѣмъ болѣе, что ему присвоены, кажется, нѣкоторыя умственные отправленія: здѣсь именно пребываютъ инстинкты, попеченіе о развитіи и укрѣпленіи тѣла, познаніе здоровья, голода, жажды, врожденныя склонности, и все то, что мы въ обыкновенномъ языкѣ называемъ голосомъ сердца. Эти нервы носятъ названіе возраждавательныхъ, или репродуктивныхъ, и, предшествуя физической жизни тѣла, образуютъ въ нервной системѣ особое отдѣленіе, отчужденное гангліями отъ отдѣленія церебральныхъ, или мозговыхъ нервовъ, которымъ ввѣрены чувства зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, которыя принимаютъ впечатлѣнія, переносятъ ихъ въ мозгъ и содѣйствуютъ всѣмъ отправленіямъ ума; на которыхъ наконецъ опирается воля и движеніе. Но оба эти отдѣленія связаны и сообщаются между собою помощію третьяго разряда нервовъ, именуемыхъ симпатическими.

Чувствительность нашего тѣла имѣетъ пребываніе свое въ нервахъ, и нервы, взятые всѣ вмѣстѣ, въ цѣ-

лой своей системѣ, въ цѣломъ распредѣленіи своихъ вѣтвей и узловъ, производятъ въ насъ такъ называемое общее чувство, *sensus communis*, то есть, совокупное ощущеніе себя, своей особы, — чувство, котораго главный пунктъ опирается на гангліяхъ, этомъ внутреннемъ мозгѣ, гдѣ оно превращается въ понятіе — Я, и въ склонность эгоизма. Такимъ образомъ, человекъ или животное собственно есть та дивная сеть бѣлыхъ снурковъ съ ихъ узлами, клубками и вѣтвями, которымъ мы даемъ имя первовъ, мозговъ и сладкаго мяса: это настоящее одушевленное, собственною жизнью, ядро нашего тѣла, которое всѣ прочія части только окружаютъ, хранятъ и питаютъ, уподобляясь мякоти въ плодахъ: при небольшемъ искусствѣ, можно выдернуть человека изъ человека. Если бъ мы умѣли сдѣлать это въ живомъ лицѣ, не причиняя ему смерти, остальная часть его представила бы намъ массу тяжелую, безчувственную, неподвижную, тогда какъ вынутая изъ него плетеница, съ ея узлами, могла бы и внѣ тѣла совершать всѣ отправленія чувствительности и умственной жизни: стоило бъ только доставить ей ту пищу, какую получаетъ она отъ тѣла, — и эта-та бездѣлица будетъ, кажется, всегда препятствовать отдѣленію внутренняго человека отъ его плоти. Чувствительность состоитъ въ двоякомъ свойствѣ нервовъ, — раздражительности, то есть, способности съ большею или меньшею скоростью принимать впечатлѣнія, и крепости, то есть, даръ удерживать ихъ въ себѣ долѣе или короче, и неравное содержаніе этихъ двухъ свойствъ одного къ другому производитъ неравность температуръ.

Главное орудіе чувствительности нервовъ есть тотъ живительный ихъ сокъ, талетучая, эфирная жидкость, повидимому содержащая въ себѣ даже начало свѣта,

которую они вытягиваютъ изъ крови посредствомъ окружающихъ ихъ сосудовъ. Эта жидкость, уподобляющаяся и электричеству, и магнитности, одарена явлениями поляризаціи и атмосферы. Въ существованіи ея атмосферы можно удостовѣриться во всякое время: всѣ пункты какого-нибудь мускула способны ощущать, хотя нервъ проходитъ черезъ него только въ одномъ мѣстѣ; слѣдственно, летучее вещество, текущее въ нервъ, разливается также и вокругъ него, дѣйствуя не только внутри, но и вѣнъ на извѣстное разстояніе. Поляризація этого вещества обнаруживается тогда, когда оно бываетъ взволновано посредствомъ вожденія рукою или чѣмъ другимъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, подобно тому, какъ помощію тренія или вожденія возбуждается магнитность, таящаяся въ желѣзѣ или кобальтѣ, что въ обоихъ случаяхъ называется магнитизированіемъ: тогда лице, въ нервахъ котораго эта эфирная жидкость потеряла свое равновѣсіе дѣйствіемъ подобной манипуляціи, представляетъ два полюса, какъ въ магнитной стрѣлкѣ или въ наэлектризованной полоскѣ металла: оно оказываетъ явное притяженіе или склонность къ лицу, причинившему въ немъ это разстройство, и отталкиваетъ отъ себя признаками отвращенія тѣхъ, кто не состоитъ въ соприкосновеніи съ магнитизеромъ. Эту-то летучую жидкость, которую можете вы назвать животнымъ электричествомъ, животнымъ магнитизмомъ или высокимъ нервнымъ сокомъ, именно это тонкое, эфирное вещество, добываемое нервами изъ грубаго вещества яствъ, превращенныхъ въ кровь, обще тѣламъ животнымъ и ископаемымъ, разлитое во всей земной Природѣ и обнаруживающееся въ ней подъ разными видами, магнитисты называютъ истиннымъ началомъ жизни, *Lebensfluidum*, *fluide vital*, и приписываютъ ему всѣ свойства духа. Коротко сказать, это безконечно тонкое, или какъ они выражаются, «сродное съ ду-

хомъ» вещество есть, по ихъ ученію, самая душа, и хотя имъ случается употреблять это послѣднее слово, но они всегда подразумѣваютъ въ немъ свое любимое вещество, магнитизмъ. Въ желаніи подкрѣпить эту теорію фактами заключается вся тайна магнитическихъ степеней и ихъ чудесъ, изъ которыхъ одна часть конечно дѣйствительна и согласна съ физическою возможностью, другая же существуетъ только въ разгоряченномъ умѣ самихъ магнитистовъ, состоитъ изъ произвольныхъ предположеній, преувеличеній, толковъ, и, будучи просто выводомъ изъ первой части, простертымъ до послѣдней логической крайности, даже не чужда извѣстнаго шарлатанства, которое всегда дѣлаетъ вещь яснѣйшею и разительнѣйшею.

Но положимъ, что всѣ явленія, приводимыя нами съ надлежащимъ раскрашеніемъ, справедливы и не подлежатъ ни какому спору: что жъ они доказываютъ? Они доказывали бъ только то, что мы открыли удивительныя свойства летучаго вещества, текущаго въ нашихъ первахъ; что мы, такъ сказать поймали *животную душу* чловѣка, и убѣдились, что значительная часть умственныхъ отправленій обыкновенно приписываемыхъ духу, совершается этою вещественною, животною душою. Все еще остается нетронутымъ вопросъ о душѣ духовной, управляющей этою животною душою, и употребляющей ее какъ орудіе для другихъ, высшихъ цѣлей, о душѣ безсмертной, объ этомъ таинственномъ выраженіи воли Божества въ бренномъ тѣлѣ, слою котораго чловѣкъ есть. Эта духовная душа, которую мы сознаемъ въ себѣ только посредствомъ отвлеченныхъ выводовъ, которую узнали только помощію Откровенія, которая есть отраженіе въ насъ великой Мысли міровъ; эта таинственная душа ускользаетъ отъ всѣхъ наблюденій и опытовъ; мы нигдѣ не видимъ

ея въ личномъ дѣйствіи, и логически нигдѣ видѣть не можемъ, потому что она духъ. Въ магнитическомъ снѣ мы видимъ только дѣйствія животной души, волшебную игру той летучей жидкости, которая кружить въ магнитъ, кобальтъ, нѣкоторыхъ камняхъ и въ нашихъ первахъ, и которая, будучи взволнована, то образуетъ полюсы, то возгарается и наполняетъ яркою молніею всю внутренность тѣла, то наконецъ отражаетъ въ себѣ ту же внутренность и даже вѣншіе предметы, но поставленные непременно въ потокъ той самой жидкости, который, какъ увѣряють страстные магнитисты, можно распространить на огромное разстояніе, а какъ мы готовы вѣрить, на довольно значительное. Конечно, это уже весьма важное и любопытное открытіе, но духъ не имѣетъ тутъ никакого участія въ дѣлѣ: здѣсь все механизмъ, все происходитъ физически, по правиламъ опытной Науки, посредствомъ разнаго рода проводниковъ и искусственнаго прилива въ тѣло эѳирнаго электро-магнитнаго вещества. Какимъ же образомъ животный магнетизмъ можетъ служить къ доказанію преобладанія въ мірѣ духовнаго начала, и въ чемъ полезенъ онъ религіозному вѣрованію? По счастью для насъ, вѣрованіе произтекаетъ изъ высшихъ, свѣтлѣйшихъ источниковъ, и оно превосходно можетъ обойтись безъ его услугъ: иначе, онъ привелъ бы его прямо къ матеріальной душѣ.

Чтобъ поставить занимающій насъ вопросъ въ настоящемъ его свѣтѣ и показать осязательно, что въ цѣломъ производствѣ магнитическаго раздраженія проявляется только душа животная, которой присутствіе въ нашемъ тѣлѣ было уже извѣстно древней Философіи, а нынѣ подтверждается и опытною Наукою, мы пробѣжимъ весь рядъ чудесныхъ явленій магнетизма: простое ихъ изложеніе удостовѣритъ читателей, что

духовная, настоящая душа человека не мѣшается въ эти дѣла, и это ужъ слишкомъ, если она безмолвно позволяетъ своей животной служанкѣ щеголять собственнымъ своимъ умѣньемъ. Они увидятъ, что прославленный даръ пророчанія, замѣченный у лицъ, обьятыхъ магнитическимъ сномъ, даръ, въ которомъ обожатели магнетизма, склонные къ мистицизму, нивѣсь что усматриваютъ, есть только искусственное развитіе самаго простаго, скотскаго инстинкта.

Мы сказали выше, что внутрснній мозгъ человеческого тѣла, это сцѣпленіе нервныхъ узловъ, расположенныхъ за желудкомъ близъ сердцевой полости, эти такъ называемыя ганглии, получили въ удѣлъ нѣкоторыя умственные отправления, какъ-то, инстинктъ, или предчувствіе, попеченіе о физическомъ развитіи и благосостояніи тѣла, сознаніе здоровья, голода, жажды и склонностей, общее чувство, и проч. Здѣсь также помѣщаются фантазія и воображеніе, или сила облекать внутри себя образами понятія, почерпнутыя мозговымъ отдѣленіемъ нервовъ изъ внѣшняго міра, и перелитыя въ эти узлы посредствомъ нервовъ симпатическихъ, сила живописная, которую мы, быть-можетъ, неправильно приписываемъ головѣ. Здѣсь пребываетъ особенная способность воспомнанія, независимая отъ памяти, и дальновидность, различаемая многими отъ инстинкта, но которая, по-видимому, есть только его усиленіе. Словомъ, ганглии можно назвать фонаремъ, повѣшеннымъ внутри тѣла и освѣщающимъ тайныя его работы: это центръ внутренняго міра человека, какъ голова центръ его внѣшняго міра; это собственная голова желудка, дѣйствующая независимо отъ настоящей головы, поставленной на стражъ снаружи, только отъ времени до времени со-общающая ей о своихъ потребностяхъ и прихотяхъ, и, по увѣренію неукротимыхъ магнитистовъ, гораздо

умиѣ ея, такъ, что если бѣ желудокъ съ гангліями былъ у человѣка на плечахъ, а голова его тамъ, гдѣ теперь желудокъ, человѣкъ былъ бы мудрецъ хоть куда. Какъ бы то ни было, по Сравнительная Анатомія поставила внѣ сомнѣнія ту истину, что это узловатое отдѣленіе нервовъ дѣйствительно одарено разными умственными способностями, и именно тѣми, которыя проявляются въ безразумныхъ животныхъ, и которыя, безъ содѣйствія духовной, безсмертной души, ставятъ ихъ въ возможность ощущать свое бытіе, пещись о своемъ пропитаніи и здоровьѣ, воображать, распознавать свои склонности, и т. д. Многія насѣкомыя не имѣютъ другаго мозга, кромѣ этого: умъ пчелы и муравья весь у нихъ въ желудкѣ, подъ сердцемъ. Въ человѣкѣ, облагодѣтельствованномъ, сверхъ всего разумною, невещественною душою, сила этого нижняго мозга, столицы животной души, и его животнаго ума, значительно поглощается напряженною дѣятельностью верхняго, головнаго мозга, который втягиваетъ въ себя непомѣрное количество нервнаго сока для оживленія производящихся въ немъ работъ духовнаго ума и осушаетъ гангліи; но у людей слабоумныхъ или мало трудящихся головою, у дикарей, и особенно у женщинъ, этотъ животный умъ получаетъ иногда удивительное развитіе, и воображеніе, предчувствіе, прихоти, словомъ всѣ способности, сопряженныя съ гангліями, дѣйствуютъ чрезвычайно живо: есть люди, которые въ этомъ отношеніи могли бѣ поспорить съ животными.

Отправленія органической жизни основаны на перемежкѣ занятія и отдыха, — бодрствованія и сна. Во время сна, верхній головной мозгъ со всѣми своими нервами находится въ совершенномъ успокоеніи; дѣйствія чувствъ и дѣятельность духов-

наго ума прекращаются, и душа бессмертная, этотъ высокій нравственный разумъ, которымъ Богъ связалъ насъ съ Собою, и который поставилъ Онъ въ насъ съ обязанностию наблюдать за движеніемъ животности въ нашемъ тѣлѣ, и руководствовать ее своимъ совѣтами, кажется погруженнымъ въ священную тишину сродной ему вѣчности; напротивъ, нижній мозгъ тогда бодрствуетъ, и животная душа, которую по-Русски прекрасно можно назвать *животомъ*, усугубляетъ свои попеченія о тѣлѣ: кровь течетъ быстрее, дыханіе становится чаще, вареніе, отдѣленіе, питаніе происходятъ съ дивною поспѣшностью, воспоминаніе, воображеніе, фантазія получаютъ полную волю, облекаютъ понятія наружными формами, предметовъ и производятъ сновидѣнія; общее чувство усиливается и дѣлается раздражительнѣе, и перѣдко инстинктъ, соединяясь съ фантазіею, особенно когда опасность угрожаетъ здоровью или самому лицу, пугаютъ васъ страшными видѣніями, которыя, если угодно, наименеемъ и вѣщими. Всѣ эти явленія примѣчаются и у безразумныхъ тварей, и мы не видимъ, какимъ бы образомъ можно примѣнить ихъ къ религіозному вѣрованію, хотя допускаемъ здѣсь теорію животного магнетизма со всѣми ея основаніями. Сны и видѣнія святыхъ угодниковъ суть слѣдствіе особенной благодати Божіей, суть вліяніе духа, происходятъ извне, не имѣютъ ни какой связи съ магнетизмомъ ни, съ изученіемъ Природы, и они-то принадлежатъ къ духовному міру; но вѣщія сновидѣнія бѣдныхъ грѣшниковъ — просто явленіе матеріальнаго міра и результатъ животной организаціи. Будь у насъ меньше мыслей въ головѣ, мы бы гораздо болѣе имѣли ихъ въ желудкѣ, мы сильнѣе жили бы животомъ, и сны этого рода сдѣлались бы вещію совсѣмъ обыкновенною.

Но это сонъ естественный: посмотримъ теперь на

искусственный, или магнитическій. Замѣченная возможность перевести дѣйствующую летучую жидкость изъ магнита въ сродное ему тѣло, желѣзо, и возбудить въ немъ способности, дотолѣ усыпленные, пода-ла мысль къ тому, чтобъ такое же эфирное вещество, существованіе котораго въ животномъ тѣлѣ давно уже было извѣстно, перевести изъ одного человека въ другаго. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Сначала, употреблены были для этого тѣ же средства, какими магнитизируютъ желѣзо; потомъ, опыты открылъ и другіе способы, которые однако жъ все опираются на теоріяхъ электричества и минеральной магнитности, и слѣдуютъ ихъ правиламъ: сюда принадлежатъ треніе, возденіе рукою или другимъ тѣломъ, хорошіе и дурные проводники, отдѣленіе, (*isolatio*), субституты, вліяніе металловъ и наконецъ самое электричество, иногда служащее вспомогательнымъ средствомъ. Одинъ изъ простѣйшихъ способовъ перелитія нервной эфирной жидкости (магнитизма) изъ себя въ другаго человека состоитъ въ дыханіи на него по извѣстнымъ правиламъ и въ вонженіи въ него въ то же время своего взора и своей воли: мы уже объяснили, что одно упражненіе доводитъ до этого искусства; но сверхъ-того искусникъ долженъ быть самъ чрезвычайно исполненъ этого вещества, или яснѣе, долженъ быть полнокровенъ и обилень электричествомъ; а тотъ, на котораго онъ дѣйствуетъ, слабъ нервами, раздражителенъ или боленъ. Какимъ бы образомъ передача ни совершалась, приливъ излишняго количества магнитизма въ нервы пациента возвышаетъ ихъ чувствительность, и, скопляясь въ центрѣ животной жизни, гангліяхъ, приводитъ ихъ въ бодрствованіе: въ то же время мозгъ и все органы головы по необходимости повергаются въ насильственное усыпленіе, почти каменѣютъ; душа разумная останавливаетъ все свои занятія какъ въ сильномъ угарѣ, въ нижней части

тѣла наступаетъ удивительная дѣятельность; жизненная матерія, или животная душа, уснувшая искусственнымъ накатаніемъ въ нее того же вещества, изъ котораго сама она составлена, кипитъ въ узлахъ, выступаетъ изъ береговъ, и образуетъ около тѣла обширную атмосферу. Мы не станемъ говорить о первыхъ степеняхъ магнитическаго сна, потому что, кромѣ судорогъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было найти и въ обыкновенномъ снѣ. Высшія степени пріобрѣтаются не иначе, какъ тоже помощію упражненія: это показываетъ, что и животную душу можно выучить многому, тѣмъ болѣе, что отъ нея хозяина требуется непременно — твердая вѣра въ дѣйствительность магнетизма — и твердое желаніе, чтобы онъ произвелъ свое дѣйствіе, а съ этими двумя началами и Омеопатія дѣлаетъ чудеса. Менторъ «Черной Женщины», Алимари, сказать мимоходомъ, виновать въ ужасной ереси: онъ въ одинъ присѣсть возводитъ больную женщину на корабль въ сонъ седьмой степени, въ восторженіе, или такъ называемую дезорганизацію, тогда какъ, въ животномъ магнетизмѣ, это коренное, непреложное правило, что нельзя достигнуть высшей степени, не перешедши черезъ всѣ низшія, — что требуетъ довольно времени и повторительныхъ опытовъ.

При содѣйствіи навыка къ дѣлу и постепеннаго прибавленія магнетизма въ ганглии, наконецъ этотъ нижній мозгъ начинаетъ свои представленія, сопровождаемыя первическими припадками и даже признаками горячки. Въ зрительномъ нервѣ паціента мелькаютъ молніи, — явленіе электрическое, или по крайней мѣрѣ доказывающее, что въ летучемъ веществѣ первовъ есть свѣтотворное начало. Онъ узнаетъ предметы тѣмъ именно мѣстомъ своего тѣла, около котораго образуется самая сильная

магнитическая атмосфера, — мѣстомъ, соответствующимъ главнымъ узламъ ганглій, именуемымъ «солнечными»: только, эти предметы не должны быть отдѣлены отъ него худыми проводниками электричества, — мы просимъ тѣхъ, которые приписываютъ магнитическимъ ясновидѣніямъ нѣчто духовное, хорошо вникнуть въ это обстоятельство.

По мѣрѣ умноженія въ пациентъ количества приливнаго магнетизма, онъ болѣе и болѣе отчуждается отъ внѣшняго міра, и погружается въ свой личный животный міръ; внутренность его освѣщается проблесками и вспышками той же летучей матеріи; онъ видитъ свою внутренность, то есть, его общее чувство сильно распознаетъ ихъ, а внѣшніе предметы, находящіеся въ предѣлахъ магнитической его атмосферы, мерещатся ему какъ во снѣ. Оба эти явленія показываютъ только то, что все дѣйствіе происходитъ въ средоточіи животной, матеріальной жизни, и что магнитная жидкость одарена удивительнымъ свойствомъ отражать въ себѣ предметы, еще въ высшей степени чѣмъ воздухъ, и, по своей чрезвычайной тонкости, переноситъ ихъ образы въ одинъ изъ своихъ полюсовъ, даже сквозь поры тѣла. Это свойство, магнитной жидкости, магнитности или магнетизма, сходное со свойствомъ воды и воздуха, которые тоже не только просвѣчиваютъ находящіеся въ нихъ предметы, но еще ихъ отражаютъ и переносятъ ихъ наружный видъ на извѣстное разстояніе, объясняетъ всѣ дальнѣйшія явленія. Въ немъ находится и причина того микроскопическаго зрѣнія, которымъ отличается желудокъ усыпленныхъ высокимъ магнитическимъ сномъ: они, на примѣръ, видятъ, какъ электричество вытекаетъ изъ волосъ и глазъ ихъ магнетизера тонкими, огненными лучами, и направляется въ ихъ сторону: если это правда, теорія зрѣнія болѣе не была бы загадкою. Испол-

нясь магнитизмомъ еще болѣе, они уже видятъ вѣщныя предметы не однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, но цѣлымъ тѣломъ, лишь бы тутъ опять не было дурныхъ проводниковъ. Они тѣсно сливаются общимъ чувствомъ съ лицомъ, изъ котораго магнитизмъ въ нихъ переходитъ, слышатъ и осязаютъ только его чувствами. Металлы производятъ на нихъ самое опасное дѣйствіе. Поляризація летучей жидкости устанавливается, и прикосновеніе лицъ, не состоящихъ въ связи (en rapport) съ магнитизеромъ, исторгаетъ у нихъ мгновенные и страшные признаки отвращенія.

Далѣе, помощію новыхъ упражненій и еще сильнѣйшаго накатанія магнитизмомъ, они становятся ясно-видящими, то есть, разглядываютъ насквозь не только свое тѣло, но и тѣло своего магнитизера, и тѣла особъ, состоящихъ съ нимъ въ прикосновеніи, даже отдаленныхъ на нѣсколько десятковъ верстъ, коль скоро магнитизеръ соединитъ ихъ съ собою посредствомъ какого-нибудь хорошаго проводника, — замѣьте всюду этого проводника: для духа проводниковъ не нужно; другое дѣло, если бъ то были явленія духовныя, не физическія; если бъ душа разумная, безсмертная; принимала хоть малѣйшее участіе въ этихъ напряженіяхъ матеріальнаго жизненнаго начала! Замѣьте еще, что ясновидящіе видятъ только то, что относится къ здоровью тѣхъ лицъ, а сознаніе здоровья есть именно одна изъ главныхъ способностей центра животной жизни, возраждавательныхъ нервовъ, ганглій, живота. Наконецъ, поработавъ еще немного, они впадаютъ во «всеобщее ясновидѣніе», восхищеніе или дезорганизацію: тутъ уже паціентъ видитъ и помнитъ все независимо отъ времени и отъ мѣста, въ прошедшемъ, въ будущемъ, далеко, близко, вдоль и поперекъ, и всегда видитъ удивительно чисто, за исключеніемъ лишь того, что ему кажется туманнымъ, или что отчуждено дур-

ными проводниками. Но для учрежденія магнитической связи между нимъ и отдаленными лицами, вещественные хорошіе проводники здѣсь уже не нужны: довольно, чтобы его магнитизеръ умственно соединилъ съ собою отдаленнаго, даже незнакомаго пациенту больнаго, — но только больнаго, а не здороваго, — чтобы онъ коснулся его мыслию. Сверхъ-того пациентъ выражается высокимъ слогомъ, — то есть, непонятнымъ, какъ большая часть высокихъ слоговъ, и видитъ даже мысли своего магнитизера, который наоборотъ управляетъ имъ единою волею своею. Только и тутъ не раздѣляйте ихъ между собою дурными проводниками, потому что чудо вдругъ исчезнетъ. И все это означаетъ, что счастливый страдалецъ почти превратился цѣлкомъ въ летучее жизненное начало, и, такъ сказать, растаявъ въ магнитизмъ, что животная душа, пролитая въ его нервахъ, пріобрѣла неизмѣримую атмосферу, которая приходитъ въ соприкосновение съ цѣлою Природою, и проникаетъ все предметы; что сквозь это посредство чувствительности его общій смыслъ, его первая система, обнимаетъ огромный удѣлъ творенія и ощущаетъ его точно такъ же, какъ въ здоровомъ человѣкѣ этотъ смыслъ ощущаетъ себя, свою особу.

Это состояніе называется у магнитистовъ психическимъ: мы, кажется, довольно ясно обнаружили, на какую душу намѣкаетъ здѣсь слово *психи*. Но и въ этомъ состояніи нѣтъ ничего страннаго: оно лишь развитіе предъидущихъ, довольно преувеличенныхъ, очень подозрительныхъ фактовъ, — загнанное правда ужасно далеко, но которое можно, въ духъ теорій, загнать еще далѣе, совершенно съ тою же вѣроятностью: почему бы эта атмосфера животной чувствительности, пораздувшись хорошенько, не могла коснуться, на примѣръ, луны, солнца, даже

и Сиріуса, принести намъ извѣстія изъ тамошнихъ госпиталей! Странно только то, что люди весьма умные и ученые были въ состояніи, видѣ магнитическаго сна и лихорадки, панизать столько призраковъ своего воображенія, чтобъ обманывать ими себя и другихъ. Но всякъ воленъ вѣрить, что ему угодно: быть-можетъ, и мы со-временемъ повѣримъ всѣмъ чудесамъ животнаго магнитизма, тѣмъ болѣе, что первый шагъ уже сдѣланъ, — мы привели ихъ здѣсь такъ серіозно, какъ-будто въ нихъ вѣрили *. Между-тѣмъ мы не усом-

* Но къ чему животный магнитизмъ! Чудеса, которыя творить знаменитый Князь Гогенлоге, гораздо удивительнѣе и имѣють по крайней мѣрѣ столько же страстныхъ защитниковъ, хотя доказать ихъ еще труднѣе. Князь Гогенлоге магнитизма не употребляетъ; онъ нашель тайну исцѣлять болѣзни и недуги посредствомъ извѣстныхъ ему моленій. Многія изъ его чудесныхъ исцѣленій не подлежатъ сомнѣнію, и мы сами беремъ поставить десятокъ свидѣтелей, которые присягнутъ, что они тоже ихъ видѣли собственными глазами. Между-тѣмъ, въ началѣ нынѣшняго года, Австрійское правительство запретило Его Свѣтлости дѣлать чудеса, и вотъ по какому случаю: одна дама въ Вѣнѣ, получившая отъ Природы лѣвую ногу гораздо короче правой, долго не вѣрила сверхъ-естественному дару Князя Гогенлоге; но, убѣдяся безчисленными доказательствами и советами самыхъ почтенныхъ лицъ, испытавшихъ на себѣ его дѣйствительность, наконецъ 19 Февраля написала къ нему записку, которою просила его, помочь ей безобразію: она сообщила ему все нужныя свѣдѣнія о состояніи своей ноги, которая была короче другой четырьмя дюймами. Князь получилъ ей письмо при гостяхъ: чтобъ скорѣе одолжить просительницу, онъ сталъ повторять мысленно свое моленіе, не прерывая бесѣды своей съ присутствовавшими. Онъ повторилъ его до восьми разъ. Его Свѣтлость былъ увѣренъ, что исцѣленіе совершилось, и остановился. На другой день получаетъ онъ грозное письмо отъ той же дамы, которая обременяетъ его упреками, и бранитъ безпощадно. Представьте, что случилось! Разговаривая съ своими гостями, увлеченный бесѣдою, онъ забылъ, что дама писала къ нему только о четырехъ дюймахъ; ему показалось, что ей нога короче восемью дюймами; онъ сотворилъ столько же разъ свою молитву, и пациентка, проснувшись на другое утро, нашла, что ей лѣвая нога, бывшая прежде четырьмя дюймами короче правой, теперь такъ вытянулась, что она уже четырьмя дюймами длиннѣе ея. Какая изпростительная разсыянность! Дама не удовольствовалась тѣмъ, что написала къ нему горькую укоризну; она подала донесеніе въ полицію, которая принуждена была принять рѣшительную мѣру для отвращенія впредь подобныхъ безпорядковъ. Этотъ фактъ былъ напечатанъ почти во всѣхъ Пѣтсбургскихъ газетахъ.

мнилъсь сказать, что самый Романъ Г. Греча, блестящій такимъ множествомъ свѣтлыхъ, возвышенныхъ мыслей, одушевленный такими прекрасными чувствами, носящій на себѣ такой глубокой отпечатокъ твердаго и яснаго понятія о Богѣ, его пресмудрости, благости и величїи, есть доказательство въ миллионъ разъ сильнѣе въ пользу безсмертнаго и небеснаго существа нашей разумной души, нежели всѣ подлинныя и предполагаемыя явленія животнаго магнетизма, относящіяся прямо къ животнымъ началамъ жизни, основанныя на физическихъ опытахъ и представляющія результаты чисто физическіе. Всѣ магнетизеры и всѣ ясновидящіе вмѣстѣ, собравъ съ цѣлаго свѣта гангліи, животы и хорошіе проводники электричества, не напишутъ десяти строкъ чудесной страницы о спротствѣ, помѣщенной авторомъ въ этомъ Романѣ, и лучше которой мы ничего не читали ни на какомъ языкѣ.

«Знаете ли вы, что есть спрота? Это цвѣтокъ, сорванный порывомъ бурнаго вѣтра съ роднаго стебля, и рукою состраданія погруженный въ воду, для продолженія его жизни нѣсколькими часами. Онъ питается чистою водою, красуется въ драгоценномъ сосудѣ, защищенъ отъ пчелъ и бабочекъ, слышитъ похвалы и изліянія восторга, возбуждаемая его цвѣтомъ и запахомъ. Но головка его томится, унываетъ, гнется на сторону, склоняется къ сырой землѣ, гдѣ скрыты родныя его вѣтви. И онъ стремится мыслию изъ позлащенныхъ палатъ, изъ драгоценнаго сосуда, изъ кристальной воды, — на ту укромную грядку, гдѣ возникъ и развернулся на черной землѣ, въ дыханіи весенняго вѣтра, гдѣ кропили его и утренняя роса и дождь небесный, гдѣ спокойно и радостно цвѣли подлѣ него младшіе братья; гдѣ родныя ему, другія дѣти Природы, трудолюбивыя пчелы и беззаботные мотыльки, съ веселымъ жужжаніемъ порхали вокругъ него на солнцѣ полуденномъ!

«Чувствую всю цѣну милостей моей благодѣтельницы. Я готова отдать ей и за нее жизнь мою; только въ ся при-

сутствіи бываю спокойна и весела; только о ея жизни и здравіи и денно и пощю молю моего Создателя; но невольно, изъ блистательнаго, великолѣпнаго круга, стремлюсь въ бѣдную хижину, гдѣ жили мои родители. Маменька! ты жила, ты слышала мой младенческій лепетъ, ты любила меня! Ты звала меня: Наденька! Умирая, ты думала обо мнѣ и меня благословляла!... А я не знаю и того, какъ тебя звали! — Отецъ мой обремененный заботами житейскими и грустію душевною, отдалъ меня на руки великодушной моей благодѣтельницѣ, и самъ чрезъ нѣсколько времени слегъ въ постель. Я одна, одна въ этомъ пространномъ мірѣ — иду, стремлюсь, не зная, куда. Но я къ нему не привязана; не боюсь ни страданій, ни смерти. Страданія мои не могутъ сравниться съ страданіями матери, покидавшей меня въ этомъ мірѣ, а смерть соединитъ меня съ тѣмъ, кто дорогъ моему сердцу! Маменька! я тебя узнаю изъ тысячи блаженныхъ тѣней!»

Вооружаясь противъ основной идеи Романа, опирающей несомнѣнную метафизическую истину преобладанія въ мірѣ духовнаго начала на дѣятельности животнаго магнетизма, — феномена въ цѣломъ своемъ пространствѣ совершенно животнаго, матеріальнаго, и на сбивчивомъ свидѣтельствѣ вѣщихъ сновъ, призраковъ и привидѣній, — другаго физическаго явленія, происходящаго собственно внутри насъ, въ нашемъ желудкѣ; отвергая эту идею какъ предосудительную для самаго предмета, который она старается привести въ ясность, мы съ восхищеніемъ сдаемся прелестямъ самой книги, какъ изящнаго творенія. Несбыточная ученая цѣль автора въ сторону, а въ литературномъ отношеніи мысль употребить магнитическія чудеса въ видѣ пружины повѣсти чрезвычайно оригинальна и счастлива, и искусство сочинителя открыло въ ней для себя источникъ самой сильной занимательности. Книга читается съ той быстротою, какую сообщаетъ только соединенная заманчивость слога и содержанія: съ первой страницы

до послѣдней она содержитъ васъ подѣ волшебствомъ разсказа умнаго, разнообразнаго, плотно связаннаго и живаго, и это очарованіе не разрушается даже при вторичномъ чтеніи. Въ продолженіе повѣсти встрѣчаются страницы высокаго краспорѣчія, и мы не можемъ лишиться себя удовольствія выписать одно цѣлое мѣсто, гдѣ главная мысль сочиненія является въ полномъ блескѣ: трудъ этотъ для насъ тѣмъ пріятнѣе, что здѣсь нѣтъ магнетизма, и что доводы въ пользу великаго предмета почерпнуты не изъ ганглій, не изъ живота а изъ настоящаго ихъ источника, — духовнаго ума, внушеній души разумной.

«Общіе законы, по которымъ міръ и все въ немъ сущее рождается, живетъ и преходитъ, останутся тайною. Успѣхи наши въ теченіи тысячелѣтій — это десять шаговъ человѣческихъ, пройденныхъ муравьемъ на странствіи вокругъ Земнаго Шара. Но если бранными глазами, слабыми орудіями чувствъ не могу проникнуть въ глубину земнаго и небснаго творенія, — мысль моя, незнающая веригъ пространства и времени, возлетаетъ къ невидимому, но познаваемому средоточію. Къ сознанію собственнаго нашего ничтожества необходимо присоединяется сознаніе Верховнаго Разума, въ которомъ теряется и мысль моя, и вся огромная видимая вселенная. Изученіе Природы пылъ облеклось для меня свѣтлымъ лучемъ духовнаго міра. Прежде сего удивлялся я съ одной стороны огромности небсныхъ свѣтилъ, нецѣлѣмостности безвоздушнаго пространства, съ другой мелкости животныхъ и растений микроскопическихъ; старался истолковать себѣ восхожденіе существъ отъ грубаго, безжизненнаго камня къ совершеннѣйшему земнородному — человѣку. Теперь, наоборотъ, мыслію позволю на землю могущество и благодѣ Бога, духомъ его проникаю все бывшее, сущее и будущее въ мірѣ, и дыханіемъ его оживляю, какъ гранитныя утесы, такъ и мысли человѣческія. Я удостовѣрился теперь, болѣе нежели когда нибудь, что смерти нѣтъ въ Природѣ; что видимые нами предме-

ты, исчезая въ вещественномъ мірѣ, только принимаютъ другой видъ, и духъ нашъ, оставляя бренное тѣло стремится невѣдомыми путями къ началу, недоступному въ здѣшнемъ мірѣ. Я принимаю общую жизнь Природы, вѣчное круговращеніе, непрерывное самозмѣненіе формъ ея; по причину существованія и жизни Природы нахожу видъ ея, въ Существѣ высочайшемъ, премудрѣйшемъ. Намъ невозможно вообразить себѣ въ мірѣ что либо сущее безъ причины и безъ послѣдствій. И самые злѣйшіе безбожники согласны въ томъ, что окружающій человека міръ разнородныхъ силъ, являющійся въ своихъ дѣйствіяхъ на него, долженъ имѣть свою начальную причину. Они говорятъ, что эта причина всехъ явленій въ мірѣ заключается въ таинственныхъ, согласныхъ между собою дѣйствіяхъ силъ Природы, которыхъ существа мы познать не можемъ. Природа, толкуютъ они, существуетъ такъ отъ вѣка, дѣйствовала такъ всегда, производила явленія и перемѣны сама того не зная. Слѣдственно, по этому ученію, самое совершенное существо въ мірѣ есть человекъ, ибо онъ сознаетъ свое существованіе? Слѣдственно, Природа произвела существа, которыя совершеннѣе, выше, превосходятъ ея самой? Слѣдственно вселенная есть мертвая машина, которая сама себя не знаетъ, а производитъ существа достойныя, въ сравненіи съ нею, быть божествами? — Нелѣпость этой мысли очевидна. Если, по законамъ моего разума, должна быть всему общая, начальная причина, то она не можетъ быть несовершеннѣе меня. Эта чудесная гармонія въ мірозданіи, эти рассчитанныя, измѣренныя, взвѣшенные законы тайныхъ силъ Природы, движущихъ вселенною, суть мысль столь великая, какой ни я, ни другой смертный никогда изъ себя родить не можетъ. И изъ этой мысли вывожу я существованіе произведшей ее, соразмѣрной съ нею силы, самодѣятельной и познающей, какъ душа моя — только въ высшей, недостижимой, невообразимой степени. Во сколько кратъ дѣла рукъ и ума человѣческаго слабѣе, ничтожнѣе устройства вселенной, во сколько кратъ мудрость и сила человека ниже мудрости и силы всевысочайшаго Существа. Не разрушая законовъ разума, не можемъ изгнать изъ міра сего — всеустроющій, владѣтельствующій, всесоживляю-

щей Силы. Человѣкъ, по самопознанію души своей, по отличныиъ своимъ качествамъ, стоитъ на высшей ступени въ земномъ порядкѣ вещей. И важнѣйшее доказательство превосходства его есть то, что онъ разумомъ своимъ принужденъ вѣрять въ Бога: онъ видитъ въ Богѣ источникъ своего существа, и въ душѣ своей созерцаетъ отблескъ вѣчнаго, святаго Виновника всего сущаго въ мірѣ. Пусть своекорыстный лжеумудрецъ, не для убѣжденія другихъ, а для удовлетворенія своему тщеславію, сбиваетъ понятія, низводитъ сомнѣнія, и мечтаетъ быть великимъ, доказавъ, что нѣтъ Бога! Гласъ всей Природы заглушаетъ его дерзкія слова! — И этотъ гласъ громче всего раздается въ глубинѣ нашей души, которая есть отблескъ, искра того духовнаго свѣтила, вокругъ котораго вращаются міриады міровъ видимыхъ. Есть Богъ всемогущій, всемилосердый — не мертвая Природа, безъ волн, безъ самопознанія! Я созданіе этого высочайшаго, святѣйшаго Существа; я духомъ съ нимъ одинъ. Смерть меня не устрашаетъ: она есть не уничтоженіе существа моего, а разрѣшеніе духа отъ узъ, называемыхъ у насъ тѣломъ. Духъ исходящій отъ Бога, знаетъ свою родину: онъ стремится туда, изъ конечнаго въ безконечное, изъ временнаго въ вѣчное. И въ здѣшней жизни человѣкъ начинаетъ воспитаніе свое для будущей, освобожденіемъ себя отъ чувственнаго, земнаго, растительнаго, животнаго, пробужденіемъ въ себѣ жизни духовной. Чистота тѣлесная есть охраненіе нашего тѣла отъ прикосновенія безжизненной Природы; чистота духовная освобожденіе души отъ паростовъ грубыхъ, тѣлесныхъ. Добрыя дѣла, заглушеніе самолюбія, своекорыстія, зависти, гнѣва — суть слабыя подражанія Благости Вышней, мерцающіе отблески солнечнаго луча, преломленнаго тучами и туманами земной атмосферы. — Изученіе окружающей насъ Природы предшествуетъ изслѣдованію способностей и силъ нашей души, и познавъ свойство души своей, возносимся мы къ вѣчному ея источнику. И здѣсь Благость небесная не оставляетъ насъ, слабыхъ и близорукихъ. Тамъ, гдѣ земныя наблюденія, сбивчивыя умозаключенія человѣка теряютъ нить въ темномъ лабиринтѣ — возникаетъ искра Божественнаго откровенія, и ведетъ насъ къ началу свѣта. Религія Христіанская есть окончаніе,

довершеніе, освященіе нашихъ благоговѣйныхъ наблюденій, и въ ея ученіи разрѣшаются всѣ вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ умѣ человека о причинахъ и конечной цѣли существованія міра и души его!»

Обо всемъ этомъ мѣсть, — подобныхъ мѣсть безъ счету въ Черной Женщинѣ, — авторъ не услышитъ отъ насъ ничего, кромѣ совершеннаго согласія съ его мнѣніями и удивленія его таланту.

Мы неоднократно изъясляли наше мнѣніе, что самый несвойственный предметъ повѣсти для Романа, это анекдотъ, или отдѣльный частный случай, — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые называются истинными: и чѣмъ онъ истиннѣе, тѣмъ хуже для изящнаго сочиненія, потому что онъ тогда относится только къ одному лицу и не доказываетъ ничего общаго въ порядкѣ дѣлъ человеческихъ. Нашъ авторъ избралъ тоже одинъ изъ такихъ случаевъ — повторительное видѣніе къ-то чернаго призрака; но мы, по совѣсти, не можемъ обратить на него ни какого за то упрека. Его Романъ совсѣмъ особеннаго рода, сочиненіе по существу своему выше Романа. Предписавъ себѣ стремленіе метафизическое, рѣшаясь защищать событіями истину, выходящую изъ круга гражданскаго и политическаго быта, онъ долженъ былъ основать повѣсть на частномъ случаѣ, и обставить ее другими происшествіями, имѣющими видъ личной дѣйствительности. Онъ сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать, и даже, относительно къ предначертанной цѣли, употребилъ свои данныя съ большимъ искусствомъ. Весь планъ, который быть — можетъ показался бы несовершеннымъ во всякомъ другомъ Романѣ, очень удачно приноровленъ къ той же цѣли. «Черная Женщина» собственно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ и прекрасныхъ Повѣстей, помѣщенныхъ на двухъ оконечностяхъ зданія и связанныхъ меж-

ду собою блистательною галерею картинъ, представляющихъ дивныя, нерѣдко трогательные случаи, забавныя сцены, группы странныхъ фигуръ, начертанныя рѣзко и разительно умною сатирою. Въ обѣихъ Повѣстяхъ и въ этой галерей, которой весь недостатокъ въ длинѣ, а не въ богатствѣ декораціи, хозяинъ и путеводитель одно и то же лице, — Князь Кемскій, герой Романа. Должно признаться, что чѣмъ далѣе, чѣмъ глубже рѣжемъ этотъ печатный кадаверъ съ милымъ улыбающимся лицомъ, брошенный авторомъ подъ ножъ нашей Критики, тѣмъ болѣе замысловатости открываемъ въ его устройствѣ. Первая Повѣсть, — хотя безъ заглавія, но это полная, отдѣльная Повѣсть, — содержитъ въ себѣ воспитаніе, любовь и женитьбу Кемскаго; предметъ второй — воспитаніе Ветлина, его любовь и бракъ съ дочерью героя. Авторъ — примѣрный отецъ семейства для чадъ своего воображенія: припасши своему герою ребенка въ началѣ Романа, онъ не бросилъ его на произволъ судьбы, какъ то дѣлаютъ другіе романисты; онъ занималъ насъ разными разказами, описывалъ, чертилъ, показывалъ весь свой портфель превосходныхъ скинцовъ, смѣшилъ и самъ смѣялся, пока вдругъ не выдалъ замужъ этого ребенка, — ребенокъ, изволите видѣть, былъ дѣвочка. Но, возвращаясь къ Повѣстямъ, мы право, не знаемъ, которой изъ двухъ отдать преимущество. Повѣсть «Кемскій» написана съ примѣчательнымъ жаромъ, краснорѣчивая, характеристическая, прелестная. Повѣсть «Ветлинъ» слабѣе ея созданіемъ, но въ ней заключается отрывокъ, который мы ставимъ на ряду со всѣмъ лучшимъ и прекраснѣйшимъ въ Русской Словесности: это «Исторія сироты», статья чудесная, изъ которой мы уже привели мѣсто о сиротствѣ. Въ этой последней Повѣсти развитъ также характеръ артиста, Берплева, который мы считаемъ удачнѣй-

шимъ въ цѣлой книгѣ, какъ по созданію истинно Русской оригинальности, такъ и по смѣлому выполнению идеи, выраженной широкими, отрывистыми чертами, но издали образующими въ совокупности, безподобное, выпуклое, хорошо освѣщенное цѣлое. Въ числѣ множества другихъ характеровъ, нарисованныхъ иногда бѣгло, иногда съ болѣею подробностью, но всегда чисто и живописно, отличаются въ особенности Алевтина и Фонъ — Дракъ.

Обязанность, въ которую авторъ поставилъ себя подтверждать всѣми событіями своей повѣсти постоянное вліяніе Провидѣнія на наши дѣйствія, вовлекла его въ важную литературную погрѣшность. Дивныя встрѣчи, встрѣчи какъ-бы ex machina, такъ часты, что уже отзываются нѣкоторою однообразностью. Но этотъ недостатокъ слишкомъ поверхностенъ, чтобъ привязываться къ нему въ сочиненіи, изобилующемъ столь многими и разнородными красотами.

Но мы забыли о сатирической части Черной Женщины, — и уже собирались заключить разборъ! Хотя критическія статьи всегда хорошо оканчиваются показаніемъ замѣчательнѣйшаго недостатка разбираемой книги и потомъ коротенькою похвалою, но мы пожертвуемъ эффектомъ, котораго ожидали отъ послѣдняго замѣчанія, чтобъ доставить нашимъ читателямъ удовольствіе еще однимъ извлеченіемъ изъ этого прелестнаго Романа.

Ища лучшаго отрывка въ нашемъ экземплярѣ, мы находимъ столько лучшихъ мѣстъ, отмѣченныхъ нами для выписки, что поистинѣ затрудняемся выборомъ. Чтобъ рѣшиться на что-нибудь, мы познакоимъ читателей съ почтеннымъ Тряпицынымъ, важнымъ лицомъ Романа: мы могли бы взять много другихъ мѣстъ,

несравненно короче и даже высшаго литературнаго достоинства, но надобно удовлетворить всеѣмъ вкусамъ: слѣдующее намъ кажется очень характеристическимъ, и не одному оно попадаетъ прямо въ сердце.

« Въ началѣ службы своей, Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ посланъ былъ въ Симбирскую Губернію, для привода рекрутской партіи: получилъ прогонныя деньги, сумму на расходы, инструкцію и шнуровую книгу, и отправился по назначенію. Нельзя было дѣйствовать исправнѣе, осторожнѣе, совѣстнѣе Ивана Егоровича: за всякую казенную копейку торговался онъ до драки; все сбереженныя суммы показывалъ въ приходѣ по чистой совѣсти; при каждой передачѣ подробно исчислялъ причины, по какимъ долженъ былъ произвести ее. Такимъ образомъ сберегъ онъ въ пользу казны слишкомъ третью данныхъ ему денегъ, и заранѣе восхищался мыслию, съ какимъ торжествомъ представить свою экономію начальству. На послѣднемъ переходѣ подѣ Петербургомъ, сошелся онъ съ товарищемъ, который велъ другую партію, изъ Смоленска. За чаемъ разговорились они о своихъ дѣлахъ по службѣ. — «Скажи, сдѣлай одолженіе, Сайдаковъ,» спросилъ фонъ-Дракъ у товарища: сколько у тебя осталось изъ отпущенныхъ тебѣ денегъ? — «Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Звѣробоевъ! сколько бишь у насъ въ остаткѣ?» — «Ничего не осталось,» отвѣчалъ сержантъ: «и своихъ ваше благородіе изволили изтратить.» — «Прійдется еще искать на Военной Коллегіи,» сказалъ Сайдаковъ. — «Помилуй, другъ мой!» возразилъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «Куда это ты дѣвалъ все деньги? Покажи мнѣ, пожалуйста, шнуровую книгу.» — «Изволь, любезный! Эй, Звѣробоевъ! Подай книгу.» Звѣробоевъ подаль. Фонъ-Дракъ раскрылъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ, и поблѣднѣлъ: «Несчастный, ты пропалъ! Книгабѣлая!» — «Знаю,» отвѣчалъ, Сайдаковъ, смѣючись «Смотри, Звѣробоевъ! завтра, когда прійдемъ въ Петербургъ, приведи ко мнѣ писаря — того, разумѣешь?» — «Слушаю, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ не могъ уснуть, помышляя о бѣдѣ, ожидающей безвѣснаго Сайдакова. На другой день товарищи пришли въ городъ, и остановились на одной квартирѣ.

Фонъ-Дракъ всталъ въ пять часовъ, и занялся окончаніемъ счетовъ; вывелъ все расходы, повѣрилъ итоги, пересчелъ остальные деньги, и съ торжествомъ подписалъ рапортъ. — Сайдаковъ проснулся въ одиннадцать часовъ, и сѣлъ за чай. Денщикъ докладываетъ: «Пришелъ писарь изъ Военной Коллегіи.» — «Зови скота!» — Вошла гнусная, красноносая фигурка въ засаленномъ фракѣ и стромъ галстухъ. — «Здорово, Тряпицынъ! Я привелъ партію; мнѣ еще слѣдуетъ получить сто двадцать пять рублей.» — «Слушаю, ваше благородіе!» — «Вотъ тебѣ книга, и вотъ пять рублей; когда кончишь, дамъ еще синенькую.» — «Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе; — будетъ исправлено» — «При этомъ случаѣ,» сказалъ Сайдаковъ, обращаясь къ фонъ-Драку: «ты можешь отправить свои счета въ Коллегію. Тряпицынъ ихъ доставитъ.» — «Съ нашимъ удовольствіемъ,» пробормоталъ Тряпицынъ. — «Нѣтъ, Сайдаковъ!» отвѣчалъ Иванъ Егоровичъ, съ боязливою важностію: «я долженъ самъ имѣть честь представить отчеты — это долгъ службы.» — «Эго пустое, ваше благородіе,» возразилъ Тряпицынъ: «поручите намъ; все исправимъ. Ей, ей, довольны будете!» — «Нѣтъ, братецъ!» отвѣчалъ фонъ-Дракъ: «я знаю долгъ службы. Самъ представляю.» — «Какъ изволите!» сказалъ Тряпицынъ съ усмѣшкою, и отправился. Фонъ-Дракъ представилъ свои отчеты и остальные деньги, и чрезъ дѣтъ педѣи явился за квитанцію. Въ прихожей Коллегіи встрѣтилъ онъ Сайдакова. «Ну что, какъ сошло?» спросилъ фонъ-Дракъ съ состраданіемъ. — «Прекрасно! Мнѣ доплатили передержку; вотъ приказъ казначею выдать деньги. Приходи завтра обѣдать. Разговѣмся послѣ похода!» — Фонъ-Дракъ поблагодарилъ и отправился въ присутствіе. «Куда изволите идти?» важно спрашиваетъ его Тряпицынъ, сидящій посреди запачканной братіи въ канцеляріи. — «Куда! Въ присутствіе за квитанціею.» — «Извольте погодить, ваше благородіе! Есть начетецъ, есть несправности, передержки противъ справочныхъ цѣнъ, незаконныя выдачи, невѣрные итоги. Надобно поисправить!» — Фонъ-Дракъ остолебѣлъ. «Помилуй, братецъ! Я велъ самый исправный счетъ! У меня въ остаткѣ значительная сумма.» — «Точно такъ-съ; но если бѣ изволили соблюдать

казенный интерес по предписаннымъ формамъ, то осталось бы конечно вдвое болѣе.» — «Да какъ это? Сайдакову дали квитанцію, а онъ передержалъ сверхъ денегъ, выданныхъ ему отъ казны.» — «Точно такъ-съ; да они представили на все законныя объясненія и доказательства. Начальство справедливо: оно выдастъ и передержку, если таковая учинена не въ противность существующимъ постановленіямъ. Извѣстно вамъ премудрое изрѣченіе Государя Императора Петра Великаго: вотще законы писать, если по нимъ не исполнять.» — Фонъ-Дракъ былъ въ отчаяніи: отправился съ жалобою въ присутствіе, и получилъ въ отвѣтъ, что ревизія отчетовъ поручена столу Коллежскаго Регистратора Тряпицына, и что онъ тамъ долженъ ждать рѣшенія, которое въ свое время будетъ разсмотрѣно и утверждено или отринуто присутствіемъ. Фонъ-Дракъ рѣшился выждать окончанія дѣла, являлся каждый день въ канцелярію, но каждый день Тряпицынъ находилъ въ его книгѣ новыя неисправности, и заготовлялъ запросы въ Земскіе Суды уѣздовъ, лежащихъ на пути изъ Симбирска. Терпѣніе несчастнаго просителя истощились: чрезъ мѣсяць рѣшился онъ искать *приватно* покровительства Тряпицына, и въ ужасную осеннюю погоду, въ пять часовъ утра отправился, къ нему на квартиру, на Козьемъ болотѣ. Тряпицынъ встрѣтилъ его въ раздранномъ плащѣ, и ввелъ въ освѣщенную сальнымъ огаркомъ грязную комнату, въ которой пахло и дегтемъ, и саломъ, и гнилью. Фонъ-Дракъ не зналъ съ чего начать, но Тряпицынъ самъ помогъ ему. — «Мнѣ жаль ваше благородіе, что вы изволите такъ часто трудиться ходить въ канцелярію: не угодно ли вамъ поручить мнѣ окончаніе сего дѣла, и я ручаюсь вамъ, что чрезъ недѣлю все будетъ кончено къ вашему удовольствію и къ соблюденію казеннаго интереса. Изволите видѣть, для сего должно мнѣ будетъ просиживать ночи; такъ я надѣюсь, что ваше благородіе за экстренные труды не оставите меня должнымъ вознагражденіемъ. Вѣрьте Богу, жалованья беру въ годъ шестьдесятъ рублей.» — Фонъ-Дракъ вынулъ изъ кармана пятирублевую ассигнацію, и положилъ на столъ. «Изволите видѣть-съ,» продолжалъ Тряпицынъ: «для его благородія Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было въ ско-

ромъ времени исправить: его дѣло было чистое, садись, ищи да и только; а въ этомъ дѣлѣ, изволите видѣть, должно сперва поправить, а потомъ сдѣлать должное по законамъ. Двойная работа, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ вздохнулъ тяжело, и вынулъ изъ кармана другую синюю ассигнацію. — «Вижу,» сказалъ Тряпицынъ: «что вы человѣкъ добрый, только жаль неопытны въ службѣ по счетной части, и неведущи въ существующихъ законахъ. Радъ помочь вамъ отъ души. Пожалуйста дня чрезъ три въ канцелярію, и все найдете въ порядкѣ. — «Какъ чрезъ три дня?» спросилъ Фонъ-Дракъ: «да успеешь ли?» — «И, ваше благородіе! Не безпокойтесь, мы люди дѣловые: все сладимъ къ вашему удовольствію. Дѣло ваше у меня на дому — изволите видѣть, вотъ оно-съ. Я тотчасъ имъ займусь.» — Фонъ-Дракъ откланился Тряпицынъ, провожая его, отперъ дверь въ кухню, и закричалъ: «Денисьева! растопка сальца горшечекъ, да поскорѣе.» — «Это что?» подумалъ Фонъ-Дракъ, вышедъ на улицу: «неужели Тряпицынъ питается саломъ?» Онъ остановился у домика, предъ окномъ комнаты дѣльца, котораго очень хорошо видѣлъ сквозь дырявую занавѣску, и съ любопытствомъ смотрѣлъ, что будетъ. Тряпицынъ дѣйствительно занялся его дѣломъ: взялъ кинку бумагъ, перевернулъ листочки одинъ за другимъ; вынулъ приложенныя къ рапорту деньги, и спряталъ ихъ въ столикъ. Хромая Денисьевна принесла горшокъ съ растопленнымъ саломъ. Тряпицынъ окунулъ въ него все дѣло, и положивъ засаленныя почти доверху листы на полъ, сѣлъ за столъ и началъ что-то писать. Фонъ-Дракъ отправился домой, ломая голову надъ тѣмъ, что значила бы эта операція. Чрезъ три дня является онъ въ канцелярію. Тряпицынъ кланяется ему сухо какъ чужому человѣку, и чрезъ нѣсколько времени обратится къ столоначальнику: «Егоръ Кузьмичъ! Сдѣлайте божескую милость, убѣдите господина экзскутора завести кота въ канцелярію. Отъ крысъ житья нѣтъ. Вотъ еще одно дѣло съѣдн.» Съ этими словами вытаскиваетъ онъ изъ подъ стола заголовки бумагъ и счетовъ Фонъ-Драка: вся нижняя часть дѣйствительно съѣдена была крысами, по то мѣсто, до котораго Тряпицынъ опустилъ бумагу въ сало. «Неужели?» спросилъ

столоначальникъ. — «Дѣйствительно такъ-съ, извольте сами посмотрѣть.» Столоначальникъ подошелъ: «Въ самомъ дѣлѣ! Да какъ онѣ, проклятыя, грызутъ узорчато! Нешто! Надобно завести кота!» — «Это напредки-съ» сказалъ Тряпичинъ: «а это дѣло пропало. Слѣдуетъ, за утратою документовъ, предать оное забвенію, а господину поручику выдать квитанцію.» — «А остальные деньги, оставшіяся въ экономіи? спросилъ жалобно фонъ-Дракъ. «Деньги-съ? какія деньги-съ?» — «Да тѣ, которыя я представилъ при рапортѣ!» — «Съѣдены крысами-съ. Что дѣлать? И казенный интересъ иногда въ экстренностяхъ пропадаетъ. Впрочемъ, если вашему благородію угодно, мы выведемъ справки, пославъ запросы въ тѣ присутственныя мѣста и начальства, съ коими бы, по помянутому приводу рекрутской партіи, изволили находиться въ сношеніяхъ. Это скоро сдѣлаемъ. Мѣсяцевъ въ восемь.» — «Нѣтъ, ради Бога нѣтъ!» сказалъ фонъ-Дракъ: «дайте мнѣ только квитанцію.» — «Какъ угодно,» отвѣчалъ Тряпичинъ: «извольте повременить!» Чрезъ часъ квитанція была фонъ-Драку выдана, и онъ за десять рублей получилъ урокъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣйствовать въ дѣлахъ для сохраненія казеннаго интереса.

І Ю Н Ъ , 1 8 5 4 .

=

Поэтъ, *Фантазія въ трехъ сценахъ*. Т-м-ф-ва. Сп.-бургъ, въ тип. Гшце, 1834, въ 8., стр. 64.

Т-м-ф-въ? Мы уже нѣсколько разъ примѣтили яркіе проблески обширнаго и сильнаго дарованія въ этомъ молодомъ Аравитянинѣ, который, какъ всѣ Аравитяне, хорошо знающіе восточную орфографію, пишетъ фамилію свою безъ гласныхъ буквъ. Если мы учились Арабской Грамматикѣ не на мѣдныхъ деньги, то, кажется, безъ существенной ошибки въ произношеніи, можемъ имя Т-м-ф-въ прочитатъ — *Тимофеевъ*. Тѣ, которые не знаютъ по-Арабски, едва-ли не догадалисьбы, какъ слѣдуетъ читатъ эти буквы. И такъ, мы говоримъ, что *Сиди Тимофеевъ*, то есть, въ Русскомъ переводѣ, Г. Тимофеевъ, обнаруживаетъ много пріятнаго таланта: въ немъ видны поэтическій огонь, воображеніе, удачная иронія, острая сатира. Многія его фразы отлиты смѣло, и онъ умѣетъ придавать имъ живописное положеніе. Мечта возвышенная, согрѣтая чувствомъ и въ существѣ своемъ весьма поэтическая, составляетъ предметъ этой фантазіи, изъ которой, но несчастію, нельзя отдѣлить ни одного отрывка для нашихъ читателей. Мы советуемъ прочитатъ ее всю. Нѣчто мрачное напечатлѣно на мысляхъ поэта, но, при хорошей погодѣ, онѣ легко могутъ проясниться и представить ему свѣтъ въ пріятнѣйшемъ и болѣе блестящемъ видѣ, что иногда не худо и для самаго разнообразія.

Три дня на Оминой недѣль, или Продажа остатковъ. Шуточное стихотвореніе. Москва, въ тип. Попомарева, 1834, въ - 12., стр. 12.

Стихотворенія Графа Д. П. Хвостова. Томъ седьмой. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ - 8., стр. IV и 278.

Объясненія на сочиненія Державина, или сочиненія диктованныя родной его племянницею, Елисаветъ Николаевнѣ Львовой, въ 1809 году. Изданныя О. П. Львовымъ, въ четырехъ частяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1834, въ-8., стр. III и 72, 114, 50, 11.

Множество любопытныхъ литературныхъ и историческихъ подробностей дѣлають это сочиненіе необходимымъ для всѣхъ читателей незабвеннаго Державина. Оно тѣмъ драгоценнѣе, что всѣ эти объясненія происходятъ изъ вѣрнаго и законнаго источника: великій поэтъ самъ диктовалъ ихъ своей племянницѣ, Е. П. Львовой. Вотъ исторія «Фелицы» и нѣкоторые мысли пѣвца ея.

«Эта поэма сочинена въ Петербургѣ въ 1782 году, напечатана въ Собесѣдникѣ въ первый разъ въ 1783, а во второй разъ въ первой части Сочиненій 1798 году.

*Богородица Царевна
Киргизъ-Кайсацкія Орды!*

«Императрица названа Киргизскою Царевною потому, что Она сочинила сказку подъ именемъ Царевича Хлора, котораго Фелица, то есть божія блаженства, сопровождала на гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ, и что Авторъ имѣлъ свои деревни въ Оренбургской Губерніи въ соседствѣ Киргизской Орды, которая числилась въ подданствѣ Россіи.

Читасишь, пишешъ предѣлаемъ.

«Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ, какъ-то: Грамотою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими Учрежденіями, послѣ того вышедшими.

Коя Парнаска не съдасишь.

«Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла; не писала; а когда стихи надобны были, то поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и проч.

Къ духамъ въ собранье не възвѣсашъ.

«Императрица не жаловала масеновъ, и въ ложу къ нимъ не ѣзжала, такъ какъ дѣлали многіе знатные.

Скачу къ портному по кафтанъ.

«Относится къ прихотливому нраву покойнаго Свѣтлѣйшаго Князя Таврическаго.

Лечу на рывомъ бѣзунъ.

«Относится къ Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который до ристалищъ сего рода былъ охотникъ.

Или кулачными бойцами, и проч.

«Относится къ Графу же Орлову, какъ охотнику до всякаго молодчества Русскаго и до Русскихъ пѣсень.

Я тѣшуся по почамъ рогамъ.

И греблей удилыхъ гребцовъ.

«Относится къ Семѣну Кирилловичу Парышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ, который первый завелъ роговую музыку.

За Библией, зная, слово.

«Авторъ, служа въ повелѣніяхъ покойнаго Князя Вяземскаго, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ начальникъ его былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

Между львятами и брызгой.

Выше сказано, что сказку о Царевичѣ Хлорѣ сочинила Императрица Екатерина. Вельможи Царевны Фелицы названы тутъ львятами и брызгой. Сколько известно, подъ еими именами разумѣла Она Князя Потемкина и Князя Вяземскаго, потому, что первый велъ жизнь роскошную, а второй часто брызгалъ, когда у него, какъ отъ управляющаго Казначействомъ, денегъ требовали.»

Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Императрица Екатерина, въ часы отдохновенія Ея отъ дѣлъ, занималась упражненіями, свойственными просвѣщенному Ея вкусу. Она писала хотя не весьма удачныя, но шутивыя комедіи, какъ то: *Госдуль съ дѣтьми*, *Недоумьіе*, и проч. Для Великихъ Князей, Александра и Константина, сочинила особую Азбуку съ разными правоученіями и проч.»

«Помянутая сказка о Царевичѣ Хлорѣ была поводомъ Сочинителю написать сію оду; а какъ Государыня Екатерина любила умныя шутки, то въ забавномъ слогѣ и написала: «если Авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ тогда приближенныхъ, то не по злорѣчію, а единственно въ общемъ видѣ человечества.»

«При всемъ томъ Авторъ опасался, чтобъ не оскорбить кого лично, и потому пригласивъ друзей своихъ: покойнаго Николая Александровича Левова и Василья Васильевича Капниста, прочелъ имъ сочиненіе свое, и они положили, чтобъ стиховъ сихъ въ свѣтъ не выдавать, почему піеса сія цѣлый годъ была въ неизвестности.

«Въ одно утро Автору понадобились нѣкоторыя бумаги, въ его бюро лежавшія, гдѣ сохранялась и сія піеса; онъ, разбѣрля ихъ, выложилъ оду сію на столъ. Г. Козодавлевъ, (бывшій потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) жилъ съ Авторомъ въ одномъ домѣ: вошедъ печально въ комнату, увидѣвъ піесу, прочелъ нѣсколько строкъ, и просилъ Авд. не отступно повѣрить ему стихи сіи на часъ, чтобы только прочесть ихъ теткѣ его, Г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство и предпочтительно творенія Автора: такимъ образомъ получилъ ихъ Г. Козодавлевъ съ обещаніемъ никому не показывать, и часа черезъ двѣ ихъ возвратилъ.

«Нѣсколько дней спустя, Иванъ Павловичъ Шуваловъ, покровитель Автора (потому что сѣй былъ подъ его начальствомъ во время своего воспитанія въ Казанской Гимназіи), присылаетъ къ нему человека съ убедительною просьбою, чтобы Авторъ принеся къ нему. Авторъ, прѣхавъ къ Шувалову, находитъ почтеннѣйшаго сего человека въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ онъ Автора, что ему дѣлать? отсылать ли помянутыя стихи его къ Князю Потемкину,

который былъ тогда въ великой силѣ у Двора, и ихъ требовалъ, или не отсылать? — «Какіе стихи?» возразилъ Авторъ. — «Мурзы къ Фелпцѣ»,» отвѣчалъ Шуваловъ. — «Какъ вы ихъ знаете? какъ они могли быть у васъ?» — «Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же Князь Потемкинъ узнать о томъ?» — «Вчера обѣдали у меня Графъ Безбородко, Графъ Зыдовскій, Стрекаловъ и другіе любители Литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стиховорства, я прочелъ имъ стихи ваши, а С. изъ подлуги Князю Потемкину, разсказалъ ему все, что тамъ на счетъ его сказано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» Авторъ, подумавъ, сказалъ: — «Извольте отослать, какъ они есть: если мы что выкинемъ, покажемъ тогда умыселъ на личное оскорбленіе Князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а писаны стихи забавно на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего.» Потомъ Авторъ уѣхалъ домой, озабочиваясь крайне сими происшествіемъ и, призвавъ къ себѣ искренняго своего пріятеля, Г. Львова, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Графа Безбородко, просилъ его развѣдать мнѣніе Графа по сему предмету, и предупредить его, на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ сихъ, что ни какого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а писаны стихи изъ одной шутки и для пріятелей, оставлены безъ огласки, но что выпали они въ свѣтъ по единной нескромности Г. Козодавлева.

«Г. Львовъ исполнилъ просьбу Автора. Непзвѣстно, посылали ли стихи Шуваловъ къ Князю Потемкину; но нѣкоторое время сочиненіе сіе оставалось безвѣстнымъ.

«Въ 1785 году опредѣлена была Княгиня Дашкова Директоромъ Академіи Наукъ, а Г. Козодавлевъ Советникомъ. Для распространенія Россійской Словесности она издавала отъ Академіи Журналъ. Г. Козодавлевъ безъ авторскаго позволенія принесть ей сіе сочиненіе для помѣщенія въ томъ Журналѣ, который назывался *Собесѣдникомъ*. Княгиня приказала въ немъ напечатать оное, и въ первое Воскресенье (день, въ который обыкновенно ѣздила она къ Императрицѣ съ докладомъ) поднесла ей тотъ Журналъ, на первой страницѣ котораго помѣщена была сія Ода. Въ Понедѣльникъ Императрица приказала Княгинѣ быть къ себѣ. Княгиня, вошедъ къ Государынѣ, встрѣтила Ее въ слезахъ и тотъ Журналъ въ рукахъ держащую; спрашиваетъ Государыня, откуда взяла она сіе сочиненіе и кто писалъ его? Княгиня, въ перепанности, что отвѣчать Государынѣ, нѣсколько замѣшалась; но Императрица сказала: «Не опасайтесь; я только васъ о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ меня описать, что, видишь, я плачу!» Тутъ Княгиня назвала ей Автора и говорила въ его пользу. Нѣсколько дней спустя, когда Авторъ обѣдалъ у начальника своего, Князя Вяземскаго, вскоре послѣ обѣда сказывають, что почталіонъ принесть ему письмо; онъ читаетъ надпись: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ»,» развертываетъ пакетъ и находитъ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, и въ ней 500 червонныхъ; приходить къ Князю, спрашиваетъ, при-

кажется ли онъ присланный ему подарокъ принятию? Князь, взглянувъ на него сурово, спросилъ: «какой?» Авторъ показываеъ подарокъ. — «Возьми, братецъ,» отвѣчалъ онъ, «когда жалуютъ.» Между тѣмъ Княгиня Дашкова уведомила Автора, что сочиненіе его поднесла она Государынѣ; чрезъ нѣсколько дней приказано было Сочинителя представить Ея Величеству; съ тѣхъ поръ онъ Ей сталъ извѣстенъ какъ *Сочинитель*.

«Вскорѣ за симъ, какъ обыкновенно случается, Авторъ понесъ не-благоволеніе своего начальника за то, что онъ не чрезъ него, а другимъ путемъ достигъ милостиваго воззрѣнія Императрицы, и что хотя нѣсколько выпутался изъ той зависимости, которая почти всегда способнаго человѣка держать, какъ будто за какой перетородкой.»

ЕРМАКЪ, *Историческій Романъ XVI столѣтія. Сочиненіе* Павла Свиньина. *СП.-бургъ. въ тип. Гишце и Края, 1834, въ-12. Четыре части, стр. XXV и 231 — 180 — 169 — 170.*

Когда авторъ говоритъ въ заглавіи — Ермакъ, то надобно понимать — Гроза, потому герой повѣсти его Гроза, а не Ермакъ: искусство изобрѣтать для книгъ свойственныя и сообразныя съ дѣломъ названія имѣетъ тоже свои тайны, которыя не должно пренебрегать, тѣмъ болѣе, что заглавіе есть первая точка, откуда любопытство читателя смотритъ на предметъ сочиненія. Въ предисловіи къ Ермаку авторъ жалуется на скудность и сбивчивость лѣтописей о покореніи Сибири, на недостатокъ вѣрныхъ и ясныхъ матеріаловъ къ Исторіи этого знаменитаго подвига, и говоритъ, что онъ принужденъ былъ дѣлать изысканія на мѣстѣ, собирать и соображать преданія, искать луча истины даже въ самыхъ сказкахъ, чтобъ исторгнуть изъ мрака великіе характеры завоевателей и представить удовлетворительное разрѣшеніе причинъ чуднаго, почти невѣроятнаго происшествія. И плодъ всѣхъ этихъ трудовъ, изысканій — есть вымыселъ! Въ такомъ случаѣ, ужъ следовало написать Исторію или, по крайней мѣрѣ, диссертацию. Что можетъ разрѣшить Романъ? Какое средство имѣетъ читатель провести различительную черту между истинною или правдоподобнымъ результатомъ ученаго изслѣдованія, и чистою выдумкою романиста? Это удовлетворительное разрѣшеніе причинъ великаго событія, утверждаетъ авторъ, найдемъ мы въ его Романѣ «между прочимъ». Очень благодарны! Пока добьешься, что тутъ

прочее, а что не прочее, скорее самъ съѣздивъ въ Сибирь и соберешь тѣ же самыя пособія къ рѣшенію вопроса, если только они тамъ находятся. Авторъ, напримѣръ, «слышалъ преданіе,» что атаманъ Гроза былъ спасенный отъ казни, Князь Спцкій, и «читалъ въ лѣтописяхъ Сибирскаго Двора» о томъ, за кого вышли замужъ нѣкоторыя одадьки тамошнихъ Султановъ. Лѣтописи, безъ-сомнѣнія, заслуживаютъ болѣе довѣренности, нежели преданіе: такъ, что жъ тутъ прочее? — происхожденіе Грозы или замужество паложницъ Султана? Мы думаемъ, — то и другое, потому, что преданіе о Спцкомъ не заслуживаетъ ни какой вѣры, а «лѣтописи Сибирскаго Двора» существуютъ только въ воображеніи автора: между-тѣмъ большая часть читателей подумаетъ, что онъ дѣйствительно ими пользовался, и готова найти «удовлетворительное разрѣшеніе» причинъ событія въ тайнахъ Кучумова гарема, которыя играютъ такую важную роль въ Романѣ.

Отложимъ въ сторону притязанія автора на историческую важность его Историческаго Романа, происходящія вѣроятно отъ сбѣчиваго понятія о существѣ этого рода твореній, и станемъ читать сего книгу просто какъ нзящное произведеніе, какъ плодъ воображенія: въ этомъ видѣ она конечно можетъ доставить удовольствіе, и заслуживаетъ вниманіе. Это одинъ изъ нашихъ хорошихъ Романовъ: мы еще будемъ имѣть случай говорить о сего содержаніи.

КАРАБАХСКИЙ АСТРОЛОГЪ, или Основаніе крѣпости Суши въ 1752 году, Историческій Закавказскій Романъ. Сочиненіе Платона Зубова. Москва, въ Университетской тип., 1834, въ 8. Двѣ части, стр. 133 — 114.

Повѣсти П. Машкова. *СН.-бургъ*, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ 8., стр. 200.

Третья часть изданныхъ Г. Машковымъ Повѣстей, и конечно самая примѣчательная. Въ ней заключается одно только сочиненіе, «Вѣроломство», и оно безспорно заслуживаетъ занять мѣсто между лучшими Повѣстями сего Писателя. Мы ничего не говоримъ о слоге, ни о стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги.

Дѣлдушкины посидѣлки, *Повѣсти. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8, Дѣль части, стр. 123—107.*

Клятвoprеступница. *Русскій современный Романъ. Сочиненіе В. У. Москва, въ Университетской тип., 1834, въ-12. Три части, стр. 191—152—138.*

Какъ бы мы ни желали ничего не говорить и объ этомъ Романѣ, а принуждены прервать молчаніе, но только, чтобъ сказать, что знаменитаго сочиненія Г-на В. У. не должно ни подъ какимъ видомъ приписывать Василю (Аполлоновичу) Ушакову.

Давидъ Игоревичъ, Князь Владимірскій, или 1097 годъ, *Историческій Романъ XI вѣка. Сочиненіе Рудневскаго, Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8. Четыре части, стр. 120—94—92—139.*

Четыре вымысла. *Сочиненіе Николая Лутковскаго, СП.-бургъ, въ тип. Бенкена и Лышкина, 1834, въ-12, стр. 220.*

Жизнь и дѣянія Визнаева, со всѣми достопамятными его происшествіями, или Горе безъ ума, *Нравственно-сатирическій Романъ А. П. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. 26.*

Усердный свать, или Похвальныя рчи жениху и невестѣ. *Сочиненіе Ѳедота Кузмичева. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-18., стр. 30.*

Мальвина, или Предчувствіе сердца. *Сочиненіе Княжны Изабеллы Чарторыжской, нынѣшней Герцогини Виртембергской. Съ Польскаго. Переводъ съ пятаго изданія. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12. Три части, стр. 166—148—137.*

Прелестный Романъ во вкусѣ прошлаго вѣка, правда, переведенный не самымъ чистымъ и изящнымъ слогомъ, но занимательность подлинника прикрываетъ недостатки перевода, и мы пренурачаемъ эту книгу вниманію прекрас-

ныхъ нашихъ читательницъ, въ полной увѣренности, что онѣ будутъ намъ благодарны за указаніе.

Д О Б Р Ы Й М А Л О Й, *Романъ въ трехъ частяхъ, сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1854, въ-8., стр. 250—293—294.*

Проплакавъ глаза надъ Мальвиною, тѣ же прекрасныя читательницы могутъ закрыть лице ручками и тихонько читать Романъ «Доброй Малой», если хотятъ развеселиться. Мы никому о томъ не скажемъ, а слогъ перевода здѣсь гораздо лучше. Но если ужъ читать Поль-де-Кока, такъ и слѣдующее сочиненіе не выпадетъ вонъ изъ рукъ:

К А Р Т И Н Ы П Р А В О В Ѣ, или *Смѣсь Крѣпости и Литературы. Сочиненіе Поль-де-Кока. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 215—118.*

Но языкъ! но слогъ!..... Мы хотѣли, для любопытства любителей Русскаго слова выписать здѣсь хоть одинъ періодъ, но книга свалилась подъ столъ. Поднимать не стоитъ!

Л Ю Д И В Ы С Ш А Г О И П И З Ш А Г О К Р У Г А, или *картины нравовъ во время Наполеона. Сочиненіе Пикара, члена Института (Французской Академіи). Перевелъ съ Французскаго Семёнъ Мухачевъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 273—280.*

Одно изъ пріятнѣйшихъ сочиненій перваго комическаго писателя временъ Французской Имперіи, право, заслуживало быть переведеннымъ если не отлично, по крайней мѣрѣ такъ, чтобъ можно было его читать.

К А Ю Т Ъ - Ю П Г А, или *Молодой матросъ. Романъ Г-эпи Керюккъ, переведенный С. Ш.....мъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12. Три части, стр. 65—79—71.*

1. С У П Р У Ж Е С Т В О П А Ч А С Ъ. *Комедія въ одиномъ дѣйствіи. Перевелъ съ Французскаго С-нъ С. М. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8., стр. II и 92.*

2. А Р Т И С Т Ъ, *Водовилъ въ одиномъ дѣйствіи. Вольный*

переводъ съ Французскаго А. П. Булгакова. СП.-бургъ, въ тип. Гитце, 1834, въ 8., стр. 67.

Достоинство обоихъ этихъ переводовъ давно извѣстно публикѣ, вмѣстѣ съ содержаніемъ самыхъ сочиненій.

Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. П. С. Харьковъ, въ Университетской тип., 1834, въ-8., стр. 34.

RÉSUMÉ de la troisième et dernière partie du Cours de Littérature Française, professé à l'Université Impériale de St.-Petersbourg par Charles St.-Julien, lecteur à l'Université. Année scolaire 1833 – 1834. St.-Petersbourg, chez Hintze, 1834, 8-ro., pp. 87.

Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ, собралъ и издалъ Гвардіи Полковникъ Павелъ Мухановъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8., стр. 9 и 274.

Нельзя не радоваться появленію подобныхъ книгъ въ нашей Литературѣ: изданіе это, чрезвычайно красивое наружностью, на внутреннемъ своемъ исполненіи носить отпечатокъ руки ученой и искусной, и могло бъ сдѣлать честь всякому Германскому издателю. Вкусъ, точность, разборчивость и умѣнье соединились подъ перомъ Г. Муханова. Во время послѣдней Польской кампаніи случай доставилъ ему нѣсколько рукописей, заключающихъ въ себѣ подлинныя документы, инструкціи, рапорты, протоколы переговоровъ и переписки по дѣламъ Самозванцевъ, Сигизмунда III и сына его, Владислава, съ Россіею, и онъ спѣшилъ вѣрить ихъ свѣдѣнію публики, опасаясь, чтобъ они не были потеряны. Собранію историческихъ актовъ предшествуетъ критическое разсужденіе Г. Муханова, занимающее болѣе чѣмъ третью часть книги, о походѣ Владислава въ Россію въ 1617 и 1618 годахъ, почти неизвѣстномъ нашимъ историкамъ. Это разсужденіе авторъ составилъ по многочисленнымъ Польскимъ сочиненіямъ, болышю частью современнымъ происшествію, весьма удачно сообразивъ ихъ данныя съ неясными указаніями нашихъ лѣтописей и под-

лишними документами. Кромѣ двадцати двухъ писемъ Сигизмунда за собственноручною его подписью, объемлющихъ промежутокъ времени отъ 1617 по 1622 годъ, здѣсь помѣщены еще — Описаніе вѣзда Марины въ Москву, переговоры Польскихъ пословъ съ боярами, протестъ Поляковъ, записка по донесенію шпіоновъ о происшествіяхъ въ Москвѣ, показывающая въ настоящемъ видѣ тогдашнее состояніе умовъ въ Россіи, письма Марины и Тушинскаго Самозванца, наконецъ, чрезвычайно любопытная памятная Записка, вѣроятно изъ бумажника Жолтѣвскаго или Льва Сапѣги, не то кого-нибудь изъ ихъ секретарей, состоящая изъ бѣглыхъ отмѣтокъ о разныхъ лицахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Къ этому собранію памятниконъ, напечатанныхъ по-Польски съ весьма хорошимъ Русскимъ переводомъ и съ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ съ дипломатическою точностью, приложены на семи таблицахъ превосходно сдѣланные снимки (fac-simile) подписей и цѣлыхъ частей документовъ, переданныхъ тисненію. Предѣлы этого отдѣленія не допускаютъ намъ входить въ дальнѣйшія подробности труда Г. Мухомова, который, по его важности и отличному, истинно литературному изданію, всѣ любители Исторіи въ Россіи и Польшѣ съ радостью поставятъ въ избранныхъ своихъ библіотекахъ: скажемъ только, что въ числѣ множества обстоятельствъ, разрѣшаемыхъ свидѣтельствами, здѣсь содержащимся, одно изъ главнѣйшихъ и доселѣ самыхъ сомнительныхъ получаетъ неоспоримую ясность отъ снимка письма Аже-Димитріева, отысканнаго издателемъ. Многіе почитали Самозванца благовременно приготовленнымъ воспитанникомъ Іезуитовъ и даже не Русскимъ. Собственноручный его постскриптъ, находящійся на этомъ письмѣ, въ трехъ словахъ убѣдительно доказываетъ противное: онъ очень плохо зналъ по-Польски, и Польскія слова произносилъ съ Московскимъ акцентомъ. Нарѣчію и грамотъ своихъ покровителей онъ, по-видимому, выучился самоучкою, безъ всякихъ правилъ. Въ трехъ этихъ словахъ болѣе десяти ошибокъ противъ Польскаго языка, и всѣ онѣ замѣтнованы прямо изъ духа Великороссійскаго нарѣчія, въ которомъ сочинитель постскрипта очевидно былъ воспитанъ.

Г. Мухановъ, желая сдѣлать свою книгу доступною вмѣстѣ и для Польскихъ читателей, пріобщи къ ней не только хорошій переводъ своего превосходнаго разсужденія о походѣ Королевича Владислава, но и двойныя оглавленія, даже двойное заглавіе, по-Русски и по-Польски. Третье общее и самое короткое заглавіе изображено на оберткѣ также на двухъ языкахъ словами — «Памятники XVII вѣка.» Всѣ, и самыя мелкія формы ученаго изданія соблюдены съ такою строгостію, какой бы иные и ожидать не смѣли отъ воснаго человека. Мы видимъ примѣръ, что «*da robe et l'érécé*» могутъ и у насъ украшать одного и того же человека.

Мы имѣемъ полную довѣренность къ вниманію, съ какимъ Г. Мухановъ, какъ самъ онъ говоритъ, старался соблюсти дипломатическую точность текста обнародованныхъ имъ актовъ, и полагаемъ, что не онъ, а его корректоръ виновать во многихъ явныхъ погрѣшностяхъ, искажающихъ смыслъ оригиналовъ иногда самымъ забавнымъ образомъ. Напримѣръ, на страницѣ 120, Король Сигизмундъ преноситъ безопасность своего сына *мычанію* Польскихъ комиссаровъ: вѣроятно вмѣсто *beszeniu* (мычаніе) должно быть въ текстѣ *baszeniu*, «вниманію».

Какъ Г. Мухановъ уже столь блистательно доказалъ любовь свою къ отечественной Исторіи и свое умѣнье обращаться съ ея пособіями, то мы считаемъ долгомъ подстрекнуть его дѣятельность указаніемъ на другой богатый кладъ актовъ, относящихся къ той же эпохѣ. Въ здѣшней Императорской Публичной Библіотекѣ хранится около двадцати томовъ рукописныхъ бумагъ Горскаго, секретаря Сигизмунда III, и мы не сомнѣваемся, что авторъ могъ бы почерпнуть изъ нихъ, для втораго изданія своихъ «Памятниковъ XVII вѣка,» многія весьма важныя дополненія.

1. Краткая Всеобщая Исторія *отъ потопа до нашихъ временъ, изложенная по новому плану Н. Кировымъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. XIII и 259.*

2. Обзоръ Исторіи Армянскаго народа, *отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области въ Россійской Имперіи. Сочиненіе Сергія Глинки. Москва,*

въ тип. Лазаревыхъ, 1832 и 1833 (1834), въ-8. Двѣ части, стр. LXXXII и 273 — 294.

5. ШЕСТЬ писемъ о Грузіи и Кавказѣ, писанныя въ 1833 году Платономъ Зубовымъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. 107. Съ 4 видами и вѣнцеткою.

4. Жизнеописанія первыхъ Россійскихъ Адмираловъ, или Опытъ исторіи Россійскаго флота. Часть третія. СПб-бургъ, въ морской тип., 1834, въ-8., стр. 291.

Къ содержанію этихъ чстырехъ сочиненій возвратимся мы въ послѣдствіи.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ (т. е., Каталогъ) Московской Оружейной Палаты. По Высочайшему повелѣнію составлено Д. Е. Н. В. Каммергеромъ, С. С. Павломъ Евренцовымъ, Часть первая. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. ГІІІ и 209.

Записки Г. Буріенна о Наполеонѣ, и проч., переводимыя Г. С. де Шамлетомъ. Томъ второй, часть ІІІ, стр. 558.

ДОСТОПАМЯТНОЕ НА ЗЕМНОМЪ ШАРѢ, или Любопытное описаніе странныхъ приключеній, нѣкоторыхъ примѣчательныхъ народныхъ обычаевъ, необыкновенныхъ людей вразсужденій ихъ нравственныхъ и физическихъ способностей, вырожденъ разныхъ животныхъ, удивительныхъ ископаемыхъ вообще и необыкновенныхъ явленій, случившихся въ атмосферѣ и на поверхности Земаго Шара. Собрано изъ иностранныхъ писателей. Москва, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. ІІІ и 262 — 271.

1. ОРГАНОЛОГІЯ ЖИВОТНЫХЪ. Сочиненіе Доктора Гр. Щуровскаго. Отдѣленіе І. Система органовъ питанія. Съ гравированною таблицею. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. XIII и 99.

2. ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія Психіатріи, въ общемъ и частномъ, теоретическомъ и практическомъ содержаніи, Док-

поромъ Медицины Петромъ Бутковскимъ. Двѣ части., С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-8., стр. III и 122 — 154.

5. ОПИСАНІЕ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, естественныхъ и искусственныхъ, составленное изъ сочиненій лучшихъ новѣйшихъ писателей Францомъ Бѣляевскимъ. Двѣ части. съ виньетомъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. IX и 270 — 504.

4. ОПИСАНІЕ САНКТЕТЕРБУРСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, и наставленіе къ внутреннему употребленію оныхъ, начертанныя Мартыномъ Мейеромъ, главнымъ врачомъ Заведенія. Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ 4 лит. видами. С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-12., стр. I и III.

Мы предоставляемъ себѣ право познакомить нашихъ читателей съ примѣчательнѣйшими мѣстами четырехъ послѣднихъ сочиненій.

Опытъ Военно-Медицинской Полиціи, или Правила къ сохраненію здоровья Русскихъ солдатъ въ сухопутной службѣ. Сочиненіе Романа Четыркина, Н. С. Главнаго Медика дѣйствующей арміи, и проч. С.П.-бургъ, въ тип. Иверсена, 1834, въ-8., стр. IV и 194.

Полезный трудъ Г. Четыркина одобренъ Медицинскимъ Совѣтомъ, лучшимъ судьей по этой части.

Краткое Руководство къ выгоднѣйшему воздѣлыванію картофеля въ поляхъ. Д. Члена Н. М. О. Сельскаго Хозяйства, Рѣшетникова. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12., стр. 26.

О пивнѣ въ Россіи. С.П.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1834, въ-12., стр. 69.

Пивители народнаго Русскаго пивія, которые любятъ пить и разсуждать, или разсуждать и пить, что совѣтъ не одно и то же, должны непременно прочесть эту занимательную брошюрку. Авторъ ея, какъ видно изъ содержанія — самъ почтенный Директоръ придворной пѣвческой капелли. Итъ ничего основательнѣе и яснѣе того, что го-

ворить о церковной музыкѣ; но что касается до народныхъ пѣсень и особенно до ихъ происхожденія, то многія изъ его мнѣній могутъ еще подать поводъ къ такому жаркому спору, что за шумомъ нельзя было бы слышать полного оркестра.

АЛГЕБРА. *Сочиненіе Бурдона, принятое въ руководство для преподаванія въ Институтъ Корнуса Путей Сообщенія. Изданіе второе. Ө. Меца. Сп.-бурга, 1834, въ-8., стр. ГІІІ и 376.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Н. А. Полевой, препровождая въ Б. для Ч. статью, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ, пишетъ къ намъ обширно о своихъ литературныхъ занятіяхъ, и мы не можемъ не уделить любопытству публики нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его письма. «... Я продолжаю неуспѣшно труды свои; не знаю однако жъ, успѣю ли въ нынѣшнемъ году издать осьмой томъ моей «Исторіи Русскаго народа», хотя пятый «почти совсѣмъ отпечатанъ, шестой печатается, седьмой «приготовленъ къ печати. Чѣмъ далѣе иду по пути Исторіи отечественной, тѣмъ безмѣрнѣе является мнѣ поприще сея. Я давно извѣстилъ публику, и вы конечно читали мое «объявленіе, что, вмѣсто двѣнадцати обѣщанныхъ, трудъ мой уже распространенъ на четырнадцать томовъ, а между-тѣмъ, благодаря содѣйствію многихъ почтенныхъ любителей Русской Исторіи, объемъ матеріаловъ безпрерывно у меня увеличивается.... Статья, нынѣ посылаемая мною для Б. для Ч.» — о принятіи Михаиломъ Царскаго «Престола и коронованія его въ Москвѣ, — есть отрывокъ изъ VIII тома Исторіи Р. Н., и томъ этотъ начинается съ «освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ, и заключается 1645 годомъ, кончиною Царя Михаила Теодоровича. Здѣсь началось для меня поприще, еще ни кѣмъ донынѣ необработанное. Донынѣ не имѣли мы ни какого полнаго описанія событій послѣ 1611 года, гдѣ остановился «Карамзинъ. Событія съ 1611 до 1645 года занимаютъ въ

«Дополненіяхъ» Голікова 221 страницу; въ сочиненіи В. Н. Берха 265 страницы; въ Исторіи С. Н. Глинки 408 «страницъ. Самый объемъ ихъ твореній показываетъ, что «все это *кранкія повѣствованія*, а другихъ, кромѣ сихъ «трехъ, исключая учебныя книги, у насъ вовсе нѣтъ..... «Счастливымъ себя почту, если Провидѣніе позволитъ мнѣ «издать *первый опытъ полной Исторіи* благословеннаго Дома «Романовыхъ, и если изъ приложеннаго здѣсь отрывка читателю ваши заключать, что трудъ мой не совсѣмъ лишень достоинствъ историческаго повѣствованія.»

— При Московскихъ Вѣдомостяхъ получили мы любопытное объявленіе, подписанное Г. Андреемъ Закревскимъ, и которымъ «предлагаетъ онъ на судъ Русскихъ читателей еочиненіе, важное по предмету, но слабое по исполненію», подъ заглавіемъ — *Ученая Россія, или Духовная дѣятельность Россіи въ послѣднемъ десятилѣтіи*. Сочиненіе это должно состоять изъ четырехъ томовъ, и авторъ желаетъ оставить его будущему исторiku, съ тѣмъ, чтобы онъ изъ этихъ четырехъ томовъ сдѣлалъ себѣ одну страницу. Если все существо книги можетъ быть изложено на одной страницѣ, то, право, не стоитъ разжижать ее на четыре тома. Въ первомъ томѣ будетъ — Вступленіе; отношеніе науки къ жизни; національность духовной жизни, и проч. Въ четвертомъ — значеніе Россіи во всемірной жизни и наше будущее. Авторъ проситъ всѣхъ и каждого, сообщать ему замѣчанія на планъ его сочиненія, свои біографіи и свои сужденія объ избранныхъ имъ предметахъ.

Библіотека для Чтенія не можетъ съ своей стороны не удовлетворить этому вызову. На планъ книги, она имѣетъ честь представить одно только то замѣчаніе, что она не понимаетъ въ немъ ни одного слова. Біографія ея очень коротка, и она охотно ее сообщаетъ: Б. для Ч. родилась 51 Декабря, 1855 года, въ осьмомъ часу вечера, и живетъ благополучно. Что касается до сужденій о предметахъ, избранныхъ авторомъ, то она того мнѣнія, что національность духовной жизни — въ самомъ дѣлѣ должна быть вещь удивительная! О всеобщей жизни и о нашемъ будущемъ она еще подумаетъ.

— Мы узнаемъ, что въ Москвѣ вышла уже первая часть сочиненія, которое будетъ столько же пріятно, какъ полезно вѣстимъ нашимъ хозяевамъ, любящимъ изящность и удобство: это — *Теорія составленія ландшафтныхъ и другихъ разнаго рода садовъ, съ двѣнадцатію тетрадами чертежей, плановъ и фасадовъ сельскихъ и садовыхъ строеній и украшеній*, — по-Русски и по-Французски. Недостатокъ подобной книги былъ у насъ весьма ощутителенъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Морской разбойникъ Цампа, или Мраморная невеста*, Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная 22 Мая.

Вамъ, безъ-сомнѣнія, извѣстна ужасная война, свирѣпствовавшая за восемьдесятъ лѣтъ передъ симъ въ музыкальной Франціи. Одни превозносили до небесъ свою, родную музыку, и топтали въ грязь Италіанскую; другіе превозносили до небесъ музыку Италіанскую, и топтали въ грязь свою, родную. Нерѣдко рукопашный бой улаживалъ эту разногласицу. Король, щадя кровь своихъ вѣроподданныхъ, приказалъ закрыть Италіанскій театръ: Парижъ утихъ, и два угла сошлись полюбовно. Надобно знать, что въ театрѣ того времени, ложа Короля находилась противъ ложи Королевы. Защитники Французской музыки собирались всегда близъ ложи Короля, а покровители Италіанцевъ примыкали къ ложѣ Королевы, и поэтому прозвали ихъ «Королевскимъ угломъ» а послѣднихъ «Королевинымъ угломъ». Если споръ о гармоніи довелъ до драки миролюбивыхъ слушателей, — что тогда чувствовали, что тогда дѣлали враги композиторы? Вѣроятно закалывали другъ друга книжалами? Ужаснѣе! Отравляли ядомъ? Ужаснѣе, — освѣщивали другъ друга! А композиторы нашего блаженнаго XIX вѣка, — какая разница! Они люди благовоспитанные, скромные, живутъ между собою дружелюбно, все вмѣстѣ обкрадываютъ варваровъ прошлаго столѣтія, и каждый порознь

щечится около друга. И прекрасно: круговая порука. Никто не въ претензіи. Это благопріобрѣтеніе пынче въ модѣ. Послушайте Россини, великаго, безсмертнаго, Россини! Онъ обкрадываетъ даже самъ себя. Слѣдственно о музыкѣ Цампы, то есть, о музыкѣ Герольда, говорить много печего: *de mortuis aut bene aut nihil*. Скажемъ нѣсколько словъ о *libretto* этой Оперы. Не родись ни пригожъ, ни уменъ, а родись счастливъ: эта поговорка оправдалась и на «Цампѣ». Эта фантастическая Опера явилась здѣсь въ самое время, въ разгулъ всевозможныхъ фантазій, когда Дирекція Императорскихъ Театровъ не щадитъ ни трудовъ ни издержекъ для обстановки піесъ, когда Г. Кавосъ снова вступилъ въ управленіе Русскимъ оркестромъ, когда Г. Петровъ (Цампа), привыкая болѣе и болѣе къ сценѣ, сталъ облагораживать болѣе и болѣе свою жестикуляцію, когда Г-жѣ Шелиховой ст. (Камилла) стало уже наскучивать завынное пѣніе, когда Опера наша красуется еще талантомъ Самойлова (Даніиль). Счастливецъ Цампа, счастливецъ! А умомъ, правду молвить, грѣхъ его упрекнуть.

Графъ Монца, молодой человекъ, жертвовавшій всѣмъ священнымъ для минутнаго наслажденія, обольстилъ благородную дѣвицу, Алисію. Она умерла съ отчаянія. Въ помѣсть Графа Лусано поставлена въ память ея статуя. Монца сдѣлался морскимъ разбойникомъ, по волѣ автора *libretto*, который хотѣлъ, вѣроятно, перещеголять творца Донъ-Жуана. Донъ-Жуанъ развратникъ, обольститель, даже убійца, но не патентованный разбойникъ: слѣдственно онъ степенью порока ниже Цампы (корсерское имя Монцы). Цампа съ приверженцами своими приплываетъ во владѣніе Графа Лусано, встрѣчаетъ его самого въ морѣ (кстати!), беретъ въ плѣнъ, и выкупомъ назначаетъ руку его дочери. Несмотря, что молодая Графиня Лусано готовится идти подъ вѣнецъ съ другимъ, Цампа на ней женится. Алисія, хотя мраморная, оскорбляется измѣною своего обольстителя. Мраморная Алисія, — изъ зависти, больше не изъ чего, потому что она мраморная, — не допускаетъ Цампу до брачной постели, обнимаетъ его сама — и проваливается съ нимъ сквозь землю.

Опера монтирована роскошною рукою, новыя декорации, новыя костюмы, новое изверженіе Этны. Это изверженіе есть дѣло рукъ отличнѣйшаго нашего машиниста, Тибо. Публика почтила его два раза вызовомъ. Цампа, обративъ на себя особенное вниманіе нашихъ дилетантов, поселилъ между ними разные толки. Одни говорятъ, что эта Опера есть произведеніе Герольда, что и напечатано въ афишѣ; что музыка ся оригинальна. Другіе увѣряютъ, что Герольдъ въ этомъ произведеніи есть только prête-nom, что музыка Цампы принадлежитъ особѣ, играющей значительную роль въ Исторіи нашего времени, что многія мѣста этой Оперы ежеко напоминаютъ мотивы Фенеллы, напримѣръ, въ финалѣ перваго акта хоръ — *Станемъ пить и веселимся* и *Пустынника* (Карафы), въ дуэтѣ во втораго акта Даніила и Ритты — *Ахъ, это онъ*.

2. Оцѣпленіе, Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Въ Одессу прибылъ изъ Морен корабль. Такъ какъ страна эта была зачумлена, то корабль подвергся карантину. Въ это время пріѣзжаетъ въ Одессу изъ Петербурга Капитанъ 2 ранга, Реевъ, и останавливается въ домѣ прежняго своего сотоварища по Ришельевскому Лицею, хотя Титулярнаго Совѣтника, но богатаго откупщика, Китова. Китовъ хочетъ жениться на молоденькой и пригоженькой вдовѣ, Шахматинной, въ которую былъ влюбленъ Реевъ, еще тогда, когда она была въ дѣвницахъ, иза которую тогда же онъ стрѣлялся съ покойнымъ ея мужемъ. Китовъ приглашаетъ Реева въ шаферы. Реевъ, согласясь на это, придумываетъ средство, какъ бы самому жениться на Шахматинной. Счастливая мысль мелькнула въ умѣ его. Онъ находитъ случай поговорить со вдовушкою на-единѣ. Гости Китова встрѣчаютъ ихъ въ этомъ уединеніи. Реевъ выдаетъ себя командиромъ зачумленнаго корабля. Всѣ разбѣгаются, запираютъ Реева съ Шахматинной въ одной комнатѣ, оцѣпляютъ домъ, наряжаютъ для освидѣтельствованія ихъ членовъ Врачебной Управы. Обманъ Реева открывастся. Но кто же послѣ этого возьметъ за себя вдову зачумленную? Разумѣется, никто кромѣ зачумленнаго. Реевъ женится на Шахматинной.

Вотъ вкратцѣ содержаніе новой Комедіи — *Оцѣпленіе*, представленной 27 Мая. Это, если не ошибаемся, первый опытъ Г. Н. Пасынкова писать для сцены. Не худо было бы, если бъ Г. Н. Пасынковъ сдѣлалъ теперь другой опытъ — показывать откровенно на своихъ пьесахъ, что онъ передѣланы съ Французскаго, когда ему случится что-нибудь передѣлать съ этого языка: а то многіе подумали, что *Оцѣпленіе* — оригинальная Русская Комедія. Водевиль, изъ котораго оно родилось, называется, кажись, *La Quarantaine?*... Во вторую репрезентацію, авторъ укоротилъ нѣкоторыя сцены, убавилъ нѣсколько лишнихъ стиховъ. Это послужило бы въ пользу Комедіи, если бы допустили до того участвовавшіе въ ней артисты. Если бы не игралъ въ ней Брянскій, не придумаю, что было бы съ нею.

5. *Друзъ и Любовникъ*, Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго, и представленная 14 Іюня.

Былъ купецъ дю-Бюссьеръ, у него были прикащикъ Данило и жена Аврелія. Дю-Бюссьеръ любилъ жену, жена не любила его, за то любилъ его Данило, да и какъ еще любилъ! Не только самъ не живилъ хозяйскимъ добромъ, даже не давалъ другимъ поживиться. Жена дю-Бюссьера, (который, замѣтимъ въ оправданіе ея, былъ ветхонекъ), поглядывала не равнодушно на какого-то де-Варада. Варадъ этотъ былъ человѣкъ, какъ бы вамъ сказать, не дурной собою, съ черными усиками, съ высокимъ хохломъ. Онъ нѣжничалъ передъ хозяйкою, и строилъ куры ея горничной. Словомъ, Варадъ, — о профессіи его, не спрашивайте меня, — принадлежалъ къ той молодежи, которую вы принимаете у себя въ домъ, кормите, поите и даже возите съ собою въ театръ. Варадъ, въ отсутствіе дю-Бюссьера, уговариваетъ Аврелію вѣхать съ нимъ на балъ. Аврелія соглашается. Данило успѣваетъ отклонить ее отъ этого намѣренія. Добрый прикащикъ! послушная хозяйка! Варадъ въ полночь случайно является въ загородномъ домѣ дю-Бюссьера, въ спальнѣ Авреліи; встрѣчаетъ ее тамъ. Данило! Данило! сюда! сюда! поскорѣ!... Ну, опоздалъ, пеняй самъ на себя. Аврелія открылась въ любви Вараду. Данило входитъ съ

объявленіемъ, что дю-Бюссьеръ прислалъ письмо, и что вслѣдъ за нимъ самъ ѣдетъ. Аврелія рѣшается бѣжать съ Варадомъ. Не спасти бы и Данилъ своей хозяйки, если бы она не узнала, что Варадъ обманщикъ, что въ то время, когда клялся ей въ любви, онъ обѣщалъ жениться на ея горничной, которую успѣлъ прежде завлечь въ свои сѣти. Варадъ уходитъ, а Аврелія идетъ навстрѣчу къ мужу и, вѣроятно, живетъ съ нимъ согласно донынѣ, по-прежнему, то есть до перваго Варада.

Прикащикъ Данило не прикащикъ, а сокровище для многихъ людей неоцѣненное.

Комедія имѣла успѣхъ весьма небольшой. Она въ двухъ актахъ. Но чтобъ дождаться двухъ, трехъ сценъ эффектно-комическихкихъ, надобно высидѣть полтора часа вялыхъ, утомительныхъ діалоговъ. Переводъ Комедіи хорошъ. Въ ней играла служанку молодая артистка, Г-жа Волкова, и сыграла ее съ большимъ стараніемъ и отчетливостью. Говорить о Г. и Г-жѣ Каратыгиныхъ (Данило и Аврелія) не считаемъ необходимымъ. По окончаніи пьесы они были вызваны на сцену.

М. Я.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Демидовскія преміи.* Засѣданіе 30 Мая было посвящено провозглашенію ученыхъ трудовъ, получающихъ въ нынѣшнемъ году преміи, учрежденныя почтеннымъ любителемъ просвѣщенія, П. Н. Демидовымъ.

Изъ числа шестнадцати представленныхъ сочиненій, Академія не нашла ни одного, заслуживающаго полную награду. Слѣдующія семь книгъ удостоены половинныхъ премій:

I. Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей, 5 части, сочиненное Г. *Левшиннымъ*, Градоначальникомъ Одесскимъ.

II. Сказанія Князя Курбскаго, 2 части, изданныя Г. *Устряловымъ*, профессоромъ при здѣшнемъ Университетѣ.

III. *Plantarum novarum seu minus cognitarum, quas in itinere Caspico-Caucasico observavit D. Eduard Eichwald, cum tabulis XX, fasciculus secundus.*

IV. Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи, составленное Г. Надворнымъ Советникомъ *Григорьевымъ*.

V. Руководство къ виноградному садоводству и винодѣлію въ Южныхъ Губерніяхъ Россіи, сочиненное Г. Барономъ *Боде*.

VI. О системѣ Наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначеннымъ къ образованнѣйшему классу общества, соч. Д-ра *Истрецова*.

VII. Полевая Фортификація съ атласомъ, сочиненіе Г. *Половцова*.

Академія, желая изъявить благодарность свою Ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ разсмотрѣніи сочиненій, поступившихъ къ соисканію, учредила для нихъ, съ согласія Г. *Демидова* и съ Высочайшаго соизволенія, раздачу золотыхъ медалей. Для издержекъ, положено употреблять проценты съ капитала, вносимаго Г. Демидовымъ каждый разъ впередъ.

Медаль, величиною около серебрянаго рубля, представляетъ съ одной стороны окруженную дубовымъ и лавровымъ вѣнкомъ надпись:

Annua
 XXV. milia. rub. ass.
 Praemiis Literariis
 dum vivit et XXV ann: ultra
 de suis destinat
 Die XVII Apr. MDCCCXXXI.

На оборотѣ: изображеніе совы съ распростертыми крыльями, и подъ нею надпись:

Evocatis
 Praemii Demidoviani
 Arbitris
 Academia.

Въ нынѣшнее годичное засѣданіе Академія почтила такими медалями Гг. Самсона фонъ-Гиммелстерна; бывшаго профессора въ Дерптѣ, Нейманна; Н. П. Греча; А. Х. Востокова и Доктора Медицины, Лихтенштедта.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Ботаническія и зоологическія открытія Г. д'Орбиньи.* Въ послѣднія восемнадцать лѣтъ, Французскій Музеумъ Естественной Истории отправилъ восьмерыхъ Ученыхъ странствовать по свѣту. Изъ нихъ пятеро погибли въ чужихъ краяхъ, двое умерли отъ понесенныхъ ими трудовъ по возвращеніи въ отечество; одинъ только Г. д'Орбиньи воротился благополучно, и притомъ съ самыми удовлетворительными результатами.

Ему поручено было изслѣдовать внутренность Юго-Американскаго материка, которая, въ сравненіи съ береговыми его частями, еще очень малонзвѣстна. При всей ограниченности данныхъ ему денежныхъ способовъ, при всей трудности ученаго путешествія въ краю полуднюкомъ и малолюдномъ, Г. д'Орбиньи умѣлъ собрать и сберечь для Музеума «семнадцать ящичковъ сокровищъ».

Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ, Гг. Броньяръ и Бленвиль читали донесенія свои о ботаническихъ и зоологическихъ трудахъ ученаго путешественника.

Хотя Г. д'Орбиньи преимущественно посвятилъ себя Зоологін, однако жъ привезъ 2000 породъ растений, изъ

которыхъ отъ 500 до 400 можно почесть совершенно новыми. Собранныя, большію частію, на Кордильерѣ Андовъ, они тѣмъ болѣе важны, что составляютъ необходимыя дополнителныя звѣнья къ той цѣпи, которою теперь можно соединить растительность Хили съ Перувианскою и Колумбійскою. Путешественникъ обратилъ особенное вниманіе на пальмы, которыя такъ мало извѣстны въ Европѣ, что по-сю пору мы должны были руководствоваться рисунками старыхъ естествоиспытателей, Румфія, Реде и прочихъ. Только недавно появилось сочиненіе Марціуса о Бразильскихъ пальмахъ. Г. д'Орбиньи пополнилъ и этотъ недостатокъ, срисовавъ 48 пальмовыхъ породъ, со всеми подробностями и особенностями ихъ плодовъ, листьевъ и цвѣта.

По части зоологической, изслѣдованія Г. д'Орбиньи были еще многообъятнѣе. Онъ наблюдалъ и малорослый пародецъ, Квиншу, и огромныхъ Патагонцевъ: по его мнѣнію, человѣческая порода слѣдуетъ одинаковому закону съ растеніями, то есть, становится тѣмъ мельче, чѣмъ выше ея мѣстопробываніе. Г. д'Орбиньи привезъ съ собою два черепа древнихъ Перувианцевъ, у которыхъ лбы сплюснены, какъ у Караибовъ.

Классъ млекопитающихъ пріобрѣлъ сего трудами важныя дополненія. Онъ знакомитъ насъ съ разными новыми породами обезьянъ: одна изъ нихъ похожа на *saïmiri*, спнерылку, но отличается длиннымъ хвостомъ, черной головою и желтошерстными руками. Въ числѣ ихъ есть цѣлый рядъ *воющихъ обезьянъ*, *singes hurleurs*, и новый родъ *дурукули*, замѣченныхъ Гумбольдтомъ. Г. д'Орбиньи сообщаетъ множество новыхъ фактовъ, относящихся до естественной исторіи обезьянъ; таково, напримѣръ, свѣдѣніе о предѣлахъ ихъ обитанія. Путешественнику не случилось видѣть ни одной за 27° южной широты, и вообще ихъ гораздо больше на равнинахъ, чѣмъ въ горахъ. Въ числѣ млекопитающихъ, привезенныхъ цѣлкомъ, есть красный волкъ, упомянутый Гумбольдтомъ, и питающійся преимущественно куропатками; новаго рода лисица, которой боятся Патагонцы, и медвѣдь изъ той мелкой породы, которую Кювье называетъ *ursus ornatus*, нарядными медвѣдями.

Изъ плотоядныхъ животныхъ путешественникъ наблю-

далъ летучихъ мышей, и особенно кровососовъ: онъ подтверждаетъ, что они дѣйствительно сосутъ кровь другихъ животныхъ и даже человека. Часто выдавъ вонючекъ, онъ имѣлъ случай замѣтить преувеличеніе на счетъ числа ихъ породъ, и отличить ту, которая собственно принадлежитъ Южной Америкѣ, и издастъ такую вонь, что ея слышно за три версты въ морѣ.

Изъ семейства тюленей путешественникъ привезъ прекрасный костякъ ушастой породы, otaries.

Беззубыя, то есть, животныя, не имѣющія зубовъ перваго разряда, или рѣзцовъ, edentata, и особенно броненосцы, также были предметомъ его изслѣдованій. Онъ привезъ много образцовъ этого класса, и показалъ достоверно, что если нѣкоторые изъ нихъ питаются растеніями, за то другія до такой степени плотоядны, что отрываютъ погребенныя тѣла и пожираютъ ихъ. Онъ открылъ еще новаго рода китовъ: особенно замѣчательнъ одинъ изъ породы дельфиновъ, найденный за 800 миль отъ морскаго берега, въ рѣкѣ Паранѣ, въ Бразиліи.

Классъ грызущихъ, rodentia, наиболѣе обогатился новыми открытіями. Кромѣ разнаго рода Кордильерскихъ бѣлокъ, замѣчательно собраніе Бразильскихъ зайцевъ и вонючихъ вивверъ, множество крысъ; кроликъ, который не живетъ въ порахъ; новый родъ агути, три или четыре рода кобаевъ; свинка, которая водится въ возвышеннѣйшихъ частяхъ Патагоніи, и разныя другія породы изъ Хили. Съ другой стороны, Г. д'Орбиньи допускаетъ одну только породу коанду, которая доселѣ принималась за двѣ. Изъ копытчатыхъ, ungulata, онъ нашелъ одну только породу тапира, да четыре извѣстныя породы Американскаго верблюда ламы. Изъ семейства оленей, опредѣлилъ онъ пять породъ; въ томъ числѣ одну совершенно новую.

По вычисленію Г. Изидора Жоффруа, ученый путешественникъ открылъ 46 новыхъ породъ млекопитающихъ; а какъ число всѣхъ извѣстныхъ породъ можно полагать до 1200, то онъ увеличилъ его четырьмя процентами. Дополненіе, сдѣланное имъ къ каталогу птицъ, несравненно больше; оно такъ велико, что нельзя и говорить объ немъ въ краткомъ отчетѣ. Напримѣръ, въ собраніи Г. д'Орбиньи,

500 породъ одного воробья. Онъ замѣтилъ также множество утокъ. Мѣстѣ открыто имъ пресмыкающихся, — только 119 новыхъ видовъ; земноводныхъ еще меньше; за то рыбъ безчисленное множество.

2. *Планиметръ*. Г. Пюиссанъ отдалъ Академіи подробный отчетъ объ инструментѣ, изобрѣтенномъ Гг. Опшикоферомъ и Эрнестомъ для графическаго измѣренія поверхности пахатной земли, означенной на планѣ, начерченномъ по какому бы то ни было масштабу. Этотъ инструментъ, называемый планиметромъ, весьма удобенъ для того, чтобы чрезвычайно скоро и съ достаточною вѣрностію опредѣлить площадь земли, означенной гектарами, или другою мѣрою на планѣ, сдѣланномъ по обыкновеннымъ геометрическимъ способамъ. Онъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить нынѣшнія методы, всегда влекушія за собою продолжительныя вычисленія, и которыхъ результатъ не менѣе того только приближительный. Г. Пюиссанъ говоритъ, что изобрѣтенный планиметръ есть одинъ изъ самыхъ замысловатыхъ и самыхъ полезныхъ инструментовъ, какими практическая геометрія обогатилась въ новѣйшее время.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Новыя изслѣдованія о физиологій мозга. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Общества, Сиръ Чарльсъ Белль читалъ любопытную записку объ отправленіяхъ нѣкоторыхъ частей мозга, и о связи между нервами движенія и чувствованія. Изложивъ затрудненія, препятствующія успѣхамъ этой части Физиологій, авторъ объяснялъ, что лучший способъ изслѣдовать отправленія мозга и нервной системы состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать волокна нервовъ въ волокнистомъ и полосатомъ веществѣ мозга; по сего мнѣнію, такое разсмотрѣніе показало бы, что нервы движенія и чувствованія исходятъ двумя столбцами отъ обонхъ полушарій мозга, встрѣчаясь и пересѣкаясь потомъ въ продолговатомъ мозгу, *medulla oblongata*. Общія результаты собственныхъ изслѣдованій его по этой части заключаются въ слѣдующемъ: утрата движенія и чувствъ случается обыкновенно въ одно время потому, что нервы движенія и чувствованія идутъ изъ однихъ и тѣхъ же частей мозга. Повреж-

деніе въ мозгу чувствительно и для той стороны тѣла, которая противоположна поврежденной части, по причинѣ пересѣченія нервовъ. Такое пересѣченіе существуетъ по-видимому не для того, чтобъ поврежденіе распространялось отъ одной стороны тѣла на другую, что не всегда и бываетъ, а для взаимнаго сопряженія всѣхъ частей одной и той же системы. Спинной мозгъ болѣе нежели нервъ; онъ имѣетъ свое особенное назначеніе, и есть, по-видимому, та часть нашего тѣла, въ которой сосредоточиваются движеніе и чувство, и та цѣпь, которою обѣ эти способности сопрягаются съ мозгомъ. Вразсужденіи мозжечка Г. Бейль замѣчаетъ, что до сихъ поръ никто еще не опредѣлилъ назначенія его даже съ какою-нибудь точностью.

ГГ. ДАЛЬ, ЗЕЙДЛИЦЪ, И ОМЕОПАТІЯ. Животный магнитизмъ, чернокнижіе и Омеопатія имѣютъ то общее, что чудеса ихъ объявляются только тѣмъ, кто въ нихъ вѣруетъ. Полемика, къ которой почтенный Докторъ Даль подалъ поводъ письмомъ своимъ къ Г. Зейдлицу, напечатанномъ въ Сѣверной Пчелѣ, сама по себѣ такъ забавна, и производитъ такое волненіе въ мірѣ прописывающемъ и глотающемъ порошки, что мы не можемъ лишить читателей нашихъ случая познакомиться съ предметомъ спора, тѣмъ болѣе, что его обстоятельства довольно важны для Науки.

Когда Турки подступали къ Константинополю, Греки брались за усы по поводу нѣсколькихъ богословскихъ тонкостей, непостижимыхъ и для ихъ защитниковъ, и для тѣхъ, которые ихъ опровергали. Когда Папская власть угрожала порабощеніемъ всему Западу, Западъ отчаянно предавался схоластическимъ распрямъ подъ знаменемъ Аристотеля. Когда надъ Европою сбиралась кровавая туча Французской революціи, Европейцы жарко и шумно разсуждали о месмеризмѣ. Нашъ вѣкъ, умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ вѣковъ, смѣется надъ слабоуміемъ Византійцевъ, смѣется надъ сумасбродствомъ схоластическихъ диспутаций, смѣется надъ месмеризмомъ и месмеристами, и споритъ до слезъ объ Омеопатіи. Это самымъ торжественнымъ образомъ доказываетъ способность ума человѣческаго къ безпредѣльному совершенствованію.

Многіе считаютъ Омеопатію наукою, или теоріею, а я думаю, что это эпиграмма на умъ XIX столѣтія; — и что эта эпиграмма ловка, что она очень мѣтко брошена, хотя и немножко жестока, что какъ-разъ попала въ цѣль, вы имѣете доказательство тому въ успѣхъ ея всюду, гдѣ есть люди съ умомъ XIX вѣка, даже въ Оренбургѣ.

Омеопатія совершенно покорила Оренбургъ дециліонными частицами одной крупинки лекарства, и уже грозитъ вторгнуться въ Киргизскую степь: если только успѣетъ она разжидить эту крупинку до дециліонной степени, то, нѣтъ сомнѣнія, всѣ три Орды будутъ въ ея власти. Докторъ Даль, аллопатъ грозный и непоколебимый, который никогда не вѣрилъ чудеснымъ свойствамъ дециліонной частицы чего бы то ни было, который насмѣхался надъ омеопатами, который называлъ ихъ тсорію шарлатанствомъ и еще хуже этого, пріѣхавъ въ Оренбургъ, напелъ все мѣстное здоровье въ ихъ рукахъ, весь городъ греющимъ ихъ подвигами, всѣ пути къ кроватямъ пресѣченными рядомъ потенцированныхъ порошковъ, и долженъ былъ бороться съ ними за всякаго паціента. Возникла страшная медицинская война. Въ пылу спора, въ восторгѣ аллопатическаго убѣжденія, Г. Даль предложилъ омеопатамъ *съѣсть за-разъ всю ихъ аптеку*, — такъ сильно былъ онъ увѣренъ, что ихъ до безконечности разжиженные лекарства не въ состояніи произвести ни какого дѣйствія надъ разсудительнымъ, твердымъ въ хорошихъ правилахъ желудкомъ! Разумѣется, что испуганные омеопаты не согласились на эту рѣшительную мѣру, тѣмъ болѣе, что, послѣ подобнаго испытанія, Г. Даль могъ, по всей справедливости, въ свою очередь заставить омеопатовъ *съѣсть за-разъ всю Оренбургскую губернскую аптеку*, чтобъ взаимно увидѣть на нихъ силу аллопатическаго образа врачеванія; но, улучивъ время, они дали ему шесть порошинокъ чистаго сахару, смоченныхъ дециліоннымъ разжиженіемъ древеснаго угля. Г. Даль улыбнулся съ презрѣніемъ, и храбро принялъ ничтожное количество лекарственнаго снадобья. На третій день онъ почувствовалъ себя какъ-бы угорѣлымъ. Ничего не говоря омеопатамъ, онъ дважды повторилъ надъ собою тотъ же опытъ, и каждый разъ испыталь тѣ же слѣдствія: всеобщую возвышенную раздражитель-

ность первовъ , безпокойство , тоску , урчаніе въ животъ , испріятый вкусъ , головокруженіе , давленіе въ вискахъ и подъ глазами , головную боль , сильный шумъ въ ушахъ , наконецъ сухой кашель съ весьма тягостнымъ давленіемъ надъ грудною костью , и такое разстройство всего тѣла, что малѣйшій шумъ, говоръ, и въ особенноти табачный дымъ, сдѣлались для него нестерпимыми. Омеопаты запрыгали отъ радости, закричали вивать, дали великолѣпный обѣдъ въ честь дециліоннымъ частицамъ, а Г. Даль, вѣтерный , дерзкій Даль , который вызывался проглотить всю ихъ аптску, былъ сраженъ шестью ихъ порошинками, убѣдился «въ весьма пронзительномъ дѣйствіи этого безумнаго средства», и написалъ письмо о томъ въ Петербургъ, къ другу своему, Г. Доктору Зейдлицу.

Омеопатическое народонаселеніе столицы мигомъ узнало о чудѣ, свершившемся на Киргизской линіи: омеопаты все знаютъ. О восторгъ! о радость! Надобно было видѣть Петербургъ въ эту минуту. Незнакомые умильно пожимали себѣ руки , враги дружески цѣловались, всѣ приверженцы дециліонной жижицы издалска кричали другъ другу на улицѣ: «Даль обратился! Даль омеопать! Слышали вы о чудесномъ обращеніи Даля?... У Зейдлица письмо отъ него!» Они не довольствовались этимъ: они громко требовали, чтобы Г. Зейдлицъ напечаталъ это письмо и всенародно принесть свидѣтельство истинѣ. Другъ обращеннаго согласился на ихъ желаніе, но съ тѣмъ, чтобы напередъ повторенъ былъ здѣсь, въ Петербургъ, опытъ съ дециліонными частицами разжиженнаго древеснаго угля, отъ котораго Г. Даль угорѣлъ такъ жестоко, какъ отъ большой Русской печи.

Приготовили угольно-потенцированные порошки сахара , избрали десять челоѣкъ здоровыхъ фельдшеровъ , и два доктора противоположныхъ медицинскихъ исповѣданій , Г. Гедекенъ, изъ омеопатовъ, и Г. Нечаевъ, природный аллопаты, раздѣлили между собою паціентовъ , долженствовавшихъ испытывать силу таинственнаго препарата. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности этого любопытнаго опыта, и мы изложимъ только общіе его результаты. Г. Гедекснъ приступилъ къ раздачѣ пріемовъ со всѣми омеопатическими церемоніями, которыя конечно по-

дѣйствовали заранее на нервы принимающихъ, приготовивъ ихъ умы къ ожиданію сильныхъ лекарственныхъ дѣйствій; Г. Нечаевъ, напротивъ, давалъ тѣ же порошочки своимъ пяти человѣкамъ какъ-можно проще, и ни чѣмъ не пугая ихъ воображенія. Пациенты перваго подверглись почти тѣмъ же болѣзненнымъ ощущеніямъ, какія описалъ Г. Даль; фельдшеръ втораго ровно ничего не почувствовали. Что примѣчательнѣе, — послѣ угольно-потенцированныхъ сахарныхъ порошочковъ, пациентамъ Г. Гедекена давали такое же количество порошочковъ чистаго сахару, и они впадали въ совершенно тѣ же болѣзненные припадки. Эти опыты, многократно повторенные въ теченіе Марта и Апрѣля мѣсяцевъ со всюю офиціальною точностію и всегда съ одинаковымъ результатомъ, поставили Г. Зейдлица въ возможность объявить съ новою и еще большею увѣренностію въ отвѣтъ Г. Даню, что Омеопатія есть *non-ens* и *non-sens*, — несбылица и бессмыслица, -- и удостовѣрить своего друга, что Оренбургское чудо было простое слѣдствіе раздраженія въ немъ нервовъ споромъ его съ омеопатами. Онъ вѣроятно боялся ощутить дѣйствіе принятаго лекарства, и потому именно ощутилъ его: безпокойство души замѣнило въ этомъ случаѣ полную вѣру, которой Омеопатія, подобно магнитизму, преимущественно требуетъ отъ человѣка. Авторъ присовокупляетъ, что недавно были произведены въ Берлинѣ такіе же опыты надъ здоровыми лошадьми, кошками и собаками, которымъ давали сильные пріемы омеопатическихъ препаратовъ, и въ которыхъ однако жъ не замѣтили ни какаго ихъ дѣйствія. И не удивительно: эти животныя имѣютъ счастье не вѣрить не только Омеопатіи, но и всей Медицины!

ЗМѢИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ЖЕЛУДКѢ. Всѣ Журналы повторяютъ, слѣдственно и мы должны повторить то, что пишутъ въ Нью-Йоркскихъ газетахъ. Впрочемъ, дѣло не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно происходило на томъ свѣтѣ, — въ Америкѣ.

«Мы только-что получили извѣстіе, говорятъ Нью-Йоркскія Вѣдомости, о дивной операціи, которую докторъ Моттъ сдѣлалъ одному портиному, живущему въ улицѣ Эссексъ-

Стригъ. Этого человека зовутъ Фредерикомъ Вильямсомъ. Тому около полутора года, былъ онъ въ Ямаикѣ, и пилъ тамъ воду изъ ключа, на днѣ котораго, какъ самъ примѣтилъ, играли молодые змѣйки длиною не больше одного вершка. Черезъ полгода почувствовалъ онъ родъ ворчанія въ желудкѣ, и въ то же время эта часть тѣла начала ужасно раздуваться. Аппетитъ возрасталъ вмѣстѣ съ желудкомъ, и наконецъ сдѣлался столь сильнымъ, что бѣдный страдалецъ принужденъ былъ обѣдать по четыре и по пяти разъ въ сутки. Это продолжалось нѣсколько недель: тутъ онъ вспомнилъ о ключѣ, изъ котораго пилъ воду въ Ямаикѣ, и ужаснулся при мысли, что, можетъ-статься, проглотилъ одного изъ плававшихъ тамъ гадовъ. Между-тѣмъ выпуклость на желудкѣ увеличивалась, и онъ уже ощущалъ, какъ пресмыкающееся конышилось и прыгало внутри его. Боль отъ этихъ внезапныхъ движеній и отчаяніе повергали его въ судороги.

«Онъ послалъ за Г. Моттомъ. Почтенный докторъ предложилъ сдѣлать операцію, то есть, прорѣзать въ желудкѣ отверстіе, черезъ которое можно было бы вынуть змѣю, но Вильямсъ не рѣшался изъ опасенія новыхъ страданій. Тогда вздумали вытащить ее черезъ горло, и вотъ что положено было сдѣлать. Страдальцу запретили принимать пищу три дня, и все это время докторъ неотступно при немъ находился для наблюденій. Когда, по движеніямъ пресмыкающагося, примѣтили, что оно ищетъ себѣ выхода, Вильямса тотчасъ положили на постелѣ павзничъ, и велѣли ему лежать съ разпнутымъ ртомъ, у котораго была поставлена чашка горячаго молока. Вдругъ, лице поргнаго посинѣло, и онъ какъ-будто задушился; но тутъ же и голова змѣи показалась изъ рта и стала хлебать молоко.

«Тогда чашку тихонько отодвинули: змѣя, чтобъ прикинуть къ ней, вылезла болѣе изъ горла. Тутъ одинъ изъ стоявшихъ подлѣ пациента схватилъ ее за шею и вытащилъ всю вонъ изъ тѣла. Ее убили, и докторъ Моттъ погрузилъ остатки ея въ спиртъ, чтобъ сохранить эту рѣдкость. Воспитанное въ желудкѣ Вильямса пресмыкающееся получило удивительное тѣлесное развитіе, потому что длина его не менѣе шести футовъ и пяти дюймовъ (почти сажень).»

Нью-Йорскія Вѣдомости заключаютъ разсказъ примѣчаніемъ, что этотъ случай долженъ послужить урокомъ для тѣхъ, кто неосторожно утоляетъ жажду въ ключахъ. Мы не хотимъ спорить съ ученымъ Американскимъ редакторомъ, но, по крайнему нашему разумнію, въ этомъ случаѣ содержится совсѣмъ другое правоученіе: онъ, напротивъ, доказываетъ, что, попавшись въ Ямайку, должно помнить, гдѣ находишься, и пить ромъ, а не ключевую воду. Какъ бы то ни было, Вильямсъ можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что онъ посылъ въ желудкѣ только змью въ сажень: что, если бѣ, по своей неосмотрительности, проглотилъ онъ молодаго кита, и тотъ бы со-временемъ выросъ въ немъ сажень въ десять? А это тоже легко могло случиться! И чѣмъ бы докторъ Моттъ выпросилъ изъ него такого уroda?... Но наконецъ открыть настоящій способъ выбавлять змѣй изъ человѣка, и тѣ, которые способны вѣрить разсказу газетъ, могутъ быть за него благодарны доктору Мотту.

НОВЫЙ ОГРОМНЫЙ ТЕЛЕСКОПЪ. Знаменитый Фраунгоферовъ телескопъ, принадлежащій Дартмутскому Университету, находитъ себѣ достойныхъ соперниковъ въ Англіи. Недавно всѣ Журналы и газеты извѣщали о большомъ экваторіальномъ телескопѣ въ двадцать футовъ, построенномъ въ Кемпденъ-Гиллѣ для Сиръ Джемсъ-Соута; но мы узнаемъ, что это могущественное астрономическое орудіе досихъ-поръ не могло быть употреблено по своей неловкости. Нынѣ, по заказу одного любителя Астрономіи, Г. Эдварда Джошуа Купера, члена Англійскаго Парламента, сдѣланъ въ Дублинѣ, для его Меккри-Кастльской обсерваторіи, экваторіальный діоптрическій телескопъ въ двадцать три фута шесть дюймовъ длиною, слѣдственно около семи футовъ длиннѣе Фраунгоферова. Поперечникъ предметнаго стекла его въ тринадцать дюймовъ, три десятыхъ. Всѣ трубы со всѣмъ приборомъ простирается до трехъ тоннъ (175 пудъ). При этой необычайной величинѣ, онъ такъ остойчивъ, что посредствомъ его сдѣланы Г. Куперомъ весьма удовлетворительныя микрометрическія измѣренія труднѣйшихъ двойныхъ звѣздъ. Впрочемъ онъ устроенъ по тѣмъ же па-

чаламъ, какъ и Деритскій; только, вмѣсто деревянныхъ подпоръ къ полярной оси, сдѣлана каменная пирамида въ двадцать одинъ футъ длины, и въ четыре фута, шесть дюймовъ ширины у основанія: это чуть-ли не лучше. Полярная ось слишкомъ въ семь футовъ длиною. Говорятъ, что онъ обошелся совсѣмъ въ 500 фунтовъ (12,500 рублей), но, разумѣется, безъ предметнаго стекла, которое отлито особо у Гипана, и вышлифовано у Кошуа.

УНИЧТОЖЕНІЕ ЗЛОВРЕДНЫХЪ ИСПАРЕНІЙ НА МѢДНЫХЪ ЗАВОДАХЪ. Вышедшій въ Маѣ томъ LIII Ларднеровой Энциклопедіи, Cabinet Cyclopaedia, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытное, достойное вниманія нашихъ Ученыхъ, занимающихся этою частію, сочиненіе о Металлургіи, изъ котораго мы беремъ эту и три слѣдующія статьи, — о превращеніи желѣза въ мѣдь, о колоколахъ и о подземныхъ рудоконьяхъ. — Въ 1821 году, хозяева одного изъ обширнѣйшихъ мѣдныхъ заводовъ въ Англіи, близъ города Сванси, Swansea, были призваны въ судъ по жалобѣ на губительныя дѣйствія дыма, поднимавшагося во время расплавки рудъ. Остановка работъ въ такомъ заведеніи, отъ котораго зависѣло существованіе 12,000 человѣкъ, была тяжкимъ бѣдствіемъ для цѣлаго края. Покойный Дэви старался придумать какое-нибудь средство къ уничтоженію вредныхъ испареній. Между-тѣмъ, хозяева завода, Гг. Вивьянъ и Комп., устроили для этого искусственные ливни, или дожди, и опыты, дѣланные Гг. Филлипсомъ и Фареде, доказали, что посредствомъ ихъ дѣйствительно уничтожаются всѣ пламенковыя и мышьяковистыя испаренія дыма, и что извѣстнымъ количествомъ воды можно освободить его совершенно и отъ сѣрнистоокислаго газа. По зрѣломъ соображеніи механическихъ и химическихъ причинъ, затрудняющихъ ступеніе и разложеніе дыма въ большемъ размѣрѣ, Дэви совершенно одобрилъ ихъ предначертаніе, и совѣтовалъ, въ случаѣ пужды, распространить его объемъ. Чуть-ли это не самый тотъ способъ, на который Г. Диксонъ получилъ привилегію?

ПРЕВРАЩЕНІЕ ЖЕЛѢЗА ВЪ МѢДЬ. Тенсръ всякому извѣстно, какъ легко мѣдь, въ видѣ растворимой соли, осаж-

дается на кусокъ желѣза, опущенный въ растворъ; но во время оно, это было источникомъ постоянного удивленія, и многіе думали, что желѣзо въ самомъ дѣлѣ превращается въ мѣдь. Особенно Венгрія славилась водами, обладавшими чудеснымъ свойствомъ такого превращенія. Въ 1673 году, докторъ Броунъ посѣщалъ славный мѣдный рудникъ въ Геррнъ-Грундтѣ, и рассказываетъ, что видѣлъ тамъ два источника, Старый и Новый Циментъ, превращавшіе желѣзо въ мѣдь. Рудокопы показывали ему прекуръозный кубокъ, сдѣланный изъ такого желѣза: онъ былъ золоченый, съ богатой вставкою изъ серебряной руды по серединѣ, и съ слѣдующей надписью на наружной сторонѣ:

Eisen war ich, Kupfer bin ich,
Silber trag' ich, Gold bedeckt mich.

«Желѣзомъ родился, въ мѣдь превратился, серебро ношу, въ золотѣ хожу.»

По словамъ Броуна, ужъ и въ то время были вольнодумцы, которые утверждали, что тутъ нѣтъ дѣйствительнаго превращенія желѣза въ мѣдь, а что Циментская вода содержитъ въ себѣ мѣдный купоросъ, и, въ соприкосновеніи съ желѣзомъ, осаждаетъ на него мѣдныя частицы. Почтенный докторъ можетъ-быть и самъ придержался бы этого еретическаго мнѣнія, если бъ могъ добиться толку, куда въ такомъ случаѣ дѣвается желѣзо.

Драгоценное свойство мѣдныхъ водъ въ Графствѣ Викло, Wicklow, въ Ирландіи, открылось вотъ по какому случаю. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда обрѣтеніе богатыхъ Кронъ-Бонскихъ рудъ вознаградило утрату старинныхъ рудоконей въ Баллимуртагъ, одинъ работникъ забылъ въ прежнемъ рудникѣ желѣзную лопатку на такомъ мѣстѣ, откуда былъ ключъ, сильно упитанный мѣдью; черезъ нѣсколько педѣлъ лопатка отыскалась, но была ужъ такъ вымѣднена, что думали, она совсѣмъ превратилась въ мѣдь. Этотъ случай падоумилъ класть въ тамошніе источники желѣзныя полосы: мѣдь, содержащаяся въ водѣ, осаждалась на желѣзо, которое тѣмъ же процессомъ растворялось и садилось на дно въ видѣ красноватой гущи, а высушенное превращалось въ пыль такого жъ цвѣта, и въ этомъ состояніи могло быть расплавляемо безъ всякихъ дальнѣй-

шихъ приготовленій. Около 500 тоннъ (30,000 пуд.) желѣза вдругъ положено было въ эти воды, и въ теченіе года всѣ полосы растворились: каждая тонна желѣза давала по полторы, иногда почти по двѣ тонны металлоносной осадки, а изъ каждой тонны этой осадки выходило по шестнадцати центнеровъ чистой мѣди. Открытіе такого сродства между двумя металлами доставило рудокопамъ самый простой и вѣрный способъ узнавать, есть ли въ какой-нибудь рудѣ мѣдь: для этого, они нальютъ на нее немножко сѣрной кислоты, черезъ нѣсколько времени обмокнуть въ кислоту перо, и мазнуть имъ по шлифованному клинку какого-нибудь ножа, и если тутъ есть хоть малость мѣди, она непременно сядетъ на сталь.

БОЛЬШІЕ КОЛОКОЛА. Величайшіе въ свѣтѣ колокола, по словамъ путешественниковъ, въ Китаѣ и въ Россіи. Въ Нанкинѣ висѣли прежде четыре такіе огромные колокола, что хотя вмѣсто языковъ звонили въ нихъ деревяннымъ молотомъ, однако жъ подъ ними рухнула колокольня, и они долго лежали забытые въ развалинахъ. Въ одномъ изъ нихъ двѣнадцать футовъ вышины, ссѣмъ съ половиною поперечнику, и двадцать три фута въ окружности. Вѣсъ его вычислень, по измѣреніямъ, въ 50,000 фунтовъ; стало-быть онъ вдвое тяжеле Эрфуртскаго, который всевѣдущій патеръ Кирхеръ считалъ величайшимъ во вселенной. На Ивановской колокольнѣ въ Москвѣ есть колоколъ въ 127,836 фунтовъ. Больше его и не было, пока Борисъ Годуновъ не повѣсилъ другаго въ 280,000 фунтовъ. Но и этотъ уступилъ первенство третьему колоколу, отлитому по заказу Императрицы Анны, и вѣсящему по крайней мѣрѣ 452,000 фунтовъ. Это, безъ всякаго спора, величайшій въ свѣтѣ колоколъ: вышина его слишкомъ 21 футъ, окружность по низу болѣе 67, наибольшая толщина 25 вершка. Этотъ колоколъ тоже наземн: ссѣтъ мѣстное преданіе, что поперечина, на которой висѣлъ онъ въ башнѣ, случайнымъ образомъ сгорѣла въ 1737 году, однако жъ оно несправедливо. Въ паденіи, отшибся край колокола на столько, что въ отвсрстіе входятъ два человѣка рядомъ, не наклоняясь. Въ Англіи самые большіе колокола: при коллегіи Крайстчорчъ

въ Оксфордѣ, въ 17,000 ф.; при церкви Св. Павла въ Лондонѣ въ 11,474 ф. и Св. Θомы въ Линкольнѣ въ 10,854 фунта. Изъ нихъ самый тяжелый слиткомъ въ двадцать пять разъ легче Русскаго колокола.

«Безчисленные Московскіе колокола, говоритъ Кларкъ въ своихъ путешествіяхъ, звонятъ всю Святую Недѣлю безъ умолку, но самый большой слышится довольно рѣдко, и издаетъ прекраснѣйшій, торжественнѣйшій звукъ, какой я только слышалъ. Когда звенитъ этотъ колоколъ, гулъ стоитъ надъ Москвою, будто отъ самыхъ полныхъ звуковъ огромнѣйшихъ органовъ или отъ грозы, слышной издалика. На колоколы виситъ онъ ниже другихъ, которые хоть и уступаютъ ему въ величинѣ, однако жъ громадны. Онъ 40 футъ 9 дюймовъ въ окружности, $16\frac{2}{3}$ дюймовъ въ толщину, и болѣе 57 тоннъ (5,400 пудъ) вѣсомъ. Но знаменитый Московскій колоколъ находится въ глубокой ямѣ посреди Кремля. Разсказъ о его паденіи — басня, которую писатели повторяютъ одинъ за другимъ безъ дальнихъ справокъ: онъ никогда не былъ повѣшенъ, и остается на томъ мѣстѣ, гдѣ его первоначально отлили. Въ Кремлѣ сдѣлался пожаръ, и достигъ сарая, построеннаго надъ ямою, въ которой и тогда стоялъ этотъ колоколъ; металлъ раскалился; на него попала вода, которою гасили огонь, и колоколъ лопнулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по-сю-пору видно отверстіе.»

ПОДВОДНЫЯ РУДОКОПНИ. Англія издревле славилась оловомъ, но добываніе его никогда не было такъ значительно, какъ въ наше время, потому что никогда смѣлая предприимчивость оловянщиковъ, tinners, не доходила до такой степени. Мало того, что они роются въ холмахъ, въ долинахъ, въ равнинахъ, — теперь есть нѣсколько рудокопенъ въ Корнвельсѣ, которыя далеко простираются подъ море. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рудокопы отдѣляются отъ воды только тремя сажнями каменистаго морскаго дна, такъ что ясно слышать движеніе и шумъ валовъ, который иногда ужасенъ: вообразите цѣлый океанъ у себя надъ головою! Скалы и камни катятся съ страшнымъ гуломъ, пучина рветъ, и все это такъ близко, что, того и гляди, на васъ обру-

нится. Въ известной Гюль-Кокской рудоконь , которая оставлена по причинѣ ежедневнo возрастающей опасности, было такое мѣсто, гдѣ всего четыре фута дна отдѣляло рабочихъ отъ океана. Часто, въ прибылую воду, шумъ до того усиливался, что рудоконь, какъ имъ привыкли къ этому явленію, нсвольнымъ образомъ бросались бѣжать, думая, что море прорывастся сквозь тонкую ихъ крышу. Странно, что даже и въ этомъ мѣстѣ, воды пробивало сквозь камень очень мало. Какъ скоро работники замѣчали въ немъ какое-нибудь отверстіе, они тотчасъ заделывали его паклей и глиною. Эта предосторожность наблюдается и въ свинцовыхъ рудникахъ Нава-Лабалонскихъ, которые также простираются подъ морское дно.

СМЕРТЬ РИЧАРДА ЛАНДЕРА. Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ Б. для Ч. были помѣщены любопытныя извѣстія, привезенныя въ Лондонъ въ Февралѣ мѣсяцъ товарищемъ Ландера, Г-мъ Мекъ-Грсторъ-Лердомъ, оставившимъ его экспедицію внутри Африки, гдѣ смертоносныя болѣзни такъ быстро поражали неустрашимыхъ путешественниковъ. Г. Лердъ, уже слишкомъ полгода до своего отъѣзда изъ Фернандо-По не имѣлъ ни какого свѣдѣнія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ своего пріятеля. По его отбытіи изъ этой колоніи, экспедиція, кажется, возвратилась туда благополучно, но смѣлый ея начальникъ скоро вознамѣрился пуститься опять во внутренность негостепріимныхъ земель. «За нѣсколько недѣль, пішутъ изъ Фернандо-По отъ 6 Февраля, Ландеръ отправился отсюда на куттеръ Крениъ, взявъ съ собою длинный ботъ. Прибывъ къ устью Нунна, онъ пересѣлъ въ этотъ ботъ, и поплылъ вверхъ по рѣкѣ съ товарами, фунтовъ на 400 (10,000 руб.) цѣною, для соединенія съ желѣзнымъ пароходомъ, который послалъ онъ впередъ къ купленному имъ у Короля маленькому острову, гдѣ была его контора. Путешественники подиались уже верстъ на сто пятьдесятъ, держась берега, какъ вдругъ выстрѣлили по нимъ изъ кустарника: трое были убиты и четверо ранены, въ томъ числѣ Г. Ландеръ. Къ несчастію, ботъ стоялъ въ это время на мелі: они должны были спрыгнуть въ лодку и искать спасенія въ бѣгствѣ. За ними

тотчасъ пустились пять или шесть военныхъ лодокъ, наполненныхъ неграми, которые преслѣдовали ихъ съ безпрестанною стрѣльбою часовъ пять, то есть, вплоть до ночи, когда наконецъ потеряли бѣгущихъ изъ виду. Путешественники прибыли сюда 27 Января, а нынче утромъ скончался Г. Ландеръ. Онъ сказывалъ, что напавшія на нихъ лодки были Боннійскія, Врасскія и Бенинскія; изъ этого обстоятельства можно заключить, что какія-нибудь закупщики невольниковъ или другіе Европейцы подстрекнули туземцевъ на это злодѣяніе. Полковникъ Никольсъ донесъ обо всемъ правительству, и, если взяты будутъ подлежація мѣры, все должно открыться. Пожитки и бумаги Г. Ландера всѣ потеряны.» Ему было только тридцать три года отъ роду, и онъ совершалъ уже третью экспедицію во внутренность Африки, не считая множества отдаленныхъ путешествій, сдѣланныхъ имъ прежде въ разныя части свѣта. Онъ былъ родомъ изъ Валлиса.

МАДЕКАССКОЕ СРЕДСТВО ОТКРЫВАТЬ ИСТИНУ. Это средство—ядь! Г. Оберъ-дю-Пети-Туаръ первый говоритъ въ своей книгѣ, *Genera Madagascarica*, о деревѣ, которое называетъ онъ *тангинномъ ядомечнымъ*, *tanghinia veneniflua*. Впоследствии, пользуясь сношеніями своими съ Г. Бойе, жителемъ острова Св Маврікія, Г. Гукеръ напечаталъ въ *Botanical Magazine* полное описаніе этого растенія, наименовавъ его *serbera tanghin*. Вотъ новѣйшее описаніе тангина, сдѣланное господами Бойе и Гильгенбергомъ. «Это дерево, говорятъ они, бываетъ иногда футовъ въ тридцать вышиною, и содержитъ въ себѣ студенистый, бѣловатый сокъ. Листья у него копьевидныя, нераздѣльные, похожіе на листья пуховника, *laurier-rose*, *perim oleander*, и Мадагаскарскаго барвенка, *vinca arboresc.* Цвѣтокъ бываетъ того же цвѣта и походитъ на цвѣтки этихъ двухъ растеній. Плодъ того вида, который ботанисты называютъ костянкою, то есть, онъ мясистъ и не раскрывается самъ собою при созрѣваніи: величиною и толщиною бываетъ онъ съ лимонъ; поверхность его гладкая, желтаго цвѣта съ красными полосками. Внутри находится косточка, въ родѣ персиковой, покрытая шероховатыми возвышеніями. Старѣя, этотъ плодъ измѣ-

няется, дѣлается краснымъ и внутри ядовитымъ. Въ это время онъ падаетъ съ дерева и покрывается морщинами; тогда-то употребляютъ его на составленіе яда, который играетъ такую важную роль въ судебныхъ лѣтописяхъ Мадагаскара, особенно провинціи Эмеринской. Посредствомъ этого питья рѣшается большая часть уголовныхъ дѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судебное открытіе истины зависитъ отъ жизни или смерти того, кто пьетъ тангинъ. Если пріемъ причинилъ смерть, то покойникъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, виноватъ; если онъ остался въ живыхъ, невинность его очевидна. Но въ Эмеринѣ тангинъ даютъ только въ весьма маломъ количествѣ, и онъ дѣйствуетъ какъ рвотное. Подсудимый, съѣвъ довольно большое количество варенаго сарачинскаго пшени, глотаетъ, не жуя, три кусочка птичьей кожи величиною въ ефимокъ. Тогда даютъ ему выпить «испытаніе», которое состоитъ изъ небольшого количества тангиновой косточки, истолченной въ порошокъ и смѣшанной съ банановымъ сокомъ. Паназонъ-дога (заклинатель) кладетъ руку на голову подсудимаго, и призываетъ на него всѣ несчастія, если онъ виновенъ. Чрезъ нѣсколько времени страдальцу даютъ большое количество рисовой воды, и тогда начинается рвота. Если всѣ три кусочка извергнуты, обвиненный, по закону, оправданъ; въ противномъ случаѣ онъ считается преступникомъ. Но при весьма важныхъ обвиненіяхъ, питье бываетъ иногда такъ крѣпко, что причиняетъ смерть.

НАРОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ ПРУССІИ. Въ наше время, Пруссія есть классическая земля просвѣщенія, и даже государственнаго благоустройства, — что безъ-сомнѣнія надобно приписать приверженности Прусаковъ къ чистымъ монархическимъ правиламъ. Только самодержавіе, тѣсно соединенное съ благонамѣреннымъ просвѣщеніемъ, ведетъ народы къ благоденствію, получая одно отъ другаго безпрерывное приращеніе своихъ силъ, прочности и блеска, и Пруссія, процвѣтающая въ покоѣ среди народовъ, обуреваемыхъ страстью нововведеній, есть лучшій и торжественный отвѣтъ на всѣ нелѣпыя теоріи проповѣдниковъ такъ называемой политической свободы и конституціонныхъ правительствъ. Если

истинное благо человека — умъ, просвѣщенный наукою, которая доставляетъ ему отраду, вѣрнѣйшее пропитаніе и средства быть всегда довольнымъ своимъ положеніемъ, то въ какой землѣ должна заключаться наибольшая масса этого блага, — тамъ-ли, гдѣ все получаютъ науку, и науку истинную, утѣшительную, раздаваемую съ отеческою заботливостью, какъ въ самодержавной Пруссіи, или тамъ, гдѣ, какъ въ пресвободной Англіи, цѣлая треть народонаселенія доселѣ погружена въ невѣжество, и даже не знаетъ грамоты?

По исчисленію Г. Кузена, который имѣлъ все нужныя средства исчислить съ величайшею точностью, въ 1821 году существовало въ Пруссіи 2,462 городскихъ и 17,625 сельскихъ училищъ: всего, 20,085 учебныхъ заведеній.

По ревизіи 1825 года народонаселеніе Пруссіи простиралось до 12,256,725 душъ: въ этомъ числѣ, дѣтей, моложе четырнадцати лѣтъ, было 4,487,461, — что показываетъ пропорцію ихъ ко всей людности какъ 11 къ 50, или по 566 душъ дѣтей на 1000 душъ жителей.

Полагая для училищъ пріемный возрастъ отъ семи до четырнадцати лѣтъ, находимъ, что юношество, способное посѣщать учебныя заведенія, составляетъ $\frac{5}{7}$ всего малолѣтняго народонаселенія, то есть, что въ Пруссіи считается 1,925,200 дѣтей возрастомъ отъ семи до четырнадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ, на каждаго 96 человекъ дѣтей есть одно училище.

По спискамъ 1825 года, обучалось тамъ:

въ высшихъ училищахъ: мальчиковъ.....	49,169.
дѣвочекъ.....	87,050.
и того.....	<u>136,249.</u>
въ низшихъ училищахъ: мальчиковъ.....	822,077.
дѣвочекъ.....	755,922.
и того:....	<u>1,577,999.</u>

Всего, учащихся обою пола: 1,714,248.

Слѣдственно, изъ 51 душъ дѣтей, могущихъ посѣщать училища, обучается въ нихъ 31. Должно полагать, что и 5 остальныхъ получаютъ приличное образованіе, обучаясь

дома, подъ руководствомъ родителей: это тѣмъ вѣроятнѣе, что, судя по перевѣсу мужескаго пола въ низшихъ училищахъ, эти трое дѣтей, лишенныхъ народнаго воспитанія, состоятъ изъ 2 дѣвочекъ и только 1 мальчика.

Какъ, среднимъ числомъ, на каждый участокъ общества, заключающій въ себѣ 96 душъ дѣтей, есть 1 училище, а во всякомъ училищѣ находится 86 учащихся, то изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ округъ одного учебнаго заведенія только 10 дѣтей обоого пола не пользуются благодѣянiемъ науки, такъ щедро разливаемой твердымъ, умнымъ и человѣколюбивымъ правительствомъ.

Учителей въ Пруссiи считается:

въ высшихъ заведенiяхъ.....	3,745.
въ низшихъ.....	18,140.
всего: 21,885,—	

то есть, по 1 учителю на 79 учащихся.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ АНГЛIИ. Посреди быстрого развитiя въ послѣднiе годы всѣхъ отраслей промышленности, книгопечатанiе, безъ-сомнѣнiя, всего болѣе распространилось въ Англiи. Въ 1795 году было въ Лондонѣ не болѣе ста двадцати книгопродавцевъ, а теперь ихъ слишкомъ девять сотъ; въ то время количество книгъ, продаваемыхъ ежегодно, цѣнили въ два съ половиною милiона рублей; нынѣ ихъ продается на 1,520,000 ф. ст. или сорокъ милiоновъ рублей, не считая журналовъ. Вотъ движенiе книгопечатанiя въ Англiи въ послѣднiе годы:

Издано новыхъ книгъ:

Годы.	Число книгъ.	Число томовъ.	Средняя цѣна одного тома.
1828.....	842	1,105	15 руб.
1829.....	1,064	1,413	15
1830.....	1,142	1,592	43 р. 75 к.
1831.....	1,105	1,619	13 р. 75 к.
1832.....	1,152	1,525	12 р. 50 к.
1833.....	1,180	1,567	12 р. 50 к.

Эта таблица относится только къ сочиненiямъ въ томахъ, и не включаетъ въ себѣ брошюры; отчетовъ, рѣчей и мелкихъ произведенiй. Что касается до числа книгъ перепечатанныхъ, то трудно было бы опредѣлить его даже при-

близительно; но слѣдующая оцѣнка можетъ подать нѣкоторую идею о важности этого предмета. Скажемъ только, что въ Шотландіи ежегодно печатается 100,000, а въ Англіи 250,000 экземпляровъ Библіи; ежедневныхъ газетъ продается въ годъ, какъ полагаютъ, 40,000,000 листовъ.

Приблизительная оцѣнка произведеній Англійскаго книгопечатанія въ 1833 году.

1,180	новыхъ книгъ, которыхъ продано только по 500 экземпляровъ.....	10,582,500	рубл.
	перепечатанныхъ книгъ продано на.....	5,000,000.	
21	еженедѣльныхъ періодическихъ изданій, которыхъ продано 500,000 экземпляровъ.....	2,500,000.	
21	ежемесячныхъ періодическихъ изданій, которыхъ продано 500,000 экз.....	2,500,000.	
12	библіотекъ, картинныхъ галерей, и книгъ съ гравюрами, которыхъ продано около 600,000 экземпляровъ.....	3,750,000.	
208	магазиновъ и другихъ этого рода періодическихъ изданій.....	3,750,000.	
55	изданій трехъ-мѣсячныхъ.....	1,875,000.	
15	годовыхъ изданій.....	750,000.	
	Альманаховъ на.....	1,250,000.	
	Гравированныхъ картинъ и нотъ на.....	2,500,000.	
	Изданій Ирландскихъ и Шотландскихъ.....	1,250,000.	

Итого 35,522,500 р. асс.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить продажу газетъ, которыхъ листовъ, по причинѣ высокой пошлины, должно полагать въ сорокъ копѣекъ, что еще составитъ сумму около 16,000,000 рублей.

Въ этотъ счетъ не входятъ книги, журналы ни газеты, издаваемые въ Индіи и многочисленныхъ колоніяхъ.

Американская печать произвела въ 1855 году 275 новыхъ книгъ и 145 перепечатанныхъ.

ПОТРЕБЛЕНИЕ КОФЕ И ЧАЮ ВЪ ЕВРОПѢ. Новое и весьма важное сочиненіе извѣстнаго статистика, Г. Монтгомери-Мартина, «О налогахъ Британской Имперіи», заключаетъ въ себѣ любопытныя показанія о привозѣ этихъ двухъ колоніальныхъ товаровъ. Потребленіе кофе, начавшееся около половины XVII столѣтія, въ главнѣйшихъ странахъ Европы, въ 1850 году, было слѣдующее:

Великобританія.....	9,700	тонновъ.
Нидерланды... ..	40,200	
Германскія и Балтійскія гавани.	32,000	
Франція, Испанія, Португалія,		
Италія и Адриатическія гавани.	28,500.	
		всего: 110,400.

Сѣверная Америка потребляетъ въ годъ одна 12,500 тонновъ кофе. Это самая кофейная земля на Земномъ Шарѣ. Въ Сѣверныхъ Штатахъ Америки расходъ кофе круглымъ числомъ на одного человѣка составляетъ 58 унцій въ годъ, тогда какъ въ Англіи онъ не превышаетъ 14 унцій, то есть, менѣе 1 фунта. Полагая 1 тонну кофе, безъ пошлины, въ 1200 рублей, находимъ, что Европа платитъ Западнымъ Индіямъ ежегодно около 155 милліоновъ рублей за эту часть своего завтрака: въ эту сумму не входитъ Левантскій кофе, употребляемый въ Греціи, Турціи и гаваняхъ Чернаго и Адриатическаго морей.

Количество ежегодно потребляемаго чаю:

Великобританія....	32,000,000	Англ. фунтовъ.
Россія.....	5,000,000.	
Нидерланды.....	2,000,000.	
Франція.....	250,000.	
Данія.....	130,000.	
Гермнія.....	100,000.	
Италія.....	4,600	
		всего: 39,484,600.

Такъ, Великобританія, имѣя ровно половину народонаселенія Россіи, то есть, 24 милліона душъ, выпиваетъ чаю въ годъ почти $6\frac{1}{2}$ разъ болѣе: тамъ причитается по полутора фунту на одного человѣка, тогда какъ у насъ едва по $\frac{1}{10}$ фунта. Полагая среднюю цѣну чаю въ Кантонѣ и Кяхтѣ по 2 рубля за фунтъ, находимъ, что Китай получаетъ съ Европы ежегодно около 80 милліоновъ рублей за эти древесные листья. Соединенные Штаты Америки, не вошедшіе въ это исчисленіе, потребляютъ всякой годъ 8,000,000 фунтовъ чаю, — что при 12,500 тоннахъ выпиваемаго ими кофе, составляетъ непомерную пропорцію.

Примѣчательно, что вмѣстѣ съ необыкновеннымъ возвышеніемъ расхода на чай въ Англіи, потребленіе вина и

всѣхъ крѣпкихъ напитковъ удивительно уменьшастся. По расчету Г. Монтгомери-Мартина количество выпитыхъ тамъ винъ въ 1852 году, противъ 1825 года, составляетъ почти половину: разница 5,000,000 галлоновъ менѣе. Спиртовыхъ напитковъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ израсходовано только 20,000,000 галлоновъ, тогда какъ въ предшествовавшее двадцатилѣтіе эта статья доходила до 55,000,000: разница 15,000,000. Если возвышеніе пошлны имѣло сильное дѣйствіе на упадокъ этого потребленія, то съ другой стороны приращеніе Великобританской людности вознаградило бы эту разницу, предполагая въ современникахъ обоихъ двадцатилѣтій одинаковую степень склонности къ крѣпкимъ напиткамъ. Но, вмѣсто съ возвышеніемъ пошлны, увеличивалось и число потребителей, и, несмотря на то, потребленіе хмельнаго понизилось болѣе чѣмъ одною третью. Слѣдственно, эти усилія трезвости надобно приписать распространенію привычки къ чаю, и фактъ, давно уже подозрѣваемый наблюдателями правовъ, нынѣ получаетъ ясность математическаго предложенія. И что скажутъ приверженцы утилитарной системы, которые выше ставятъ вещи, нежели людей, и все приводятъ въ деньги? Конечно трезвость — добродѣтель: но эту добродѣтель надо покупать у Китайцевъ на чистыя деньги, и вывозить для ней огромныя богатства изъ государства. Уменьшеніе нетрезвости одною третью въ народѣ, составленномъ изъ 24 милліоновъ душъ, соответствуетъ 52,000,000 фунтовъ чаю, — слѣдственно, стоитъ въ годъ около 64 милліоновъ рублей, которые должно уплатить другому народу почти безъ возврата. Полная трезвость этихъ 24 милліоновъ челоуѣкъ обходилась бы каждый годъ почти въ 200 милліоновъ рублей. Стоитъ ли быть трезвымъ въ эту цѣну? Нѣтъ сомнѣнія, что нравственные философы согласятся на нее, не торгуясь; но политическіе экономисты, — не думаемъ!

КИТАЙСКИЙ ПЛУТОВСКОЙ УСТАВЪ. Кстати о чаѣ! Въ Китаѣ все определено положительными законами, — даже лучший образъ плутовать. Доказательство слѣдующій документъ. Любопытная эта инструкция отъ Пекинскаго правительства купцамъ, торгующимъ съ Россіею на Кяхтѣ. от-

нюдь ни выдумка, ни шутка: мы получили ее изъ вѣрнаго источника, и съѣлиимъ удѣлить нашимъ читателямъ.

«1. Какъ общія правила коммерціи основаны болѣе на томъ, чтобы купецъ благовременно зналъ цѣну и требованіе тѣхъ товаровъ, которыми онъ производитъ, особливо въ сношеніяхъ съ иностранцами, то всякой изъ торгующихъ въ Кяхтѣ Китайцевъ долженъ развѣдывать у Россіянъ, какую имѣютъ они надобность въ нашихъ товарахъ, въ какихъ именно болѣе, и по чемъ эти товары у нихъ внутри продаются; равномерно, какой и когда будетъ у нихъ привозъ своихъ товаровъ. Обо всемъ этомъ тщательно любопытствовать. Для истиннаго знанія предмета долженъ каждый изъ торгующихъ всѣ собранныя свѣдѣнія открывать чистосердечно своимъ общественникамъ, и чтобы узнанное извѣстно было всемъ, ежедневно по вечерамъ дѣлать собранія: тамъ, сообразивъ всѣ полученныя свѣдѣнія, доставлять ихъ съ своимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе старшинъ. Старшина, составивъ общес заключеніе, имѣетъ раздать всемъ купцамъ билеты, отъ какихъ изъ Русскихъ товаровъ воздерживаться въ вымѣнѣ, или какіе изъ своихъ подкрѣпить, равно какъ поступать и въ другихъ случаяхъ.

«2. Общей привозной пропорціи нашихъ товаровъ въ Кяхту не только не умножать сверхъ обыкновеннаго, но еще стараться умаливать ее время-отъ-времени, понижая вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны на всѣ Русскіе товары, чтобы наши издѣлія всегда были у нихъ въ уваженіи. Черезъ это, и самый торгъ нашъ будетъ для нихъ необходимо нуженъ, и государственныя связи поставятся на лучшую степень. Посему и вынису товаровъ отъ своихъ конторъ изнутри государства производить не иначе, какъ съ общаго вѣдѣнія совета, каждому по своему мѣсту, сообразивъ сперва всѣ обстоятельства и будущіе виды по текущей торговлѣ.

«3. Чтобы побудить Русскихъ къ привозу излишней пропорціи нужныхъ намъ товаровъ, смотря по внутреннимъ нашимъ обстоятельствамъ, а особливо если случится замѣтить ихъ недостатокъ, то не только будто-бы по секрету объявлять имъ, что такіе-то товары нужны, но и показывать стремленіе къ ихъ покупкѣ съ передачею въ цѣнѣ противъ другаго. Какъ подобная передача, сдѣланная для бу-

дущихъ выгодныхъ видовъ, можетъ доставить убытокъ кому-нибудь изъ торгующихъ, то для этого имѣть общую сумму, какая по обстоятельствамъ потребуется, и удовлетворять изъ ней понесеннаго для общей пользы потерю.

«4. Когда Русскіе, въ слѣдствіе такого перехвата, или увлекаясь возвышеніемъ цѣнъ, или только по словамъ нашихъ купцовъ, сдѣлаютъ привозъ своихъ товаровъ больше обыкновенныхъ пропорцій, или когда сами они, — что также можетъ случиться, — по собственнымъ своимъ выпискамъ привезутъ иногда излишнее, тогда всѣ наши торгующіе должны, остановивъ вымытъ тѣхъ произведеній, объявлять Россіянамъ, что у насъ они вышли изъ употребленія, или что другіе иностранцы привезли къ намъ внутри довольно подобныхъ вещей. Черезъ это, самый нужнѣйшій для насъ Русскій товаръ приведется нѣкоторымъ образомъ въ неуваженіе, и слѣдственно понизятся цѣны для общей государственной пользы.

«5. Обходиться съ Россіянами учтиво, а не такъ, какъ было прежде: ходить къ нимъ въ компаніи и звать ихъ къ себѣ не запрещается, но за то поставляется въ обязанность стараться узнавать не только объ ихъ коммерческихъ дѣлахъ, но и о государственныхъ. Узнавшій и донесшій объ нихъ обществу и Дзургучесю будетъ награжденъ, какъ чело-вѣкъ, отличившійся по торговлѣ.

«6. О торговыхъ дѣлахъ своихъ, производимыхъ во внутренности государства, *особенно объ этомъ постановленіи*, да и о самыхъ малыхъ предметахъ, подлежащихъ сокровенію, отнюдь Россіяны не извѣщать, потому что подобныя извѣщенія чрезвычайно вредны, и могутъ способствовать къ возвышенію цѣнъ на Русскіе товары, и къ пониженію на наши, а отъ этого и коммерція, и государство терпятъ убытокъ. А чтобы удовлетворить любопытству Русскихъ купцовъ и пользоваться взаимною ихъ откровенностію, можно говорить имъ, будто-бы предостерегая по дружбѣ, что въ государствѣ нашемъ существуетъ неурожай шелку, чаю, иногда бумаги, или есть привозъ нужныхъ товаровъ въ Кантонъ отъ другихъ иностранцевъ и тому подобное, разумно выдуманное, смотря по надобности. Для чего компанисты обще съ Дзургучесемъ должны придумать нужные на любо-

пытство отвѣты, и Дзургучей сообщить ихъ не только каждому изъ торгующихъ, но и ихъ служителямъ, имѣющимъ входъ къ Русскимъ.

«7. Жадности къ покупкѣ Русскихъ товаровъ не только не имѣть, но и виду къ тому не показывать, хотя бы даже постоянная крайняя въ чемъ нужда или себѣ предвидѣлись большія выгоды. Частная значительная выгода не должна мѣняться на общую: послѣдняя испремѣнно наградить всѣхъ и въ особенности каждаго, ведущаго свой торгъ основательно, а первая приноситъ только вредъ общей пользѣ, и сверхъ того разрушаетъ порядокъ торговли съ иностранцами, — что уже дознано изъ многихъ прежнихъ опытовъ.

«8. Кто утантъ въ общемъ купцовъ собраніи, при совѣтѣ, слышанное имъ отъ Русскихъ, а послѣ о томъ откроется, того посадить подъ стражу на три дня.

«9. Кто противъ билета Дзургучейскаго сдѣлаетъ упушеніе, того садить подъ стражу на шесть дней, а послѣ запретить ему торговать съ Россіянами на полмѣсяца.

10. Если кто изъ нашихъ привезетъ излишнюю пропорцію товаровъ противъ определенной ему компаніею, то эти товары задержать до предбудущей его очереди, и до того времени ни подъ какимъ видомъ не впускать ихъ въ Кяхту, чтобы тѣмъ не разстроить порядка всегдашней пропорціи и средствъ къ ея уменьшенію, какъ изображено выше.

«11. Кто изъ нашихъ учинить съ Русскимъ ссору, какого бы рода ни было, того, хотя бы онъ оказался по ходу дѣла и не виноватымъ, сажать подъ стражу на десять дней. Всякаго рода претензіи между купцами своей націи должны разбирать компанисты, безъ малѣйшаго шума и благопристойно, чтобы изъ малыхъ неудовольствій не возродились иногда большія и государственные.

«12. Кто откроетъ секретъ торговыхъ дѣлъ Русскимъ, какъ-то, о состояніи цѣнъ въ нашемъ государствѣ, о требованіи на ихъ товары, о количествѣ своихъ чашъ или чего другаго, идущаго въ Кяхту, — того сажать подъ стражу за первый разъ на шесть дней, и запретить торговать послѣ того мѣсяць; за второй, на двѣнадцать дней и запретить

торговать два мѣсяца; за третій разъ, какъ челоѣка вреднаго для компаніи, лишать пребыванія въ Кяхтѣ, поручивъ дѣла его избраннымъ компанистамъ, покуда онъ не поставитъ на мѣсто свое другаго правителя.

«13. Кто откроетъ это постановленіе или секретъ Дзургучейскаго билета, тому дать пятьдесятъ ударовъ палками и выгнать его изъ Кяхты, распорядившись его дѣлами, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«14. Кто откроетъ дѣла государственныхныя, тому отсѣчь голову, поступивъ съ дѣлами его, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«15. Кто окажетъ видомъ жадность къ покупкѣ товаровъ у Русскихъ, тому сдѣлать при обществѣ выговоръ, и запретить входить къ Русскимъ на три дни.

«16. Кто окажетъ жадность дѣломъ, съ передачею противъ общаго положенія, того оштрафовать противъ передачнаго количества вдесятеро, въ пользу общей суммы, а самому запретить торговать съ Русскими полмѣсяца за первый разъ, за второй мѣсяць, а за третій выгнать изъ Кяхты, поступивъ съ дѣлами его, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«17. Вновь пріѣзжающему въ Кяхту для производства торговли запрещается своимъ лицомъ торговать съ Русскими одинъ годъ, хотя бы онъ и умѣлъ говорить на ихъ языкъ, — для того, чтобы онъ не сдѣлалъ ни какой разстройки въ общей связн.»

ВОСПИТАНІЕ ПЕРСИДСКИХЪ ПРИНЦЕВЪ. Сиръ Гарфордъ-Джонсъ-Бриджъ, бывшій въ 1806 году Англійскимъ посланникомъ въ Персію, издалъ въ Маѣ мѣсяцѣ описаніе пребыванія своего въ томъ краю. Сиръ Гарфордъ большой пріятель Шаху и немножко персоманъ: тѣмъ лучше для насъ, — по крайней мѣрѣ мы увѣрены, что онъ не клеветаетъ на знаменитаго влаетелина, описывая средства, какія тотъ придумалъ къ дешсвому воспитанію безчисленнаго своего потомства. «Шахъ Фетхъ-Али, говоритъ авторъ, бесѣдовалъ однажды запросто съ однимъ изъ своихъ мирзѣ-министровъ. Тотъ, думая угодить ему, разсыпался въ пріѣтствіяхъ на счетъ многочисленности его потомства, и, на бѣду себя, взду-

малъ потужить, что самъ совершенно бездѣтенъ. «Постой же! сказалъ Шахъ: если такъ, я тебя разодолжу какъ нельзя больше: одна изъ моихъ женъ родила въ эту ночь прекраснаго *шахъ-заде*, Царевича; только онъ станетъ шевелиться, я пришлю его къ тебѣ съ кормилицами, евнухами, со всѣмъ приборомъ; ты его усыновишь, воспитаешь, и вотъ тебѣ дитя безъ хлопотъ.» Въ скоромъ времени, къ крайнему смущенію бѣднаго мирзы, Шахъ сдержалъ свое обѣщаніе. Когда я жилъ въ Персін, этому свѣтлѣйшему ребенку было ужъ лѣтъ шесть: нельзя себѣ представить, какъ онъ надѣдалъ старику, и чего онъ ему стоилъ! Шаху все это было извѣстно. Однажды утромъ, мнѣ случилось надобность видѣть мирзу до отъѣзда его ко двору. Было очень рано, и меня ввели въ комнату близъ гарема, весьма богато убранную: только, я нашелъ страннымъ, что дорогія парчевыя подушки, покрытыя кашемировыми шальми, были всѣ истыканы, точно какъ пожемы. Скоро вышелъ ко мнѣ мирза, и едва мы сѣли, онъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: «Ну, посмотрите, что мой царственный сыночекъ напроказилъ здѣсь вчера вечеромъ, за то, что я не хотѣлъ купить вещей его матери, за которыя просили ужасной цѣны. Благодарите Бога, что у васъ никому не приходится воспитывать дѣтей, которыя не отъ него родятся.» — Ну, мирза, ручаться за это трудно! отвѣчалъ я: а то правда, что наши Шахи не отдають своихъ дѣтей на воспитаніе министрамъ.»

ДЕНЬ ШАХСКОЙ ЖИЗНИ. «Такъ какъ и всѣ магометане, говорить въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, Шахъ встаетъ съ постели въ урочный часъ утренней молитвы, и куцается напередъ въ теплой ваннѣ. Скоро потомъ слодятся къ нему всѣ его жены и самыя меньшія дѣти. Это, какъ уверяли меня знающіе люди, весьма плохое *passe-temps* для Его Шахскаго Величества: тутъ ему приходится выслушать столько жалобъ, потушить столько ревностей, насытить столько домогательствъ на дорогія вещи и другія милости, что у него голова пойдетъ кругомъ, и я думаю, онъ сказалъ мнѣ разъ отъ души: «Благодарите Бога, что законъ позволяетъ вамъ имѣть только одну жену!» Подобно всѣмъ Пер-

сіянамъ, Шахъ завтракаетъ очень легко, и кушаетъ то же самое, что и каждый богатый его подданный, только изъ великолѣпнѣйшей посуды. Лѣтомъ, въ восемь часовъ, а зимою въ девять, главные мирзы, или министры, допускаются къ Шаху на частную аудіенцію: тутъ рѣшаетъ онъ всѣ дѣла по ихъ докладу, и принимаетъ донесенія о происшествіяхъ, случившихся въ городѣ прошедшей ночью. Потомъ онъ идетъ въ свою публичную залу. Въ здѣшнемъ правительствѣ все происходитъ въ двадцати или тридцати шагахъ отъ Шаха: тутъ дѣлаются всѣ представленія новыхъ лицъ, раздаются всѣ почести, объявляются всѣ повышенія, и, — что для насъ очень странно, — исполняются даже всѣ казни. Нынѣшній Шахъ — человѣкъ весьма сострадательный: при вступленіи своемъ на престолъ, онъ долженъ былъ отворачиваться, когда кого-нибудь казнили, и Персіянамъ казалось это непростительною изнѣженностью. По-моему, Мирза Бузургъ сдѣлалъ на этотъ счетъ очень справедливое замѣчаніе: онъ сказалъ: «Цари наши, говоря вообще, право не такіе охотники до кровопролитія, какъ слѣдовало бы ожидать отъ нихъ, при частомъ исполненіи казней въ ихъ присутствіи; потому что, будьте вы увѣрены, въ первый разъ, видъ человѣческой крови болѣе или менѣе возбуждаетъ въ каждомъ изъ насъ ужасъ и угрызенія совѣсти, но чѣмъ чаще мы ее видимъ, тѣмъ дешевле цѣнимъ.» Эти выходы рѣдко оканчиваются позже половины перваго. Прежде чѣмъ Шахъ удалится въ гаремъ, министры обыкновенно имѣютъ у него послѣ выхода коротенькую аудіенцію. За этимъ слѣдуетъ обѣдъ, потомъ вечерній выходъ въ томъ же родѣ какъ и поутру, потомъ смотръ войску, то есть, каждому солдату поодиначкѣ. Это еще не все. Послѣ вечерней молитвы, у него бываесть *меджлиси - Шахъ*, «Шахское засѣданіе», или компанія: туда съѣзжаются только главные министры и тѣ, которые имѣютъ входъ, какъ напримѣръ придворный поэтъ и *Вака-невисъ*, или государственный исторіографъ. Это собраніе, въ которомъ одинъ импровизируютъ, другіе щеголяютъ вытверженными наизусть изреченіями знаменитѣйшихъ Персидскихъ поэтовъ и прозаиковъ, и всѣ поочередно обязаны восхищаться стихами самого Шаха, впрочемъ весьма недурнаго стихотворца, оканчи-

вастся всегда около восьми или девяти часовъ, и онъ уходитъ во внутренніе покои. Въ чемъ проводитъ онъ время до того, какъ ложится спать, я никогда не могъ узнать въ точности; но пылкій Шахъ любитъ слушать чтеніе, любить вокальную и инструментальную музыку, любить бесѣду тѣхъ женъ, у которыхъ пріятный голосъ, и которыя могутъ веселить его разказами, а особенно тѣхъ, которыя умѣютъ произносить речитативомъ героическіе, лирическіе и любовные стихи, — и вѣроятно, послѣднюю часть мучительнаго дня проводитъ онъ въ одномъ изъ этихъ увеселеній.»

ИСПРАВЛЯЮЩІЙ ДОЛЖНОСТЬ НАПОЛЕОНА. Есть Геростратовы славы, которыя должны жить въ лѣтописяхъ, несмотря на свою низость и на омерзѣніе, какое возбуждаютъ въ современникахъ. Генералъ Моранъ не покорилъ себѣ мѣста въ Исторіи важными воинскими подвигами, но, въ нашихъ сказаніяхъ о незабвенной войнѣ 1812 года, имя его заслуживаетъ быть сохранено, какъ ужаснѣйшаго грабителя, расхитившаго собственность многихъ тысячъ Россіянъ, большею частію безъ нужды и пользы для себя, а только изъ удовольствія разбойничать. Дивизія его, бывшая въ авангардѣ, и наполненная самыми искусными и опытными мародерами, славилась хищничествомъ даже между тогдашними Французами, и помѣщики наши, которыхъ имѣнія лежали на пути войскъ Наполеона, по сию пору хорошо помнятъ Морана, личнымъ примѣромъ преподававшаго подчиненнымъ урокъ въ грабительствѣ.

Во время бѣгства Французовъ изъ сожженной Москвы, когда ихъ разстроенныя и безобразныя толпы быстро были вытѣсняемы изъ предѣловъ Россіи нашими побѣдоносными войсками, и холодомъ, и недостаткомъ ѣстныхъ припасовъ, мародеры «великой арміи» напали ночью на домъ одного Смоленскаго помѣщика, и взяли у него все, что еще оставалось отъ прежняго разоренія, — лошадей, повозки и небольшой запасъ картофеля, единственное средство къ пропитанію его семейства и двора въ ту голодную и безпокойную пору. Помѣщикъ происходилъ изъ Французской фамиліи, давно уже тамъ поселившейся. Узнавъ, что на другой день самъ Наполеонъ долженъ проѣзжать этими мѣ-

стами, онъ рѣшился лично принести ему жалобу на безчищство его вонювъ, и даже употребить званіе свое Француза, чтобъ исходатайствовать себѣ возвратъ по крайней мѣрѣ картофелю. Онъ явился къ его штабу, и настоятельно требовалъ быть допущеннымъ къ Императору. Подобные визиты были не безпримѣрны: бѣдные владѣльцы, разоряемые вконецъ голоднымъ и буйнымъ непріятелемъ, нередко съ опасностью жизни вторгались въ главную квартиру, и Французскій Императоръ обыкновенно принималъ ихъ просьбы, чтобъ показать своимъ полководцамъ, что онъ еще печется о сохраненіи дисциплины, и не любитъ безпорядковъ. Въ этотъ разъ, когда ему сказали, что какой-то Русскій помѣщикъ изъ Французовъ желаетъ ему представиться, онъ вспыллъ и прогналъ отъ себя докладчика.

Въ плачевномъ положеніи дѣлъ и арміи строгій этикетъ Императорекаго присутствія пришелъ въ полное разстройство, и прежніе бивачные товарищи тогдашняго ихъ Государя часто позволяли себѣ дѣлать при немъ въ крестьянской избѣ такія замѣчанія, о какихъ вѣрно не смѣли бы и подумать въ пышныхъ прихожихъ Лувра. Моранъ находился одинъ въ комнатѣ съ Наполеономъ, погруженнымъ въ мрачныя думы.

— Ваше Величество, позвольте ему явиться! Вѣдь онъ васъ не знаетъ: я приму его вмѣсто васъ, и самъ съ нимъ раздѣлаюсь. На этотъ разъ я буду Императоръ.

— Какъ тебѣ угодно, Моранъ!

Проситель былъ допущенъ. Онъ изложилъ свою жалобу почтительно, но съ твердостью: въ заключеніе изъяснилъ онъ, что, имѣя честь быть тоже Французомъ, онъ тѣмъ болѣе надѣется на правосудіе Императора.

— А! отрывисто воскликнулъ Моранъ: Что жъ я могу для тебя сдѣлать? Извольни видѣть, мой другъ, — Французъ Французу рознь. Какой ты Французъ? Ты вовсе не Французъ, — а вѣдь я долженъ чѣмъ-нибудь потѣшить своихъ храбрыхъ ребятъ! Вотъ, примѣрно сказать, Моранъ! продолжалъ онъ, указывая на Наполеона, который расхаживалъ по комнатѣ, и въ это мгновеніе приостановился, чтобъ слушать ихъ разговоръ: ну, я увѣренъ, что это онъ укралъ у тебя всѣ твои вещи! Онъ хватъ на эти дѣла, — сущій разбой-

никъ! Но что жъ прикажешь дѣлать, когда каждое утро опъ-то и приносить мнѣ картофелю, куръ, словомъ какую-нибудь поживу? Я не смѣю дать ему за то Почетнаго Легіона: съ моей стороны это очень неблагоугодно, и, вмѣсто Почетнаго Легіона, я принужденъ уступить ему твоихъ лошадей и твой картофель. Но если желаешь, я предлагаю тебѣ мѣсто въ моей службѣ: хочешь бери, — не хочешь, какъ угодно; дѣла идутъ дурно, — оно тѣмъ удобнѣе! Хорошій солдатъ хватаетъ опасности на лету, а куръ изъ курятника: для Императора отъ этого двойная польза.....

— Ваше Величество! сказалъ проситель: въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ разбить носъ и губы этому Морану.

— Хорошо! я подумаю на досугѣ о твоихъ предложеніяхъ.

Наполеонъ подавилъ улыбку. Онъ разстегнулъ свой сюртукъ, и сказалъ грознымъ тономъ исправляющему его должность:

— Негодяй! вотъ тебѣ мой крестъ. Возьми его, но отдай этому чловѣку, что ты у него похитилъ, и впередъ не смѣй дѣлать этого. Съ крестомъ на шеѣ грабить не прилично.

— Слушаю, Ваше Величество! вскричалъ восхищенный Моранъ, принимая со слезами на глазахъ знакъ отличія, котораго такъ давно онъ добивался. Только, извольте сдѣлать изъятіе изъ этого правила въ пользу вашего стола, и благоволите приглашать меня къ обѣдамъ, которые я припасу для Вашего Величества.

Наполеонъ не отнялъ пожалованнаго креста у буйнаго солдата, а Моранъ грабилъ по-прежнему съ Легіономъ на шеѣ. Этотъ анекдотъ нашли мы въ Журналѣ *L'Entr'acte*.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ Г. ГИЗО. Какъ ни странное дѣло — придираться къ одной изъ самыхъ громкихъ знаменитостей нашего времени со стороны нѣжныхъ ея воспоминаній, но мы не можемъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, во-первыхъ, потому что первая любовь прославленнаго историка и государственнаго мужа тѣсно связана съ лѣтописями Литературы, во-вторыхъ, потому что Журналъ *Revue des deux mondes* вздумалъ себѣ блистать статьями въ родѣ умныхъ, живописныхъ, превосходныхъ характеристикъ, какими от-

личается *Revue Britannique*, извлекающая ихъ изъ Англійскихъ повременныхъ изданій: въ одной изъ послѣднихъ книжекъ помѣстилъ онъ длинную характеристику Г-на Гизо, въ которой нѣтъ ни мысли, ни толку, какъ во всякомъ подражаніи, — и мы, прочитавши эту длинную характеристику, не нашли въ ней ничего достойнаго быть удержаннымъ въ памяти, кромѣ того, какъ ученый Французскій министръ влюбился, когда еще не былъ ни ученымъ, ни министромъ.

Г. Гизо родился въ Нимѣ; первые годы его протекли въ Женевѣ; тамъ приобрѣлъ онъ тѣ глубокія познанія въ Философіи и Историческихъ Наукахъ, которыми впоследствии съ такимъ успѣхомъ воспользовался. Тамъ научился онъ искусству оцѣнять и связывать факты, которымъ въ особенноти отличается школа Женевская.

Юность Г. Гизо протекла, какъ протекаетъ юность болъшой части литераторовъ: онъ былъ бѣденъ, дѣтеленъ и трудолюбивъ. При выходѣ его изъ школы, ему сказали, что весь свѣтъ открытъ теперь передъ нимъ, что Французская революція расчистила для честолюбивыхъ все дороги, что Императорское правленіе, котораго заря уже занималась, имѣетъ нужду во всѣхъ сильныхъ душахъ, во всѣхъ просвѣщенныхъ людяхъ, способныхъ слѣдовать по указанному пути. Но познанія въ Философіи и ученость молодого Женевского студента не повели его ни къ чему. Дороги были наполнены толпами жадныхъ и проворныхъ искателей, и мечты его о будущемъ окончились печальнымъ пробужденіемъ. Онъ принужденъ былъ, не говорю принять, выпросить себѣ скромное мѣсто наставника въ одномъ Швейцарскомъ семействѣ, жившемъ въ Парижѣ, и которое навсегда поселило въ немъ преданность и глубокое уваженіе къ почти патріархальнымъ добродѣтелямъ этого дома.

Занятія Литературою скоро познакомили Г. Гизо съ Сюрартомъ, у котораго собирався все люди, втайнѣ старавшіеся дать противоположное направленіе тогдашнимъ идеямъ. Тамъ бывали и циники Директоріи, и проповѣдники республики, и послѣднія развалины Энциклопедіи, и обломки эмиграціи. Съ этого уже времени начались связи Гизо съ старою роялистскою партіею, давшею ему потомъ важ-

ное мѣсто въ первые дни возвращенія Бурбоновъ во Францію. У Сюарта бывала также и дѣвица Полина де-Мѣланъ, одна изъ отличѣйшихъ и ученѣйшихъ женщинъ того времени, съ умомъ столь основательнымъ и живымъ, что его не могла истощить всепожирающая дѣятельность обязанности журналиста. Дѣвица де-Мѣланъ участвовала въ изданіи нѣсколькихъ повременныхъ изданій, и особенію Журнала *Le Publiciste*, который ей обязанъ частію своихъ успѣховъ. Она занималась въ немъ труднымъ ремесломъ критика, и исполняла его съ силою и строгостію, которыхъ и не подозрѣвали въ ней знавшіе ея доброту и кротость. Она писала чрезвычайно чисто и пріятно; но въ тогдашнихъ ея сочиненіяхъ замѣтна какая-то педантская строгость, проявлявшаяся, какъ утверждаютъ, и въ ся разговорахъ, въ которыхъ важный характеръ журналиста вредилъ иногда тону милой и любезной женщины. Ежедневныя и безпрестанныя литературныя занятія дѣвицы де-Мѣланъ разстроили наконецъ ея здоровье, и она принуждена была взять отдохновеніе, необходимое для ея силъ, но пагубное для ограниченнаго ея состоянія. Семейство ея, которое она содержала, оставалось почти безъ пособія, какъ однажды эта писательница получила письмо отъ неизвѣстнаго, который предлагалъ ей писать за нея въ «Публицистѣ», пока она сама въ состояніи будетъ снова приняться за перо. Это письмо было безъ подписи, но дышало умомъ и чистосердечіемъ, и къ нему приложена была статья, хорошо обдуманная, хорошо написанная, въ которой большая часть мыслей казалась заимствованною изъ разговоровъ Г-жи де-Мѣланъ. Статья была напечатана въ Публицистѣ, и дѣвица де-Мѣланъ, тронутая этимъ поступкомъ, не обинуясь, подписала подъ нею букву Р., выставляемую обыкновенно подъ ея сочиненіями. Съ тѣхъ поръ дѣвица де-Мѣланъ, во все время своей болѣзни, почти каждый день получала подобныя статьи. Само собою разумѣется, что она производила множество разысканій; но въ домѣ Г. Сюарта не могли угадать, кто этотъ неизвѣстный писатель, и даже не подозрѣвали молодого человека, который, не улыбаясь, слушалъ всѣ ихъ догадки. Наконецъ дѣвица де-Мѣланъ рѣшилась написать къ неизвѣстному, не зная какимъ образомъ, можетъ-быть и въ Публицистѣ. Она

умоляла безыменнаго писателя открыться. Онъ повиновался, и наконецъ явился, чтобы принять должную благодарность. То былъ двадцатилѣтній Г. Гизо. Благородная дружба связала съ тѣхъ поръ двухъ отличныхъ особъ, и чрезъ пять лѣтъ послѣ того дѣвица де-Мѣланъ сдѣлалась Г-жею Гизо. Пятнадцать лѣтъ нѣжнаго и святаго союза были послѣдствіемъ этого благороднаго и романческаго знакомства. Разлука была столь же трогательна, какъ и сближеніе. Посреди страданій томительной болѣзни, не препятствовавшей однако съ твердостью заниматься литературными трудами, Г-жа Гизо замѣтила наконецъ, что вся надежда исчезла. Она простилась съ сыномъ и мужемъ, и просила послѣдняго похоронить ее по обрядамъ протестантской церкви. Г-жа Гизо была католичка, но мужъ ея протестантъ, и она желала, закрывая навѣки глаза, унести съ собою утѣшительную мысль, что нѣкогда съ нимъ свидится. Потомъ, успокоенная, осчастливленная этимъ пожертвованіемъ, величайшимъ, какое могла сдѣлать своему мужу, она просила его прочесть ей что-нибудь. Онъ началъ Надгробное Слово Боскюэта Принцессы Генріетты; но едва прочелъ нѣсколько страницъ, какъ жена умерла. Это происходило въ 1827 году. Г. Гизо, отрѣшенный отъ должности, лишенный даже своей исторической каѳедры, ратоборствовалъ тогда противъ Г. Виллеля. То было блистательнѣйшее его время, — время злополучій и славы.

Семейственное счастье Г. Гизо, нсразъ было возмущаемо большими непріятностями. Въ эти пятнадцать лѣтъ онъ получалъ разныя должности, потомъ снова ихъ лишался, и старался очистить себѣ дорогу связями, своими мнѣніями и своими сочиненіями. Въ правленіе аббата Монтекиу, Гг. Барбе-Марбуа и Деказа, онъ попеременно то занималъ довольно важныя должности секретаря министерства, то возвращался, вмѣстѣ съ женою, въ первобытное состояніе, въ которомъ они принуждены были, для прокормленія себя, работать всѣми силами ума своего. Послѣ паденія Деказа, Г. Гизо, оставивъ бѣднякомъ мѣсто директора департамента, принялся, по-прежнему, писать книги, политическія брошюры и журнальныя статьи. Домъ Г. Гизо представлялъ тогда зрѣлище самое любопытное. Шурипъ его,

Г. Девенъ, префектъ Нисверскаго департамента, былъ также отрѣшенъ отъ должности. Онъ возвертился въ Парижъ съ женою и двумя племянницами, изъ которыхъ одна, впоследствии, вышла за Г. Гизо. Съ одной стороны Г-жа Гизо и ея племянницы исправляли Летуэрнеровъ переводъ Шекспира, и писали къ нему примѣчанія; съ другой Г. Гизо приготовлялъ изысканія свои во Французской Исторіи; далѣе, нѣсколько молодыхъ людей, покорныхъ учениковъ знаменитаго наставника, одни разбирали при помощи лексиконовъ варварскую латынь Ордерика Виталя, другіе переводили сочиненія Кларандона, *Иконъ Василики*, Короля Карла I, и съ большими трудами, камень по камню, воздвигали огромное зданіе Записокъ объ Англійской революціи, украшенное на заглавномъ листѣ именемъ Г. Гизо. Эта общая работа была всегда руководима свѣтлою мыслию Г. Гизо, который въ то же время писалъ одинъ замѣчательный свои творенія объ Исторіи и состояніи дѣлъ во Франціи. Все это произвело благопріятное вліяніе на направленіе Литературы, и доставило Г. Гизо знаменитость и возможность проводить въ довольствѣ жизнь, достойную уваженія.

ГЕРЦОГИНЯ АБРАНТЕСЪ И ЛЕДИ БЛЕССИНГТОНЪ. Кому-то пришло въ голову, въ Англійскомъ Журналѣ *Tait's Magazine*, сравнивать двухъ женщинъ, которыя, пока были помоложе и покрашеѣе, вѣрно объ считали себя несравненными, и каждая въ особенности выцарапали бы глаза наглецу, держающему пріискивать ей соперницу. Мы, право, не видимъ большаго сходства между Французскою и Англійскою писательницами, — развѣ то, что объ онѣ женщины; да и въ этомъ отношеніи одна изъ нихъ, — ужъ не скажемъ которая! — готова вправду обидѣться сравненіемъ себя съ другою. За всѣмъ тѣмъ мы перескажемъ сужденія объ нихъ Англійскаго Журнала: усматриваемыя имъ точки сходства относятся болѣе къ одинаковости многихъ обстоятельствъ ихъ жизни и занятій, нежели къ тождеству ихъ дарованій, которыхъ сравнивать никакъ не возможно.

«На литературномъ горизонтѣ Франціи и Англіи блистаютъ два женскія имени; два имени писательницъ, которыя теперь держатъ тамъ въ рукахъ своихъ скипетръ литератур-

ной моды, и владычествуютъ своимъ умомъ надъ мнѣніями въ Литературѣ, а прежде владычествовали красотою надъ сердцами; двѣ дамы, которыхъ гостиницы сдѣлались центромъ печатной сферы, которыхъ книги всѣми читаются, и которыхъ жизнь раздѣляется на двѣ части, равно славныя: одну, посвященную кокетству, изяществу, нарядамъ, легкимъ эпиграммамъ, ѣдкимъ насмѣшкамъ, счастію блистать, ослаблять паружностью и насыщаться пріятностями уборныхъ; и другую, преданную сочиненію, печатанію, просматриванію корректуръ, дѣланію и отдѣлыванію литературныхъ репутаций, обвороженію посредствомъ ума, оболыщенію потомства, а въ крайнемъ случаѣ хоть и современниковъ.

Въ судьбѣ этихъ двухъ женщинъ замѣтна разительная аналогія. И та, и другая, одарены удивительнѣйшею памятью, какой только лѣтописецъ можетъ просить отъ Бога. И та, и другая, были очень хороши собою; обѣ вдовы; у обѣихъ мужья были сумасшедшіе и, въ припадкѣ бѣшенства, бросились изъ окна и разбили голову о мостовую; обѣ сдѣлались писательницами тогда уже, когда прелести ихъ поблекли. Обѣ мастерицы разговаривать, и принялись разсуждать съ публикою, которая слушаетъ ихъ съ удовольствіемъ. Одна избрала въ патроны Лорда Байрона, другая Бонапарта, — просто двухъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Подъ крыломъ этихъ двухъ геніевъ, представленныя себѣ ими, онѣ придали болѣе смѣлости пріятной своей болтливости. Онѣ успѣли занять читателей множествомъ мелкихъ подробностей частной жизни, которыя не имѣли бы для насъ ни какого достоинства, если бы мы не падѣлись найти въ нихъ разрѣшеніе загадки, ключъ къ этимъ сложнымъ характерамъ, объясненіе этихъ двухъ непостижимыхъ лицъ. Обѣ удивительно хорошо понимаютъ и превосходно излагаютъ нравственность свѣтскихъ приличій и теорію обязанностей, въ томъ видѣ, въ какомъ учатся имъ въ уборныхъ и гостинныхъ. Та и другая возстаютъ противъ новѣйшихъ нравовъ, противъ паденія старинной вѣжливости, противъ нашествія демократіи; обѣ любезны, кротки, чистосердечны; и даже самыя ѣдкія ихъ сатиры прикрываются, облекаются, такъ сказать, утонченною учтивостію.

Этимъ сходствамъ противоположимъ нѣкоторыя важныя различія. Герцогиня Абрантесъ гордится происхожденіемъ своимъ отъ какихъ-то Компенговъ; у Леди Блессингтонъ нѣтъ родословнаго древа: Жюно, храбрый воинъ, затмилъ имя своей фамиліи личною знаменитостію, которая никогда не будетъ принадлежать ни Г. Фермеру, первому мужу Г-жи Блессингтонъ, ни Лорду, который женился на ней по его смерти. Англійская писательница, сколько извѣстно, сочиняетъ сама; Г-жа Жюно быть-можетъ сама сочиняетъ, но общее мнѣніе или общая сплетня придаетъ ей дѣятельныхъ сотрудниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ прославленныхъ литераторовъ «юной Словесности», побѣждаемыхъ обломками прежнихъ ея прелестей. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшій разборъ различій.

Надобно признаться, что случай оказалъ этимъ двумъ сочинительницамъ великое благодѣяніе, коротко познакомивъ ихъ съ двумя людьми, столь любопытными, какъ Байронъ и Бонапарте. Онѣ умѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Герцогиня Абрантесъ не только разобрала Бонапарта, показала намъ его въ сюртукѣ, въ спальномъ костюмѣ, въ минуты когда онъ бывалъ не въ духѣ или капризничалъ, въ тайныхъ его аудіенціяхъ, въ свиданіяхъ наединѣ съ хорошенькою женщиною, во всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни; но сверхъ-того сдѣлала она изъ своихъ Записокъ волшебный фонарь частныхъ правовъ времени Имперіи, живую картину, въ которой мелькаютъ всѣ идеи и обычаи, даже костюмы и мимолетныя моды той эпохи. Мы не жалуся на то, что въ нихъ много пустаго, много кокетства, слишкомъ много любовныхъ интригъ и мелкихъ анекдотовъ: польза такого сочиненія состоитъ именно въ подробностяхъ; оно не принимаетъ на себя важнаго и строгаго вида Исторіи; Исторія сама проглядываетъ въ немъ сквозь тысячи подробностей.

«Каждый день моей жизни есть страница моей книги», говоритъ Г-жа Абрантесъ. Она повторяетъ то, что она одна слышала и притомъ какъ вещи, до нея самой касающіяся, а это придаетъ разсказу извѣстную прелесть. Но она напрасно не ограничила своего литературнаго поприща этими Записками: талантъ, которымъ онѣ отличаются и кото-

рый, по нашему мнѣнію, ставитъ сочинительницу между лучшими производителями Записокъ, происходитъ отъ рода ея жизни, отъ ея воспоминаній, отъ живости и силы, съ которыми всѣ эти легкіе образы запечатлѣлись въ умъ ея, отъ важности, съ которою они ей представляются, отъ драматическаго интереса, какой имѣютъ они для нея самой. Другія ея произведенія, будучи лишены этого источника занимательности, показываютъ въ ней только весьма посредственное литературное дарованіе.

Леди Блессингтонъ рассказала Лорда Байрона, точно такъ какъ Герцогиня Абрантесъ рассказала Наполеона. Она, конечно, остроумнѣе и насмѣшливѣе Герцогини, но также привыкла къ легкой болтовнѣ гостинныхъ, — и надобно только послушать, какъ, окруженная отличнѣйшими въ Англіи людьми, толкуетъ она обо всемъ и ни объ чемъ, какъ описываетъ Римскіе conversazioni, Сентъ-Джемсъ-Скверскія гостинныя или небольшія ученныя и поэтическія собранія, бывающія въ ея отечествѣ, Ирландіи. Съ какимъ вкусомъ, съ какою живостию, разительностию, схватываетъ и выставляетъ она все емѣнное!

Она не щадитъ Лорда Байрона; она совсѣмъ не придала портрету этого знаменитаго человека лестныхъ красокъ, какими Герцогиня разцвѣчиваетъ изображеніе Наполеона. Леди Блессингтонъ не достаетъ того женскаго энтузіазма Г-жи Абрантесъ, и часто, при чтеніи ея «Разговоровъ» съ великимъ поэтомъ, такъ хорошо написанныхъ, такъ нѣжно, такъ пріятно очерченныхъ, приходитъ въ голову, что она хотѣла открыть вамъ всѣ тайныя дурныя качества образца своего, разобрать его слабости, изобразить мелкіе пороки, а не объяснить его недостатки и характеръ. И эта строгость, въ которой никогда нѣтъ ничего крутаго или пошлаго, съ другой стороны внушаетъ намъ болѣе довѣренности къ ея мнѣніямъ: мы охотно вѣримъ ей, когда она оправдываетъ Байрона, и наводитъ его слабости и недостатками красками, подъ которыми они кажутся извинительными. Едва ли есть въ Англійской Литературѣ что-нибудь прелеетѣе нѣкоторыхъ страницъ «Разговоровъ Леди Блессингтонъ». Видно, что сердце человѣческое открылось передъ ея глазами; она усматриваетъ въ немъ тысячи тайнъ тще-

славія, странности, порочности, ребячества, которыя часто ускользають отъ взоровъ философа и драматическаго писателя; она обнажаетъ самыя мелкія его фибры. Никто лучше ея не живописалъ высшаго Лондонскаго общества въ началѣ нынѣшняго вѣка, его чопорности, его изысканности, его хвастливости, его глупостей. Но ей, какъ и Г-жѣ Абраптесъ, не слѣдовало бы писать ничего болѣе, кромѣ этого прелестнаго произведенія. Романы, изданные Леди Блессингтопъ, послѣ успѣха ея «Разговоровъ», подверглись многочисленнымъ критикамъ, которыя не кажутся намъ несправедливыми. Это уже не та блестящая, живая говорунья, обильная экспромтами и тонкими разборами сердца и общества; но свѣтская правоучительница, проповѣдница, которая сама не вѣритъ тому, что говоритъ, — и потому насъ не убѣждаетъ.»

НОВАЯ КОМЕДІЯ ДИДРО. Ей слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, но она еще совсѣмъ новая. Она была играна только одинъ разъ въ 1771 году, и потомъ спрятана, забыта, утрачена. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли ее въ Готѣ, и Журналъ *Revue Rétrospective* теперь въ первый разъ ее напечаталъ. Кому не любопытно узнать по крайней мѣрѣ содержаніе такой новости, кому не захочется хоть пробѣжать твореніе такого писателя, каковъ былъ Дидро? Мы пособимъ отчасти любопытству нашихъ читателей. Какъ бы то ни было, а въ нынѣшней Французской Литературѣ нѣтъ ни одного ума, равнаго покойному Дидро.

Комедія называется — *Добръ ли онъ? золъ ли онъ?* — или *Услужливый докучатель*; или *Вспомъ услуживаетъ, никому не угождаетъ*: три заглавія, четыре дѣйствія.

Вы давно знаете Дидро, — философа, насмѣшника, чловѣтка своенравнаго, удивительнаго, пошлаго? Этотъ чловѣкъ, одаренный качествами столь превосходными, столь рѣдко вмѣстѣ встрѣчающимся, чловѣкъ столь глубоко уважающій добродѣтель, и столь безправственный въ своихъ твореніяхъ, столь ученый и столь поверхностный, такъ много надѣлавшій зла чловѣчеству и никого съ умысломъ не обидѣвшій, однимъ словомъ Дидро, самъ себя вывелъ на сцену, самъ сдѣлался своимъ Аристофаномъ, и показываетъ намъ

себя не такимъ, какимъ мы его видимъ, а такимъ, какимъ онъ самъ себя казался. Предпріятіе довольно странное: человекъ самъ себя выставляетъ передъ публикой, и не въ книгѣ, а на театрѣ! Это новый способъ писать свою Исповѣдь или свои Записки. Дидро не хотѣлъ отстать отъ Ж. Ж. Руссо, изъ котораго онъ своими совѣтами сдѣлалъ писателя безправственнаго и безстыднаго. Онъ изобразилъ себя подъ именемъ Гардуэна. Гардуэнъ человекъ, который любить уединеніе, не по ненависти къ людямъ, а отъ того, что боятся свѣта, гдѣ ему какъ-то неловко; лишенный затворничествомъ уваженія, которымъ онъ, конечно, пользовался бы въ свѣтѣ; милый друзьямъ своимъ, для которыхъ готовъ онъ сдѣлать все на свѣтѣ; ненавидимый всѣми, кто его не знаетъ: таковъ былъ и Дидро.

Въ первомъ дѣйствіи вы въ домѣ Г-жи Шепи, которая разговариваетъ съ своимъ слугою, Пикаромъ, и запрещаетъ ему на цѣлую недѣлю ходить къ женѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что любовь — наслажденіе людей богатыхъ и благородныхъ, а бѣдняки, разночинцы, не должны объ ней и думать. По одной этой чертѣ вы уже узнаете умъ Дидро. Теперь хотите ли знать, отъ чего Г-жѣ Шепи такъ нуженъ слуга ея? Отъ того, что наступаетъ день ея именинъ, а къ тому дню ей непременно нужна драматическая Пословица: онъ посылаетъ Пикара къ литератору Гардуэну, чтобы заказать ему Пословицу. — Теперь двѣнадцать часовъ, говоритъ она: бѣги къ нему; онъ еще не вставалъ. — Г-жа Шепи очень хорошо знаетъ образъ жизни Г-на Гардуэна, или Дидро!

Пикаръ бѣжитъ, и скоро приходитъ назадъ. Онъ былъ у Г. Гардуэна, который живетъ высоко, чертовски высоко, въ какомъ-то длинномъ и узкомъ домѣ. Пикаръ долго лѣзъ по крутой и темной лѣстницѣ, познакомился съ сосѣдками Гардуэна, которыя показали ему его квартиру. Эти сосѣдки женщины миленькія и хорошенькія, потому что, по особенному счастью, у Г-на Гардуэна всегда миленькія и хорошенькія сосѣдки, которыя любятъ его во всей чистотѣ и невинности сердца, принимаютъ оставляемыя ему визитныя карточки, когда его нѣтъ дома, сбиваютъ съ толку е-кре-го

диторовъ, и просятъ приходящихъ, чтобы они не шумѣли, когда Г. Гардуэнъ спитъ.

Г-жа Шепи угадала: Гардуэнъ еще не вставалъ, когда Пикаръ пришелъ къ нему, и тотъ долженъ былъ разбудить его. Пикаръ хотѣлъ-было постучаться, но пошатнулся, толкнулъ въ дверь головою, дверь растворилась настежь, и онъ растянулся на полу. Гардуэнъ въ бѣшенствѣ вскочилъ съ постели, кричалъ, клялся, ругался, — но все это одну только минуту: онъ добрый малый, онъ бросился къ Пикару и поднялъ его: «Не ушибся ли ты, любезный другъ? Дай посмотрѣть твою голову!»

Чрезъ нѣсколько минутъ, Г. Гардуэнъ самъ, собственной своей особой, является къ Г-жѣ Шепи. Онъ совершенно спокоенъ и хладнокровенъ, ничѣмъ не встревоженъ, ни даже тѣмъ, что Пикаръ такъ неосторожно разбудилъ его въ полдень. — Что вамъ угодно, сударыня? — Бездѣлку, Г. Гардуэнъ: какую-нибудь Пословицу; напишите мнѣ поскорѣ маленькую Комедію. — Вы видите, что Г-жа Шепи обходится и съ литераторомъ точно такъ же нецеремонно, какъ и съ своимъ лакеемъ. Дидро ни въ чемъ не прощаетъ своему вѣку!

Его Гардуэнъ гордъ со знатію, упрямъ, капризенъ и страстный охотникъ полѣниться: онъ не хочетъ писать Комедіи. Г-жа Шепи удивляется, не можетъ постичь, какъ смѣетъ литераторъ не слушаться ея, знатной дамы! Она сердится, уходитъ, и оставляетъ Гардуэна одного со своею компаньонкою, съ мамзель Болѣе.

Но Гардуэнъ человекъ странный во всѣхъ отношеніяхъ: для него хороша всякая хорошенькая женщина, какого бы роду и званія ни была она.

Оставшись одинъ съ мамзель Болѣе, онъ снова дѣлается самымъ кроткимъ, самымъ добрымъ и снисходительнымъ. Съ госпожею онъ былъ надмененъ, съ компаньонкою онъ покоренъ и услужливъ; Г-жѣ Шепи онъ отказалъ на отрѣзъ, мамзель Болѣе онъ охотно повинуется, и, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, берется написать Комедію. Тутъ конецъ перваго дѣйствія.

Во второмъ дѣйствіи, авторъ переноситъ васъ къ себѣ, въ квартиру Г. Гардуэна. Онъ толкуетъ со своимъ лакеемъ.

Оно, конечно, немножко странно, что у Г-на Гардуэна есть лакей, но если вы уже допустите эту невѣроятность, то очень естественно, что онъ съ нимъ толкуетъ. Вдругъ лакей докладываетъ, что пріѣхала Г-жа Бертранъ, женщина, закутанная въ двадцати аршиннахъ чернаго крепу; вдова, которую не худо утѣшить, говоритъ лаксѣ. — Проси вдову! кричитъ Г. Гардуень: проси ее сюда! — Вдова является: здѣсь происходитъ сцена, исполненная ума и занимательности. Г-жа Бертранъ — молоденькая женщина и очень правится Г-ну Гардуэну. Она вдова знаменитаго капитана Бертрана, который, для чести Французскаго флота, потопилъ весь экипажъ свой, и самъ утонулъ съ нимъ. У Г-жи Бертранъ остался послѣ мужа крошечный ребеночекъ, и она находится въ величайшей бѣдности, потому что не можетъ добиться пенсіона. Она уже просила объ этомъ черезъ князей, черезъ герцоговъ, прелатовъ, женщинъ, — ничто не помогло! Наконецъ, не будучи знакомою съ Г. Гардуэномъ, но зная, что онъ *очень добръ*, что пріятель съ Г. Пультье, который управляетъ Морскимъ Департаментомъ, она рѣшилась обратиться къ нему и просить помочь ей. Послѣ множества остроумныхъ шутокъ, Гардуень, побѣжденный милою вдовою храбраго капитана, соглашается хлопотать за нее, если только она позволить ему, въ случаѣ пужды, выдать это дѣло за свое собственное. — Нынче, изволите видѣть, сударыня, самый короткій пріятель не станетъ васъ слушать, если вы просите не за себя. — Всѣ говорятъ, что вы такой добрый, такой благородный! отвѣчаетъ Г-жа Бертранъ: дѣлайте какъ вамъ угодно.

Она уходитъ. Гардуэну надобно написать Комедію для мамзель Больё, и выхлопотать пенсіонъ для Г-жи Бертранъ.

Онъ размышляетъ о Комедіи и о пенсіи, какъ вдругъ входитъ Жизорскій адвокатъ, Г. Деренардо.

Г. Деренардо тоже пришелъ воспользоваться услужливостію Гардуэна. У него тяжба съ одною изъ родственницъ Г-на Гардуэна; эта тяжба тянется уже десять лѣтъ. Чтобы окончить ее, Г. Деренардо вздумалъ выбрать Гардуэна въ посредники, и принесть ему довѣренность. Гардуень и на это соглашается, и вотъ уже за нимъ цѣлыхъ три дѣла:

написать Комедию, выхлопотать пенсію и уладить тяжбу. Бѣдный Г. Гардуэнъ!

Жизорскій адвокатъ только-что вышелъ, какъ является Г. Крансе. Это человѣкъ влюбленный; влюбленный какъ нынче уже не влюбляются; онъ любитъ дѣвицу Вертиль-якъ, но мать ея не соглашается на бракъ ихъ. Крансе влюбленъ до безумія, дѣвица Вертильякъ влюблена до безпамятства; но до-сихъ-поръ любовь ихъ выражалась только вздохами и страстными взглядами. Онъ знаетъ, что старушка Вертильякъ пріятельница Дидро, и проситъ Гардуэна уговорить ея.

Но между-тѣмъ какъ Крансе толкуетъ о любви своей, является сама Г-жа Вертильякъ! Вы можете вообразить, какъ это смущаетъ Г. Крансе, и какъ взбѣсилась старуха Вертильякъ, увидѣвъ его здѣсь! Крансе убѣгаетъ, а Гардуэну пужно теперь, во-первыхъ, написать Комедию; во-вторыхъ, выхлопотать пенсію; въ-третьихъ, уладить процессъ; въ-четвертыхъ, смастерить свадьбу. Какъ же онъ все это сдѣлаетъ? О томъ уже въ третьемъ дѣйствіи.

Гардуэнъ не такой празднолобецъ и разсѣянный, чтобы у него уже ни сколько не было порядка въ безпорядкѣ. Ему надобно совершить четыре трудныя дѣла. Съ чего начать? Онъ началъ съ перваго. Онъ посылаетъ за молодымъ писателемъ, Г. Сюрмономъ, и говоритъ ему, что Г-жа Шепи поручила ему, Гардуэну, написать для нея Комедию, но какъ онъ, Гардуэнъ, знаетъ, что онъ, Сюрмонъ, влюбленъ въ нее, Г-жу Шепи, то и не хочетъ отнять у него случая услужить ей. Сюрмонъ сначала не соглашается, онъ боится осрамиться; но Гардуэнъ убѣждаетъ его тѣмъ, что обязывается приписать ему всю славу, если пьеса будетъ имѣть успѣхъ, и принять грѣхъ на себя, если она пойдетъ дурно. Торгъ сложень, и однимъ дѣломъ меньше.

Теперь за другое. Добрый Гардуэнъ думаетъ о бѣдной вдовушкѣ, которая только на него и надѣется; онъ отворяетъ окно, и видитъ, что Пультье идетъ мимо его дома. — Эй, Пультье! — Пультье приходитъ. Пультье занимаетъ важное мѣсто, но онъ любитъ своихъ пріятелей; онъ уменъ и добръ; онъ прибѣгаетъ въ радости, что его зоветъ Гардуэнъ, котораго онъ давно не видалъ. — Скажи мнѣ, Пультье,

любишь ли ты меня? — Люблю!. Несмотря на всѣ твои причуды, тебя нельзя не любить. — Если бы я сталъ персдѣ тобою на колѣни и умолялъ тебя пособить мнѣ въ самомъ важномъ для меня дѣлѣ, исполнилъ ли бы ты мою просьбу? — Гардуэнъ говоритъ о Г-жѣ Бертранъ. Пультье отвѣчаетъ, что по законамъ ей не возможно назначить пенсіона. — По законамъ, такъ! отвѣчаетъ Гардуэнъ: по по дружбѣ ко мнѣ? — И тутъ онъ принимается рассказывать небывальщину и доходитъ до того, что въ жару ходатайства увѣряетъ, будто онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Г-жею Бертранъ при жизни мужа и что ребенокъ ея — его сынъ. — Я въ отчаяніи! говоритъ онъ: ты не выйдешь отсюда, покуда не исполнишь моей просьбы! — Убѣжденный такими уважительными причинами, Пультье обѣщаетъ назначить сыну Г-жи Бертранъ пенсію. Дидро мастеръ изображать доброе сердце своихъ друзей! Чего, по законамъ, нельзя было сдѣлать для честной вдовы храбраго воина, то будетъ сдѣлано для легкомысленной жены и для побочнаго сына дорогаго пріятеля.

И вотъ уже два дѣла съ рукъ долой. Остается еще тяжба Г. Дерснардо и женщѣба Г. де Крансе. Вы видѣли, что старушка Вертильякъ не хочетъ и слышать о томъ, чтобы выдать дочь за де Крансе; бѣдные любовники разлучены, они очень печальны, а Г-жа Вертильякъ такъ упряма! Какъ же Гардуэну выпутаться изъ этой бѣды. Такъ, какъ бы выпутался самъ Г. Дидро, если бѣ былъ на его мѣстѣ.

Вы уже примѣтили, что онъ ничѣмъ не затрудняется и не очень дорожитъ ни истиною, ни честию порядочной женщины. Послѣ минутнаго разговора, бѣдная старушка начинаетъ кричать и ужасаться. — Какъ? что? возможно ли?... Ахъ, Боже мой!... Кто бы это подумалъ? Моя Лиза, такая скромная! такая невпичная!... И вы говорите, что она....? Прошу покорно послѣ этого уберечь дочь отъ обольстителей. — Г-жа Вертильякъ, испуганная рассказомъ Гардуэна, сама торопитъ свадьбу. — Скорѣе, скорѣе ведите ихъ въ церковь, чтобы онъ только какъ-нибудь не вздумалъ отказаться! Мнѣ ужъ, видно, суждено быть въ родствѣ съ этими нищими Крансе!....

Вы видите отсюда, въ какомъ восторгѣ любовники, какъ

удивляется Г. Крансе испостижимой переменѣ въ расположеніи будущей его тещи. Съ другой стороны Г. Деренардо радуется окончанію своего процесса, который Гардуэнъ также уладилъ по-своему, а мамзель Больё восхищается тѣмъ, что пьеса написана по просьбѣ ея, а не гордой ея госпожи. Гардуэнъ побѣдитель на всѣхъ пунктахъ; его осыпають благословеніями; его провозглашаютъ умнѣйшимъ, честнѣйшимъ, добрѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Онъ, оставшись одинъ, складываетъ руки на груди и говоритъ самъ себѣ: — Я добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ! Я? О, нѣтъ! Я чувствую, что родился злымъ, жестокимъ, порочнымъ. Меня почти до слезъ трогаетъ нѣжность этой бѣдной матери къ ея ребенку, ея чувствительность, ея признательность; она мнѣ даже нравится, и между-тѣмъ я черню ее, лишаю ея добраго имени.... Гардуэнъ! ты всѣмъ забавляешься, для тебя нѣтъ ничего священнаго. Ты просто негодяй!.... Это не хорошо, очень не хорошо!.... Ты непременно долженъ исправиться. Неужели же мнѣ признаться въ моемъ обманѣ? О, нѣтъ, нѣтъ! Еще это дурное дѣло, и потомъ полно, впередъ не буду. — Мы думаемъ, что если Діогенъ понималъ самъ себя, то онъ понималъ себя точно такъ, какъ Дидро представилъ свой характеръ въ этой пьесѣ.

Несмотря на этотъ цинизмъ, послѣднее дѣйствіе такъ же занимательно, какъ и три первыхъ. Въ минуту величайшаго торжества Гардуэна, всѣ хитрости его открываются. Молодой поэтъ, Сюрмонъ, узнаетъ что пьеса, которую онъ писалъ для Г-жи Шепи, написана для ея компаньонки, мамзель Больё. Г-жа Бертранъ узнаетъ, что Гардуэнъ ее обезславилъ. Г-жа Вертильякъ узнаетъ, что дочь ея совершенно невинна и всегда была добродѣтельна, а Г. Деренардо находитъ, что Гардуэнъ пожертвовалъ имъ противной сторонѣ. Тутъ начинаются шумъ и толки, гнѣвъ и упреки. Сюрмонъ хочетъ изорвать свою Комедію; мамзель Больё отказывается играть въ пей; Г-жа Бертранъ отрекается отъ пенсіона; Г-жа Вертильякъ намѣревается разстроить бракъ дочери своей съ Г-мъ Крансе; Г. Деренардо собираетъ снова завести тяжбу. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Гардуэна всѣ любили, обожали, обнимали; теперь всѣ его ненавидятъ, упрекають и ругають. Всѣ шумятъ, кричатъ, другъ на дру-

га сердятся, другъ друга не понимаютъ. Это четвертое дѣйствіе одно уже составляетъ прекрасную Комедію. Наконецъ все улаживается, всѣ умирятся и примиряются. Сюрмонъ не рветъ пьесы, мамзель Больё будетъ играть, вдова, изъ любви къ сыну, соглашается принять пенсіонъ, Г-жа Вертильякъ не противится болѣе счастію своей дочери, Г. Деренардо не думаетъ уже о тяжбѣ, а виновникъ всего, Гардуэнъ, который держалъ въ рукѣ своей всѣ нити этой интриги, является съ толпою дѣтей. Тутъ начинаются пляски и куплеты въ честь Г-жи Шепи, и она вскрикиваетъ: — Скажите же послѣ этого: добръ онъ, или золь? — Одно за другимъ, отвѣчаетъ мамзель Больё.

Это сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ достойно своего автора.

ДАТСКИЙ ТЕАТРЪ. Тогда какъ вся Европа издаетъ общій, раздирающій стоныъ печали о упадкѣ Драматическаго Искусства, пылнѣе цвѣтущее состояніе Датскаго Театра по-истинѣ достойно примѣчанія. Новыя Комедіи, Трагедіи, Оперы и Водевиль слѣдуютъ на немъ другъ за другомъ съ удивительной быстротою, и многія изъ нихъ могутъ выдержать сравненіе съ лучшими этого рода произведеніями какой вамъ угодно страны. Къ этому надо прибавить, что и актеры въ Копенгагенѣ отличные: напимѣръ, Риге, Винслёвъ и Нильсенъ въ Трагедіи; Фридендаль, Стаге, Розекильде, Форсомъ и Фистеръ въ Комедіи; а изъ женщинъ, Г-жи Вексаль, Юргенсонъ и Гейбергъ. Последняя — супруга профессора Гейберга, отличнаго драматическаго писателя, и актриса съ обширнымъ дарованіемъ, равно блистающимъ въ веселыхъ, юмористическихъ, и какъ и въ страстныхъ сценахъ. Меньше привлекательнаго на Датскомъ Театрѣ по оперной части, хотя его prima donna, дѣвица Зрза, не безъ толпы обожателей, превозносящихъ ее до небесъ; но что касается до Балета, то онъ въ самомъ жалкомъ положеніи. За то оркестръ превосходный. Съ Копенгагенскимъ театромъ соединены музыкальная консерваторія, управляемая профессоромъ Сибони, и декламационное училище для образованія молодыхъ людей, готовящихся на сцену. Никому не дозволяется играть безъ предварительнаго обуче-

нія, которое бывастъ продолжительнѣе или короче, смотря по способностямъ и успѣхамъ учащагося. Актеръ, съ самаго вступленія его въ это званіе, числится въ коронной службѣ, получаетъ опредѣленное жалованье, а при отставкѣ, за старостью или по другимъ причинамъ, пенсіонъ, соразмѣрный его заслугамъ. Биснесы тамъ вовсе неизвестны, а иногда дозволяются такъ называемые «Вечера», что почти одно и то же. Плата пишущимъ для театра опредѣлена по числу дѣйствій пьесъ, принимаемыхъ Дирекціею. Сверхъ-того, одно удачное произведеніе въ пяти дѣйствіяхъ и два или три въ одномъ даютъ автору пожизненное право бывать въ театрѣ даромъ. Замѣчательнѣе еще своей новостью способъ отдачи ложъ. Въмѣсто того, чтобъ представлять разборъ билетовъ случаю или привлекательности аффини, логи въ Копенгагенѣ отдаются въ наемъ съ аукціона, и первые пасмщики передаютъ ихъ потомъ другимъ хоть разъ въ недѣлю. Такимъ образомъ логи всегда бываютъ заняты: да и прочія мѣста отъ этого выигрываютъ, а актеры избавляются отъ испріятности декламировать передъ пустыми креслами. Благоприличіе и порядокъ, наблюдаемые въ Датскомъ театрѣ, также достойны подражанія. Не только не бывастъ тамъ тѣхъ безчинствъ, которыхъ насмотритесь въ Лондонскихъ и Парижскихъ театрахъ, но зрители, съ весьма рѣдкими исключеніями, удерживаются даже отъ рукоплесканій до окончанія пьесы, или, по крайней мѣрѣ, акта.

Недавно давали новую Трагедію знаменитаго Эленшлессера, «Королева Маргарита», заслужившую самый благосклонный пріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, это произведеніе, если и не увеличиваетъ славы автора, по крайней мѣрѣ поддерживаетъ его на той высотѣ, которой онъ достигъ своими прежними твореніями, и на которой стихотворецъ Тегнеръ провозгласилъ его достойнымъ преемникомъ безсмертнаго Гёте. Словомъ, драматическій геній, по которомъ плачетъ вся Европа, котораго тщетно ищетъ она повсюду, который, какъ утверждали многіе, уже безвозвратно улетѣлъ на небо, — этотъ милый, забавный, чувствительный, злой, свирѣпый геній нашелъ себя убожище въ Датской Словесности. Qu'est-il allé faire dans cctte galère?....

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Екатерина Говардъ*, Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и осьми картинахъ; Александра Дюмà.

Екатерина Говардъ не исторія, не сказка, не трагедія, и не комедія и не мелодрама; она меньше чѣмъ все это; она, можеть-быть, больше чѣмъ все это: она сновидѣніе, сонъ чловѣка бдящаго, ума отважнаго, который дошелъ до того, что на все уже осмыливается; воображенія, утомленнаго, заблужденнаго, но еще могущественнаго, которое часто нападаетъ снова на настоящую дорогу. Не думаю, чтобы повѣйшая Драма могла идти дальше въ насиліяхъ, въ убійствахъ, въ неистовствахъ всякаго рода, въ забвеніи всѣхъ приличій историческихъ, драматическихъ, общественныхъ и литературныхъ! Боже мой! что скажетъ теперь Единбургское Обозрѣніе, увидѣвъ, что осмнадцати-лѣтняя женщина любитъ пятидесяти-лѣтняго Короля Генриха VIII, покидая для него прекраснѣйшаго, благороднѣйшаго изъ Англійскихъ вѣлможъ? когда оно узнаетъ, что изъ Екатерины Говардъ, женщины столь знатной, что бракъ ея съ Королемъ сдѣла быль для Генриха VIII неровнымъ бракомъ, и родной племянницы Герцога Норфолькскаго, Г. Дюмà сдѣлалъ дѣвочку безъ имени, безъ состоянія, безъ семейства; дѣвочку, которую врагъ Короля находитъ или, лучше сказать, открываетъ, собирая цѣлебныя травы, и въ которую Генрихъ VIII влюбляется по его разсказамъ?

Изложеніе въ этой Драмѣ чистая Исторія. Это изложеніе собственно не что иное какъ глава изъ Юма или Робертсона, довольно дурно расположенная въ разговорахъ: это изложеніе большая ошибка автора; чѣмъ болѣе въ немъ историческаго, тѣмъ противоположнѣе оно съ остальными частями пьесы, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего историческаго. Притомъ, такъ, какъ во всемъ этомъ *твореніи безъ имени*, нѣтъ и рѣчи объ историческомъ Генрихѣ VIII, то автору лучше было бы не выказывать всего, что ему извѣстно о политикѣ этого грознаго и всемогущаго Государя. Намъ надобно только знать, что Англійскій Король вдовъ, — вещь для него странная! Генрихъ уже лишился четырехъ женъ: одна умерла своею смертію; другую свели на эшафотъ; за Анною Боленъ, послѣдовала Іоанна Сеймуръ, юная и

прекрасная, которая была такъ счастлива, что умерла, такъ же какъ и Екатерина Аррагонская, на своей постели. Затѣмъ явилась Анна Клевская, въ которую Король влюбился, увидѣвъ портретъ ея, работы Гольбейна; эта, простая и добрая Нѣмка очень рада была, что ее просто прогнали. Тутъ пришла очередь Екатерины Говардъ; она сдѣлалась Королевою, какъ и всѣ прочія, по прихоти Генриха VIII. Странное тщеславіе, странная неустрашимость женщины, и страшное могущество вѣнца. Вотъ человѣкъ, покрытый кровію, заваленный дѣлами, то католикъ, то сретикъ, то протестантъ, то воинъ, то богословъ, тиранъ, палачъ, палачъ собственныхъ своихъ женъ; человѣкъ умный, отъ котораго ничто не укрывается, человѣкъ съ сердцемъ измятымъ, ревнивый, злой, жестокой, старый, больной, прихотливый! И чтожъ! этотъ человѣкъ нашелъ столько же юныхъ и прекрасныхъ женщинъ, которыя согласились выйти за него, чтобы послѣ онъ ихъ казнилъ или съ безчестіемъ прогналъ отъ себя, сколько нашелъ ихъ самъ Францискъ I, который любилъ женъ своихъ, служилъ имъ, былъ ихъ рыцаремъ, ихъ поэтомъ, рабомъ ихъ. Но не станемъ припоминать Исторіи: мы говоримъ объ исторической Трагедіи, а это дѣло совсѣмъ другое!

Какъ бы то ни было, Генрихъ VIII увидѣлъ Екатерину Говардъ въ хижинѣ, въ которой живетъ она, — и старое его сердце забилось сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Онъ вѣрнопреданно хочетъ обладать Екатериною, и притомъ не иначе какъ другими: онъ хочетъ на ней жениться. Но всего удивительнѣе въ этой Драмѣ то, какъ Генрихъ VIII тоскуетъ о нѣжной и невинной любви своей со своимъ другомъ и наперсникомъ Герцогомъ Этельвудомъ. О Боже мой, да бѣдный Генрихъ VIII такъ робокъ и застѣнчивъ! Правда, что онъ уморилъ Екатерину Аррагонскую съ горя, что онъ казнилъ Анну Боленъ, что онъ съ безчестіемъ прогналъ отъ себя Анну Клевскую; но Екатерину Говардъ, дѣвушку безвѣстную и безъ имени, какою представлена она въ Драмѣ, онъ любитъ и уважаетъ; онъ бѣсится только отъ одного, — что она его не любитъ! И бѣдняжка Генрихъ VIII повѣряетъ свое горе вѣрному своему Герцогу Этельвуду.

Услышавъ это признаніе, Этельвудъ смущается. Дѣвушка, которую Король такъ нѣжно, такъ страстно любить, не кто иная, какъ любовница, жена молодаго Лорда: вотъ что значить дурной примѣръ! Всѣ эти господа, при Англійскомъ Дворѣ, привыкли жениться, какъ скоро увидятъ хорошенькую дѣвушку, и выходятъ что уже не встрѣчаешь въ полѣ ни одной дѣвушки, которая бы не была замужемъ за какимъ нибудь благороднымъ Лордомъ.

Этельвудъ, вѣя себя отъ страха, бѣжитъ къ Екатеринѣ въ бѣдный домикъ, въ которомъ живетъ она на берегу Темзы. Тамъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, онъ даетъ ей питье. Екатерина, сдва опорожнивъ поданный ей бокаль, падаетъ. Питье это вы, конечно, уже узнали: одинъ только старый Шекспировъ аптекаръ умѣетъ составлять его. Г. Дюмъ, вспомнилъ объ этомъ аптекарѣ, и купилъ у него *жидкость, разливающую въ жилы усыпленіе*. Великій поэтъ Шекспиръ медленно, искусно, торжественно приготовляетъ мнимую смерть Юліи. Какъ страшны эти приготовленія къ смерти! какъ ужасны послѣдствія! Последнее дѣйствіе Ромео и Юліи сама жестокая катастрофа, какая когда-либо приходила въ голову трагическаго поэта! Что же производитъ этотъ пузырекъ съ Шекспировскимъ ядомъ въ рукахъ Г-на Дюмъ? То же, что произвело бы самое простое усыпительное лекарство. Екатерина пьетъ этотъ напитокъ, не зная его силы. Она падаетъ, потому что Г-ну Дюмъ нужно, чтобы она упала. Какое оскверненіе святыни! Прекраснѣйшая, или по крайней мѣрѣ возвышеннѣйшая изъ Шекспировыхъ Трагедій употребляется на то, чтобы доставить одному изъ новомодныхъ поэтовъ полу-сцену, необходимый обморокъ, — и только!

Драма Г-на Дюмъ собственно и начинается съ обморока Екатерины Говардъ.

Во второмъ актѣ вы видите Екатерину въ могильномъ склепѣ, въ деревнѣ, гдѣ живетъ она. Она лежитъ на постели Юліи, одѣта въ бѣлое платье Юліи. Подруги ея прощаются съ нею, окропляя ее священною водою. Въ передней части сцены Этельвудъ ждетъ пробужденія жены своей.

Но тутъ драматическій поэтъ, лежащій на Шекспировской постели, опьяненный Шекспировскимъ ядомъ, нѣсколь-

ко пробуждается. Г. Дюма праводитъ въ этотъ могильный склепъ, — кого вы думаете? — Генриха VIII, Короля Англійскаго. Онъ тоже приходитъ плакать на могилѣ Екатерины Говардъ. Не станемъ говорить объ этомъ поступкѣ его. Генрихъ VIII, палачъ, казнившій въ свою жизнь около семидесяти двухъ тысячъ человѣкъ, не считая женъ своихъ, плачетъ какъ ребенокъ надъ тѣломъ бѣдной дѣвушки, стоитъ передъ нею на колѣняхъ, и надѣваетъ на оледенѣлый ея палецъ обручальное кольцо! Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ чрезвычайно драматическомъ положеніи человѣка, который выдалъ жену свою за покойницу, чтобы спасти ее отъ любви Короля, и видитъ этого Короля у могилы жены своей, и знаетъ, что жена его сейчасъ должна очнуться. Въ эту минуту по театру пробѣжалъ трепеть, котораго одного достаточно для успѣха цѣлаго дѣйствія. И эта сцена едѣлалась бы несравненно прекраснѣе, если бы Екатерина вдругъ проснулась въ объятіяхъ Короля. Какъ велика была бы радость Генриха! какъ глубоко отчаяніе Этельвуда! какъ извинительна была бы любовь Екатерины къ Королю! Но для составленія Драмы, Г-ну Дюма нужна была куча другихъ преступленій и невѣроятностей. И потому онъ отступилъ отъ сцены, которая была уже у него въ рукахъ. Король уходитъ. Екатерина пробуждается, и Этельвудъ уводитъ ее просто въ другую часть своего вѣмка.

Въ третьемъ дѣйствіи, или въ третьей картинѣ, мы дѣйствительно въ замкѣ Этельвудовомъ. Этельвудъ, по-прежнему, влюбленный въ жену свою, скрываетъ ее въ своемъ замкѣ какъ Лейстеръ прячетъ жену въ замкѣ Кенильвортскомъ. Но тутъ есть та разница, что честолюбивая Екатерина Говардъ только и мечтаетъ о вѣнцѣ и скипетрѣ. Мужъ ея имѣлъ неосторожность, или просто глупость, рассказать ей о любви къ ней Генриха VIII, оботчаяніи Короля, когда онъ увидѣлъ ее мертвою, и о томъ, какъ надѣлъ онъ ей на палецъ обручальное кольцо свое. *Въ слѣдствіе сего* Екатерина Говардъ очень скучаетъ въ своемъ Этельвудскомъ замкѣ.

Вдругъ, такъ же какъ и въ Кенильвортѣ, призываетъ Король! А знаете ли вы, для чего призываетъ онъ въ гости къ своему подданному? Генрихъ VIII отправляется въ Шотландію, и хочетъ назначить Этельвуда Лондонскимъ Губер-

патеромъ. Король намѣревается выдать сестру свою замужъ, и предлагаетъ руку ея Этельвуду. Ни одинъ Англіійскій или Французскій Король не любилъ такъ своего подданнаго и не дѣлалъ для него столько. Вотъ что предлагаетъ Генрихъ VIII вѣрному своему Этельвуду!—но, о чудо! тотъ отъ всего отказывается: отказывается отъ званія Вице-Короля Англіійскаго, отказывается отъ руки Королевской сестры! И все это для Екатерины! Король предается ужаснѣйшему гнѣву. Онъ непременно хочетъ, чтобы Этельвудъ былъ его зятемъ и первымъ министромъ. Онъ грозитъ Этельвуду лишеніемъ званія, лишеніемъ имуществъ, лишеніемъ головы. Какъ онъ былъ добръ до этого, такъ золъ теперь! Онъ самъ уже не помнитъ, что говорятъ и что дѣлаетъ.

Король уходитъ. Этельвудъ провожаетъ его, и держитъ ему стремя, къ великому негодованію Екатерины, которая должна была бы знать, что таковъ обычай. Екатерина Говардъ любитъ Короля Генриха VIII.

И когда слишкомъ довѣрчивый Этельвудъ объявляетъ жнѣ, что и онъ вынулъ усыпительное зелье, чтобы и его, какъ прежде се, сочли мертвымъ и не сдѣлали министромъ или не женили на Королевской сестрѣ; когда онъ отдастъ ей ключъ отъ могильнаго склена (замѣтьте этотъ ключъ), чтобы она пришла за нимъ, какъ онъ приходилъ за нею, у Екатерины Говардъ нѣтъ для мужа ни нѣжнаго взгляда, ни поцѣлуя, ни ласковаго слова! Эта сцена ужасна, но она прекрасна. Между-тѣмъ питье производитъ свое обыкновенное дѣйствіе. Этельвудъ засыпаетъ, онъ недвижимъ, холоденъ, мертвъ; вассалы его хоронятъ и кладутъ въ могильномъ скленѣ, отъ котораго ключъ у Екатерины: другой ключъ (замѣтьте этотъ другой ключъ) торжественно относятся къ Королю, законному наследнику Этельвуда, который умираетъ, не оставивъ послѣ себя дѣтсей.

И такъ вотъ два дѣйствія, приправленные опиумомъ! Трудно объяснить себѣ, для чего Г. Дюма два раза употребилъ это средство, заимствованное у Шекспира: развѣ станемъ предполагать, что онъ этимъ хотѣлъ сдѣлаться вдвое больше Шекспира?

Но вотъ начинается дѣйствіе прекрасное, непредвидѣнное и исполненное занимательности.

Въ третьемъ дѣйствіи Генрихъ VIII у сестры своей, Принцессы Маргериты. И онъ, и она, оплакиваютъ Этельвуда. Неутѣшная Маргерита проситъ у брата ключа отъ могильнаго склепа, въ которомъ поконится прахъ милаго ей Этельвуда. (Обратите вниманіе и на этотъ ключъ.) Потомъ она уходитъ. Когда Генрихъ VIII остается одинъ, въ комнату является тѣнь, женщина, покрытая бѣлымъ покрываломъ, — Екатерина Говардъ! Это она! Вы можете вообразить восторгъ Короля. Онъ говоритъ ей: Ты жена моя! — и идетъ за своимъ канцлеромъ. Она между-тѣмъ вынимаетъ изъ-за пояса ключъ (опять ключъ!) отъ могильнаго склепа, въ которомъ Этельвудъ можетъ умереть за нее. Она не думаетъ о томъ, что онъ скоро проснется и долженъ будетъ скончаться въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ! Она бросаетъ ключъ въ Темзу. Поступокъ ужасный! Поступокъ женщины гнусной! Она вскрикиваетъ: — Я Королева! И дѣйствительно она Королева. Оставаясь одна на сценѣ, она всходитъ на тронъ и садится. Она царствуетъ, и говоритъ: О, зачѣмъ никто меня не видитъ! Тутъ изъ глубины тронной залы является другое привидѣніе. Но въ этотъ разъ оно ужасно. Это молодой человѣкъ блѣдный, въ бѣломъ саванѣ: онъ первый идетъ поздравить Екатерину Говардъ. Вотъ онъ! Онъ приближается къ трону, всходитъ по ступенямъ; онъ уже подлѣ Екатерины. Это Лордъ Этельвудъ!

Дѣйствіе, производимое этою сценою на зрителей, такъ сильно, что въ эту минуту забываешь, какими невероятностями, какимъ оскорбленіемъ Исторіи, какими насильственными средствами она куплена. Подумайте, только, что для этого нужны были двойныя похороны и два воскресенія. Размысливъ объ этой сценѣ, вы находите, что и она тоже ошибка. Екатерина Говардъ гнуснѣйшая изъ женщинъ. Чтобы выйти за Короля, она пожертвовала мужемъ, она подвергла его самой ужасной смерти! Какъ же вы хотите, Г. Дюма, чтобы участіе наше влеклось къ этой женщинѣ жестокой, пошло-честолюбивой, къ этой Екатеринѣ Говардъ, которой никогда не знала Исторія. Неужели же это значеніе драматическаго поэта? Неужели, клевета на бѣдную женщину, достойную жалости и участія, вы не нарушаете священнѣйшей своей обязанности? Да скажите намъ

еще, какъ эти мертвецы бродятъ днемъ въ Королевскомъ замкѣ, что ихъ никто изъ камеръ-лакеевъ не поймаетъ за саванъ? Но не мѣшайте Г-ну Дюма: ему все это нужно для Драммы и для эффекта.

Занавѣсъ снова подымается, и мы видимъ Екатерину въ одеждѣ Королевы. Она покоится на диванѣ, и во снѣ говорить. Ужасный супругъ ея прислушивается, стараясь угадать ея сновидѣнія. Но она произноситъ слова безъ связи, безъ смысла. Генрихъ VIII уходитъ въ Совѣтъ.

Оставшись одна, она оборачивается, — и кого же видитъ она? — другаго своего мужа, привидѣніе, Лорда Этельвуда. И этотъ, такъ же какъ и новый мужъ, ея не покидаетъ; и ночью и днемъ, онъ всегда съ нею. Если она не видитъ его, то чувствуетъ его дыханіе. Онъ становится передъ нею на колѣни, такъ же какъ прежде, въ счастливые дни любви ихъ; онъ поетъ ей романсы, рассказываетъ ей исторіи. Эта сцена чрезвычайно драматическая, хотя и невѣроятная. Вдругъ Король возвращается изъ Совѣта; онъ стучится въ дверь спальни: дверь не отворяется. Онъ кличетъ: никто не отвѣчаетъ! Онъ прислушивается, и слышитъ мужской голосъ. Этотъ мужчина, запертый съ его женою, смѣется надъ нимъ! До-сихъ-поръ сцена прекрасна. Но тутъ Король выламываетъ двери, и Этельвудъ убѣгаетъ въ потаенную дверь, ему одному известную. Это бѣгство Этельвуда просто подлость. Если онъ хотѣлъ навлечь на Екатерину подозрѣніе, чтобы умереть вмѣстѣ съ нею, такъ онъ упускаетъ весьма хорошій случай. Оставшись одна со своимъ супругомъ и Государемъ, Екатерина не знаетъ, что отвѣчать. Но Генрихъ VIII долго не думаетъ. — Зовите судей Анны Боленъ!

Слѣдующее дѣйствіе написано слишкомъ давно, мы его слишкомъ часто видѣли, чтобы на немъ останавливаться. Королева, обвиняемая своимъ супругомъ, является предъ Парламентомъ, который, по обыкновенію, приговариваетъ ее къ смертной казни. Эти сцены суда и приговора уже всѣмъ надоели; ихъ вездѣ встрѣчаешь. Но въ ту минуту, когда Королевѣ читаютъ приговоръ, одинъ изъ рыцарей становится на колѣни, и совѣтуетъ ей требовать Суда Божія, предлагая себя въ защитники. Королева соглашается; рыцарь

бросаетъ перчатку, и ее поднимаетъ другой рыцарь въ черномъ оружіи. Наличникъ его опущенъ, но Екатерина узнать его, и вы конечно его узнали: это все тотъ же Этельвудъ.

Пятое дѣйствіе происходитъ въ тюрьмѣ, и этого уже довольно. Мы уже привыкли видѣть мужчинъ и женщинъ, которые въ цѣпяхъ ждутъ казни. И Екатерина Говардъ также ждетъ послѣдняго часа своего. Защитникъ ея, Графъ Суссексъ, побѣжденъ чернымъ рыцаремъ. Она должна умереть. Затѣмъ приходитъ палачъ. При видѣ этого краснаго человека, отъ котораго, право, пора бы уже избавить литературу, надежда снова зараждается въ сердцѣ Екатерины. Она проситъ палача бѣжать, уѣхать на нѣсколько дней въ деревню. Палачъ не рѣшается. Екатерина предлагаетъ ему перетень, который стоитъ тысячу гиней, перстень Генриха VIII. Палачъ съ наглостію отвѣчаетъ Англійской Королевѣ, что этотъ перстень и безъ того принадлежитъ ему. Онъ даже грозитъ отнять у нея этотъ перстень. Сцена непоистижимая! Никогда еще до-сихъ-поръ палачъ не осмѣливался говорить на театрѣ. Палачъ Маріи Тудоръ безмолвенъ; а этотъ разсыпается въ дерзкихъ рѣчахъ и бѣсится. Надобно, впрочемъ, сказать правду, что драматическій палачъ въ первый разъ не является кроткимъ, нѣжнымъ, человѣколюбивымъ, чувствительнымъ, сентиментальнымъ, добродѣтельнымъ изъ смертныхъ.

Наконецъ, видя, что Королева скорѣе рѣшится проглотить перетень, чѣмъ отдать ему, палачъ рѣшается взять его, но прежде заставляетъ Королеву поклясться передъ Богомъ, что перстень дѣйствительно стоитъ тысячи гиней. Екатерина, со своей стороны, заставляетъ палача поклясться, не Богомъ, а *младшимъ изъ сыновей его* (о сентиментальность, куда забралась ты!), что онъ уѣдетъ на нѣсколько дней въ деревню. Палачъ уходитъ съ перстнемъ, и уѣзжаетъ. Королева надѣется, что такимъ образомъ казнь ея на нѣсколько дней отерочена. Тщетная надежда: за занавѣсомъ, который Г. Дюма повѣсилъ въ тюрьмѣ, и за которымъ стоитъ эшафотъ, вы слышите голосъ герольда, объявшаго тысячу гиней тому, кто, за отсуствіемъ палача, согласится исполнить его должность, съ тѣмъ, что онъ можетъ, если угодно, надѣть маску. Объявленіе герольда раз-

дается въ несмѣтной толпѣ народа, собравшагося за занавѣсою, чтобы видѣть казнь, — и никто не отвѣчаетъ!

Надежда въ еердцѣ Королевы усиливается. Но вдругъ входитъ человекъ въ маскѣ. Онъ вызвался заступитъ мѣсто палача. Вы узнаете его: это все онъ же! Онъ уводитъ Королеву за занавѣсъ: Г. Дюма очевидно родился быть сссаремъ и обойщикомъ, потому что безъ ключей и безъ занавѣсовъ онъ не въ силахъ выдумать ни какого происшествія. Топоръ упадаетъ. Добровольный палачъ, Этельвудъ, отрубаетъ голову Екатеринѣ Говардъ. И потомъ, чтобы благополучно окончить пьесу, Этельвудъ закалывается.

При видѣ подобнаго творенія, умъ впадаетъ въ удивленіе, въ трепетъ, въ нерѣшимость. Вы сами стыдитесь своихъ глазъ, своего вниманія, своей чувствительности. Я говорилъ вамъ, что это сонъ, тяжкія, страшныя ночныя грѣзы, фантастическое видѣніе. Надобно бы напасть на это созданіе, разрушить его до основанія, пока не останется убійства на убійствѣ, неправды на неправдѣ, страсти на страсти. Между-тѣмъ въ этомъ чудовищномъ хаосѣ столько удачныхъ мыслей; въ этомъ безпорядочномъ наборѣ словъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, столько счастливыхъ изрѣченій, противугодно вырываемыхъ у автора положеніями дѣйствующихъ лицъ, что вы никакъ не рѣшитесь поднять руку: сожальйте же по крайней мѣрѣ о разстройствѣ ума Александра Дюма!

2. *Turial le pendu*, *Тюріафъ повѣшенный*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюмануара и Мальяра.

Герой этой исторіи Карль II. Однажды потѣхалъ онъ на охоту, и заблудился; входитъ въ какую то хижину и видитъ — хорошенькую жецу Тюріафа. Тюріафъ, старый солдатъ, страстно любитъ жену свою, и ревнивъ до крайности. Его нѣтъ дома, но, для всякой безопасности, онъ спряталъ въ шкафъ своего пріятеля, который присматриваетъ за его женою. Карль II тотчасъ находитъ средство выгнать этого досаднаго шпіона, и остается одинъ съ прекрасною Катериною. Тиетная надежда! Ревнивый Тюріафъ возвращается внезапно, и такъ внезапно, что Карль едва успѣваетъ спрятаться, подобно Гернапп, въ шкафъ. Догадливый

мужъ беретъ ружье, идетъ къ шкафу, прикладывается, и заставляетъ Карла II наименовать его графомъ Корнуальскимъ, почти такъ же какъ нищій въ Жилблазъ принуждаетъ прохожихъ подавать ему милостыню. Но едва только Тюріафъ пожалованъ въ графы Корнуальскіе, какъ шерифъ объявляетъ ему, что онъ *неукоснительно имѣетъ быть* повѣщенъ за оскорбленіе величества. И дѣйствительно, ему завязываютъ глаза и ведутъ его на казнь; но вдругъ роковая повязка спадаетъ съ глазъ его, и жена подаетъ ему дипломъ на званіе графа Корнуальскаго. И Тюріафъ повѣщенный не повѣщенъ.

3. Le ménage des ouvriers, *Хозяйство Мастеровыхъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи; Гг. Баяра и Варисра.

Бертранъ ремесленникъ бѣдный и чрезвычайно распутный: онъ пьетъ, играетъ, не работаетъ и мучитъ бѣдную жену свою, Маріанну, добродѣтельнѣйшую изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Бертранъ гуляетъ, а Маріанна работаетъ; Бертранъ дѣлаетъ долги, Маріанна ихъ платитъ; Бертранъ дерется въ хозяйскомъ домѣ, Маріанна умиряетъ хозяина; она избавляетъ Бертрана отъ взятія жандармами; наконецъ Бертранъ, надѣлавъ множество шалостей, принужденъ выѣхать изъ отчества; Маріанна тоже собирается въ дорогу, чтобы слѣдовать за Бертраномъ. Все же Маріанна и Бертранъ, Бертранъ и Маріанна. Счастливый путь Бертрану! Счастливый путь Маріаннѣ!

4. L'Interprète, *Переводчикъ*, Комедія въ одномъ дѣйствіи, Гг. Фурнье и Арну (авторовъ Романа «Струэнзс»).

То было во времена Республики, когда Республика воевала со всею Европою. Одинъ молодой Нѣмецъ, чтобы спасти отца своего, отлучается безъ позволенія изъ лагеря; его ловятъ, и онъ долженъ быть приговоренъ къ смерти. Его приводятъ предъ Французскій Военный Судъ. Но этому Суду весьма затруднительно допрашивать подсудимаго Нѣмца. Является одинъ старый сержантъ, и предлагаетъ себя въ переводчики, надѣясь спасти какъ-нибудь несчастнаго рекрута. Тутъ пьеса связывается, развязывается, опять завязывается и все опять развязывается: это написано умно и мило.

5. *La Marchesa*, Мелодрама во многихъ дѣйствіяхъ, сочиненія многихъ авторовъ.

La Marchesa, Маркиза! Это по-Италіянски. Писатели новой школы большіе язычники! И если бъ еще они знали правописаніе.... Но возвратимся къ Маркизѣ. Маркиза просто прелестница, которая влюблена въ одного молодого человѣка. Но этотъ молодой человѣкъ любить не прелестницу, а одну милую, невинную дѣвушку. Маркиза, въ припадкѣ ревности, убиваетъ эту дѣвушку; а на повѣрку выходитъ, что она убиваетъ собственную свою дочь. «Дочь моя! это дочь моя! милая дочь моя! дитя мое! милое дитя мое!» и прочая, и прочая.

6. *Une Aventure sous Charles IX*, *Приключеніе въ царствованіе Карла IX*, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, и въ прозѣ, ГГ. Фредерика Сулье и Эдмона Бадона.

Г. Сулье, какъ извѣстно, авторъ *Клотильды* и *Ромео*; *Дуэль* при Кардиналѣ Ришельѣ и *Утро въ царствованіе Карла IX* доставили Г-ну Бадону нѣкоторую извѣстность въ драматической Литературѣ; но общая ихъ пьеса не исполнила надеждъ и ожиданій, возбужденныхъ ихъ именами. Они хотѣли сдѣлать Комедію свою вмѣстѣ веселою и трогательною: веселость и чувствительность истребили другъ друга въ этомъ длинномъ разглагольствіи въ трехъ дѣйствіяхъ. Составъ пьесы запутанъ, нравы невѣрные, характеры не выдержаны, слогъ дуренъ, — и конецъ разбору.

•• Въ теченіе миновашаго года семнадцать Парижскихъ театровъ уцѣлили въ пользу госпиталей 625,222 фр. пошрины; а какъ эта пошлина составляетъ одиннадцатую часть всего сбора, то изъ этого слѣдуетъ, что Парижскіе театры взыскали въ годъ съ публики 6,877,442 франковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Лѣто и выборы занимаютъ Парижанъ болѣе, нежели Словесность, которая тоже испытываетъ на себѣ усыпительное дѣйствіе лѣта и выборовъ. — Нѣсколько новыхъ Романовъ объявлено въ Журналахъ съ тѣмъ равнодушіемъ или съ тѣми умѣренными похвалами, которыя вѣжливость употребляетъ для при-

крытія посредственності. Только Elie Tobias Г-на Шабо-де-Буэнъ и Clotilde Г-жи Телюсонъ составляютъ нѣкоторое изъятіе: нынѣ, когда Крптика жслаетъ прсвознести до небесъ чей-нибудь Романъ или чью-нибудь Драму, то говоритъ, что они отличаются «благопристойностью и умѣренностью злодѣяній». Г-жа Мортонваль издала Романъ подъ заглавіемъ Monami Norbert: этотъ Норберъ—Г-нъ Лафиттъ, котораго сочинительница старается представить въ самомъ романическомъ и занимательномъ видѣ.

— Новый Романъ Мишель Ремона, *Le coeur d'une jeune fille* вовсе не соответствуетъ славѣ и дарованіямъ Гг. Массона, Брюкера и Гозлана: это безвкусная и нелѣпая повѣсть, которую одна дѣвушка (дѣвушка новой школы?) рассказываетъ авторамъ о томъ, какимъ образомъ дважды спасла она свою добродѣтель. Разъ спасла она ее, надѣвъ на себя грязное бѣлье, которое авторы называютъ эгидою; другой разъ, позволивъ любовнику поцѣловать себя въ самые уста. Въ первый разъ, эгида оттолкнула отъ нея обожателя; во второй разъ сама дѣвушка поняла, что понѣлуй былъ холоденъ, хотя длиненъ. Вотъ сердце молодой дѣвушки! Вотъ воображеніе модныхъ авторовъ! Эта эгида безподобна.

— Множество книгъ переводятъ съ Англійскаго. Много выходитъ также брошюры политическихъ и филантропическихъ: между послѣдними примѣчательны своимъ сумасбродствомъ всѣ тѣ, которыя относятся къ преобразованію рода человѣческаго и возрожденію женщинъ. Въ одной изъ книжекъ Журнала *La tribune des femmes* находится статья: «О разводѣ, какъ неизбежномъ слѣдствіи брака».

— Журналъ *Revue de Paris* проданъ съ публичнаго торга за 40,000 франковъ: онъ перемѣнилъ издателей и редакторовъ, но ни мало не улучшился: только, рѣшительнѣе пристаетъ къ оппозиціи и клонится къ республиканской партіи.

— Томы III и IV «Исторіи Реформаціи, Лиги и царствованія Генриха IV», Г-на Капфга, вышли изъ печати. Это сочиненіе получаетъ величайшія похвалы почти отъ всѣхъ Парижскихъ Журналовъ.

— Г. Жюль-Жаненъ накликалъ на себя процессъ необыкновенною плодовитостью своего пера. Прославленный писатель далъ въ «Дѣтскій Журналъ» статейку съ подписью своего имени, подъ заглавіемъ — *Гаспаръ Гаузеръ*. Издатели «Британскаго Эха» потащили его въ Судъ за контрафакцію. По еличенію оказалось, что Г. Жюль-Жаненъ отъ слова до слова списалъ статью свою съ этого Журнала, придѣлавъ къ ней только другое начало: даже опечатки «Британскаго Эха» были въ ней повторены. Согласно заключенію Прокурорскаго стола, Судъ приговорилъ Гг. Жюль-Жанена и директора «Дѣтскаго Журнала» къ уплатѣ 125 франковъ пени, 500 франковъ вознагражденія за убытки, и еверхъ того еудебныхъ издержекъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛИИ. Еще менѣе литературныхъ извѣстій принесли намъ Лондонскіе Журналы за послѣдній мѣсяць. Одно твореніе, которое можетъ возбудить общее любопытство, это новый Романъ Г. Моріера, автора Хаджи-Бабы и Зограба, подъ заглавіемъ «Аише, Карская дѣвица» *Ayesha, the Maid of Kars*. Мы удѣлимъ нашимъ читателямъ отрывокъ изъ этого занимательнаго и умнаго творенія въ слѣдующихъ книжкахъ Б. для Ч.

— Съ большею похвалою Журналы отзываются о слѣдующихъ четырехъ произведеніяхъ изящной прозы: *Two Old Men's Tales, Speculation*, Романъ автора «Чертъ и преданія Португаліи,» — *The Captives of India*, и *A Widow and a Will*, Г-жи Гофлендъ, извѣстной прелестными повѣстями своими для юношества.

— Начало Іюня въ Лондонѣ — время литературныхъ обѣдовъ. Разныя ученныя общества празднуютъ годовичныя свои засѣданія, которыя всегда оканчиваются шумнымъ пиршествомъ и попойкою. Изъ всѣхъ Наукъ Химія отличилась въ нынѣшнемъ году обѣдомъ и винами, но не могла перенести Естественной Исторіи: по части Зоологій вынито въ одинъ вечеръ 644 бутылки вина, и члены Зоологическаго общества большею частью воротились домой, подражая походкѣ любимѣйшихъ четвероногихъ. Литература шла очень посредственно.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Французскія.

GUIDE AUX EAUX MINÉRALES de la France et de l'Allemagne, par M. Isidore Bourdon, docteur en médecine. 1 vol.

MANUEL pratique d'Ophthalmologie, ou traité des maladies d'yeux, par M. Stæber, docteur en médecine 1 vol.

LE VAL D'AMOUR, par Jules de St.-Aure. 4 vol.

TIMON-ALCESTE, ou Le Misanthrope moderne, roman philosophique, par M. *Charlemagne*; publié par J. Janin, avec sa préface. 2 vol.

QUAND ON A VINGT ANS, Histoire de la rue de Saint-Jaques, par M. *Stuart* 1 vol.

LA PUCELLE DE BELLEVILLE, roman, par M. Paul de Kok. 2 vol.

LES FEMMES VENGEES, roman, par Ernest Desprez. 2 vol.

LE ROMAN D'ARABELLE, par *Jules Saint-Félix*. 1 vol.

MON AMI NORBERT, roman, par M. Mortonval. 1 vol.

LE LIVRE DES CONTEURS, etc. Tome Vme.

Англійскія.

ORIGINES BIBLICAE; or Researches into primeval history. By C. F. Beke. 1 vol.

DIVINE PROVIDENCE, or the three cycles of Revelation. By G. Croly. 1 vol.

HISTORY OF SCOTLAND. By Patrick Fraser Tytler. Vol. V.

LETTERS on Political Economy, delivered in the University of Dublin. By M. Longfield. 1 vol.

A HISTORICAL AND STATISTICAL ACCOUNT of New South Wales, both as a penal settlement and as a British colony. By *John Dunmore Lang*. 2 vols.

NORWAY, Views of wild scenery, and Journal. By *Edward Price*. 1 vol. 4ts.

EXCURSIONS in the north of Europe. By *John Barrow*. 1 vol.

LIFES OF NECROMANCERS. An account of the most eminent persons, who have claimed for themselves or to whom has been imputed the exercise of magical powers. By *William Godwin*. 1 vol.

JEPHTA'S DAUGHTER, a dramatical poem. By J. M. Chapman. 1 vol.

THE BOW IN THE CLOUD, or Negro's memorial A poem. 1 vol.

AYESHA, the Maid of Kars, a novel. By the Author of Hadgi Baba, Zohrab, etc. 4 vol.

THE CAPTIVES OF INDIA, a Tale; a Widow and a Will, a Tale. By Mrs. Hofland. 1 vol.

SPECULATION, a novel. By the Author of Traits and traditions of Portugal. 3 vols.

Нѣмецкія.

MEMOIREN des expatriirten Barons von Vegesack, zum Verständniß des gegen ihn im Jahre 1832 vor dem Criminalgerichte zu Stockholm geführten Processes, wegen angeblichen Hochverraths. Von ihm selbst herausgegeben. Leipzig.

ERINNERUNGEN an ausgezeichnete Frauen Italiens, ihr Leben und ihre Schriften. Von C. Münch. Aachen.

DER MENSCH und die Sterne. Fragmente zur Geschichte der Weltseele, von Dr. W. Pfaff. Nürnberg.

BELGIEN und was daran hängt, von E. M. Arndt. Leipzig.

NEUER NEKROLOG der Deutschen. Zehnter Jahrgang. 1832. 2 Theile mit 4 Portraits. Ilmenau.

RATHGEBER für wissbegierige Jünglinge, oder Anleitung zum Studiren für Gymnasialschüler, für solche, die sich selbst unterrichten, oder versäumte Schulstunden nachholen; auch für Eltern, welche die Studien ihrer Söhne leiten wollen. Von J. P. E. Greverus. VIII und 234 S. 8, Bremen.

REINHART FUCHS. Von J. Grimm. Berlin.

JACOBI und die Philosophie seiner Zeit. Ein Versuch, das wissenschaftliche Fundament der Philosophie historisch zu erörtern. Von J. Kuhn. Mainz.

DER GEIST unserer Zeit und das Christenthum, oder Beweis, dass das wahre Bedürfniss der Kirche Christi auch Bedürfniss der Zeit sey. Für Denkende von jeder religiösen, philosophischen und politischen Confession. Von J. F. Petrick. 3 Bände. Stuttgart.

DORFBILDER, mitgetheilt aus dem Nachlasse eines erfahrenen Landpfarrers von H. C. Teleke. Berlin.

LEBENSDESCREIBUNGEN und Bildnisse Napoleon's, seiner Familie, Verwandten, vertrautesten Marschälle und Generale. Von L. G. Förster. Ronneburg.

JACOB GLATZ, eine biographische Skizze von *J. G. Wenrich*. Mit dem Bildnisse des Verewigten. Wien.

DIE HOMŒOPATISCHEN ARZNEIEN in Hauptsymptomengruppen, oder die charakteristischen Eigenthümlichkeiten der homöopathischen Heilmittel, übersichtlich dargestellt von Dr. *Wrelen*. Leipzig.

ANWEISUNG zum heilsamen Wassergebrauche für Menschen und Vieh in den gungbarsten Krankheiten und Leibesgebrechen von A-Z. Von *Oertel, Kolb und Kirchmayer*. Nürnberg.

DER WEG zum Grabe der Homöopathie. Dem Volke und den Regierungen gewidmet von einem practicirenden Arzte. Quedlinburg.

UEBER DEN URSPRUNG und den Werth der Homöopathie. Eine Skizze von Dr. *S. Hahn*. Hamburg.

ANWEISUNG zur sichern Heilung der Knochenbrüche des Ober- und Unterschenkels, durch eine einfache und wohlfeile Maschine. Von *J. H. Schürmayer*. Mit 1 Steindrucktafel. Freiburg.

DER SCHMIED von Jüterbogk. Chronikensage in Romanzen, von *Friedrich Krug von Nidda*. Leipzig.

DIE BRUEDER, oder das blutige Gespenst von Majolica. Eine Räubergeschichte von *L. Scoper*. 2 Theile. Nordhausen.

ARNOLD UND KUNO von Heimbürg, die Geächteten, oder die Vernichtung der Vehmche durch die Harzritter. Rittergeschichte von *A. F. A. Leibrock*. Nordhausen.

DER SCHÖNEN XANTALI SCHICKSALE, Thaten und Liebschaften in Amerika. Von *C. F. Fröhlich*. Nordhausen.

LEO, der Kosak, oder Constanze und Cesara, die Liebenden auf der Todtenbahre. Novelle. Von *W. Bronikowski*. Nordhausen.

KASPAR HAUSER, oder die eingemauerte Nonne. Wahrheit und Dichtung. Von *L. Scoper*. Nordhausen.

DIE TRUGBILDER der Leidenschaft. Episode aus der Verschwörungsgeschichte im Februar 1832. Von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DER SELBSTMORD auf der Brühl'schen Terrasse. Novelle von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DAS LEBEN im Leichentuche. Enthüllung eines argen Geheimnisses. In Briefen. Berlin.

М О Д Ы.

Парижъ. Июль.

Война возгорѣлась въ модномъ свѣтѣ по поводу рукавовъ. Весь Парижскій прекрасный полъ раздѣлился на двѣ партіи, — послѣдовательницъ прежняго лада, то есть, рукавовъ узкихъ у кисти, и обожательницъ широкихъ рукавовъ. Первыя упорно защищали *statum quo*, и обтягивали руку матеріею изъ всей силы; вторыя, на зло первымъ, расширяли ея у кисти какъ-можно болѣе, расширяли съ фанатизмомъ, и расширили такъ, что рукава сдѣлались совершенно безобразны, и дошли до той точки уродливости, отъ которой начинается модное прекрасное, восторгъ красавицъ и общес употребленіе. Партія широкихъ рукавовъ, кажется, одержала рѣшительную побѣду, которая такъ долго колебалась на обѣ стороны: они уже такъ огромны, что должны непременно войти въ моду и подавить тонкихъ противниковъ своею тяжестью. Ни дать ни взять, двѣ полныя юбки пришиты по сторонамъ платья и служатъ нынче рукавами, а третій рукавъ надѣвается черезъ голову и образуетъ юбку: въ такомъ положеніи послѣдняя почти оставила умы и лучшія платья въ Парижѣ, но мы еще не видали изображенія ихъ на рисункахъ модныхъ Журналовъ. Все наилучшія картинки представляютъ прежній фасонъ, платья совершенно гладкія: разница только въ цвѣтахъ и видахъ тканей, которыхъ у насъ еще нѣтъ и не будетъ до самой зимы, потому что Парижскіе купцы отправляютъ къ намъ лишь тѣ матеріи, которыя уже не продаются выгодно въ Парижѣ, а здѣшніе магазины, если бѣ имѣли что-нибудь новое, не прежде показываютъ и пускаютъ его въ ходъ, какъ по возвращеніи всей публики съ дачъ и изъ деревень, опасаясь, и очень справедливо, чтобы до того времени это новое не сдѣлалось старымъ. Слѣовательно, описанія Парижскихъ модъ, которыя мы и другіе Русскіе Журналы сообщаемъ прекраснымъ своимъ читателямъ съ такою точ-

ностью и поспѣшностью, совсѣмъ безполезны, и, не имѣя мѣстнаго примѣненія, способны только удовлетворять простое любопытство. Мы чистосердечно открываемъ имъ секретъ ремесла, не желая обманывать невинныхъ ихъ фантазій: къ чему служили бѣ рисунки новыхъ матерій, когда ихъ нельзя достать здѣсь въ то самое время? Можно только думать, мечтать и вздыхать объ нихъ: болѣе мы ничего пріисовѣтовать не въ силахъ, въ этомъ плачевномъ для всѣхъ насъ случаѣ. Впрочемъ, въ нынѣшнее лѣто и Парижскіе Журналы не много сообщаютъ модныхъ десеней, красующихся тамъ на тканяхъ, потому что ихъ появилось такая бездна и они столь разнообразны, что ни одна кисть не въ состояніи дать въ нихъ отчета. Фуляры, преимущественно, фуляры всѣхъ возможныхъ видовъ и узоровъ, составляютъ тамъ любимую лѣтнюю матерію: вообще видны на нихъ огромные букеты и яркіе цвѣта: рисунки Турецкіе, Египетскіе, и прочая, и прочая; но есть фуляръ и съ очень мелкимъ узоромъ, съ зелеными и лиловыми цвѣтами по бѣлому полю, и онъ даже въ большой милости у щеголихъ, которыя называютъ его *foulard fleurette*. Носятъ также кисею и Шотландскій батистъ, подбитые тафтою, шерстяную кисею, органди печатный и вышитый; «самыя модныя ткани въ этомъ родѣ» — шерстяная кисея съ чернымъ полемъ, на которомъ безъ всякой симметріи набросаны розы, маки, сирени и листья, — и жаконъ съ сѣрымъ полемъ и угловатыми цвѣтками, голубыми, зелеными, вишневыми, на черныхъ стебелькахъ. Потомъ, носятъ маптіліи изъ черной тафты, обшитыя широкимъ кружевомъ, длинныя шелковыя пелеринки нѣжныхъ цвѣтовъ, и пелеринки изъ бѣлой кисеи, украшенныя воланами. Далѣе носятъ рюши по краямъ шляпокъ и на шеѣ въ видѣ галстуковъ, *cravatte*: рюши этотъ дѣлается изъ тафтяной ленты нѣжнаго цвѣта, обшитой съ обѣихъ сторонъ тюлемъ или кружевомъ въ складкахъ, и галстухъ изъ него связывается спереди бантомъ изъ ленты. Шарфовъ носятъ очень много, какъ и лентъ Помпадуръ, которыя обвиваются вокругъ шеи, и которыхъ концы, проходя подъ кушакомъ, спускаются на обѣ стороны до коленъ. Кстати: платья гладкихъ цвѣтовъ и бѣлыя совершенно исчезли, и которая дама не довольно пестра, та и не

обращаетъ на себя ни одного лорнета, — та несчастна и погибла на все лѣто.

— Достойно замѣчанія, какъ нынче много носятъ соломенныхъ шляпокъ. Вездѣ одна солома, — Италіанская, рисовая (бастъ), и даже простая. Гдѣ ни собираются дамы, болѣе или менѣе приверженныя къ модѣ, тамъ видишь только соломенные шляпки, и онѣ всегда благородны, коль скоро форма ихъ модна безъ преувеличенія, и ленты идутъ къ цветамъ. Форма, красота лентъ и перьевъ, составляютъ все ихъ различіе, приметное тотчасъ для глазъ опытныхъ, которые умѣютъ судить о головѣ по шляпкѣ, и о сердцѣ по вкусу ея убранства. Но шляпки дѣлаются по-прежнему, и безъ всякаго сомнѣнія останутся долго въ томъ же видѣ, если лѣтомъ не будетъ въ Парижѣ ни одной революціи: тулья высокая, немного коническая; поля расширенныя и поднятыя надъ лбомъ, суженныя у щекъ, и доходящія до подбородка. Дѣвушки употребляютъ шляпки бастовыя, украшенныя простою тафтяною бѣлою лентою, два раза обвитою вокругъ тульи и связанною бантомъ съ боку; внутри узенькій рюшъ изъ блонды въ видѣ чепчика, съ букетами на вискахъ. Шляпки-капоты со сборками изъ розовой тафты, гласированной подъ бѣлый отливъ, изъ розоваго или голубаго крена, изъ вышитаго органди или подбитаго тюля, такъ же встрѣчаются на гуляньяхъ. Молодыя женщины надеваютъ съ ними вуаль кружевной или тюлевой.

— Кисейные чепчики, по-прежнему, обшиваются рюшемъ изъ трехъ рядовъ узкаго кружева; банты изъ тафтяныхъ лощеныхъ лентъ.

— На дачахъ употребляютъ вообще ботинки изъ небѣлаго холста.

— Никогда еще не видано такихъ богатыхъ вышивокъ, какъ нынче, на отложныхъ кисейныхъ воротникахъ: ссть вышивки, которыя могутъ назваться произведеніями Изящныхъ Художествъ, и онѣ рисуются самими артистами прямо на кисей, безъ печатнаго образца. Много носятъ круглыхъ пелеринъ, по которымъ стлагается, какъ-бы отъ бѣлья, такой длинный батистовый воротникъ, что пелерина похо-

дѣть на двойную: онѣ бываетъ со складкою, *oulet*, пониже вышивки; но лучше, когда шитье у самого края, къ которому пришито еще кружево.

ДѢТСКІЯ МОДЫ. Для маленькихъ дѣвочекъ въ модѣ бѣлыя шляпки-капоты и шляпки изъ небѣленаго батиста.

— Для маленькихъ мальчиковъ шляпки съ круглою формою, съ лентою бѣлою, соломенною или зеленою, съ бантомъ на боку.

МУЖСКІЯ МОДЫ. Въ покроѣ платья нѣтъ ни какихъ перемѣнъ. Рукава, по-прежнему, чрезвычайно узки. Много бархатныхъ воротниковъ и золотыхъ рѣзныхъ пуговицъ, съ чрезвычайно сложными рисунками.

— Сюртуки короткіе со складками на станѣ, бываютъ такъ узки въ талии, что кажется, будто мужчины носятъ корсеты.

— Суконные брюки въ большой модѣ. Ихъ дѣлаютъ всѣхъ оттѣнковъ стараго цвѣта. Этотъ цвѣтъ въ модѣ. Они съ карманами, съ большимъ разрѣзомъ у ноги и низко спускающіеся сзади около сапога. Къ низу они нѣсколько шире, и нѣкоторые со складками у пояса.

— Въ жилетахъ нѣтъ ничего новаго; много цвѣтовъ, разводовъ, рисунковъ такихъ же, какъ на женскихъ шелковыхъ тканяхъ.

— Дѣлаютъ еще хорошенькіе жилеты изъ казимира перловаго цвѣта, вышитые гладью шелками въ видѣ букетовъ, вѣтокъ, и прочая. Вотъ новое женское рукодѣлье, новое занятіе для дачи: эти жилеты, вяленные въ красивыя нивальцы, пріятная работа для дѣвушекъ, которыя могутъ угодить этимъ дядѣ, брату и еще кому-нибудь.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петръ Великій подъ Фридрихштатомъ. Драматическое стихотвореніе въ двухъ явленіяхъ. <i>Н. И. Кукольника</i>	1.
Улинь и его дочь. <i>В. А. Жуковского</i>	51.
Къ Эммы, изъ Шиллера. <i>Н. И. Козлова</i>	109.
Дубъ въ Пестергофъ. Водопадъ. <i>А. Якубовича</i>	109.
Хлопоты. <i>А. Булгакова</i>	111.
Сонеты — Пиръ Природы. Голосъ безсмертія. Прометій. Пандора. Отголосокъ соловья. <i>Н. И. Бутырскаго</i>	112.
Воклюзскій источникъ, Сонетъ. <i>М. Деларю</i>	115.
Всё обманъ! Разсказъ въ пяти Сонетахъ. <i>Н. И. Бутырскаго</i>	116.
Завѣщаніе. <i>П. Суслова</i>	119.
Всадникъ. <i>А. Комирова</i>	122.
Умирающій Гейдукъ, Илирійская Баллада. <i>Н. И. Козлова</i>	125.

ПРОЗА.

Ядь. Черты изъ частной жизни. <i>Ө. В. Булгарина</i>	35.
Старые анекдоты Русскаго Инвалида. <i>Н. И. Скобелева</i>	55.
Мореходъ Никитинъ. Быль. <i>А. Марлинскаго</i>	65.
Сельцо Дятлово, Уездныя сцены <i>В. А. Ушакова</i>	125.
Можетъ ли это быть. Повѣсть. <i>Шибяева</i>	181.
Поездка въ Кокенгаузенъ. <i>Манассина</i>	205.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О ходѣ Словесности въ Англіи съ начала XIX столѣтія, и ея вліяніи на другія Словесности. Изъ <i>Dubin University Magazine</i>	1.
Сто тысячъ первая и послѣдняя Повѣсть. Статья Жюль-Жансена. Изъ <i>Revue de Paris</i>	35.
Любимыя Собаки. А. Ситниковай	67.
О состояніи Французской Драмы. Изъ <i>Quarterly Review</i>	75.
Tutti frutti. Новое сочиненіе Князя Пюклеръ-мускау.....	89.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Описаніе Россійской Арменіи. Статья Г. Клапрота. Изъ <i>Nouvelles Annales des Voyages</i>	1.
Ганза, ея законы и факторіи. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	21.
Вступленіе на Престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича Н. А. Полеваго.....	45.
Гиббонъ, Шатобріанъ и Боркъ. Изъ <i>Quarterly Review Fran, caise Magazine Revue Britannique</i>	71.
Плаваніе около мыса Доброй Надежды. Изъ <i>Записокъ Базиля Галля</i>	105.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Практическія замѣчанія объ укатываніи пахотныхъ полей, и о каткахъ для этого употребляемыхъ....	1.
Составъ искусственнаго навоза.....	5.
Цементъ для выстилки токовъ въ гумрахъ, помостахъ, тещицахъ, избахъ, и проч.....	4.
Питательныя катышки для охотничьихъ лошадей.....	5.
Вѣрное средство истреблять папоротникъ и другія растенія.....	6.
Выгоднѣйшій способъ пропращать Турецкіе бобы....	6.
О наградахъ за крашніе бумажныхъ матерій крапомъ и марепою.....	7.
Новый приборъ для точенія бритвъ.....	12.
Самый простой способъ красить шерсть и сукна въ синюю краску.....	14.

О приготовленіи сыровъ, Швейцарскаго и Пармезана. <i>Н. И. Филиппова</i>	15.
Вѣрный способъ сохранять дрожжи на долгое время....	29.
Легкій способъ варить лучшее бѣлое пиво на манеръ Англійскаго.....	30.
Средство для истребленія молл.....	31.
Средство укрощать быковъ (съ рисункомъ).....	32.

V.

КРИТИКА.

Основанія Словесности Г. Глаголева.....	1.
Омы Кемпійскаго, О подражаніи Христу.....	7
Черная женщина, Романъ, <i>Н. И. Греча</i>	17.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги. <i>Май</i> , 1854.....	1.
— <i>Июнь</i> , 1854.....	21.
Разныя извѣстія. <i>Май</i> 1854.....	15.
— <i>Июнь</i> 1854.....	34.
Русскій театръ въ С-Петербургѣ. <i>Май</i> 1854. Заемныя жепы. — Женхъ лунатикъ.....	18.
— <i>Июнь</i> 1854. Морской разбойникъ, Цам- па. — Оцѣпленіе.—Другъ и любовникъ.....	36.

VII.

СМѢСЬ.

Луна, Земля и люди.....	1.
Наблюденія въ желудкѣ одного Американца.....	5.
Смертныя дома.....	11.
Секта накатчиковъ.....	13.
Островъ Куба.....	20.
Языкъ птицъ.....	22.
Хилійскій кротъ.....	24.
Барсовая охота.....	25.
Кошка естественныи испытательница.....	30.
Сравненіе птичьяго глаза съ человѣческимъ.....	31.
Карлъ Брюдловъ въ Парижѣ.....	32.
Императорская Академія Наукъ. Демидовскія преміи.	57.
Парижская Академія Наукъ. Ботаническія и зоологиче- скія наблюденія Г. д'Орбigny. Планіметръ.....	58.

Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новая изслѣдованія о физиологiи мозга.....	61.
Гг. Даль, Зейдлицъ, и Омеопатія.....	62.
Змѣи въ человѣческомъ желудкѣ.....	65.
Новый огромный телескопъ.....	67.
Уничтоженіе зловредныхъ испареній на мѣдныхъ заводахъ.	68.
Превращеніе желѣза въ мѣдь.....	68.
Большіе колокола.....	70.
Подводныя рудокопни.....	71.
Смерть Ландера.....	72.
Мадекасское средство открывать истину.....	75.
Народное воспитаніе въ Пруссiи.....	74.
Книжная торговля въ Англіи.....	76.
Потребленіе кофе и чаю въ Европѣ.....	77.
Китайскій плутовскій уставъ.....	79.
Воспитаніе Персидскихъ Принцевъ.....	85.
День Шахской жизни.....	84.
Исправляющій должность Наполсона.....	86.
Первая любовь Г. Гизо.....	88.
Герцогиня Абрантесъ и Леди Блессингтонъ.....	92.
Новая Комедія Дидро.....	96.
Датскій театръ.....	105.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
— <i>Май 1834.</i> Сальвуази, новая Комедія Г. Скриба Мальконтенты. Господинъ Дюпонъ, Водевилъ Поль- де-Кока, и проч.....	55.
— <i>Іюнь, 1834.</i> Екатерина Говардъ, новая Драма Г. Александра Дюма. Приключеніе при Карлѣ IX, новая Драма Гг. Сумье и Бадона, и проч.....	105.
Словесность во Франціи:	
— <i>Май 1834.</i> Шатобрианъ. Новый Романъ Жоржъ- Занда. Новая записки Наполеона, и проч.....	46.
— <i>Іюнь 1834.</i> Новый Романъ Мишель Ремона. Про- цессъ Г. Жюль-Жанена, и проч.....	116.
Словесность въ Англіи:	
— <i>Май 1834.</i> Г-жа Сомервилль Г. Гоггъ, и проч.....	49.
— <i>Іюнь 1834.</i> Новый Романъ Г. Моріера. Ученые обеды, и проч.....	117.
Новыя книги, Французскія, Англійскія, Нѣмецкія:	
— <i>Май 1834.</i>	50.
— <i>Іюнь, 1834.</i>	118.
Моды. <i>Май</i>	55.
— <i>Іюнь</i>	121.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.4
ch.2

